

Учредитель
ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет»

ВЕСТНИК
БУРЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Издается с 1997 г.

Выходит 15 раз в год

Выпуск 2 (1). ЭКОНОМИКА. ПРАВО

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77–36152 от 06 мая
2009 г. Федеральная служба
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Адрес редакции
670000, г. Улан-Удэ,
ул. Смолина, 24а
E-mail: feu-bsu@mail.ru
E-mail: ybgu@bk.ru

Адрес издателя
670000, г. Улан-Удэ,
ул. Смолина, 24а
E-mail: riobsu@gmail.com

Перевод на английский язык
А. Ц. Эрдынеев, С. В. Сазонова
Редактор *Ж. В. Галсанова*
Компьютерная верстка
Т. А. Олоевой

Подписано в печать 20.02.15.
Формат 60 x 84 1/8.
Уч.-изд. л. 19,20. Усл. печ. л. 24,65.
Тираж 1000. Заказ 35.
Дата выхода в свет 26.02.15.
Цена свободная.

Отпечатано в типографии
Издательства БГУ
670000, г. Улан-Удэ,
ул. Сухэ-Батора, 3а

Редакционный совет «Вестника БГУ»

Н. И. Мошкин, д-р техн. наук, проф., и. о. ректора Бурятского государственного университета (председатель); *А. В. Номоев*, д-р физ.-мат. наук, доц., проректор по НИР (зам. председателя); *П. А. Минакир*, д-р экон. наук, акад. РАН; *М. Р. Бакланов*, д-р хим. наук, проф. (Бельгия); *П. Ю. Саух*, д-р филос. наук, проф. (Украина); *С. Н. Васильев*, д-р физ.-мат. наук, академик РАН; *И. А. Тайманов*, д-р физ.-мат. наук, акад. РАН; *К. Цецура*, д-р философии по коммуникации и связям с общественностью, проф. Университета Оклахомы (США); *Оде Сесилия*, проф. (Нидерланды); *Ван Яминь*, проф., декан факультета русского языка Института иностранных языков Восточно-Китайского пед. университета (Китай); *Г. Ц. Дамбаев*, д-р мед. наук, проф., чл.-кор. РАН; *О. В. Матыцин*, д-р пед. наук, проф., чл.-кор. РАО, президент Российского студенческого союза, президент РГАФК

Редакционная коллегия выпуска

Н. И. Атанов, д-р экон. наук, проф. (гл. редактор); *В. Ю. Буров*, канд. экон. наук, доц.; *В. С. Потаев*, д-р экон. наук, проф.; *М. В. Намханова*, д-р экон. наук, доц.; *В. Б. Прокопьев*, канд. пед. наук, проф.; *И. С. Мункуева*, канд. экон. наук; *Д. Д. Цыренов*, канд. экон. наук; *К. А. Будаев*, канд. юр. наук, проф.; *Д. К. Чимитова*, д-р ист. наук, доц.; *А. Т. Тумурова*, д-р юр. наук, доц.; *Э. Л. Раднаева*, канд. юр. наук, доц.; *Ю. Г. Хамнуев*, канд. юр. наук, доц.; *Е. А. Мурзина*, канд. юр. наук, доц.; *Ю. В. Хармаев*, канд. юр. наук, доц.; *Н. В. Шатуев*, канд. юр. наук, доц.; *В. М. Мельников*, канд. психол. наук, доц.

ЭКОНОМИКА

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

УДК 330.34244

BIG BAD NEOLIBERALISM? RETHINKING NEOLIBERALISM IN THE LIGHT OF HISTORY AND MODERN DAY

© *Khaykhadaeva Oktyabrina D.*

DPhil in Economics, Professor, Buryat State University

24a, Smolina, Ulan-Ude, 670000, Russia

E-mail: okhaikh@mail.ru

© *Teija Ruottinen*

University of Jyväskylä, Finland

In contemporary social and economic science, the concept of neoliberalism often has a negative connotation, and it is rarely used in a positive context. However, originally the term had a rather positive sense. Which changes occurred that turned neoliberalism, the once rather positively viewed reformatory ideology into a concept automatically perceived negatively and avoided even by its proponents? What actually neoliberalism is and was, now and then? In this paper we argue that the concept itself is no longer likely to regain its original, rather positive connotations but it is doomed to serve as a scapegoat, the cause of most of the current global problems. But could it be possible to abandon the term neoliberalism and derive new terms, to better distinguish the theory and the original ideas from the negative practices of the international financial institutions?

Keywords: neoliberalism, market mechanism, individual freedom, international financial institutions.

БОЛЬШОЙ ПЛОХОЙ НЕОЛИБЕРАЛИЗМ? ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ НЕОЛИБЕРАЛИЗМА В СВЕТЕ ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТИ

Хайхадаева Октябрина Дмитриевна

доктор экономических наук, профессор Бурятского государственного университета

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

Руоттинен Тейя

исследователь университета Ювяскюля, Финляндия

В современной социально-экономической литературе концепция неолиберализма часто имеет негативную коннотацию и редко используется в позитивном контексте. Однако изначально концепция имела позитивный смысл. Какие же изменения произошли и что повернуло некогда передовую, реформаторскую идеологию в концепцию, автоматически воспринимаемую негативно и избегаемую даже приверженцами данной идеологии? Что же являлось и является неолиберализмом? В данной статье мы доказываем, что концепция неолиберализма вряд ли восстановит свою первоначальную позитивную коннотацию, она скорее обречена служить символом-причиной многих современных глобальных социально-экономических проблем. Но удастся ли современной мировой науке отказаться от концепции неолиберализма и разработать новые концепции, которые лучше бы различали теорию и первоначальные прогрессивные идеи от негативной практики международных финансовых институтов?

Ключевые слова: неолиберализм, рыночный механизм, личная свобода, международные финансовые институты.

Introduction

Despite being at present actively used in political debates and scholarly writing in development, neoliberalism is a concept rarely defined explicitly. In contemporary social science, the concept of neoliberalism often has a negative connotation, and it is rarely used in a positive context. However, originally the term had a rather positive and self-identifying sense. Which changes occurred that turned

neoliberalism, the once rather positively viewed reformatory ideology into a concept automatically perceived negatively and avoided even by its proponents? What neoliberalism actually is and was, now and then?

The literature gives two radically opposing views on neoliberalism: one seeing it as the most progressive and appropriate way to development and modernization; the other as the cause of the increased global inequalities and injustices. Indeed, the term ‘neoliberalism’ is being used asymmetrically across ideological divides (cf. the content analysis of Taylor Boas & Jordan Gans-Morse). Thus, the perspective one adopts on neoliberalism depends largely on their academic background — cf. e. g. the discipline of economics vs. humanities — and the literary sources used. Therefore, the negative or positive image of neoliberalism is based on the interpretation it is given, while the concept in itself is neither purely positive nor negative.

Origins of Neoliberalism

So what does *neoliberalism* mean? In some sense, the concept suggests its own definition: it is a revival of liberalism. It suggests that liberalism has undergone an initial rise, followed by an intermediate decline and a relatively recent reincarnation. Neoliberalism renews the beliefs of classical liberalism and relates to it positively. Looking at neoliberalism from this angle, it is closely related to neoclassical economics. To understand neoliberalism profoundly, it is essential to begin by looking at its roots: the ideas of those considered as the founders of neoliberalism (yet, ironically, nobody identifies themselves as a ‘neoliberal’).

Early developers

It is safe to note that neoliberalism has its origins in the scholarly debates between German and Austrian economists in the 1880s. Although it was a methodological struggle between the two schools — the German historical school of economics was empirical, while the Austrian school was abstract (mathematical) in methods — essentially, it was about diverging views on the perspectives of the development of the economic systems. The German historical school tended to be critical to capitalism, while the Austrians defended the market mechanism. In the 1880s a debate between the Austrian Carl Menger and the German Gustav von Schmoller divided the German-speaking economics into two opposing camps. Schmoller, the leader of the German school of economics, viewed naïve the idea of people being motivated by pure self-interest. By contrast, the Austrian school of economics, led by Menger and his students Wieser and Bohm-Bawerk, and later by Mises, was pro-market.

A significant role in the development of neoliberal ideas (in the sense of reassertion of classical liberalism) was played by a second-generation Austrian economist, prominent figure in the Austrian School, Ludwig von Mises (1881–1973), who in his *Theory of Money and Credit* (1912) idealized classical liberalism. According to Mises, all social phenomena are the outcomes of individual choices. Proponent of free market, Mises argued that there is harmony between consumer and entrepreneurs, between entrepreneurs, managers and employees, etc. A state may be necessary, but its power must be minimized, and *laissez-faire* should work its miracles. The philosophy of *laissez-faire* and theories of free market are at the center of Mises’s conception of freedom.

Friedrich von Hayek

Mises’s ideas were further elaborated by his student Friedrich von Hayek (1899–1992). Hayek’s theory has three strands: value of market mechanism, primacy of individual freedom, and the assertion that the pursuit of social justice is fruitless (Barr 2004, p. 44). Advocating the market mechanism, Hayek argued that prices were not merely the “rates of exchange between goods”, but also “a mechanism for communicating information” (Hayek 1945, pp. 519–530).

For Hayek, the free price system is an outcome of thousands of uncoordinated choices. In a complex economic system, only prices can coordinate the economy. Hayek considered as a fatal conceit the socialist belief that a complex economic system could be designed by planning. In planned economies, the distribution of resources is determined by a group of individuals, planners. In this case, Hayek believed that no one person or group of people, including the government, could ever understand the society or the economy in order to design the best plan. Therefore, the planners can never have enough information for efficient allocation of resources, which leads to misallocations of resources and significant inefficiency of the economy. This view is perfectly sound.

In contrast, Hayek’s view on limiting the role of the state merely to maintaining the rule of law, with no or as little as possible intervention in other areas, is more debatable. Indeed, it is reasonable to believe that the state should be active in the social sphere and provide public goods such as health, education, social security, and environmental services. There is always a trade-off between efficiency and equity, and finding

the right balance between them is the fundamental question (or problem?). Hayek, however, being a classical liberal, accepted the economic inequalities as a natural result of competition.

In 1944, Hayek published his famous book *The Road to Serfdom*, where he argued that for the planners to achieve their ends, it was necessary to create concentration of power in magnitude never seen before. To reach such concentration of power, freedom and democracy will have to be suppressed. In the planned system, the smallest bureaucrat has enormous power wielding a coercive state power and deciding on how people are allowed to work and live. In Hayek's view, in a country where the only employer is the state, opposition to the state means death. This very idea of Hayek's is agreeable. Indeed, it well was visible e. g. in the Soviet Union, where during the Soviet times, official opposition to the state and the Communist party was unimaginable, although there was a lot of grassroots critique of the system in "kitchen talks", among friends and other trusted people.

Moreover, Hayek believed that planning inevitably leads to dictatorship, since dictatorship is the most efficient instrument of coercion. In a planned economy, everybody is forced to work to reach the ends selected by the planners. Workers should think of those ends as being their own ones, and this is brought about by propaganda and by a complete state control of all sources of information. All these elaborations made Hayek to conclude that a policy of freedom for individual is the only progressive policy.

Hayek on Social Justice

Hayek's view of social justice was in a sharp contrast with that of John Rawls, American philosopher, who saw social justice as a natural right of the human being. For Hayek, a given circumstance can be regarded as good or bad, but not as just and unjust (e. g. being born disabled, having rich parents, dying at a young age, etc.):

Strictly speaking, only human conduct can be called just or unjust. If we apply the term to a state of affairs, they have meaning only in so far as we hold someone responsible for bringing it about or allowing it to come about. A bare fact, or a state of affairs which nobody can change, may be good or bad, but not just or unjust (Hayek 1982, p. 41).

Thus, according to Hayek, something is just or unjust only if it is caused by someone's action (or inaction). For Hayek, the whole notion of social justice is no more than "quasi-religious superstition":

What we have to deal with in the case of 'social justice' is simply a quasi-religious superstition of the kind we should respectfully leave in peace so long as it merely makes those happy who hold it [...] (Hayek 1982, p. 66).

Hayek continues further stating that striving for social justice will lead to the destruction of personal freedom:

[...] the more dependent the position of the individuals or groups is seen to become on the actions of the government, the more they will insist that the governments aim at some recognizable scheme of distributive justice; and the more governments try to realize some preconceived pattern of desirable distribution, the more they must subject the position of the different individuals and groups to their control. As long as the belief in social justice governs political action, this process must progressively approach nearer and nearer to a totalitarian system (Hayek 1982, p. 68).

Therefore, for Hayek, the primary value is individual freedom. He did not consider social justice as a human right. No doubt, it is difficult to understand and accept his views on justice; Hayek firmly believes things cannot be just or unjust, and the pursuit of social justice can be harmful.

In 1974, the Bank of Sweden awarded the Nobel Prize in Economics to Friedrich von Hayek and Gunnar Myrdal for their pioneering work in the theory of money and economic fluctuations and the analysis of the interdependence between economic, social and institutional phenomena. Hayek's ideas became popular in the late 1970s and early 1980s with the rise of conservative governments in the USA and UK, especially during the era of Ronald Reagan in the USA and Margaret Thatcher in the UK.

Milton Friedman

The next figure influencing the development of neoliberal ideas was Milton Friedman (1912–2006), a right-wing economist from the Chicago School of Political Economy. In economics, Friedman is known as the founder of monetarism, the core idea of which is that macroeconomic problems such as inflation and debt derive from excessive government spending. According to Friedman, inflation can be controlled by limiting the amount of money in the economy (printing money is a function of central banks). As for the role of government in the economy, Friedman rejected its distributional role and believed that the government's

tasks should be limited to adjusting interest rates. Like Hayek, Friedman valued the primacy of individual freedom:

[...] the scope of government must be limited. Its major function must be to protect our freedom both from enemies outside our gates and from our fellow-citizens: to preserve law and order, to enforce private order contracts, to foster competitive markets. Beyond this major function, government may enable us at times to accomplish jointly what we would find it more difficult [...] to accomplish severally. However, any such use of government is fraught with danger. We should not and cannot avoid using government this way. But there should be a clear and large balance of advantages before we do (Friedman 1962, pp. 2–3).

For his views, Friedman can be seen as the devil figure in economics. On the other hand, Friedman was too idealistic thinking that competitive markets with active and innovative entrepreneurs as well as with minimal government intervention can transform the underdeveloped economies into developed ones.

Friedman worked in Chile during the dictatorship of Pinochet, when many leftists were killed. How is it possible to value individual freedom while participating in dictatorship? Despite his participation in a dictatorial regime, Friedman was awarded the Nobel Prize in 1976 for his achievements in monetary history and theory, as well as for his demonstration of complexity of the stabilization policy.

Ordoliberalism

Although contemporary scholarship identifies Hayek and Friedman as the fathers of neoliberalism, there was a time in the history of economic thought when neoliberalism meant quite a different stream of thought, nowadays often referred to as ordoliberalism. Ordoliberalism is a German version of neoliberalism related to the Freiburg School during the interwar period:

[...] Freiburg School economists argued that for the free market to function, the state must play an active role. The German neoliberals accepted the classical liberal notion that competition among free individuals drives economic prosperity, but they argued that powerful private actors—the monopolies and cartels that decimated Germany's small businesses in the interwar years—could pose a threat to freedom of competition. To keep private interests in check, the neoliberals supported the creation of a well-developed legal system and capable regulatory apparatus [...] (Boas & Gans-Morse 2009, p. 10).

The German “new” liberals sought to revive classical liberalism by suggesting a significant reconsideration of it. Their belief in the market mechanism was rather moderate, and they argued that the state should play a more active role in the economy. In contemporary classification of politico-economic ideas, however, the German neoliberals, as advocates of a more active government role in the economy, would rather fall under Keynesianism than neoliberalism.

Cornerstones of Neoliberalism

This brief consideration of the ideas of those named in the contemporary scholarship as the founding fathers of neoliberalism allows us to highlight their common beliefs, which formed the basis for neoliberalism. All three of them, Mises, Hayek and Friedman, believed in the market mechanism with limited state intervention and individual freedom. It is worth mentioning, however, that while Mises considered himself as a classical liberal, Hayek and Friedman identified themselves as classical economists. Indeed, none of the three thought of themselves as being neoliberal. Nonetheless, nowadays, the critics of the market mechanism often consider Hayek and Friedman as the fathers of neoliberalism. It is their ideas about market economy, state intervention and individual freedom that lie at the center of neoliberalism. Moreover, all contemporary debate on neoliberalism is mainly about the market system and state intervention.

Contemporary Critics of Neoliberalism

In the modern days, despite being frequently used, the concept of neoliberalism is rarely defined explicitly in scholarly writing. According to Boas & Gans-Morse, neoliberalism is used most often by the critics of the free market phenomenon, denoting to *a radical, far-reaching application of free-market economies unprecedented in speed, scope or ambition* (Boas & Gans-Morse 2009, p. 5). Indeed, in his book *A Brief History of Neoliberalism* (2007) the geographer David Harvey takes a strong stance against neoliberalism, almost seeing it as being the direct cause of the current global injustices and income differences.

For Harvey, neoliberalism, *a theory of political economic practices that proposes that human well-being can best be advanced by liberating individual entrepreneurial freedoms and skills within an institutional framework characterized by strong private property rights, free market and free trade* (Harvey 2007, p. 2) became globally dominant with the process of “neoliberalization” involving nearly all states and affecting the political-economic practices and thinking worldwide.

Harvey considers neoliberalism as a source of injustice, as a means to restore the power of economic elites by capital accumulation and trampling labor rights. According to Harvey, neoliberalism gained its hegemonic position in the political-economic thinking by appealing to the common sense of the population, promoting ideals such as individual freedom and human dignity. However, Harvey continues, in reality neoliberalism has only been promoting the interests of private owners, financiers and transnational corporations.

For Harvey, the first attempt of a neoliberal state formation occurred in Pinochet's Chile in the 1970s, with economic reforms of stabilization and market liberalization, implemented under dictatorial conditions. Interestingly, Boas & Gans-Morse mention Pinochet's reforms in Chile as being the very moment when the significance of the concept of neoliberalism shifted from being a positive term denoting a moderate alternative to classical liberalism into being a negative term denoting radicalism, i.e. when neoliberalism got its bad reputation. Indeed, Harvey sees practically nothing positive about neoliberalism, leaving aside the origins of the concept, and the fact that the present significance of neoliberalism is merely one type of interpretation, emerged in the 1970–1980 s.

Contradictions and Paradoxes

Harvey presents the hegemony of neoliberalism and the idea of a neoliberal state, a state apparatus whose mission is to enable conditions for capital accumulation, in a strongly negative way, making it sound almost like some sort of conspiracy of the elites: the corporations and the business elite “brainwashing” the media, the academy, the church and the politicians to support neoliberalism, as “there is no alternative”, riding on the ideals of individual freedoms.

Harvey sees many contradictions between the theory and practice of the neoliberal state. While the theoretical goal of neoliberalism is to improve the well-being of the population, its practical consequences are, almost without exception, leading to the restitution of class power to the elites. According to Harvey, the neoliberal state is based on a paradox: the state is not supposed to intervene into the activities of the market, yet it is expected to create beneficial conditions for entrepreneurship. What is more, by limiting the role of the state, neoliberalists restrict democratic governance and resort to undemocratic institutions such as the IMF and the American Federal Reserve to dictate what is best for the “common good”, i. e. in reality, for the finance and corporations.

Harvey points out that the process of neoliberalization has occurred unevenly in different locations of the world, depending on the context. Despite the differences, Harvey lumps all the locations together and considers them all as representing different extents of neoliberalism. Indeed, he sees a common factor featuring in all the locations subjected to neoliberalization:

But one persistent fact within this complex history of uneven neoliberalization has been the universal tendency to increase social inequality and to expose the least fortunate elements in any society — be it in Indonesia, Mexico, or Britain — to the chill winds of austerity and the dull fate of increasing marginalization (Harvey 2007, p. 118).

However, if the realities of the different neoliberal locations are so diverging, is it correct to speak of neoliberalization in all these contexts, or are they just different variations and interpretations of policies based on or inspired by neoliberalism? Either way, it almost seems like for Harvey, neoliberalism is a way to understand and explain the persistence of or increase in global inequalities. For Harvey, the concept of neoliberalism serves as a scapegoat, the cause of the worsening global conditions.

Indeed, Harvey states, neoliberalization has led to increased black economy, and a decrease in public well-being. The practices of privatization, commodification and financialization of everything (including culture, arts, health services, etc.), increased speculation and crisis manipulation characteristic to neoliberalization have generally not increased global well-being, but have certainly increased income inequalities within and between countries: *The main substantive achievement of neoliberalization, however, has been to redistribute, rather than to generate, wealth and income* (Harvey 2007, p. 159). Until the very end of his pathos, Harvey remains convinced of the existence of the true hidden agendas of neoliberalization, ignoring thus the more positive origins of neoliberalism: *[...] there is abundant evidence that neoliberal theory and rhetoric (particularly the political rhetoric concerning liberty and freedom) has also all along primarily functioned as a mask for practices that are all about the maintenance, reconstitution, and restoration of elite class power* (Harvey 2007, p. 188).

Seeing the persistent hegemony of neoliberalism mainly as negative, Harvey envisions ways to challenge it, and claims a comprehensive reform of global governance, including a more institutional

approach to global problems, better global regulation and more control to finance speculation. Harvey also weighs in a possibility of a return to Keynesianism, with necessary adaptations to the modern context. Harvey underlines the importance of collaboration among the already existing alternative civil-society movements (e. g. those striving for reform or dissolution of the undemocratic global governance institutions; environmental movements, etc.) to draft an oppositional program to that of the neoliberalization, and seeking alternatives through critical analysis with ‘theoretical and practical enquiries’. Harvey concludes, justly, by demanding new values to reject neoliberalism, *a failed utopian rhetoric masking a successful project for the restoration of ruling-class power* (Harvey 2007, p. 204), and instead promoting and reinforcing ideals of open democracy, social equality as well as economic, political and cultural justice.

Fuel to the Fire

Harvey’s co-ideologists Gérard Duménil & Dominique Lévy do not paint an any more rosy picture of neoliberalism. Indeed, in their book *Crisis of Neoliberalism* (2011), the French economists present the current global financial crisis as being the consequence of the neoliberal practices and policies.

Duménil & Lévy consider it difficult to provide a specific definition for neoliberalism and its beginnings, yet they acknowledge it being a phase, or an episode in the evolution of capitalism. For clarity’s sake, however, the authors take a shortcut: *Simplifying to some extent, one can contend, however, that neoliberalism was first established in the United States and the United Kingdom at the end of the 1970s [...] a few years later in continental Europe, and then around the globe* (Duménil & Lévy 2011, pp. 7–8). Even though considering all its aspects (free-market economics, free trade, free mobility of capital), Duménil & Lévy admit neoliberalism to be “what the word says”, i. e. new liberalism, in their study the concept is understood as a social order aiming at imposing a new discipline on labor and establishing new market criteria and policies, with the help of the so-called ‘free market’. In line with Harvey’s view, Duménil & Lévy see neoliberalism as *the expression of the restoration of the power and income of capitalist classes* (Duménil & Lévy 2011, p. 64).

Seeing clear connections between the hegemony of neoliberalism and the post-war financial agreements (Bretton Woods and the global governance institutions), Duménil & Lévy consider neoliberalism as not having any other purpose than serving the interests of the elites:

Neoliberalism is not about principles or ideology but a social order aiming at the power and income of the upper classes. Ideology is a political instrument. Considered from this angle, there was no change in objectives. In neoliberalism, the state (taken here in a broad sense to include the central bank) always worked in favor of the upper classes (Duménil & Lévy 2011, p. 228).

In sum, like Harvey, Duménil & Lévy see neoliberalism as a direct source of global injustice. According to the authors, the sufferings and inequalities caused by the ‘neoliberal order’, or the ‘neoliberal globalization’ imposed under the US hegemony were justified by the neoliberals as being *the unfortunate effects of a deficient ability to adapt to an inescapable common fate* (Duménil & Lévy 2011, p. 323). In line with Harvey, Duménil & Lévy see the end of neoliberal order as inevitable, and claim alternative ways of governance for the “post-neoliberal” era.

Discussion on the Critiques

Justification of the Market Economy

As it was discussed above, in the original sense, neoliberalism implies market economy with less state intervention. Let us go back to defining the meaning of market economy.

The term “market” is defined by Begg, Fischer and Dornbusch, professors of economics at the Birckbeck College and MIT, as follows:

Market is a shorthand expression for the process by which households’ decisions about consumption of alternative goods, firms’ decisions about what and how to produce, and workers’ decisions about how much and for whom to work are all reconciled by adjustment of prices (Begg, Fischer & Dornbusch 1997, p. 8).

Thus, in the narrow sense, market is a place where buyers and sellers of goods and services are brought together. In a broader sense, market is a system of organization of the economy, a way or mechanism to run the economy. Market mechanism is based on market prices, private property, individual (including) entrepreneurial freedom, and competition.

An alternative to the market economy is the command economy: *In a command economy a government planning office decides what will be produced, how it will be produced, and for whom it will be produced. Detailed instructions are then issued to households, firms and workers* (Begg, Fischer & Dornbusch 1997, p. 9).

Such planning is a very difficult task, hardly possible to be fulfilled. Indeed, pure command economy has never existed in history. However, in some countries, such as Cuba or the countries of the former Soviet bloc, there was a large scope of central planning. The state owned all the enterprises and made all the important decisions about production and consumption: what goods, in what amount and how firms should produce, what people should consume, how much people should work and earn, and so on. It would be fair to notice that even in such over-controlled economies people had some freedom and some choice of what goods to buy and how to spend their income. In any case, the command economy proved its inefficiency, as it was impossible to know everything about the society and to design a good plan which would be based on the calculation of all the demands of all the goods. Such calculation is hardly possible, not even a perfect computer program could do such job. Therefore, planned economies had enormous deficits: there was a big gap between what was produced and what was demanded. When there is a deficit of goods, the mechanism of natural rationalization works, i. e. the long lines. For instance, in the Soviet Union, to buy a deficit good, people had to stand in line for 2–3, even up to 4 hours. Or, a seller could make the decision on whom to sell the product (usually, those lucky ones were friends, or members of the family). A British sociologist, Alena Ledeneva, called the phenomenon the “economy of favours” (Ledeneva 1998). At the same time, the stores were full of goods which were not demanded. This historical experience shows clearly the inefficiency of the command economy.

Free Market as a Subject of Criticism

Returning to the contemporary critics of neoliberalism, who often use the term “free market”; as a matter of fact the term in itself is rather misleading, since in reality an absolutely free market never existed anywhere. However, the economists often use the term in two particular occasions: 1) to denote the market mechanism — in this case, free market economy and market economy are equal in their meaning; 2) to denote an abstract, absolutely free market which can be used as a benchmark in the scientific economic analysis.

In free markets, the individuals pursue their self-interests without any government interference. Such free market is rather abstract. In real life, even the most “free market” country such as the USA still has a significant level of government activities in the economy, such as provision of public goods and services, redistribution of income through taxes and transfer programs, market regulation (through antimonopoly legislation, through the activities of the U.S. Security and Exchange Commission, etc.).

Between these two extremes, pure command economy and absolutely free market economy, lies the mixed economy: *In a mixed economy, the government and the private sector interact in solving economic problems. The government controls a significant share of output through taxation, transfer payment, and the provision of services such as defense and the police force. It also regulates the extent to which individuals may pursue their own self-interest* (Begg, Fischer & Dornbusch 1997, p. 9). Most countries in the world have mixed economies, although some are biased to command economy (like Cuba) while others are close to free market economy (i. e. the so-called *market economies*).

Reasons for the Prevalent Criticism

So, why has neoliberalism, which implies the market mechanism, received a lot of criticism? To answer this question, it is necessary to look where, under which circumstances and why the neoliberal policies have been applied.

Most countries who suffered from the neoliberal policies are developing and/or transition countries. In most cases the imposition of the neoliberal policies was conducted under a direct control of the international (US-led) institutions, such as the IMF and the World Bank. But why did it happen?

The history of the countries subject to the imposition of neoliberal policies shows that they had a budget deficit (because of an economic crisis) and were thus not able to pay for the imported goods. To adjust their balance of payments, they approached the IMF to get loans. The IMF (later and for a relatively short time, the World Bank), before issuing any loans to the borrowing countries, imposed a set of policies for economic reforms, i. e. conditions, on them. These suggested e. g. economic reforms, including privatization, price liberalization, cutting government expenditures, and opening their economies to foreign competition. The IMF considered such reforms to guarantee loan and interest repayment. In reality, in most cases these economic reforms only worsened the economic environment, resulting in an increase in poverty and inequality. In this sense, Harvey’s criticism of neoliberalism is perfectly understandable.

Indeed, the problem is that the reforms were dictated from the outside, often blindly, without taking into account the contexts and desires of the borrowing countries. The most painful and controversial moments

related to the economic reforms were cuts in government expenditure (including cutting subsidies) and privatization. In general, cutting all subsidies during a recession really is not smart policy advice. To cut subsidies for “dead” enterprises is justifiable, but to require cuts in pensions for old and disabled people, or in subsidies for the social spheres such as health and education, is rather inhumane. Nevertheless, as is known and what Harvey also strongly criticizes, the IMF blindly insisted on requiring cuts in all subsidies in the borrower countries.

The Russian and the Chinese case

Let us briefly turn to consider the Russian case. During the economic depression of the 1990s, Russia received numerous loans from the IMF. In the following years, the Russian economy was regularly inspected by the IMF; there was a consistent demand from the IMF to cut the expenditures for the social spheres and to speed up the privatization process. This policy created poverty and increased inequality. All these “shock therapy” policies assumed that the economy can be changed overnight, a set of policies was considered very simple to conduct. However, real life is not that simple. People cannot change overnight; indeed, they have centuries-old traditions, cultures, and beliefs — to change it takes a long time.

On the contrary, China, refusing to follow the IMF recommendations, chose to reform its economy gradually. Indeed, there was no widespread privatization in China. Instead, the Chinese government allowed, along with the state enterprises, to run private business. This policy led to the emergence of the market economy coexisting with the state economy. The result was an unprecedented economic growth and poverty reduction. Today Chinese economy is one of the most powerful market economies. In 1995 János Kornai, a Hungarian economist, published his book *Highway and Byways*, where he criticized the “shock therapy” economic reforms and expressed clear sympathy to the Chinese economic reform, i. e. proving that the byways clearly are better than the highway. It is justifiable to conclude that Kornai was right!

Conclusion

In sum, as the examples show, with the ever more blatant global inequalities, it seems like neoliberalism has become a much hated curse word. As for the policies and practices, the last few decades of “neoliberalization”, the US and the IMF as the leading figures, have dragged the reputation of neoliberalism through the mire, possibly for good. Moreover, as for the concept itself, it is no longer likely to regain its original, rather positive connotations but it is doomed to serve as a scapegoat, the cause of most of the current global problems. Indeed, also Boas & Gans-Morse admit the concept denoting these days mainly to radicalism rather than having the original connotation of a new, moderate form of classical liberalism.

With no explicit and commonly agreed definitions, and with strong contemporary negative connotations of the concept, could it be possible to abandon the term *neoliberalism* and derive new terms, to better distinguish the theory and the original ideas (cf. e. g. “moderate liberalism”) from the exploitative practices of the international financial institutions? After all, it is reasonable to claim that the original, progressive ideas of *new liberalism* would not have deserved to become overshadowed by the current unjust practices now referred to as neoliberalism.

References

1. Barr N. *Economics of the Welfare State*. Oxford: Oxford University Press, 2004.
2. Begg D., Fischer S. & Dornbusch, R. *Economics*, 5th ed. McGraw-Hill Book Company Europe, 1997.
3. Boas T. C. & Gans-Morse, J. Neoliberalism: From New Liberal Philosophy to Anti-Liberal Slogan. *Studies in Comparative International Development*. 2009. Vol. 44. No 2. P. 137–161.
4. Duménil G. & Lévy D. *Crisis of Neoliberalism*. Cambridge: Harvard University Press, 2011.
5. Friedman M. *Capitalism And Freedom*. Chicago: University of Chicago Press, 1962.
6. Harvey D. *A Brief History of Neoliberalism*, UK: Oxford University Press, 2007.
7. Hayek F. *Law, Legislation and Liberty* (reprinted in 1993). Vol. 2. London Routledge, 1982.
8. Hayek F. *The Road to Serfdom* (reprinted in 2001). London: Routledge, 1944.
9. Hayek F. The Use of Knowledge in Society. *American Economic Review*. 1945. No 35. P. 519-530.
10. Kornai J. *Highway and Byways: Studies on Reform and Post-Communist Transition*, MIT Press, 1995
11. Ledeneva A. *Russia's economy of favours: Blat, Networking and Informal Exchange*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
12. Mises L. *The Theory of Money and Credit* (reprinted in 1953). New Haven: Yale University Press, 1912.

УДК 338.001.36

ПОДХОДЫ К ПРОВЕДЕНИЮ МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

© *Наумкин Владимир Александрович*

аспирант Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова
Россия, 655017, г. Абакан, пр. Ленина, 90
E-mail: vladimir-naumkin@mail.ru

Статья посвящена исследованию подходов проведения модернизации экономики. Сопоставляются различные концепции проведения модернизации относительно трактовки понятия «модернизация». Многозначность понятия «модернизация» обуславливает наличие различных подходов ее проведения. Анализируется возраст машин и оборудования, используемых российскими предприятиями в своей хозяйственной деятельности, и формулируется вывод о том, что предприятия применяют физически и морально устаревшее оборудование. Рассматриваются прямые и косвенные меры государственного стимулирования модернизации экономики. Автор приходит к выводу о неэффективности проведения модернизации в одностороннем порядке и о целесообразности использования двустороннего подхода, при котором правительство будет задавать вектор развития государства и одновременно предприятия будут стремиться к саморазвитию.

Ключевые слова: структурная модернизация экономики, модернизация предприятия, реинвестирование.

APPROACHES TO THE ECONOMY MODERNIZATION

Naumkin Vladimir A.

Research Assistant, Khakas State University named after N. F. Katanov
90, Lenina Ave., Abakan, 655017, Russia

The article is devoted to the approaches of economic modernization. The different concepts of modernization are compared referring to the interpretation of the concept «modernization» itself. The ambiguity of the concept «modernization» determines the different approaches to its conducting. We analyze the age of machines and equipment used by the Russian companies in their business activities and draw a conclusion that companies use the physically and morally outdated equipment. The direct and indirect measures of the state promotion of economy modernization are considered. The author draws a conclusion that the unilateral modernization is ineffective, and it is appropriate to use the bilateral approach, when the government sets the state's development trend, and at the same time the companies will strive for self-development.

Keywords: structural economy modernization, company modernization, reinvestment.

В последнее время в связи с ухудшением экономической ситуации в стране и с обострившимся экономическим кризисом в научной сфере стали популярны дискуссии о необходимости проведения модернизации. Это, безусловно, актуальная задача современных исследований, поскольку лишь постоянно модернизирующаяся экономика может конкурировать с развитыми странами.

Для начала необходимо понять, что же такое модернизация и в каком контексте ее следует рассматривать. Как и любое понятие, модернизацию экономики можно рассматривать в широком и узком смыслах. Модернизация современной национальной экономики в широком смысле, с точки зрения стратегического развития экономики, означает обновление и совершенствование производственных сил и производственных отношений. В узком смысле модернизация — это совершенствование и обновление основных и оборотных фондов, средств и предметов труда, реконструкция производственных мощностей, увеличение производительности труда, внедрение новых технологий, новых механизмов управления экономики и другое [3].

Таким образом, из многогранности понятия вытекает два подхода модернизации экономики: модернизация сверху и модернизация снизу [7]. Другими словами, в одном случае инициатором является государство, в другом — предприятие. Иногда в научной литературе встречаются другие названия подходов модернизации — точечная и структурная. Ж. А. Мингалева полагает, что точечная модернизация не поможет, необходима модернизация структурная, то есть всей экономики [2]. Структур-

ная модернизация возможна только при активном участии в ней государства. Л. В. Потапов и Н. И. Атанов также склоняются к мобилизационному варианту российской модели модернизации, которая предполагает центральную роль государства в управлении данным процессом [5]. В. Г. Сазонов и Ю. В. Разумова придерживаются противоположного подхода. По их мнению, «состояние народного хозяйства таково, каково состояние экономики его базового звена — предприятия, для успешной хозяйственной деятельности которого необходимо своевременное чередование циклов воспроизводства активной части основных фондов, осуществляемое на инновационной основе» [6]. Так или иначе мы видим прямую взаимосвязь между модернизацией конкретного предприятия и модернизацией экономики страны.

Говорить об одностороннем подходе не корректно, поскольку, по нашему мнению, эффективная модернизация экономики — это двухсторонний процесс, и успех при проведении модернизации наступит только тогда, когда она будет одновременно проходить с двух сторон, т. е. государство и предприятия будут идти навстречу друг другу. Важно отметить, что векторы развития должны быть направлены друг на друга, а не догонять один другой, или обращены в разные стороны. Только в таком случае произойдет взаимодействие между желанием органов власти улучшить экономику государства и желанием менеджеров предприятия развиваться и быть конкурентоспособными в экономической среде. Другими словами, государство должно предпринимать определенные шаги по развитию экономики, экономических связей, финансов, создавать благоприятную конъюнктуру, и в то же время предприятия должны проводить самостоятельную модернизацию, так сказать, самомодернизацию и быть заинтересованными в развитии и существовании предприятия не только сегодня, но и завтра, и через год, и через десять лет. Преследуя долгосрочные цели, нельзя работать постоянно только на одном оборудовании и пользоваться одними и теми же технологиями. Мир не стоит на месте, и для того чтобы «держаться на плаву», для поддержания своей конкурентоспособности, необходимо саморазвиваться и регулярно проводить реинвестирование путем самофинансирования или же поиска средств со стороны. Но из-за экономической неопределенности в стране у менеджеров возникают и реализовываются лишь краткосрочные инвестиционные задачи [1].

Оценивая возраст основной части машин и оборудования у российских предприятий, по данным Федеральной службы государственной статистики, можно прийти к выводу, что большинство организаций использует старое оборудование в своей хозяйственной деятельности. На 2013 г. у 5 % российских организаций содержалось оборудование в возрасте до 3 лет; у 10 % — в возрасте от 3 до 5 лет; оборудованием в возрасте от 5 до 10 лет и от 10 до 15 лет обладало одинаковое количество предприятий — по 24 % от общего числа организаций; 16 % предприятий использует оборудование в возрасте от 15 до 20 лет; 13 % предприятий — от 20 до 30 лет; оборудование в возрасте старше 30 лет находится в распоряжении у 4 % предприятий. Таким образом, лишь 39 % российских организаций обладает новым и современным оборудованием, возраст которого не превышает 10 лет. Треть национальных предприятий использует морально и физически устаревшее оборудование старше 15 лет. К концу 2012 г. средний возраст зданий, используемых предприятиями в своей хозяйственной деятельности, составил 25 лет, сооружений — 21 год, машин и оборудования — 13 лет, транспортных средств — 9 лет [10].

Государство, безусловно, должно проводить меры по осуществлению модернизации экономики. По степени вовлеченности государства в процесс модернизации экономики выделяют прямые и косвенные меры. Прямые меры стимулирования модернизации экономики очень похожи на поведение командно-административной системы и представляют собой непосредственное участие государства в процессе проведения модернизации. Косвенные меры, являющиеся свидетельством развития рыночных отношений в экономике, сводятся к минимальному вмешательству государства в процесс проведения модернизации, оно создает условия и стимулирует частную инициативу для проведения модернизации. При проведении прямых мер по стимулированию модернизации государство проводит активную общегосударственную политику и становится основным субъектом целенаправленной, динамичной модернизации. К прямым мерам государственного воздействия относятся:

- налоговая политика (снижение налоговых ставок, благоприятствующие налоговые режимы);
- субсидирование и дотирование отраслей и предприятий;
- меры защиты от конкуренции со стороны иностранных производителей;
- прямое инвестирование и соинвестирование проектов со стороны государства;
- создание национальных фондов поддержки научных исследований и проектов;

- целевые государственные программы и пр. [8].

При проведении косвенных мер по стимулированию модернизации государство опирается лишь на инициативность хозяйствующих субъектов и направляет их интересы в сторону инновационного поведения. Другими словами, формирует все предпосылки для переориентации бизнеса на продуктивные экономические отношения, побуждает руководство фирм к осуществлению инвестирования и реинвестирования. К косвенным мерам относят следующее:

- повышение доходности и привлекательности инвестиционных вложений в отраслях российской экономики, производящих продукцию с высокой долей добавленной стоимости;
- информационное обеспечение развития национального производства;
- стимулирование межотраслевых взаимодействий, в том числе банковского, финансового секторов экономики и промышленности;
- политика постепенного, экономически и социально обоснованного импортозамещения, стимулирование внутреннего спроса и пр. [8].

На наш взгляд, в сегодняшних экономических отношениях при проведении модернизации государству нельзя ограничиться только прямыми или косвенными мерами воздействия на экономику. И те и другие, взаимодействуя друг с другом, принесут намного больший эффект, чем по отдельности. Государство должно проводить модернизацию экономики путем определения вектора экономического развития, но большая часть инициативы, по нашему мнению, должна исходить все-таки от предприятий.

Ряд авторов отмечает, что государство финансирует инновационные разработки на уровне с развитыми странами. При этом фирмы сами не проявляют активность [9]. Возникает вопрос, почему. Возможно, потому, что в сознании владельцев не сформировалась должным образом долгосрочная стратегия ведения бизнеса. Неуверенность в завтрашней экономической ситуации формирует подобное нежелание саморазвиваться. Ведь для проведения модернизации на предприятии необходимо выделить из собственных или привлечь со стороны финансовые средства, а это определенным образом отражается на текущем состоянии фирмы. Другими словами, возникает определенная финансовая нагрузка, которая при долгосрочном присутствии на рынке приведет к еще большей прибыли и увеличению своей конкурентоспособности, а при краткосрочном лишь приведет к изъятию финансовых ресурсов из оборота, не более того. Модернизируя производство, мы закладываем потенциал на будущее, первоначально резкого скачка прибыли не произойдет. Необходимо четко понимать, что понятие инноваций рассматривается с позиции конкурентного преимущества и в рыночной среде, безусловно, способствует увеличению конкурентной позиции [4].

Литература

1. Боташев И. М. О модернизации инвестиционного проекта на микроуровне // Экономика, налоги, право. — 2013. — № 3. — С. 141–147.
2. Мингалеева Ж. А. Модернизация национальной экономики на основе стратегии инновационного развития // Современные проблемы науки и образования. — 2012. — № 2. — С. 324.
3. Никулина И. Е. Модели развития национальной экономики России // Вопросы экономики. Социогуманитарный вестник. — 2013. — №1. — С. 18–24.
4. Подгорная А. И. Создание механизма инновационно-технологического развития предприятия в условиях модернизации национальной экономики // Актуальные проблемы экономики и права. — 2012. — № 2. — С. 76–81.
5. Потапов Л. В., Атанов Н. И. Модернизация, инновации и стратегирование пространственного развития экономики России // Пространственная экономика. — 2010 г. — № 4. — С. 154–162.
6. Сазонов В. Г., Разумова Ю. В. Повышение эффективности воспроизводства основных фондов — насущная задача модернизации экономики // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. — 2012. — № 2. — С. 53–62.
7. Хубиев К. Модернизация и отношения собственности // Экономист. — 2010. — № 9.
8. Шмырова Н. В. Модернизация российской экономики и основные пути ее осуществления в современный период // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. — 2009. — № 3–2. — С. 639–643.
9. Юрченко А. В., Крылова Л. В. Значение иностранных инвестиций в модернизации экономики России // Труд и социальные отношения. — 2012. — № 2. — С. 57–63.
10. Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. — URL: www.gks.ru

References

1. Botashev I. M. O modernizatsii investitsionnogo proekta na mikrourovne [Modernization of investment project at micro level]. *Ekonomika, nalogi, pravo – Economy, taxes, law*. 2013. No 3. Pp. 141–147.
2. Mingaleva Zh. A. Modernizatsiya natsional'noi ekonomiki na osnove strategii innovatsionnogo razvitiya [Modernization of national economy based on the strategy of innovative development]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya – Modern problems of science and education*. 2012. No 2. P. 324.
3. Nikulina I. E. Modeli razvitiya natsional'noi ekonomiki Rossii [Models of Russian national economy development]. *Voprosy ekonomiki. Sotsiologicheskii vestnik – Problems of Economics. Social Humanitarian Bulletin*. 2013. No 1. Pp. 18–24.
4. Podgornaya A.I. Sozdanie mekhanizma innovatsionno-tekhnologicheskogo razvitiya predpriyatiya v usloviyakh modernizatsii natsional'noi ekonomiki [Creating of mechanism for innovation and technological development of an enterprise in conditions of national economy modernization]. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava – Actual problems of Economy and Law*. 2012. No 2. Pp. 76–81.
5. Potapov L. V., Atanov N. I. Modernizatsiya, innovatsii i strategirovanie prostranstvennogo razvitiya ekonomiki Rossii [Modernization, innovation and strategizing of Russian economy spacial development]. *Prostranstvennaya ekonomika – Spatial Economics*. 2010. No 4. Pp. 154–162.
6. Sazonov V. G., Razumova Yu. V. Povyshenie effektivnosti vosproizvodstva osnovnykh fondov — nasushchnaya zadacha modernizatsii ekonomiki [Improvement of fixed assets reproduction as an urgent problem of economy modernization]. *Izvestiya Dal'nevostochnogo federal'nogo universiteta. Ekonomika i upravlenie – Proceedings of the Far Eastern Federal University. Economics and management*. 2012. No 2. Pp. 53–62.
7. Khubiev K. Modernizatsiya i otnosheniya sobstvennosti [Modernization and property relations]. *Ekonomist – The Economist*. 2010. No 9.
8. Shmyrova N. V. Modernizatsiya rossiiskoi ekonomiki i osnovnye puti ee osushchestvleniya v sovremennyi period [Modernization of Russian economy and the main ways of its implementation in modern period]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo – Bulletin of N. I. Lobachevsky Nizhny Novgorod University*. 2009. No 3–2. Pp. 639–643.
9. Yurchenko A. V., Krylova L. V. Znachenie inostrannykh investitsii v modernizatsii ekonomiki Rossii [Significance of foreign investments in Russian economy modernization]. *Trud i sotsial'nye otnosheniya – Labour and Social relations*. 2012. No 2. Pp. 57–63.
10. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki* [Federal State Statistics Service]. Available at: www.gks.ru

УДК 330.837

**ПЕРВИЧНАЯ МАТЕРИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И НЕФОРМАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ
(НА ПРИМЕРЕ МОНГОЛИИ И БУРЯТИИ)**

© *Сахаровский Сергей Николаевич*

кандидат экономических наук, доцент Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Каландаришвили, 16

E-mail: tcesstu@yandex.ru

© *Цыренова Екатерина Доржиевна*

доктор экономических наук, профессор, проректор Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Каландаришвили, 16

E-mail: office@esstu.ru

© *Целовальникова Людмила Юрьевна*

аспирант Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Каландаришвили, 16

E-mail: milu2000@mail.ru

В статье показано влияние первичной материальной структуры на становление неформальных институтов. Описан механизм влияния географического ландшафта, природно-климатических условий на формирование глубинных ментальных установок (религия, традиции, обычаи и т. п.), а также на формирование и развитие таких неформальных институтов, как отношения собственности, индивидуализм, распространение обменных операций, доверие. Доказано, что институциональная матрица определяющим образом влияет на преобладающие виды хозяйственной деятельности и восприимчивость экономической системы к одним (к примеру, рыночным) и отторжение других (к примеру, государственного регулирования) принципам хозяйствования. Выявлены региональные особенности институциональной матрицы Монголии и Бурятии. Учет выявленных отличительных признаков позволит усовершенствовать политику по социально-экономическому развитию региона.

Ключевые слова: первичная материальная структура, эволюция, неформальные институты, институциональная матрица.

**PRIMARY MATERIAL STRUCTURE AND INFORMAL INSTITUTIONS
(ON THE EXAMPLE OF MONGOLIA AND BURYATIA)**

Sakharovsky Sergey N.

PhD in Economics, A/Professor, East-Siberian State University of Technologies and Management
16, Kalandarishvili, Ulan-Ude, 670000, Russia

Tsyrenova Ekaterina D.

DPhil in Economics, Professor, Vice-rector of East-Siberian State University of Technologies and Management

16, Kalandarishvili, Ulan-Ude, 670000, Russia

Tselovalnikova Lyudmila Yu.

Research Assistant, East-Siberian State University of Technologies and Management

16, Kalandarishvili, Ulan-Ude, 670000, Russia

In the article the influence of primary material structure on the formation of informal institutions is shown. The mechanism of influence of such factors as geographic lands cape, climatic conditions on formation of deep mental attitudes, such as religion, traditions, customs, etc., has been described as well as on the formation and development of such informal institutions as property relations, individualism, distribution, spread of exchange operations, trust. It has been proved that the institutional matrix determines the influence on prevailing economic activities and receptivity of the economic system to one (e. g. market) and rejection the other (e. g. state regulation) principles of economic activities. The regional features of Mongolia and Buryatia's institutional matrix are revealed. The accounting of the revealed distinctive signs will improve policy on social and economic development of the region.

Keywords: primary material structure, evolution, informal institutions, institutional matrix.

Влияние институтов на поведение экономических агентов признано определяющим. В настоящее время появилось множество работ, описывающих формирование институтов, механизмы их воздей-

ствия на социально-экономические процессы, предложены способы измерения влияния институтов и на их основе предложены конкретные модели, позволяющие не только объяснять суть процессов, но и прогнозировать. Однако подавляющее большинство работ ограничивается рассмотрением неформальных институтов. Измерению и моделированию процессов воздействия неформальных институтов уделено недостаточное внимание. В то же время именно неформальные институты лежат в основе механизма принятия решения индивидом и любым экономическим агентом. В связи с этим является актуальным построение моделей на основе факторов неформальных институтов. Однако прежде всего необходимо проследить сам процесс формирования неформальных институтов.

Окружающая среда (иногда ее определяют как материальную среду, материально-техническую среду, материальную структуру) определяет характер деятельности человека. Условно ее можно разделить на первичную материальную структуру, которая включает в себя географическое положение, природно-климатические условия, природный ландшафт, и на вторичную, включающую технико-технологическую структуру. Авторов, прежде всего, интересует влияние первичной материальной структуры на формирование доминирующих видов хозяйственной деятельности человека, его культуры, религии, традиций, обычаев и, таким образом, на определенный образ мыслей и структуру стимулов (неформальные институты) у проживающих на данной территории хозяйствующих субъектов. Это приводит к формированию определенного набора институтов, формированию уникальной институциональной матрицы территории.

Поскольку климатические условия и природный ландшафт очень сильно разнятся от региона к региону, мозаика институциональных матриц весьма разнообразна.

В ходе многовекового исторического развития некоторые из этих матриц (прежде всего, западно-европейская, основанная на развитых рыночных отношениях) оказались более удачливыми и эффективными в плане обеспечения материально-технического роста на основе НТП, другие (большая часть Азии, Африки, обеих Америк) — менее эффективными. Южная Корея, Япония, Гонконг, Тайвань смогли удачно «вживить» отдельные эффективные западно-европейские институты в свою институциональную матрицу. В других странах чужие институты насаждались насильно путем подчинения, а иногда и истребления коренного населения (страны Южной Америки, Северной Америки, Австралия). Есть и такие страны, где постепенно эволюционно происходит процесс дозированного рыночного реформирования (Китай, Индия). А в некоторых до сих пор идет раскачивание то в одну сторону (западно-европейского либерализма), то в другую (возврат к «родным» почвенническим институтам), как, например, в странах бывшего СССР. Таким образом, очевидно, что в разных регионах мира сложились различные по содержанию, структуре и эффективности институциональные матрицы, которые с разной степенью успеха копируют и перенимают эффективные элементы «чужих» матриц.

Многочисленные исследования подтверждают такую зависимость институциональной матрицы того или иного региона от материальной среды обитания. Заданная первоначально почти исключительно природно-климатическими и географическими факторами материальная структура среды обитания затем проявляет себя в закреплении одних и отторжении других методов хозяйствования и технологических укладов.

В то же время известно, что для становления обезличенного обмена, являющегося неотъемлемой предпосылкой развития рыночных отношений, необходимы следующие условия:

- 1) развитие института частной собственности;
- 2) обособленность хозяйствующих субъектов, специализация;
- 3) жизненная философия хозяйствующих субъектов — индивидуализм, стремление к свободе личности, свержение авторитетов;
- 4) высокая плотность населения, частая повторяемость контактов и транзакций;
- 5) стимулы к производительному труду, прибавочная стоимость, товарные излишки.

Как показано во многих исследованиях, набор данных элементов исторически сложился только в последние 200–250 лет лишь на некоторых территориях под влиянием определенной институциональной матрицы. В ходе институциональной конкуренции происходит отбор наиболее эффективных экономических систем и институциональных норм. В настоящее время мы наблюдаем, как элементы рыночного хозяйства внедряются по всему миру, но с разным успехом. Вопрос эффективности экономических систем переходит в плоскость восприимчивости к НТП того или иного типа хозяйствования. Почему же институты, доказавшие свою эффективность, с таким трудом копируются и пере-

нимаются в других странах? Как замечает, например, С. Кирдина: «Со временем материально-техническая среда все больше определяет пространство возможных организационных и управленческих решений, «задает» институциональные технологии, которые затем, в свою очередь, закрепляют и усиливают свойственные материальной инфраструктуре...» институты [7]. История показывает, что НТП, политические и социальные изменения и в целом человеческая деятельность приводят к изменению структуры социальной матрицы, но не меняет ее основного устройства. Доминирующие институты могут дополняться элементами, заимствованными из другой институциональной матрицы, лишь заполняя некоторые ниши, и эпизодически присутствовать, усиливая систему в отдельные отрезки времени.

Таким образом, при внедрении «чужого» эффективного института меняется структура стимулов, баланс сил и интересов хозяйствующих субъектов, но система отношений может принять совершенно непредсказуемый вид, так как выбор происходит из числа ограниченного набора ранее сформировавшихся норм, весьма отличных от норм оригинала заимствования.

Как замечает Д. Норт, «институты задают структуру стимулов, действующих в обществе, поэтому политические и экономические институты определяют собой характер функционирования экономики. Время же, применительно к развитию экономики и общества, — это особое измерение, процесс человеческого познания, обуславливающий эволюцию институтов. Мирвосприятие отдельных людей, групп и сообществ, обуславливающее их выбор, является итогом такого познания, протекающего во времени. Речь при этом идет не о жизни одного человека, поколения или общества, а о длительном процессе накопления опыта, передаваемого из поколения в поколение через культуру и воплощаемого в отдельных индивидуумах, группах и обществах» [8].

В то же время Д. Норт считает, что «не существует никаких гарантий, что эволюция институтов и мировоззренческих систем приведет со временем к экономическому росту...». Некоторые общества он считает застывшими в своей неэффективной институциональной матрице. По мнению Д. Норта, различные общества и цивилизации по-разному решали фундаментальную экономическую проблему ограниченности ресурсов. Далее Д. Норт замечает, что по мере того как культура и местный опыт порождали все более дифференцированные институты и мировоззренческие системы (обеспечивающие выгоды от такой кооперации), вероятность создания институтов, необходимых для развития рыночных отношений, перечисленных выше, оказалась неодинаковой. Проводником мощного влияния прошлого на настоящее и будущее является культура, именно она создает так называемый эффект зависимости от предыдущей траектории развития (*path dependence*). По его мнению, создаваемая накопленным социальным опытом институциональная структура не всегда бывает адекватна новым задачам. Институты и мировоззренческие системы, характерные для «застывших» обществ, непригодны для решения новых и сложных социальных проблем [8].

В статье сделана попытка анализа влияния первичной материальной структуры региона на формирование неформальных институтов хозяйствующих субъектов (на примере Монголии и Бурятии). Насколько наше общество является «застывшим»? Удалось ли отказаться от норм, сдерживающих развитие? Насколько действенно, с какими побочными эффектами внедряются «передовые» институты и какие причудливые формы при этом они приобретают?

Бурятия и Монголия имеют много общего, начиная с похожих климатических условий и природного ландшафта, родства этносов, общих предков и истории и заканчивая близкими культурой, традициями, обычаями, религией и языком.

Несмотря на соседство по географическому положению и вышеперечисленные схожие черты, Республика Бурятия и Монголия имеют и существенные отличия природно-климатических условий, которые повлияли на формирование различного бытового уклада и соответствующих институтов, что привело к различию в моделях хозяйствования.

Над Монголией большую часть времени стоит антициклон с сухим прозрачным воздухом, который создает идеальные условия для формирования степей с низкорослой травяной растительностью и отсутствием лесных массивов. Зимой здесь выпадает мало снега, а постоянно дующие поземные ветра выдувают и без того незначительный снежный покров. Это позволяет травоядным животным даже в суровых зимних условиях добывать себе корм, раскапывая из-под снега сухую траву. Весной массы влажного воздуха с Тихого океана способствуют росту пастбищ, что обеспечивает животных кормом на весь год. Поэтому, как замечает Л. Гумилев, «... именно на востоке Великой степи сложились благоприятные условия для создания могучих кочевых держав хуннов, тюрок и монголов» [6].

Скотоводство способно обеспечить ресурсами человека только при низкой плотности заселения в отличие от земледелия которое способно прокормить достаточно густонаселенные пространства.

Кроме того, кочевое скотоводство предполагает отношение человека с природой, основанное на гомеостазе, в отличие от западноевропейской позиции, ориентированной на активное преобразование природы.

Гомеостаз требует определенного регулирования роста численности населения. Каковы же были естественные регуляторы численности бурят и монголов? Нужно заметить, что численность кочевников позволяла им долгое время, на протяжении нескольких столетий, находиться в равновесии с природой. Таковыми регуляторами могли быть низкая рождаемость или высокая смертность. Исследования К. Д. Басаевой [4] показывают, что у кочевых бурят рождаемость была достаточно высокой, но и смертность в грудном возрасте вплоть до середины XX в. была повышенной по сравнению с соседним русским населением. Даже в конце XIX в., когда земледелие уже играло существенную роль в хозяйстве бурят, смертность в грудном возрасте у бурят Иркутской губернии достигала 40–60 %, что существенно превышало аналогичный показатель среди русского населения. Подворная перепись населения Иркутской губернии конца 80-х гг. XIX в. показала, что у бурят численность детей была существенно ниже, чем у русских. Например, численность мальчиков до 14 лет к общему числу мужского населения составляла в то время 29,0 %, а у русских — 36,7 % [4].

Высокая рождаемость и смертность сохранялись вплоть до первой трети XX в. Так, по данным Центрального статистического управления Бурят-Монгольской АССР за 1925 г., смертность грудных детей составляла 50 % [5].

Интересно, что уже к середине XX в. удалось преодолеть высокую детскую смертность среди бурятского населения. В таких условиях при сохранении высокой рождаемости численность бурят должна была резко возрасти¹, однако этого не произошло. Удивительно, но и рождаемость снизилась. Вероятно, это связано с резким повышением образовательного уровня бурятского населения в тот же период².

Ниже представлена таблица, показывающая влияние первичной материальной структуры на формирование институциональной матрицы региона, ее преимущества и недостатки, ее воздействие на развитие рыночных отношений и современные трансформации.

В отличие от монгольской степи, на юге Восточной Сибири (куда попадает и территория Бурятии) толщина снежного покрова зимой превышает 30 см, преобладают лесостепи, зимой травоядные не могут пастись самостоятельно, требуется заготовка кормов на зиму. Поэтому на данной территории сформировался полуседельный жизненный уклад. Необходимость зимой переезжать в постоянное жилище — зимник, а летом в юрту на пастбища на большие расстояния с большим количеством скарба (что возможно только объединившись несколькими семьями 30–50 чел.) привела к тому, что родовая община бурятских семей держалась очень крепко не только за ближайших родственников в пределах нуклеарной семьи, но и выходила далеко за ее пределы. Кроме того, регулярные переезды из летника в зимник и обратно были связаны с высоким риском для жизни и имущества. Поэтому связи между близкими родственниками (братья, сестры, двоюродные, троюродные) поддерживались в течение всей жизни. Даже сегодня многие бурятские семьи могут без труда воспроизвести линию своих предков до 7-го колена и далее (также может быть объяснено экзогамией у бурят, подтверждающей родовое строение социума при низкой плотности заселения³). Для западноевропейской традиции характерны близкие отношения только в пределах нуклеарной семьи. В то время как у бурят вплоть до середины XX в. существовала традиция передавать своих детей на воспитание сестре или брату, или даже двоюродным родственникам, если, к примеру, те по каким-либо причинам не имели собственных детей. Это свидетельствует о том, что связи между двоюродными родственниками были очень близкими и они жили как одна семья, вели общее домашнее хозяйство. До середины XX в. среди бурят не наблюдалось такого явления, как сиротство. Дети не оставались без попечения родите-

¹ Например, в конце XX в. за счет вакцинации удалось резко сократить смертность в странах Африки. Рождаемость осталась на традиционно высоком уровне. Сегодня эти страны имеют самое молодое население в мире и демографический коллапс перенаселенности, при котором инфраструктура не в состоянии «переварить» резкий прирост населения в таких масштабах.

² Об отношении бурятского населения к образованию будет сказано ниже.

³ У бурят до сих пор существует обычай перед сватовством выяснять степень родства брачующихся. Желательно, чтобы они не приходились друг другу родственниками до 7-го колена.

лей, так как их брали на воспитание родственники. Как замечает одна из старейших этнографов Бурятии К. Д. Басаева: «Обществом не допускалось, чтобы престарелые, калеки, сироты были бездомными и безнадзорными» [4]. По наблюдениям русского писателя и ученого-статистика, исследовавшего Иркутскую губернию в XIX в. Н. М. Астырева: «У бурят нет нищих в том смысле, как культурные россияне понимают это слово: сирота, калека, вдова или немощный старик не бродят у них под окнами, вымаливая кусок хлеба. Эти слабые члены родовой общины содержатся всем родом, переходя из избы в избы, из юрты в юрту, живя в каждой определенное число дней и в каждой являясь равноправным членом семьи, имеющим место у очага, у котла с арсой или чаем, получающим от хозяина кусок мяса такой же величины, как и прочие куски, которые раздаются сыновьям и дочерям...» [1].

Необходимо отметить, что 300–400 лет назад предки бурят жили преимущественно охотой и рыбной ловлей, земледелием не занимались и помимо скотоводства одним из основных источников ресурсов для бурят была загонная (облавная) охота. Загонная охота имела важное значение в жизнеобеспечении бурят вплоть до середины XIX в. Это также можно считать одним из основных факторов формирования соответствующего жизненного уклада. Данный вид охоты был широко распространен на территории современной Бурятии и мог осуществляться в условиях степи и лесостепи только в коллективе 30–50 взрослых мужчин (это 7–12 нуклеарных семей или 80–120 человек, включая женщин и детей), что также способствовало укреплению коллективистских традиций взаимодействия в противоположность индивидуалистической традиции западноевропейской ментальности. Например, М. Н. Хангалов приводит такие сведения: «... количество людей, входивших в состав одной облавной охоты, доходило иногда до нескольких сотен и даже тысяч человек...» [10].

Мальчики с 12 лет прекрасно владели искусством верховой езды и стрельбы из лука, проходили своеобразный обряд инициализации, когда им позволяли принять участие в загонной охоте в качестве наездника. Загонная охота требует четкой слаженности действий, беспрекословного подчинения старшему (командующему охотой), охотничьего (боевого) мастерства от каждого участника. Регулярность таких охот позволяла держать в боевой готовности все мужское население бурят-монгольского этноса. В те обширные пространства, на которых проходила охота, иногда попадали охотничьи или пастбищные угодья⁴ соседних племен, родов или этносов. В этом случае зачастую происходили конфликты и тогда охота превращалась в военную операцию по захвату чужого имущества (скот, меха прежде всего). Все это способствовало закреплению коллективистской ментальности. Добыча от загонной охоты считалась общей для всех охотников и распределялась главным (тайши). Кстати, и в большой патриархальной бурятской семье, в которой насчитывалось до 70–80 членов 4–5 поколений и которая вела единое хозяйство, имела общее имущество от скота до продуктов питания, все ресурсы (вплоть до раздачи пищи «за столом») распределял глава семьи, это способствовало закреплению традиций редистрибуции (централизованного распределения) и патернализма. Косвенным свидетельством патернализма может служить и такой пример. В обычном праве бурят регламентировалось поведение бурят в быту вплоть до весьма зрелого возраста, например, ограничивалось употребление алкоголя до 40 лет, запрещались азартные игры [9]. Невозможно представить, чтобы в то время какой-либо бурят-одиночка или даже отдельная нуклеарная семья вели бы единоличное производительное хозяйство. Все личные устремления каждого индивида, даже самого амбициозного, выросшего в такой среде, не предполагали индивидуального успеха. Весь багаж знаний, накопленных многими поколениями предков, подсказывал, что личный успех может быть достигнут только путем приобретения определенного социального статуса своего рода в жесткой иерархии общественных отношений.

Обобщение данных различных исторических и этнографических источников и проведенное с использованием специальных методик стандартное этнопсихологическое исследование С. Ц. Чимитовой и З. Б. Бадмаевой [11] показали, что у бурят четко наблюдается готовность подчинения групповым нормам и ценностям. При этом проявляется тенденция к равноправному типу взаимоотношений, взаимодействия и общения, при которой сплачивающей силой становится чувство национальной принадлежности. Характерно в то же время и стремление не допускать дискомфортность в межличностных отношениях, попытки обходить острые углы в групповых контактах. Как показало прове-

⁴ Конечно, ни о каких отношениях собственности не могло быть и речи в то время, здесь имеется в виду ареал обитания.

денное исследование, среди бурят доминируют люди с коллективистическим типом восприятия группы и ее членов.

Необходимо также заметить, что скотоводство, предполагающее существование в гомеостазе с природой, не позволяет получить сколь-нибудь существенный прибавочный продукт для значительной массы населения. Товарные излишки, которыми можно было бы повсеместно обмениваться, в таких масштабах просто отсутствовали. Это сдерживало специализацию.

Кроме того, производственные условия требовали концентрации трудовых ресурсов, вести скотоводческое хозяйство малым количеством работников невыгодно. Вплоть до середины XIX в. только крупные хозяйства (до 70–80 человек) становились зажиточными. Поэтому в нашем регионе экономическую выгоду приобретало домашнее хозяйство, которое велось большой нераздельной семьей.

Институты, необходимые для формирования развитых рыночных отношений (Западная Европа)	Институты, сформировавшиеся в Монголии и Бурятии
<ol style="list-style-type: none"> 1. Более 2500-летняя история развития института частной собственности на все основные секторы производства и имущество. 2. Обособленность хозяйствующих субъектов, специализация, домашнее хозяйство ограничено нуклеарной семьей и даже отдельными ее членами. 3. Жизненная философия — индивидуализм, стремление к свободе личности, свержение авторитетов, протестантская этика. 4. Высокая плотность населения, частая повторяемость контактов и торговых трансакций. 5. Стимулы к производительному труду, появление существенной прибавочной стоимости, значительные товарные излишки. 6. Отношение к природе — активное преобразование, НПП и рост производительности диктуют рост стандартов потребления 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Отсутствие института частной собственности на землю и основное имущество. 2. Сохранение до середины XIX в. большой патриархальной семьи, где 4 поколения одного рода ведут общее домашнее хозяйство. 3. Жизненная философия — коллективизм, заглушенность личных устремлений, почитание старших по возрасту и социальному положению; коллективистские религии — православие, буддизм. 4. Низкая плотность населения, редкие торговые контакты. 5. Сверхприбыльные военные набеги, отсутствие производственного прибавочного продукта и значительных товарных излишков. 6. Отношение к природе — гомеостаз, равновесие, низкие стандарты потребления определяют незначительный масштаб и границы производства

Итак, мы видим, что первичная материальная структура Бурятии и Монголии привела к становлению неформальных институтов, которые препятствовали развитию рыночных отношений.

Литература

1. Астырев Н. М. Монголо-буряты Иркутской губернии // Северный вестник. — 1890. — № 12.
2. Атанов Н. И., Намжилова Б. Э. Российско-Монгольское сотрудничество в спектре приграничных взаимодействий // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. — 2011. — С. 27–40.
3. Атанов Н. И. Приграничное сотрудничество России с Монголией // Регион: Экономика и Социология. — 2009. — № 1. — С. 85–91.
4. Басаева К. Д. Семья и брак у бурят (вторая половина XIX — начало XX века). — Новосибирск: Наука, 1980.
5. Гранат Е. Состояние и заболеваемость детей Бурят-Монголии // Жизнь Бурятии. — 1929. — № 6.
6. Гумилев Л. Н. От Руси до России: очерки этнической истории. — М.: Айрис-пресс, 2008. — 320 с.
7. Кирдина С. Собственность в X-матрице // Отечественные записки. — 2004. — № 6.
8. Норт Д. Функционирование экономики во времени // Отечественные записки. — 2004. — № 36(21).
9. Обычное право хоринских бурят: памятники старомонгольской письменности: пер. с монг. — Новосибирск: Наука, 1992. — 312 с.
10. Хангалов М. Н. Собрание сочинений: в 3 т. / под ред. Г. Н. Румянцева. — Улан-Удэ: Республиканская типография, 2004. — Т. 1.
11. Хрестоматия по социальной психологии: учеб. пособие / вступ. ст. Т. М. Бостанджиева. — Тобольск: Изд-во ТГПИ им. Д. И. Менделеева, 2005. — 401 с.

References

1. Astyrev N. M. Mongolo-buryaty Irkutskoi gubernii [Mongolo-Buryatsof Irkutsk province]. *Severnyi vestnik – Northern Bulletin*. 1890. No 12.
2. Atanov N. I., Namzhilova B. E. Rossiisko-Mongol'skoe sotrudnichestvo v spektre prigranichnykh vzaimodeistvii [Russian-Mongolian cooperation in cross-border interactions]. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk – Bulletin of Buryat Research Center of Russian Academy of Sciences-Siberian Branch*. 2011. Pp. 27–40.
3. Atanov N.I. Prigranichnoe sotrudnichestvo Rossii s Mongoliei [Cross-border cooperation of Russia and Mongolia]. *Region: Ekonomika i Sotsiologiya – Region: Economy and Sociology*. 2009. No 1. Pp. 85–91.
4. Basaeva K. D. *Sem'ya i brak u buryat (vtoraya polovina XIX — nachalo XX veka)* [Family and marriage of Buryats (the second half of 19th – early 20th century)]. Novosibirsk: Nauka, 1980.
5. Granat E. Sostoyanie i zaboлеваemost' detei Buryat-Mongolii [Status and morbidity of Buryat-Mongolian children]. *Zhizn' Buryatii – The Life of Buryatia*. 1929. No 6.
6. Gumilev L. N. *Ot Rusi do Rossii: ocherki etnicheskoi istorii* [From Rus to Russia: Essays of ethnic history]. Moscow: Airis-press, 2008. 320 p.
7. Kirdina S. Sobstvennost' v Iks-matritse [Property in the X-matrix]. *Otechestvennye zapiski – Memoirs of Fatherland*. 2004. No 6.
8. Nort D. Funktsionirovanie ekonomiki vo vremeni [Functioning of economy over time] *Otechestvennye zapiski – Memoirs of Fatherland*. 2004. No 36(21).
9. *Obychnoe pravo khorinskikh buryat: pamyatniki staromongol'skoi pis'mennosti* [Customary law of Horinsk Buryats: monuments of Old Mongolian script]. Novosibirsk: Nauka, 1992. 312 p. (transl. from Mong.)
10. Khangalov M. N. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]: in 3 vol. Ulan-Ude: Republican Printing House. 2004. Vol. 1.
11. *Khrestomatiya po sotsial'noi psikhologii* [Readings in social psychology]. Tobolsk: Publishing Department of D. I. Mendeleev Tobolsk State Pedagogical Institute. 2005. 401 p. Chimitova S. Ts., Badmaeva Z. B. *Etnopsikhologicheskie osobennosti vospitaniya buryatskoi molodezhi (po materialam issledovaniya)* [Ethnopsychological features of Buryat youth education (studies)]. Pp. 57–68.

УДК 338.24

РАЗВИТИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО КАПИТАЛА© *Будаева Инесса Олеговна*аспирант Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления
Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Ключевская, 40В.

E-mail: inessa.olegovna91@mail.ru

В статье представлена эволюция теоретических подходов к определению понятия «интеллектуальный капитал». Автором предложено три теоретических подхода к определению изучаемого объекта, которые он расположил в следующей хронологической последовательности: объектный, структурный и процессный. В соответствии с представленной точкой зрения проведен анализ определений понятия интеллектуального капитала, предложенных различными исследователями, описаны их недостатки и преимущества. Особое внимание уделено исследователям, использующим при определении процессный подход, поскольку именно он является доминирующим в современной теории интеллектуального капитала. В результате анализа представлен авторский подход, названный комбинированным, в соответствии с которым интеллектуальный капитал характеризуется как собирательное понятие, представляющее часть нематериальных активов в виде суммы человеческого, информационного, идеологического, структурного и клиентского капиталов, которые в процессе взаимодействия способны увеличивать добавленную стоимость.

Ключевые слова: интеллектуальный капитал, объектный подход, структурный подход, процессный подход.

DEVELOPMENT OF THEORETICAL APPROACHES TO THE DEFINITION OF INTELLECTUAL CAPITAL*Budaeva Inessa O.*Research Assistant, East Siberian State University of Technologies and Management
40V, Kluychevskaya, Ulan-Ude, 670047, Russia

The article presents the evolution of theoretical approaches to the definition of intellectual capital. The author proposes three theoretical approaches to the definition of the studied object, which are located in the following chronological order: the object, structural and process approach. In accordance with the considered point of view the definition of the concept of intellectual capital, proposed by various researchers, has been analyzed, their advantages and disadvantages are described. Particular attention is paid to the researchers, who have used the process approach, because it is dominant in the modern theory of intellectual capital. As a result of the analysis the author's approach has been presented, which is called as combined one. According to it the intellectual capital is characterized as a collective notion of the intangible assets, summarizing the amount of human, informational, ideological, structural and customer capital, which in the process of interaction can increase profits.

Keywords: intellectual capital, object approach, structural approach, process approach.

Глобальные изменения, происходящие в технологиях производства товаров и услуг, связаны с повсеместным использованием достижений передовой науки. В этих условиях материальные активы составляют небольшую часть используемых ресурсов и основой конкурентоспособности экономики становятся люди, обладающие критическими знаниями, и их интеллектуальный потенциал, реализуемый в виде компетенции кадров. Все это определяет настоятельную необходимость движения в экономике, основанной на знаниях.

Доиндустриальное общество характеризовалось использованием природных и трудовых ресурсов, индустриальное — материальных ресурсов. В постиндустриальном обществе приоритет принадлежит интеллектуальным и информационным ресурсам. Понятие интеллектуального потенциала, не являясь сугубо экономической парадигмой, выходит за рамки отдельных областей знания и претендует на роль своего рода идеологии постиндустриального общества.

По мере использования в производственном процессе и приобретения новых свойств знания и информация меняют свое название и становятся фактором производства. Такие понятия, как знаниевые ак-

тивы, гуманитарный капитал, интеллектуальные ресурсы и интеллектуальный капитал, часто используются как тождественные понятия и принадлежат к числу наиболее подвижных категорий, используемых в экономических исследованиях.

В современной экономической науке фактор производства, основанный исключительно на знаниях и информации, уже традиционно именуется «интеллектуальным капиталом» (ИК).

В связи с тем, что сущность интеллектуального капитала рассматривается с разных точек зрения, наблюдается разнообразие подходов к его определению. В процессе своего онтогенеза понятие интеллектуального капитала изменялось. Существующие ныне подходы к его определению можно расположить в следующей последовательности. Один из хронологически первых подходов к определению можно охарактеризовать как *объектный подход*. С данной точки зрения интеллектуальный капитал — это процесс или явление, которым можно управлять (ИК как объект управления). Следующий подход предполагает рассмотрение понятия интеллектуального капитала как целостного комплекса взаимосвязанных элементов, который обладает всеми основными свойствами системного образования: целостностью, иерархичностью строения, структурой, множественностью. Его можно определить как системный. Широко используется подход к определению интеллектуального капитала как динамической и последовательной смены состояний компонентов его структуры во времени. Такой подход можно дифференцировать как процессный.

Свое историческое развитие теория интеллектуального капитала получила в 1950–1960-х гг. XX в., когда понимание экономического прогресса стало все более концентрироваться вокруг проблемы человека. Первыми учеными, занимавшимися развитием данной теории, являлись ученые неоклассического направления, такие как Т. Шульц, Дж. Минцнер, Л. Туроу, Й. Бен-Порэт, У. Боуэн, Г. Беккер. В процессе разработки теории интеллектуального капитала они опирались в первую очередь на труды классиков политической экономии А. Смита, Дж. Милля, К. Маркса, которые, анализируя сущность рабочей силы, рассматривали способности и развитие людей как главный источник богатства страны и считали «интеллектуальный капитал» собирательным понятием количества и качества человеческой способности к труду.

Современное понятие «интеллектуальный капитал» впервые в 1969 г. ввел американский экономист Дж. Гелбрейт. В своих работах он рассматривает интеллектуальный капитал как *«интеллектуальную деятельность»*, как нечто большее, чем «чистый интеллект». В частности, он отмечает, что «доллар, вложенный в интеллект человека, часто приносит больший прирост национального дохода, чем доллар, вложенный в железные дороги, плотины, машины и другие капитальные блага. Образование становится высокопроизводительной формой капитальных вложений». Определяя понятия интеллектуального капитала и интеллектуальной деятельности, Дж. Гелбрейт использует отмеченный выше объектный подход. По его мнению, интеллектуальным капиталом можно управлять через интеллектуальную деятельность. Существенным недочетом этого определения является то, что автор не описывает в нем структуру изучаемого явления.

Э. Брукинг, автор книги «Интеллектуальный капитал: ключ к успеху в новом тысячелетии» (1996), подчеркивает системность понятия интеллектуального капитала, выделяя его составными частями (группами) человеческие активы, интеллектуальную собственность, инфраструктурные и рыночные активы. Созидательное использование капитализированных интеллектуальных знаний, по его мнению, обеспечивает производство новых интеллектуальных благ и получение доходов. Также он отмечает, что в случае отсутствия интеллектуального капитала компания не может существовать и усиливать свои конкурентные преимущества. Э. Брукинг предлагает ряд методов оценки по каждой из составляющих интеллектуального капитала. Хотя автором предложены и структура и методы оценки, он не раскрывает содержание термина «созидательное использование», что позволяет интерпретировать его подход как в большей степени системный.

В рамках указанного подхода представляет понятие ИК известный американский экономист и публицист Т. Стюарт. В своей книге «Интеллектуальный капитал — новый источник богатства организаций» (1997) он характеризует ИК как *«сумму всего того, что знают работники компании и что дает конкурентное преимущество компании на рынке»*. Несмотря на то, что данное определение идентифицирует ИК как конкурентное преимущество, оно не раскрывает компонентов суммы знаний интеллектуального капитала.

Поскольку главной функцией интеллектуального капитала является существенное ускорение массы прибыли за счет формирования и реализации необходимых систем знаний, вещей и отношений, дальнейшее развитие подходов к определению ИК становится невозможным без описания того процесса,

при котором интеллектуальный капитал трансформируется в прибыль. На основе системного подхода развивается указанный ранее процессный подход, который становится доминирующим в современной теории ИК. Такие ученые, как Л. Эдвинсон, В. Л. Иноземцев, Л. Прусак, Г. Петраш, С. Садерсанам, Дж. Скаих, Дж. Суорт, в своих трудах рассматривают интеллектуальный капитал именно с точки зрения процесса трансформации.

Значительное влияние на формирование современного понимания интеллектуального капитала оказала работа Л. Эдвинсона «Навигатор», вышедшая в 1997 г. В ней автор характеризует ИК как знания, которые можно конвертировать в стоимость. В своем определении автор признает возможность существования добавленной стоимости и трактует его не как комплекс взаимосвязанных элементов, а как процесс, в ходе которого можно получить прибыль. Однако он недооценивает важность описания самого процесса «конвертирования».

В. Л. Иноземцев («За пределами экономического общества», 1998) особое значение придает информации и знаниям. По его мнению, *интеллектуальный капитал является результатом производственного процесса с участием таких специфических по своей природе факторов, как знания и информация*. Структуру ИК он определяет как «коллективный мозг», который аккумулирует научные и обыденные знания работников, интеллектуальную собственность и накопленный опыт, общение и организационную структуру, информационные сети и имидж фирмы. Однако в предложенном определении не упоминается о существовании прибыли, которую может приносить интеллектуальный капитал.

Л. Прусак, автор книги «Рабочее знание: как организации управляют тем, что они знают» (1998), определяет интеллектуальный капитал как *«интеллектуальный материал, который формализуется, обрабатывается и используется для увеличения стоимости активов компании»*. Автор обнаруживает наличие добавленной стоимости, но не раскрывает содержание категории «интеллектуальный материал», не дает способов его оценки.

Г. Петраш считает, что интеллектуальный капитал — *это совокупность знаний работников, эффективное управление которыми позволяет повысить прибыль компании*. В данном случае можно говорить о том, что автор выделяет в составе интеллектуального капитала не только человеческий капитал, но и структурный, который подразумевается под понятием «эффективное управление». Тем не менее недостаточно полным это определение делает то, что отсутствует включение других компонентов интеллектуального капитала. Данное определение можно рассматривать как с точки зрения объектного подхода, когда интеллектуальный капитал представляется объектом управления совокупностью знаний работников, так и процессного — получение прибыли как результат эффективного управления.

С. Садерсанам определяет интеллектуальный капитал как *знания, выраженные в форме активов, которые в наибольшей степени усиливают конкурентоспособность компании, генерируя добавленную стоимость ее акционерам*. Несомненное преимущество данного определения в том, что оно акцентирует внимание на определяющем влиянии ИК на добавленную стоимость компании в целом, однако в то же время не ясен критерий, определяющий «наибольшую степень» усиления конкурентной способности компании.

Дж. Скаих, дополнив определение понятия интеллектуального капитала, данное Л. Эдвинсоном, характеризует его как знания, способные конвертироваться не только в стоимость, но и в интеллектуальный материал (знания, информацию, интеллектуальную собственность и опыт), которые, в свою очередь, могут создавать богатство. В отличие от предыдущих определений, где различные термины не «расшифровывались» авторами, Дж. Скаих подробно описывает структуру «материального капитала», но не указывает другие элементы интеллектуального капитала.

Дж. Суорт определяет ИК как *материальный (осязаемый) результат в форме товаров и услуг на занимаемом компанией месте на рынке; эта продукция несет в себе уникальные индивидуальные и групповые знания и навыки*. В его классификации ИК включает в себя структурный, клиентский, человеческий и социальные капиталы. Автор, конкретизируя смысл существования интеллектуального капитала для организации в виде видимого результата, однако не придает значения описанию структуры и свойств «производящей силы».

Подытоживая приведенный выше обзор существующих на данный момент различных теоретических подходов к определению интеллектуального капитала, следует отметить, что исследуемое нами понятие непрерывно эволюционировало. Этому есть объективные причины: границы содержания понятия ИК постоянно расширяются, в том числе в связи с появлением новых терминов, попытками исследователей точнее описать процессы, влияющие на его формирование, и т. д. Если основоположники теории интел-

лектуального капитала характеризовали его как объект управления, то в последующем ученые-экономисты выделили компоненты, формирующие структуру понятия и на основе главной функции, выполняемой ИК, описали процесс трансформации интеллектуального капитала в прибыль. По нашему мнению, на начальном этапе больший интерес у исследователей вызывала структура, а в последующем — механизм и результат использования интеллектуального капитала. Однако они не берут во внимание существующий синергетический эффект, которым обладает интеллектуальный капитал, и возможность использования комбинированного подхода его к определению. Исследование этого синергетического эффекта предполагает изучение возможности получения большего экономического эффекта в результате объединения элементов, а не исследования простой арифметической суммы экономических эффектов от деятельности отдельных элементов.

Таким образом, представляется целесообразным понимать под интеллектуальным капиталом собирательное понятие, представляющее часть нематериальных активов в виде суммы человеческого, информационного, идеологического, структурного и клиентского капиталов, которые в процессе взаимодействия способны увеличивать добавленную стоимость. В свою очередь, человеческий капитал состоит из запаса знаний, опыта и способностей работников; информационный капитал — из любой внешней и внутренней информации, которая имеет ценность; идеологический капитал — из корпоративного климата, методологии управленческих процессов и корпоративной культуры; структурный капитал — из стратегии организации, внутренних сетей, систем, баз данных и файлов, а также его законных авторских прав на технологии, процессы, изобретения, товарные знаки, коммерческие тайны, торговые марки и лицензии; клиентский капитал включает такие понятия, как бренд и гудвилл.

Преимуществом использования комбинированного подхода в определении интеллектуального капитала является то, что он позволяет учесть все особенности данного понятия и дает возможность упростить процесс его оценивания.

Литература

1. Edvinsson L., Malone M. *Intellectual Capital. Realizing Your Company's True Value by Finding its Hidden Roots*. — N. Y.: Harper Business, 1997.
2. Juani S. *Identifying the sub-components of intellectual capital: a literature review and development of measure* // University of Bath of School Management. — 2005.
3. Petrash G. *Dow's journey to a knowledge value management culture* // *European Management Journal*. — 1996. — P. 122.
4. Prusak L. *Working Knowledge: How organizations manage what they know* // Harvard Business School Press. — 2004.
5. Skaikh J. *Measuring and reporting of intellectual capital performance analysis* // *Journal of American Academy of Business, Cambridge*. — 2004.
6. Sudarsanam S. *Valuation of Intellectual Capital and Real Options Model* // Cranfield University. — 2003. — P. 164.
7. Цыренов Д. Д. Оценка когнитивного потенциала региональной экономики в условиях развития экономики знаний // *Фундаментальные исследования*. — 2014. — № 3–4.
8. Цыренов Д. Д. Экономика знаний в Республике Бурятия: факторный анализ // *Вестник Бурятского государственного университета*. — 2013. — № 2.

References

1. Edvinsson L., Malone M. *Intellectual Capital. Realizing Your Company's True Value by Finding its Hidden Roots*. N. Y.: Harper Business, 1997.
2. Juani S. *Identifying the sub-components of intellectual capital: a literature review and development of measure*. University of Bath of School Management. 2005.
3. Petrash G. *Dow's journey to a knowledge value management culture*. *European Management Journal*. 1996. P. 122.
4. Prusak L. *Working Knowledge: How organizations manage what they know*. Harvard Business School Press, 2004.
5. Skaikh J. *Measuring and reporting of intellectual capital performance analysis*. *Journal of American Academy of Business, Cambridge*. 2004.
6. Sudarsanam S. *Valuation of Intellectual Capital and Real Options Model*. Cranfield University, 2003. P. 164.
7. Tsyrenov D. D. *Otsenka kognitivnogo potentsiala regional'noi ekonomiki v usloviyakh razvitiya ekonomiki znaniy* [Evaluation of regional economy cognitive potential in conditions of knowledge economy]. *Fundamental'nye issledovaniya – Basic Research*. 2014. No 3–4.
8. Tsyrenov D. D. *Ekonomika znaniy v Respublike Buryatiya: faktorniy analiz* [Knowledge Economy in the Republic of Buryatia: factor analysis]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Buryat State University*. 2013. No 2.

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

УДК 332.1

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ И ТЕНДЕНЦИИ ИХ РАЗМЕЩЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ)

© *Цыренов Даши Дашанимаевич*

кандидат экономических наук, заместитель директора Института экономики и управления Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: dashi555@mail.ru

В статье рассмотрены результаты теоретического и прикладного исследования производительных сил Республики Бурятия. Основной акцент автором сделан на анализе пространственного размещения производительных сил в муниципальных образованиях республики.

Ключевые слова: производительные силы, территориальная структура, размещение производительных сил.

THE TERRITORIAL STRUCTURE OF THE PRODUCTIVE FORCES AND TENDENCIES OF THEIR PLACEMENT

Tsyrenov Dashi D.

PhD in Economics, Associated Director, Institute of Economics and Management Buryat State University
24a, Smolina, Ulan-Ude, 670000, Russia

The article describes the results of theoretical and applied research of the productive forces in the Republic of Buryatia. The main emphasis is on the analysis of the spatial distribution of productive forces in the municipalities of the republic.

Keywords: productive forces, territorial structure, distribution of productive forces.

Вопросы развития и размещения производительных сил в пространстве занимают важное место в теоретических изысканиях целой плеяды известных отечественных и зарубежных ученых, работающих в сфере региональной экономики. Предметной областью региональной экономики как раз и является размещение производительных сил. Академик А. Г. Гранберг отмечал, что «изучение размещения производительных сил — процесса стихийного или целенаправленного распределения по территории объектов и явлений — традиционно включается в предмет региональной экономики».

В современных условиях наряду с классическими факторами, стимулирующими процессы пространственной концентрации производительных сил (в частности транспортный, ресурсный, энергетический, сырьевой, потребительский и другие факторы) и обеспечивающими проявление разных типов экономий, на передний план выдвигаются новые, среди которых «интеллектуальные факторы» (факторы пространственной концентрации новых знаний, инноваций, информации, интеллектуального капитала и др.). Неодинаковые действия этих факторов в разных частях экономического пространства обуславливают пространственную дифференциацию производства.

Исследуем территориальную структуру производительных сил Республики Бурятия и его элементов, характеризующую пространственную экономику в разрезе муниципальных образований.

На 1 января 2014 г. Республика Бурятия состоит из 6 городов и 23 муниципальных административных районов, различающихся по всем основным характеристикам экономического и социального развития. Неоднородность обусловлена как объективными факторами — природно-климатические условия, ресурсы и демография, так и экономическими — транспортная инфраструктура, деловая активность, качество управленческого ресурса и др.

Оценка развития и размещения производительных сил Республики Бурятия осуществляется на основе исследования валовой добавленной стоимости (ВДС) и ее отраслевой и территориальной структуры. ВДС отражает образование первичных доходов в результате процесса производства товаров и услуг и позволяет оценить отраслевую специализацию как региона в целом, так и отдельных муниципальных образований. Иными словами, преобладание ВДС по отдельной отрасли отражает

соответствующую отраслевую специализацию; с другой стороны, территории, обеспечивающие наибольшую ВДС, являются лидерами в экономическом развитии.

По вкладу в ВДС основных отраслей выделяются районы с ярко выраженной специализацией (табл. 1). К промышленным районам можно отнести Баунтовский (83,5 % всего производства товаров), Муйский (90,7 %), Окинский (72,5 %), Селенгинский (80,3 %), Кабанский (53,8 %), Мухоршибирский (56,9 %) и г. Улан-Удэ (84,1 %); к аграрным — Джидинский (85,8 %), Кижингинский (83,1 %), Бичурский (78,7 %), Иволгинский (74,9 %), Курумканский (74,7 %), Тарбагатайский (75,1 %) районы. Остальные муниципальные образования можно отнести к категории аграрно-промышленных районов.

Таблица 1

Территориальная структура ВДС РБ в разрезе основных отраслей экономики, %

Муниципальные образования	ВДС в основных целях					
	Производство товаров				Производство услуг	
	всего	в том числе по основным отраслям			всего	в том числе в торговле
		промышленность	сельское хозяйство	строительство		
Баргузинский	48,2	21,6	63,8	4,9	51,8	9,3
Баунтовский	69,7	83,5	6,1	7,4	30,3	15,5
Бичурский	67	12,6	78,7	4,9	33	17,8
Джидинский	66,4	8,2	85,8	4,1	33,6	11,2
Еравнинский	63,7	22,9	69	4,5	36,3	15,7
Заиграевский	51,2	31,4	56,6	7,6	48,8	11,9
Закаменский	55,9	27,8	62,4	7	44,1	8,9
Иволгинский	54,4	9,7	74,9	13,1	45,6	15,4
Кабанский	63,7	53,8	29,2	15,5	36,3	23,3
Кижингинский	57,3	9,2	83,1	3,5	42,7	11,8
Курумканский	57,5	9,7	74,7	11,3	42,5	4,6
Кяхтинский	57,5	6,2	54,2	37,6	42,5	13,6
Муйский	81	90,7	0,9	7,2	19	18,2
Мухоршибирский	75,2	56,9	39,4	2,3	24,8	10,9
Окинский	91,3	72,5	5,6	21,6	8,7	1,9
Прибайкальский	55,5	36,7	51,8	4,5	44,5	13,5
Северо-Байкальский	44,5	49,4	13,8	25,4	55,5	13,9
Селенгинский	74,9	80,3	14	4,8	25,1	16,4
Тарбагатайский	69,4	15,1	75,1	8,2	30,6	6
Тункинский	65,1	6,3	60,8	29,9	34,9	9,2
Хоринский	61,1	28	61,5	6	38,9	20,2
г. Улан-Удэ	60,9	84,1	1,9	10,6	39,1	4,7
г. Северобайкальск	25,2	16,2	0	83,8	74,8	70,1

Проведенный анализ подтверждает аграрную специализацию Республики Бурятия в целом, которая приносит несопоставимо мало по сравнению с объемом производства налоговых поступлений в местный бюджет (отрасль кормит в физическом смысле, но очень слабо кормит в финансовом плане). Доля сельского хозяйства в валовой добавленной стоимости республики всегда ниже, чем его доля в занятости, что означает хронически более низкий уровень производительности труда каждого работника, чем в среднем по республике.

Некорпоративная диверсифицированная малая региональная экономика с сельской спецификой и нецентральным экономико-географическим положением — так можно лаконично сформулировать основную специфику региональной экономики.

В республике нет крупных корпоративных структур как в аграрном, так и в промышленном секторе (за исключением ОАО «Улан-Удэнский авиационный завод»). Региональная экономика сложена в основном средними и малыми предприятиями. Например, десять ведущих налогоплательщиков республики включают местные филиалы ОАО «Российские железные дороги», «Сбербанк России» и несколько про-

мышленных предприятий. Их совокупный вклад в консолидированный республиканский бюджет края составляет около 20 % (т. е. каждый по 2 % в среднем).

Отсутствие гигантов в местном сельском хозяйстве определяется нецентральной экономико-географическим положением республики, что уменьшает интерес внешних инвесторов и определяет доминирование местных собственников в заготовке и переработке сельхозпродукции.

Отсутствие крупных федеральных корпораций в экономике республики определяет особенности его политико-экономической структуры, в которой нет коалиций и группировок влияния, отчужденных от местной почвы, но способных оказать сильное влияние на поведение местной власти.

Пространственное распределение ВДС в разрезе муниципальных образований Республики Бурятия представлено в табл. 2.

Таблица 2

Территориальная структура ВДС РБ, %

Муниципальные образования	ВДС в основных ценах			В том числе ВДС по основным отраслям				Рейтинг МО по вкладу в ВДС
	всего	в том числе		Промышленность	Сельское хозяйство	Строительство	Торговля и общ. питание	
		Производство товаров	Производство услуг					
Республика Бурятия	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	
в т. ч. по районам:								
Баргузинский	1,51	1,26	1,85	0,46	3,71	0,39	0,63	16
Баунтовский	2,03	2,45	1,45	3,43	0,68	1,13	0,83	11
Бичурский	1,83	2,13	1,42	0,45	7,71	0,66	0,93	14
Джидинский	2,00	2,31	1,59	0,32	9,11	0,59	0,65	12
Еравнинский	1,10	1,22	0,94	0,47	3,87	0,34	0,54	22
Заиграевский	2,38	2,12	2,74	1,12	5,52	1,01	1,20	8
Закаменский	2,15	2,09	2,24	0,97	5,99	0,91	0,73	10
Иволгинский	1,33	1,26	1,43	0,20	4,33	1,03	0,80	19
Кабанский	5,24	5,80	4,48	5,23	7,78	5,61	3,84	4
Кижингинский	1,23	1,22	1,23	0,19	4,66	0,27	0,53	20
Курумканский	1,12	1,12	1,13	0,18	3,86	0,80	0,19	21
Кяхтинский	2,35	2,35	2,36	0,24	5,85	5,52	1,17	9
Муйский	3,77	5,30	1,69	8,06	0,23	2,39	1,13	5
Мухоршибирский	3,45	4,51	2,01	4,30	8,18	0,66	0,80	6
Окинский	2,76	4,38	0,57	5,33	1,12	5,92	0,04	7
Прибайкальский	1,55	1,49	1,63	0,92	3,57	0,42	0,81	15
Северо-Байкальский	1,42	1,10	1,86	0,9	0,70	1,74	0,95	18
Селенгинский	5,94	7,73	3,52	10,40	4,97	2,35	2,12	3
Тарбагатайский	1,08	1,31	0,78	0,33	4,51	0,67	0,17	23
Тункинский	1,86	2,10	1,53	0,22	5,87	3,93	0,51	13
Хоринский	1,49	1,58	1,37	0,7	4,49	0,60	1,01	17
г. Улан-Удэ	35,93	37,90	33,14	53,56	3,29	25,32	5,76	1
г. Северобайкальск	16,46	7,20	29,04	1,95	0,00	37,75	74,63	2

Лидерами в создании ВДС являются города Улан-Удэ и Северобайкальск, а среди сельских муниципальных образований — Селенгинский и Кабанский районы. Соответственно аутсайдерами выступают Курумканский, Еравнинский и Тарбагатайский районы. Если отсталость Курумканского и Еравнинского районов можно объяснить их периферийностью и удаленностью от полюса экономической и культурно-образовательной активности, то отсталость пригородного Тарбагатайского района нуждается в других обоснованиях.

Также неравномерно распределена ВДС в разрезе муниципальных образований по основным отраслям. Например, удельный вес г. Улан-Удэ в ВДС промышленности составил 53,6 %, а Тункинском районе — 0,2 %, в ДВС строительства максимальная доля принадлежит г. Северобайкальск (37,8 %), минимальная — Кижингинскому (0,3 %) и Еравнинскому (0,3 %) районам.

Проведенный анализ выявил весьма значительную дифференциацию муниципальных образований Республики Бурятия как по отраслевой структуре, так и по пространственному распределению производительных сил.

Следует выделить следующие новые глобальные тенденции в размещении производительных сил, которые должны учитываться для Республики Бурятия:

1. Адаптация пространственной структуры (организации) производительных сил (децентрализация, дальнейшее рассредоточение) к новому малому и среднему размеру предприятия. Вместо крупных зон советских гигантов возникают технопарки, индустриальные парки, промышленные округа малых и средних промышленных предприятий, в которых идет отработка новых технологий, новых видов материалов и новой продукции, часто с привлечением ресурсов и знания иностранных инвесторов.

2. Преобразование старопромышленных зон в многофункциональные территории. Эта «переработка» специализации региона (основа пятого технологического уклада) в новую (шестой технологический уклад) осуществляется в значительной степени силами малого бизнеса и неизбежно сопровождается крупными пространственными сдвигами в размещении производительных сил: на месте участков промзон возникают досуговые, торгово-развлекательные центры и рекреационные зоны; в сельской местности возникают компактные объекты новой промышленности. Локализованные технологические «платформы» становятся реальным инструментом диверсификации региональной экономики и выращивания новой региональной специализации — высокотехнологичной медицины, фармацевтической, биотехнологической, информационно-технологической и другой.

3. Субурбанизация классического типа, характеризующаяся ситуацией занятости населения в городе, а проживания в пригороде. В отдельных муниципальных образованиях, граничащих с относительно крупными городами, возникает коммунитированная занятость и перетекание наиболее активной части человеческого потенциала в центры притяжения трудовых ресурсов.

Новая экономическая эпоха, в которой беспрецедентно возвышается роль услуг, в том числе интеллектуальных, факторов знания и инноваций как главных источников глобальной конкурентоспособности, объективно востребует совсем другие формы и принципы организационного устройства, в том числе и управления инновационной деятельностью.

На смену прежней триаде приходит новая: мозаика малых, средних и крупных промышленных предприятий — сетевые формы организации производительной экономической деятельности — проект как широко распространенная форма организации и управления ключевыми, локомотивными, наиболее быстро развивающимися видами деятельности.

Литература

1. Анимитца Е. Г., Анимитца П. Е., Денисова О. Ю. Эволюция научных взглядов на теорию размещения производительных сил // Экономика региона. — 2014. — № 2. — С. 21–31.
2. Пилясов А. Н. Размещение производительных сил в условиях инновационной экономики // Современные производительные силы. — 2014. — № 1. — С. 22–37.
3. Цыренов Д. Д. Оценка уровня развития производительных сил в рейтинге субъектов Сибирского федерального округа // Вестник Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления. — 2014. — № 6. — С. 147–151.
4. Цыренов Д. Д. Статистическая оценка места муниципального образования в экономическом пространстве Республики Бурятия // Вестник Бурятского государственного университета. — 2014. — № 2. — С. 34–37.

References

1. Animitsa E. G., Animitsa P. E., Denisova O. Yu. Evolyutsiya nauchnykh vzglyadov na teoriyu razmeshcheniya proizvoditel'nykh sil [Evolution of scientific views on the theory of productive forces]. *Ekonomika regiona – The economy of region*. 2014. No 2. Pp. 21–31.
2. Pilyasov A. N. Razmeshchenie proizvoditel'nykh sil v usloviyakh innovatsionnoi ekonomiki [Distribution of productive forces in innovation economy conditions]. *Sovremennye proizvoditel'nye sily – Actual productive forces*. 2014. No 1. Pp. 22–37.
3. Tsyrenov D. D. Otsenka urovnya razvitiya proizvoditel'nykh sil v reitinge sub"ektov Sibirskogo federal'nogo okruga [Assessment of productive forces level of development in rating of the Siberian Federal District subjects]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta tekhnologii i upravleniya – Bulletin of East Siberian State University of Technology and Management*. 2014. No 6. Pp. 147–151.
4. Tsyrenov D. D. Statisticheskaya otsenka mesta munitsipal'nogo obrazovaniya v ekonomicheskom prostranstve Respubliki Buryatiya [Statistical evaluation of municipality place in the Republic of Buryatia economic space]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Buryat State University*. 2014. No 2. Pp. 34–37.

УДК 332.1

РОЛЬ КРЕАТИВНОЙ ЭКОНОМИКИ В РАЗВИТИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РЕГИОНА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ© *Бадлуева Майя Павловна*

ассистент кафедры государственного и муниципального управления Бурятского государственного университета

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

E-mail: badlueva11@gmail.com

© *Аюрзанайн Аюр Биликтоевич*

кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры экономической теории, национальной и мировой экономики Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Каландаришвили, 16

E-mail: ayurza9@yandex.ru

В условиях постиндустриальной экономики исследование развития социально-экономических систем региона приобретает особую важность. Одним из основных факторов конкурентоспособности регионов становятся «креативные индустрии», основанные на научно-технических достижениях, инновациях на всех стадиях продвижения товара и креативных способностях.

В статье рассмотрены основные подходы к определению понятия «социально-экономическая система», выделены основные типы социально-экономических систем, проведен анализ современного состояния «креативных индустрий» в Сибирском федеральном округе.

Ключевые слова: социально-экономическая система, креативная экономика, креативные индустрии, Сибирский федеральный округ.

THE ROLE OF CREATIVE ECONOMY IN THE DEVELOPMENT OF SOCIOECONOMIC SYSTEM OF THE REGION IN MODERN CONDITIONS*Badlueva Maya P.*

Assistant, department of state and municipal management, Buryat State University

24a, Smolina, Ulan-Ude, 670000, Russia

Ayurzanain Ayur B.

PhD in Economics, Senior Lecturer, department of economic theory, national and world economy; East-Siberian State University of Technologies and Management

16, Kalandarishvili, Ulan-Ude, 670000, Russia

In the conditions of a post-industrial economy the study of the development of socioeconomic systems in the region has a special importance. One of the main factors of regional competitiveness become “creative industries”, based on scientific and technical achievements, innovations at all stages of product promotion and creative abilities. The article is devoted to the main approaches to the definition of “socioeconomic system”, the main types of socioeconomic systems are revealed and the analysis of the current condition of “creative industries” in the Siberian Federal District is made.

Keywords: socioeconomic system, creative economy, creative industries, the Siberian Federal District.

Стратегической задачей государства является долгосрочное социально-экономическое развитие регионов. Основой эффективного регионального управления является точное и доскональное знание всех процессов, обеспечивающих комплексное развитие социально-экономической системы (далее СЭС) региона.

Особое внимание исследованию сложного поведения социально-экономических систем уделено в работах С. П. Капицы, С. П. Курдюмова, К. Майнцера, Г. Г. Малинецкого, Н. И. Мироновой, Г. Николлеса, А. И. Пригожина, И. Стенгерс, М. В. Сухарева. Конкретные направления исследования проблем управления региональными социально-экономическими системами изучили И. М. Айзинова, Е. А. Барбашин, В. И. Бутов, Ю. И. Вертакова, М. В. Винокуров, А. Г. Гранберг, С. С. Железняков, Н. П. Кетов, Н. Н. Некрасов, В. В. Пациорковский, С. С. Шаталин и др. Однако следует отметить, что вопросы управления региональными социально-экономическими системами требуют дальнейших исследований с учетом новых тенденций их развития.

Проанализируем содержание понятия «социально-экономическая система». Современные социально-экономические системы являются специфическими системами различных социально-экономических отношений между субъектами общества (материальных, энергетических, информационных и т. п.). Этим системам присущ ряд особенных свойств [1].

Своевременные ученые выделяют несколько базовых свойств социально-экономических систем, которые приобретают особую значимость и важность в процессе экономических исследований:

1. Иерархичность социально-экономической системы. Например, на муниципальном уровне экономические агенты выступают элементами районных и муниципальных социально-экономических систем, формируя элементы региональных СЭС, которые являются частями межрегиональных объединений на федеральном уровне. Далее, можно выделить уровень федеральных округов в частности и Российской Федерации в целом. Данное свойство указывает на различие порядка элементов социально-экономической системы от более низкого к более высокому.

2. Целостность социально-экономической системы. Ярким примером в данном случае является взаимодействие производительных сил и производственных отношений: при изменении средств производства меняются производственные отношения и вся система. Данное свойство особо подчеркивает значимость каждого элемента социально-экономической системы. При этом изменение любого компонента системы приводит к значимым изменениям системы в целом. Отмечается эмерджентность системы как высшее проявление целостности социально-экономической системы.

3. Управляемость социально-экономической системы. В каждой СЭС существует так называемый блок управления, который опирается на прогрессивную модель развития, в основе которой лежат полномочия распоряжения ресурсами и механизмами поддержания эффективной работы научно-производственного и финансового блока. Значимыми также являются механизмы защиты интересов экономических агентов. Подразумевается наличие в социально-экономической системе элементов обратной связи, необходимых для устранения сбоев системы.

4. Интегративность социально-экономической системы. Например, разделение труда, возможное при наличии определенного количества производителей. Предполагается, что система в целом обладает свойствами соответственно наличию входящих в ее состав элементов.

5. Мобильность социально-экономической системы. Данное свойство отражается в стратегическом подходе к развитию социально-экономических систем, основанных на планировании и моделировании. Это требует наличия профессиональных экспертов в области планирования и управления социально-экономическим развитием. Описывая данное свойство, следует говорить о наличии в социально-экономической системе способности своевременно и с опережением реагировать на воздействия отрицательных факторов и устранять различные сбои.

В отечественной экономической науке в отношении исследования социально-экономических систем следует выделить работы Л. И. Абалкина, где социально-экономическая система определяется как «конкретно-историческая форма существования» и проявления производственных отношений наряду с присущими ей формами организации производства и управления применительно к региону и этапу общественного развития. В данном подходе отмечается, что тип собственности на средства производства во многом определяет направление развития производственных отношений и формирует социально-экономическую систему. Таким образом, собственность на средства производства является наиболее значимым и определяющим фактором социально-экономической системы [2].

Л. Берталанфи подходил к исследованию социально-экономических систем с позиции дуализма, выделяя два смысла в общей теории социально-экономических систем. В широком смысле данная наука является фундаментальной, охватывающей всю совокупность проблем, связанных с исследованием и конструированием систем. В узком смысле теория СЭС рассматривается им как комплекс взаимодействующих элементов и понятий, имеющих организованное целое для анализа конкретных явлений [5].

Экономическая система основана на хозяйственной деятельности и собственности, при этом особую важность приобретает рациональная экономия ограниченных ресурсов в процессе достижения поставленных целей. В то же время экономическая система призвана обеспечить высокий уровень и качество жизни населения. На основе этого предполагается, что социально-экономическая система представляет собой отношение связей хозяйственной и социальной сфер, тесно взаимосвязанных и зависимых друг от друга. Так, СЭС можно представить как систему с поступающими в нее ресурсами, в результате функционирования которой формируются материальные, социальные и духовные

блага, необходимые для удовлетворения потребностей людей. Также социально-экономическую систему целесообразно представить как совокупность взаимосвязанных социальных и экономических институтов (субъектов), при взаимодействии которых осуществляются процессы распределения и потребления материальных и нематериальных ресурсов, производства, обмена и потребления товаров и услуг.

Также среди отечественных ученых, объектом исследования которых являются социально-экономические системы, следует отметить В. В. Глущенко и И. И. Глущенко. В их работах экономическая система предстает как сложное множество взаимосвязанных элементов, имеющих определенную структуру и функционал для достижения целей при ограниченных ресурсах и времени [3]. В. Г. Беломестнов отмечает, что сама региональная СЭС может рассматриваться как объект, субъект и совокупность объекта и субъекта управления [4].

Системы могут быть классифицированы по различным признакам (рис. 1).

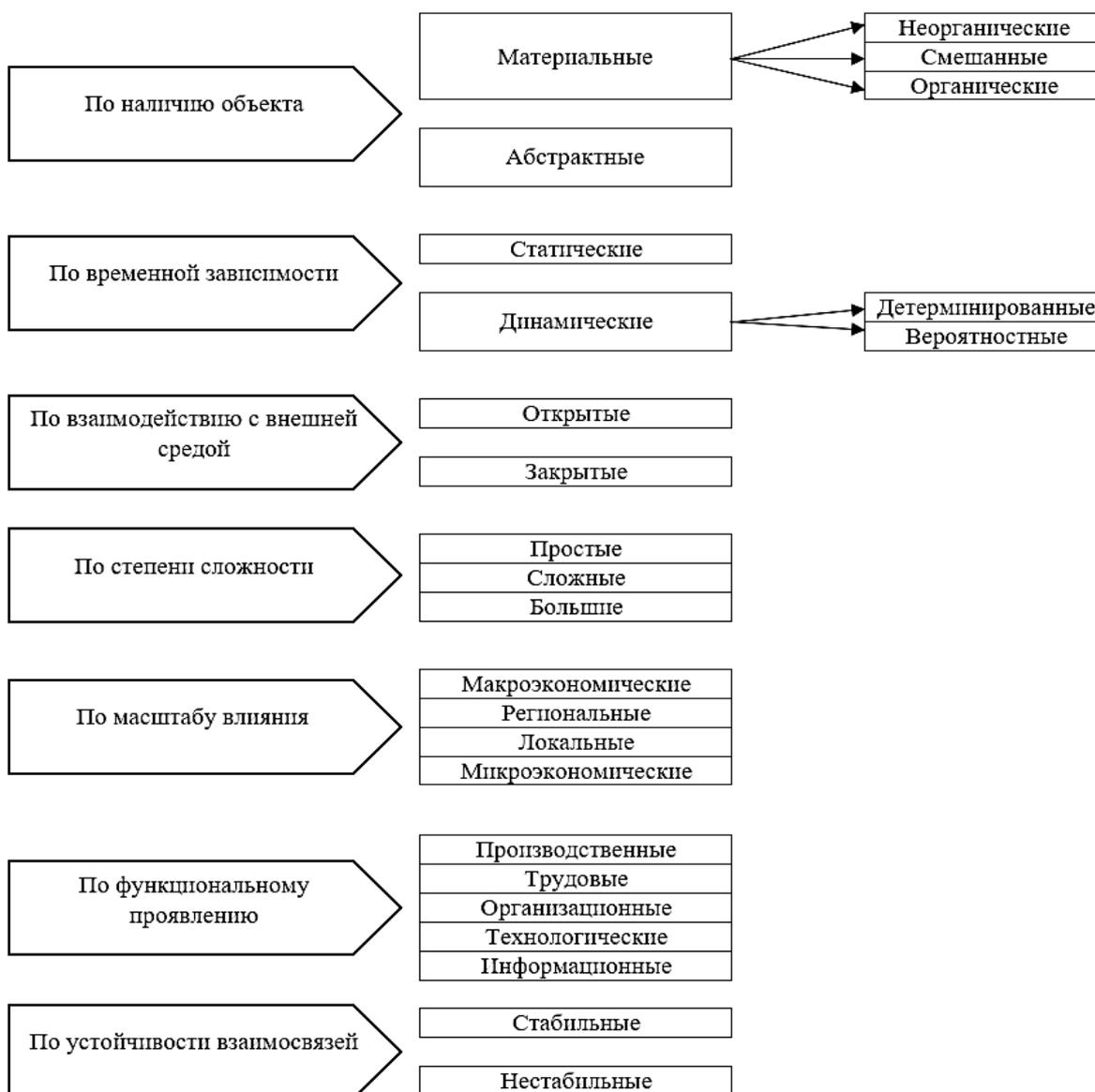

Рис. 1. Классификация социально-экономических систем

Особую группу систем, не поддающихся точному и подробному описанию, составляют большие системы, к характерным признакам которых относятся наличие структуры, наличие единой цели функционирования, устойчивость к внешним и внутренним возмущениям, комплексный состав, способность к развитию.

Так, социально-экономическая система, многофакторная и сложная по своей сути, создает и определяет материальные ресурсы государства и региона, ее устойчивость служит важнейшим фактором благополучия общества, а обеспечение устойчивости приоритетом государственной и региональной политики. Наиболее важным качеством такой системы, определяющим ее эффективность, является динамическая устойчивость при воздействии негативных социально-экономических явлений.

Социально-экономическая система ограничена в экономическом пространстве и времени. Принято считать, что современные социально-экономические системы имеют ряд границ, среди которых главным образом следует выделять исторические, географические, этнические, духовные, политические и экономические границы. Любая изучаемая система, с одной стороны, неизбежно исторически обусловлена, с другой — исторически предопределены все категории и законы этой системы. Таким образом, на основе этого мы можем определить типы социально-экономических систем (табл. 1).

Таблица 1

Типология социально-экономических систем

Автор типологии СЭС	Типы СЭС	Описание	Пример
К. Маркс	Первичная (архаичная)	Первобытнообщинный и азиатский способы производства	Египет, Китай начало XX в.
	Вторичная	Основанная на частной собственности (рабство, крепостничество, капитализм)	США
	Коммунизм	Основан на социальном равенстве, общественной собственности на средства производства	—
Дж. Гэлбрейт	Индустриальная	По степени индустриального развития общества	Страны Северной Америки, Западной Европы, Австралия, Новая Зеландия
	Постиндустриальная		XXI в.: Япония, США
	Неоиндустриальная (информационное)		—
К. Р. Макконелл, С. Фишер	Командная экономика	По владению факторами производства, способу координации и управления экономической деятельностью	СССР
	Экономика свободного рынка		США
	Смешанная экономика		Китай, Россия 90-е гг. XX в.
Отечественные ученые XX в.	Модель рыночной экономической системы	По степени вмешательства государства в экономику страны	Развитые страны XX–XXI вв.
	Модель централизованной экономической системы		СССР
	Модель экономики переходного периода		Россия 90-е гг. XX в.
Дополнено авторами (с учетом инновационно-креативного характера современной экономики)	Инновационно-ориентированные	Стремление к развитию новых технологий и продвижению высокотехнологичной продукции	XXI в.: Япония, Германия
	Креативно-ориентированные	Стремление к развитию креативных индустрий	XXI в.: Южная Корея, США
	Сырьевые и ресурсодобывающие	Ориентация на добычу сырья и последующий экспорт, низкая доля производства обрабатывающей промышленности	XXI в.: Россия, Нигерия, Саудовская Аравия

На основе современной типологии и подходов к определению социально-экономической системы региона может быть предложено авторское определение, синтезирующее и систематизирующее современные подходы к определению социально-экономических систем. Социально-экономическая система региона представляет собой совокупность социальных, экономических и культурных институтов, в процессе производства, распределения, обмена и потребления с целью удовлетворения существующих социальных и экономических потребностей общества на определенной территории и в рамках определенного временного интервала.

Можно утверждать, что развитие социально-экономической системы региона представляет собой комплексный процесс изменений общества и экономических связей в обществе на основе преобразования системы для достижения поставленной цели. Таким образом, данный процесс носит сложный структурный характер и ведет к значительным изменениям условий и качества жизни населения в регионе. Специфика региона, его экономико-географическое положение и другие факторы определяют систему управления, экономический рост, выбор стратегий развития региональной социально-экономической системы (определение концепций, программ социально-экономического развития региона).

В современных условиях интенсивного развития процессов глобализации экономики формируется новая парадигма развития социально-экономической системы региона. Постепенно увеличивается значимость и возрастает необходимость анализа не только вещественных рынков, но и рынков нематериальных активов, куда входят креативные индустрии, основанные на инновациях и научно-техническом прогрессе на этапах создания и продвижения товара. В современной экономике возрастает важность специфических знаний и креативных способностей человека.

Сегодня региональные экономики формируют значительную часть добавленной стоимости за счет человеческого капитала. Поэтому региону необходимо понимать одновременно природно-ресурсную, пространственную и инфраструктурную категории, в которых постоянно формируется и развивается социальное пространство, имеющее историко-культурную составляющую, что определяет качество и уровень жизни на определенной территории.

В связи с этим представляется актуальным исследование креативного потенциала территории для выделения ключевых направлений развития. Логично будет в первую очередь рассмотреть основные подходы к определению понятия «креативная экономика».

Современное понятие «креативная экономика» впервые было отражено в журнале *Business Week* в 2002 г. в статье «The 21st century corporation: The Creative Economy», где утверждалось, что главной интеллектуальной собственностью становится «содержимое головы человека». В рамках конференции ООН по торговле и развитию было закреплено определение креативной экономики, основой которой являются креативные активы, что, в свою очередь, определяет экономический рост и развитие.

В 2007 г. Д. Хокинс, член консультационного совета ООН по креативной экономике, отразил развитие креативного сектора в новой экономике, основанной на интеллектуальных ресурсах. Фундаментальной в данной области научных исследований стали работы «Креативный класс: люди, которые меняют будущее» американского профессора, экономиста и социолога Ричарда Флориды и «Креативный город» британца Ч. Лэндри (создатель фирмы «Co-media» и эксперт Всемирного банка). Опираясь на труды этих ученых, можно охарактеризовать креативную экономику как систему, состоящую из трех элементов: креативного города, креативного класса и креативных индустрий. В статье особое внимание уделяется понятию «креативные индустрии» как базовой категории креативной экономики.

В настоящее время существует множество подходов к понятию «креативные индустрии». Основные определения этого понятия приведены в табл. 2.

Проанализировав подходы к понятию «креативные индустрии», можно сделать следующие выводы. Рассматриваемое понятие неразрывно связано с понятиями «творчество» и «культура». Некоторые исследователи даже выделяют культурные индустрии в отдельную категорию, другие полагают. Что термины «креативные индустрии» и «культурные индустрии» являются синонимами. По мнению автора, креативные индустрии как более широкое понятие включают в себя культурные индустрии. Существует общепринятое, традиционное понимание термина «творчество».

Творчество — это деятельность, порождающая нечто качественно новое, никогда ранее не существовавшее; создание чего-то нового, ценного не только для данного человека, но и для других. Из этого следует, что креативные индустрии характеризуются созданием новых культурных ценностей, а также уникальных товаров и услуг.

Таблица 2

Подходы к определению понятия «креативные индустрии»

Источник	Определение
Министерство культуры, СМИ и спорта Великобритании	Производство, основанное на творческом потенциале каждого отдельного человека, его умениях и талантах; при этом существует потенциал развития производства, увеличения прибыли, создания новых рабочих мест на основании использования данного потенциала и интеллектуальной собственности
Международный центр социально-экономических исследований «Леонтьевский центр»	Термин, используемый для обозначения такой предпринимательской деятельности, при которой экономическая ценность продукции неразрывно связана с ее существованием в качестве элемента культуры
Ассоциация «Американцы за искусство»	Производство товаров и услуг, связанное с созданием и распространением как любительского, так и профессионального искусства
Центр идей (Гонконг)	Отрасли производства, которые создают товары и услуги, используя творческий потенциал и интеллектуальную собственность в качестве основных активов
ЮНЕСКО (Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры)	Культурные отрасли промышленности, культурные и артистические услуги как в живом исполнении, так и в записи характеризуются использованием творческих или артистических усилий

Также особенностью креативных индустрий является использование творческого потенциала и интеллектуальной собственности для производства товаров и услуг. Классификация креативных индустрий представлена в табл. 3.

На основе ретроспективного анализа классификаций моделей креативных индустрий, представленных в таблице 3, можно сказать, что с течением времени имеется тенденция к усложнению классификации креативных индустрий с выделением дополнительных элементов классификации.

Рассмотрим классификацию креативных индустрий, предложенную Джоном Хокинсом. В работе «Креативная экономика» (2001) он выделил 15 креативных индустрий, включающих программирование, исследования и конструкторские разработки, а также индустрии креативного содержания, такие как кино и музыка. Эти индустрии производят интеллектуальную собственность в виде патентов, авторских прав, торговых марок и оригинальных разработок. Креативные индустрии создают, производят и распределяют товары и услуги. Основное отличие от традиционных отраслей в том, что в качестве ресурсов используются творческий потенциал и интеллектуальный капитал. Креативные индустрии производят материальные товары и нематериальные интеллектуальные или культурные индустрии [6].

Д. Тросби определял специфические особенности культурных индустрий в терминах креативности, которая была для него в большей или меньшей степени синонимична художественному творчеству. Он ранжировал их в соответствии с «чистым творчеством» в центре, что подразумевало искусство, и вне этого творческого ядра располагал более прикладные творческие навыки. Таким образом, это разделение было вызвано высоким или низким уровнем креативности в том или ином секторе. Эту иерархию Д. Тросби также напрямую связывал с финансированием из общественных фондов и государственным финансированием. Индустрии, являющиеся «креативным ядром», в большей степени финансируются налогоплательщиками в отличие от «родственных» индустрий, которые почти не получают государственной или муниципальной поддержки. Таким образом, индустрии с наименьшим «индексом креативности» являются в большей степени рыночными субъектами.

Д. Тросби, подходивший к классификации с позиций экономиста, предложил этот путь как некоторый путь подсчета занятых. Но с другой стороны, отделение художественного творчества от каналов его распространения (литературы от издательского дела, изобразительных искусств от выставок, музеев и репродукции, музыки от исполнения и звукозаписи) имеет целый ряд недостатков, поскольку разрушает реальную структуру секторов креативных индустрий.

Общие изменения в культурных индустриях в новом тысячелетии, ставшие креативными, охарактеризовал один из ведущих британских исследователей креативных индустрий Дэвид Хэнсмондхалф в предисловии ко второму изданию книги «Культурные индустрии».

Таблица 3

Ретроспективный сравнительный анализ классификаций моделей креативных индустрий

Американская модель культурных индустрий	Британская Модель (DCMS)	Отраслевая модель (Дж. Хокинс)	Символическая текстовая модель (Д. Хесмондхал)	Модель концентрических «кругов»	Модель охраны авторских прав ВОИС (WIPO)
Реклама Кино Телевидение и радио Музыка Издательское дело Исполнительское искусство Архитектура Музеи, зоопарки Дизайн Школы искусств Изобразительное искусство	Реклама Архитектура Искусство и антиквариат Ремесло Дизайн Мода Кино и видео Музыка Исполнительские искусства Живопись Software TV и радио Видео- и компьютерные игры	Реклама Кино Телевидение и радио Музыка Издательское дело Исполнительское искусство Архитектура Ремесла Дизайн Мода Изобразительное искусство Программное обеспечение Видео- и компьютерные игры Игрушки НИОКР	Ядро культурной индустрии Реклама Кино Интернет Музыка Издательство TV и радио Периферия культурной индустрии Креативное искусство Пограничные области культурной индустрии Бытовая электроника Мода Software Спорт	Ядро креативной индустрии Литература Музыка Исполнительские искусства Изобразительное искусство Прочие части ядра креативной индустрии Кино Музеи и библиотеки Культурная индустрия в «широком» смысле Культурное наследие Издательство Звукозапись TV и радио Видео- и компьютерные игры Смежные индустрии Реклама Архитектура Дизайн Мода	Отрасли, базирующиеся на авторском праве Реклама Коллекционирование Кино и видео Музыка Исполнительские искусства Издательство Software TV и радио Изобразительное и графическое искусство Смежные отрасли Копировальные материалы Бытовая электроника Музыкальные инструменты Бумага Копировальное и фото-оборудование Частично охраняемые авторским правом индустрия Архитектура Одежда, обувь Дизайн Мода Бытовые товары, игрушки
1980-е гг.	1998 г.	2001 г.	2002 г.	2006 г.	2008 г.

По его мнению, если раньше компании культурных индустрий были в большинстве своем далеки от «реальной» экономики, то теперь они являются создателями наиболее полезных продуктов из тех, что производятся. Некоторые компании креативных индустрий сегодня — это глобальный бизнес, вызывающий наибольший интерес в мировом масштабе [7].

Таким образом, креативные индустрии соединяют бизнес-навыки и культурные практики, основой которых является творческая, интеллектуальная составляющая. Одним из ключевых вопросов, которые ставят перед собой исследователи XXI в., является определение *степени креативности* в том или ином сегменте креативных индустрий [8]. Исследователи отмечают, что предприятия различного профиля, относящиеся к креативным индустриям, сильно отличаются друг от друга. Эти различия лежат в самых разных областях — от возможности зарабатывать деньги до степени вовлечения новых технологий.

Также остро стоит вопрос оценки креативных индустрий. В качестве попытки систематизировать имеющуюся статистическую информацию автором составлена таблица, представляющая общую картину развития креативной экономики. На сегодня сегмент креативных индустрий в экономике СФО является наиболее динамично развивающимся. Рассмотрим количество компаний в данной сфере в административных центрах Сибирского федерального округа, чтобы оценить масштабы развития креативных индустрий.

На основе анализа данных таблицы 4 можно утверждать, что креативная индустрия в административных центрах Сибирского федерального округа имеет значимое развитие.

Таблица 4

Анализ компаний креативных индустрий в административных центрах Сибирского федерального округа, 2014 г.

Город СФО:	Горно-Алтайск	Барнаул	Улан-Удэ	Чита	Иркутск	Кемерово	Красноярск	Новосибирск	Омск	Томск	Кызыл	Абакан	Итого
Население	61 420	632 848	421 453	335 760	612 973	544 006	1 035 528	1 547 910	1 166 092	557 179	113 986	173 205	7 202 360
Теле-, радиокомпании	2	5	4	3	9	4	4	13	7	3	2	8	64
Издательства (предпечатная подготовка)	1	5	5	2	4	1	5	16	4	9	2	2	56
Рекламные агентства полного цикла	5	86	48	10	52	43	118	172	51	18	5	14	622
Web-студии	1	53	15	9	52	43	76	127	66	59	6	15	522
Дизайн-студии	10	199	79	31	244	172	275	501	256	118	12	29	1926
Архитектурно-строительные компании	21	141	52	14	7	8	4	25	5	87	13	25	402
Художественные мастерские	8	43	16	4	61	48	67	141	72	30	6	3	499
Фотостудии	2	120	30	27	91	39	111	222	150	92	9	13	906
Модельные агентства	0	8	5	2	11	6	18	21	16	7	4	1	99
Художественные школы	1	4	1	2	9	3	8	15	9	6	5	3	66
Танцевальные школы	1	79	27	18	132	65	120	259	111	74	28	27	941
Творческие коллективы	22	54	26	3	28	27	31	78	64	37	14	2	386
Ночные клубы	7	23	11	9	35	12	26	48	18	17	3	4	213
Кинотеатры	2	8	5	4	15	13	19	22	16	7	4	7	122
Галереи, выставки	2	12	11	2	10	3	8	14	6	4	2	2	76
Туристические агентства	14	215	116	76	420	241	561	684	471	218	16	68	3100
Итого компании креативной индустрии (ед.)	99	1055	451	216	1180	728	1451	2358	1322	786	131	223	10000
Компании креативной индустрии (ед. на тыс. чел.)	1,6	1,7	1,1	0,6	1,9	1,3	1,4	1,5	1,1	1,4	1,1	1,3	1,4

*составлено авторами по данным электронной справочной системы 2 GIS (дата обращения: 01.12.2014)

В среднем на 1 тыс. жителей приходится 1,4 фирмы креативной индустрии, что является достаточно высоким показателем. Лидером по данному показателю является город Иркутск, где на тысячу жителей приходится около 1,9 фирмы креативной индустрии. Общее количество фирм креативной индустрии в городах — административных центрах Сибирского федерального округа составило 10 000 единиц.

Рассмотрим долю каждого города по численности фирм креативной индустрии, чтобы определить лидирующие города по данному показателю.

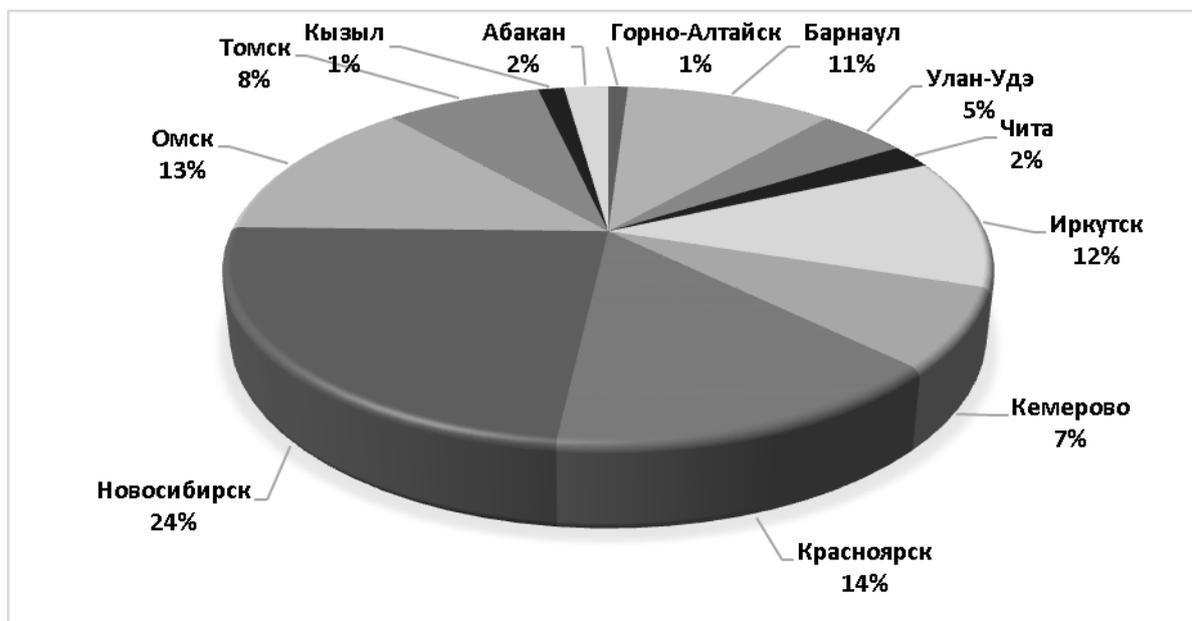

Рис. 2. Доля численности компаний креативных индустрий в административных центрах регионов СФО, 2014 г.

Таким образом, по численности компаний креативных индустрий в Сибирском федеральном округе со значительным отрывом лидирует город Новосибирск (24 %), далее, примерно на одном уровне по данному показателю находятся города: Красноярск (15 %), Омск (13 %), Иркутск (12 %), Барнаул (11 %). Улан-Удэ и Чита имеют сравнительно низкую долю — 4 и 2 % соответственно.

Можно заметить, что существует определенная степень корреляции между уровнем развития креативных индустрий и объемом валового регионального продукта, что свидетельствует о значимости креативных индустрий как фактора экономического роста региональной экономики.

Анализ данных Росстата о количестве зарегистрированных предприятий в столичных городах Сибирского федерального округа показывает, что компании креативных индустрий имеют устойчивую и значимую долю в структуре всех зарегистрированных предприятий равную 5,1 %. Данный показатель составляет существенную для региональной экономики величину.

На сегодня предприятия креативных индустрий во всем мире имеют высокий потенциал экономического развития [9] и являются значимым фактором повышения конкурентоспособности территорий. Таким образом, эффективное социально-экономическое развитие региона на основесоциокультурных проектов креативной экономики будет способствовать наиболее полной реализации потенциала территории.

Литература

1. Ерохина Е. А. Теория экономического развития: системно-синергетический подход. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999.
2. Абалкин Л. И. Диалектика социалистической экономики. — М.: Мысль, 1981. — С. 153.
3. Глущенко В. В., Глущенко И. И. Исследования систем управления: социологические, экономические, прогнозные, плановые, экспериментальные исследования. — М., 2000. — С. 245.
4. Беломестнов В. Г. Управление потенциалом социально-экономических систем региона. — СПб.: РОСТ, 2005. — 228 с.

5. Берталанфи Л. Общая теория систем. — М.: Наука, 1970.
6. Цыренов Д. Д. Экономика знаний в Республике Бурятия: факторный анализ // Вестник Бурятского государственного университета. — 2013. — № 2. — С. 25–27.
7. Howkins J. *The Creative Economy: How People Make Money from Ideas*. — L.: Penguin Books, 2007. — 270 p.
8. Hesmondhalgh D. *The Cultural Industries*. — Second Edition. — L.: Sage, 2007. — 346 p.
9. *Creative Economy. Report 2008* [Electronic resource]. — N. Y.: UNCTAD, 2009.
10. Panitchpakdi S. *Speech. The High level Panel on the Creative Economy and Industries for Development* [Electronic resource]. — Geneva, UNCTAD, 2008.

References

1. Erokhina E. A. *Teoriya ekonomicheskogo razvitiya: sistemno-sinergeticheskii podkhod* [Theory of Economic Development: system-synergetic approach]. Tomsk: Tomsk University Publishing Department, 1999.
2. Abalkin L. I. *Dialektika sotsialisticheskoi ekonomiki* [Dialectics of socialist economy]. Moscow: Mysl', 1981. P. 153.
3. Glushchenko V. V., Glushchenko I. I. *Issledovaniya sistem upravleniya: sotsiologicheskie, ekonomicheskie, prognoznye, planovye, eksperimental'nye issledovaniya* [Research of control systems: sociological, economic, forecast, plan, and experimental investigations]. Moscow. 2000. P. 245.
4. Belomestnov V. G. *Upravlenie potentsialom sotsial'no-ekonomicheskikh sistem regiona* [Management of regional socio-economic systems potential]. St. Petersburg: ROST. 2005. 228 p.
5. Bertalanfi L. *Obshchaya teoriya sistem* [General systems theory]. Moscow: Nauka, 1970.
6. Tsyrenov D. D. *Ekonomika znaniy v Respublike Buryatiya: faktorniy analiz* [Knowledge Economy of the Republic of Buryatia: factor analysis]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Buryat State University*. 2013. No 2. Pp. 25–27.
7. Howkins J. *The Creative Economy: How People Make Money from Ideas*. London: Penguin Books, 2007. 270 p.
8. Hesmondhalgh D. *The Cultural Industries. Second Edition*. London: Sage, 2007. 346 p.
9. *Creative Economy. Report 2008* [Electronic resource]. N. Y.: UNCTAD, 2009.
10. Panitchpakdi S. *Speech. The High level Panel on the Creative Economy and Industries for Development*. Geneva: UNSTAD, 2008.

УДК 332.1:574

**ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВОМ
НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ**© *Барлуков Александр Михайлович*

кандидат экономических наук, начальник отдела содействия трудоустройству выпускников и информационного обеспечения Бурятского государственного университета, старший преподаватель кафедры прикладной математики Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: barlukov88@mail.ru

Статья посвящена разработке эколого-экономической модели управления производством на региональном уровне, основанной на классической производственной функции для предприятия, производство которого сопровождается загрязнением окружающей среды. При этом в производственную функцию включается ставка платы за выброс отходов производства, которая устанавливается региональными органами власти исходя из оценки реального ущерба от загрязнения окружающей среды. Данная эколого-экономическая модель решает проблему поиска оптимальной цены продукции предприятия, при которой прибыль данного предприятия будет стремиться к максимальному значению, а величина реального ущерба от загрязнения окружающей среды будет стремиться к минимальному значению, в результате чего управление процессом производства приобретет не только оптимальный, но и автоматически регулируемый рыночными отношениями характер.

Ключевые слова: эколого-экономическое моделирование, производственная функция, загрязнение окружающей среды.

**ECOLOGIC AND ECONOMIC MODEL OF PRODUCTION MANAGEMENT
AT THE REGIONAL LEVEL***Barlukov Aleksander M.*

PhD, Head of the department of promotion the employment of graduates and information support, Senior Lecturer, department of applied mathematics, Buryat State University
24a, Smolina, Ulan-Ude, 670000, Russia

The article is devoted to the development of ecologic and economic model of production management at the regional level, based on the classical production function for the enterprise, the production of which is accompanied by pollution of environment. In this case, the production function is activated by the rate of payment for the release of waste products, which is set by regional administration that assesses the actual damage caused by pollution of the environment. This ecologic and economic model solves the problem of finding the optimal price of enterprise in which profit of the enterprise will seek to maximize the value and the value of the actual damage caused by pollution of the environment will tend to the minimum value, as a result the management of the production process becomes not only the best character, but automatically regulated by market relations.

Keywords: ecologic and economic modeling, production function, environmental pollution.

Проблема регионального эколого-экономического развития имеет ряд особенностей, связанных с объективно проявляющимися экологическими ограничениями, налагающимися на экологически целесообразное развитие, недостаточными экономическими возможностями, не позволяющими наиболее рационально решать проблемы общества [3]. В связи с этим возникает необходимость проведения фундаментальных исследований по созданию эколого-экономических моделей, позволяющих проигрывать сценарии социально-экономического развития отдельных регионов и страны в целом в соответствии с требованиями концепции устойчивого развития [1].

Построим следующую эколого-экономическую модель, в основе которой будет находиться классическая производственная функция.

Для любого предприятия уровень объема произведенной продукции определяется тремя основными экономическими компонентами: капиталом, вложенным в производство, рабочей силой и природными ресурсами. Тогда производственная функция для одного предприятия будет выглядеть следующим образом: $y = f(k, l, n)$, где y — объем произведенной продукции; k — капитал, включающий стоимость используемого

оборудования, здания и т. д.; l – рабочая сила, выраженная в количестве человека-часов, отработанных на предприятии; n — количество природных ресурсов, использованных для производства продукции.

Данная производственная функция будет являться возрастающей и выпуклой функцией, так как темпы увеличения объема произведенной продукции будут замедляться по мере дальнейшего увеличения объема капитала, объема использования рабочей силы и объема природных ресурсов, добыча которых будет становиться все более затратной (в силу того, что запасы легкодобываемых природных ресурсов будут исчерпываться).

Если предприятие будет реализовывать свою продукцию по рыночной цене P , то, зная объем произведенной продукции, который определяется данной производственной функцией, можно определить доход предприятия, который будет равен $P*y$. Данное предприятие также несет определенные затраты. Во-первых, это затраты по аренде капитала (обслуживание займа, использование оборудования, помещения, территории и т. д.). Величину единицы аренды капитала обозначим через R , тогда общие затраты по аренде капитала составят $R*k$. Во-вторых, затраты по использованию рабочей силы. Величину выплаты единицы заработной платы обозначим через W . Общие затраты по использованию рабочей силы составят $W*l$. В-третьих, затраты по использованию природных ресурсов. Величину стоимости единицы использованного природного ресурса обозначим через E . Общие затраты по использованию природных ресурсов составят $E*n$ [2].

Сделаем предположение, что региональные органы власти устанавливают для данных предприятий ставку платы за выброс отходов производства исходя из оценки реального ущерба от загрязнения окружающей среды. Пусть данная ставка будет зависеть от объема произведенной продукции этим предприятием. Заметим, что объем выделяемого загрязнения (отходов производства) будет зависеть от объема произведенной продукции: чем больше объем произведенной продукции, тем выше уровень загрязнения и соответственно выше ставка платы за выброс отходов производства. Таким образом, данное предприятие будет нести также издержки, связанные с платой за выброс отходов производства. Общие затраты по выплате за выброс отходов производства составят $e(y)$. Также предположим, что региональные органы власти производят бюджетные расходы на проведение природоохранных мероприятий в разрезе данного предприятия в количестве, равном общим затратам этого предприятия по выплате за выброс отходов производства $e(y)$.

Так как величины используемого капитала, рабочей силы и природных ресурсов (k, l, n) также зависят от объема произведенной продукции, то в результате получим функцию прибыли предприятия π :

$$\pi = P*y - R*k(y) - W*l(y) - E*n(y) - e(y).$$

При повышении величины объема произведенной продукции увеличиваются затраты по аренде капитала, использования рабочей силы и природных ресурсов, затраты по выплате за выброс отходов производства. Другими словами, функции $k(y), l(y), n(y), e(y)$ являются возрастающими и выпуклыми (выпуклость данных функций определяется выпуклостью производственной функции). Очевидно, что предприятие будет решать задачу максимизации прибыли:

$$\pi = \max_y (P*y - R*k(y) - W*l(y) - E*n(y) - e(y)).$$

Введем обозначение общих издержек производства предприятия $c(y)$:

$c(y) = R*k(y) + W*l(y) + E*n(y) + e(y)$, где функция $c(y)$ представляет собой сумму четырех возрастающих и выпуклых функций $k(y), l(y), n(y), e(y)$ и таким образом также является возрастающей и выпуклой функцией.

В результате получим, что задача максимизации прибыли переписывается в следующем виде:

$$\pi = \max_y (P*y - c(y)).$$

Как было уже отмечено, региональные органы власти устанавливают для данных предприятий ставку платы за выброс отходов производства. Исследуем процесс формирования размера данной выплаты. Если обозначить количество произведенного предприятием товара через Q_0 , который реализуется по цене P_0 , то предложение предприятия всегда будет совпадать с предельными частными издержками (MPC). В случае если производство сопровождалось загрязнением окружающей среды, то фактическая цена продукции, включающая цену за загрязнение окружающей среды, будет равна величине P_1 , которая определяется предельными общественными издержками (MSC). Разница между ценами P_1 и P_0 ($P_1 - P_0$) будет определять минимальный размер выплаты за выброс отходов производства на единицу продукции при объеме производства Q_0 , начиная с которого бюджетные расходы на проведение природоохранных мероприятий в разрезе данного предприятия будут эффективно покрывать реальный ущерб от загрязнения окружающей среды (рис. 1).

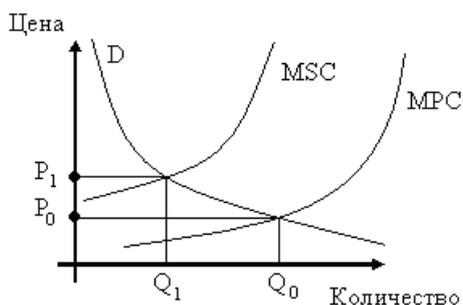

Рис. 1. Формирование минимального размера выплаты за выброс отходов производства

Если предприятие будет увеличивать объем производства (Q_0 за счет движения вправо кривой MPC , при этом кривая MSC не изменится, в силу того что спрос на продукцию не изменится (кривая спроса соответствует предельной общественной полезности блага, так как спрос определяется полезностью, которую можно извлечь от потребления блага), то минимальный размер выплаты за выброс отходов производства на единицу продукции при объеме производства Q_0 также увеличится ($(P_1 - P_0) > (P_1 - P_0)$), что еще раз подтверждает прямую зависимость ставки платы от объема произведенной продукции (рис. 2).

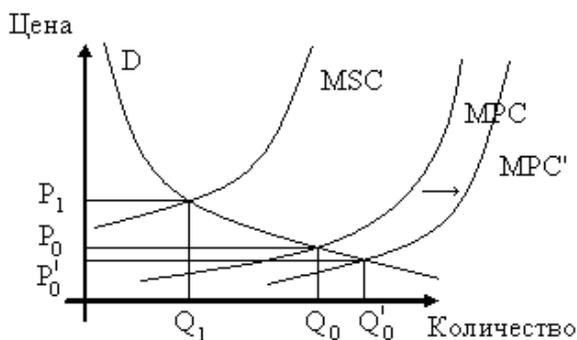

Рис. 2. Формирование минимального размера выплаты за выброс отходов производства при движении вправо кривой MPC

Так как разница между ценами P_1 и P_0 ($P_1 - P_0$) будет определять минимальный размер выплаты за выброс отходов производства на единицу продукции при объеме производства Q_0 , определим максимальный размер выплаты. Поскольку производство сопровождается загрязнением окружающей среды, предельные общественные издержки производства (MSC) помимо предельных частных издержек (MPC) включают также предельные внешние издержки (MEC), т. е. величина $MEC = MSC - MPC$, где $MEC = T$ (рис. 3). Таким образом, предельные внешние издержки (MEC или T) будут характеризовать максимальный размер выплаты за выброс отходов производства на единицу продукции при объеме производства Q_0 .

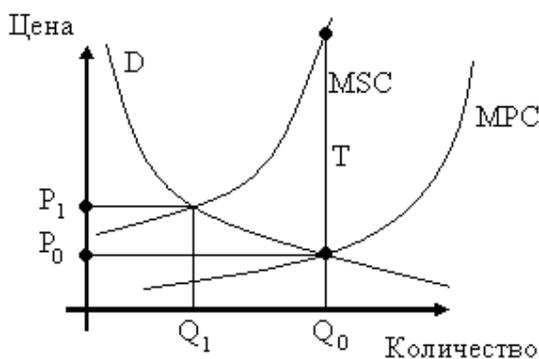

Рис. 3. Последствия производства, сопровождающегося загрязнением окружающей среды

Ранее было отмечено, что общие затраты предприятия по выплате за выброс отходов производства составляют $e(y)$. Таким образом, для снижения (впоследствии через природоохранные мероприятия) размера загрязнения окружающей среды (ущерба) данным предприятием необходимо, чтобы значение $e(y)$ выбиралось из отрезка $[(P_1 - P_0); T]$, причем если $e(y)$ будет равняться T ($e(y) = T$), то размер загрязнения окружающей среды (ущерба) будет равен 0 (впоследствии через природоохранные мероприятия).

В результате задача максимизации прибыли предприятия при минимизации реального ущерба от загрязнения окружающей среды будет выглядеть следующим образом:

$$\Pi = \max_y (P*y - R*k(y) - W*l(y) - E*n(y) - e(y)), \text{ где } e(y) \in [(P_1 - P_0); T],$$

$$\Pi = \max_y (P*y - c(y)), \text{ где } c(y) = R*k(y) + W*l(y) + E*n(y) + e(y), e(y) \in [(P_1 - P_0); T].$$

Рассмотрим условия оптимальности первого порядка:

$$\pi'_y = P - c'(y) = 0.$$

Следовательно, оптимальная цена продукции предприятия, при которой прибыль данного предприятия будет стремиться к максимальному значению и величина реального ущерба от загрязнения окружающей среды — к минимальному значению, будет равняться следующей величине:

$$P = c'(y), \text{ где } e(y) \in [(P_1 - P_0); T].$$

Таким образом, с помощью варьирования общих затрат предприятия по выплате за выброс отходов производства $e(y)$ в пределах отрезка $[(P_1 - P_0); T]$ можно будет снижать величину реального ущерба от загрязнения окружающей среды (впоследствии через природоохранные мероприятия) до его полного отсутствия, при этом если цена продукции предприятия будет равна оптимальному значению ($P = c'(y)$), то прибыль данного предприятия будет стремиться к максимальному значению. В итоге управление процессом производства приобретет не только оптимальный, но и автоматически регулируемый рыночными отношениями характер.

Литература

1. Атанов Н. И., Бардаханова Т. Б., Михеева А. С. Методы регулирования природопользования и экологические издержки // Вестник Бурятского государственного университета. Сер. Экономика и менеджмент. — 2012. — № 1. — С. 109–121.
2. Барлуков А. М. Устойчивое развитие региона с экологической регламентацией: мониторинг и перспективы. — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2013. — 214 с.
3. Слепнева Л. Р., Кожевин П. С. Подходы к определению и характеристика природно-ресурсного потенциала региона в развитии туризма // Вестник Бурятского государственного университета. — 2010. — № 2. — С. 22–28.

References

1. Atanov N. I., Bardakhanova T. B., Mikheeva A. S. Metody regulirovaniya prirodopol'zovaniya i ekologicheskie izderzhki [Methods of ecological management and environmental costs]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i menedzhment – Bulletin of Buryat State University. Series: Economics and Management.* 2012. No 1. Pp. 109–121.
2. Barlukov A. M. Ustoichivoe razvitie regiona s ekologicheskoi reglamentatsiei: monitoring i perspektivy [Sustainable development of region with environmental regulations: monitoring and prospects]. Ulan-Ude: Buryat State University Publishing Department, 2013. 214 p.
3. Slepneva L. R., Kozhevin P. S. Podkhody k opredeleniyu i kharakteristika prirodno-resursnogo potentsiala regiona v razvitiy turizma [Approaches to identification and characterization of regional natural resource potential in tourism development]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Pravo – Bulletin of Buryat State University. Series: Economics. Law.* 2010. No 2. Pp. 22–28.

УДК 332.145

**О ФОРМИРОВАНИИ СИСТЕМЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА****© Дондоков Зорикто Бато-Дугарович**

доктор экономических наук, заведующий отделом региональных экономических исследований Бурятского научного центра СО РАН
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 8
E-mail: dzorikto@mail.ru

© Гармаева Эльвира Цыреновна

кандидат экономических наук, и. о. доцента кафедры «Менеджмент, маркетинг, коммерция» Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления
Россия, 670013, г. Улан-Удэ, ул. Ключевская, 40В
E-mail: garmaeva.elvira@mail.ru

© Дондокова Ирина Викторовна

кандидат социологических наук, доцент кафедры «Менеджмент, маркетинг, коммерция» Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Каландаришвили, 16
E-mail: irina_dondokova@mail.ru

© Убонова Дарима Зориктоевна

аспирант Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 8
E-mail: darimaub@mail.ru

В статье приведен анализ вступившего в действие Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Определены период действия, нормативная правовая база и особенности документов стратегического планирования, разрабатываемых на уровне субъекта РФ. Даны предложения по совершенствованию системы стратегического планирования социально-экономического развития Республики Бурятия, включая создание специальных органов, формирование научно-методической базы для повышения качества прогнозно-плановой работы, проведение мероприятий по общественному обсуждению проектов документов стратегического планирования.

Ключевые слова: стратегическое планирование, социально-экономическое развитие, субъект Российской Федерации, Республика Бурятия, межотраслевой баланс.

**ON THE FORMATION OF THE SYSTEM OF STRATEGIC PLANNING
OF SOCIOECONOMIC DEVELOPMENT OF THE REGION***Dondokov Zorikto B.-D.*

DPhil in Economics, Head of the department of regional economic studies, Buryat Scientific Centre, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
8, Sakhyanovoi, Ulan-Ude, 670000, Russia

Garmaeva Elvira Ts.

DPhil in Economics, A/Professor East-Siberian State University of Technologies and Management
40V, Kluchevskaya, Ulan-Ude, 670013, Russia

Dondokova Irina V.

DPhil in Sociology, A/Professor, department of management, marketing, commerce, East-Siberian State University of Technologies and Management
16, Kalandarishvili, Ulan-Ude, 670000, Russia

Ubonova Darima Z.

Research Assistant, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
8, Sakhyanovoi, Ulan-Ude, 670000, Russia

The article provides an analysis of the enacted Federal law «The strategic planning in the Russian Federation». The period, legal and regulatory framework and specific features of strategic planning documents developed at the level of subject of the Russian Federation are determined. The proposals for improvement the system of strategic planning of socioeconomic development of the Republic of Buryatia are submitted, including the establishment of special bodies, formation a scientific and methodological basis for improving the quality of forecasting and planning work, conducting activities for the public discussion of the draft documents for strategic planning.

Keywords: strategic planning, socioeconomic development, subject of the Russian Federation, Republic of Buryatia, intersectoral balance.

Стратегическое планирование является важнейшим элементом государственного управления развитием страны и ее регионов. С принятием в 2014 г. Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» в России началось формирование комплексной системы государственного стратегического планирования [1]. Указанный закон определяет правовые основы, принципы и механизм стратегического планирования, осуществляемого на федеральном уровне, уровне субъектов Российской Федерации и уровне муниципальных образований.

В системе стратегического планирования можно выделить 4 составляющие:

- участники стратегического планирования;
- документы стратегического планирования;
- процесс стратегического планирования, включающий разработку и реализацию документов стратегического планирования, а также их мониторинг и контроль;
- элементы нормативно-правового, научно-методического, информационного, финансового и иного обеспечения процессов стратегического планирования.

Участниками стратегического планирования на уровне субъекта Российской Федерации являются:

- законодательный (представительный) орган государственной власти субъекта Российской Федерации;
- высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации (руководитель высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации);
- высший исполнительный орган государственной власти субъекта Российской Федерации;
- исполнительные органы государственной власти субъекта Российской Федерации;
- контрольно-счетный орган субъекта Российской Федерации;
- иные органы и организации в случаях, предусмотренных нормативными правовыми актами Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

Документы стратегического планирования на уровне субъекта РФ по своему назначению подразделяются на три группы, разрабатываемые в рамках:

- целеполагания — стратегия социально-экономического развития субъекта РФ;
- прогнозирования — прогноз СЭР на долгосрочный период; бюджетный прогноз субъекта РФ на долгосрочный период; прогноз СЭР на долгосрочный период;
- планирования и программирования — план мероприятий по реализации стратегии СЭР субъекта РФ (ПМ); государственные программы субъекта РФ (ГП); схема территориального планирования субъекта РФ (СТП).

Период действия, нормативная правовая база и особенности указанных документов отражены в табл. 1.

Таблица 1

Документы стратегического планирования, разрабатываемые на уровне субъекта РФ

№	Наименование документа	Период Действия (гг.)	Нормативная законодательная база	Особенности
1	Стратегия СЭР субъекта РФ	2017–2028	Законы субъектов РФ	Является основой для разработки ГП, СТП, ПМ
2	Прогноз СЭР субъекта РФ на долгосрочный период	2017–2028	Прогноз СЭР России	Разрабатывается на вариативной основе. Содержит основные параметры ГП
3	Прогноз СЭР субъекта РФ на среднесрочный период	2017–2019 (2022)	Прогноз СЭР РФ, Стратегия СЭР субъекта РФ	Разрабатывается на вариативной основе. Содержит основные параметры ГП
4	План мероприятий по реализации стратегии СЭР субъекта РФ	2017–2019 2020–2022	Стратегия СЭР субъекта РФ	Содержит цели, задачи и показатели СЭР субъекта РФ, перечень ГП субъекта РФ
5	Государственные программы субъекта РФ	2017–2022 (2028)	Стратегия СЭР субъекта РФ, отраслевые документы стратегического планирования РФ	Утверждаются в соответствии с Бюджетным кодексом РФ
6	Схема территориального планирования субъекта РФ	2017–2028	Стратегии СЭР	Учитываются требования Градостроительного кодекса РФ и схем территориального планирования РФ
7	Бюджетный прогноз субъекта РФ на долгосрочный период	2017–2025 (2028)	Бюджетный кодекс РФ	

Исполнительные органы государственной власти субъекта Российской Федерации разрабатывают соответствующие документы стратегического планирования, обеспечивают координацию их разработки и корректировки, а также осуществляют мониторинг и контроль реализации. К разработке документов стратегического планирования могут привлекаться объединения профсоюзов и работодателей, общественные, научные и иные организации.

Проекты документов стратегического планирования выносятся на общественное обсуждение, форма, порядок и сроки которого определяются согласно полномочиям высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации. В соответствии с Федеральным законом «О стратегическом планировании в Российской Федерации» замечания и предложения, поступившие в ходе общественного обсуждения проекта документа стратегического планирования, должны быть рассмотрены органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации, ответственным за его разработку. Принятые документы стратегического планирования подлежат обязательной государственной регистрации в федеральном государственном реестре документов стратегического планирования.

В целом следует отметить рамочный характер Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Конкретный порядок стратегического планирования в регионе будет определяться нормативными правовыми актами органов государственной власти субъекта РФ.

На наш взгляд, необходимо обратить особое внимание на процесс разработки документов стратегического планирования. В первую очередь это касается целеполагания — определения направлений, целей и приоритетов социально-экономического развития региона. Ошибки здесь недопустимы, т. к. на данной стадии определяется вектор развития региона: как будет развиваться регион, каким отраслям экономики и территориям будет отдан приоритет, как изменится уровень жизни населения и т. п. В связи с этим проекты важнейших документов стратегического планирования, разрабатываемых на уровне субъекта РФ, необходимо детально прорабатывать и обсуждать.

Наши предложения по формированию системы стратегического планирования социально-экономического развития Республики Бурятия заключаются в следующем. Во-первых, необходимо создать Совет по стратегическому планированию, возглавляемый Главой Республики Бурятия, с включением в него на паритетных началах по каждому направлению социально-экономического развития представителей органов исполнительной власти, общественных и научных организаций, целями которого должны стать:

- ❖ осуществление комплексного анализа социально-экономической ситуации в Республике Бурятия;
- ❖ экспертиза проектов стратегических документов, определяющих социально-экономическое развитие республики, представляемых правительством республики;
- ❖ выработка вариантов государственной политики, направленной на формирование условий, обеспечивающих динамичное и устойчивое развитие экономики и социальной сферы региона, рост уровня и качества жизни населения.

Деятельность Совета по стратегическому планированию особенно актуальна в ближайшие годы, т. к. документы стратегического планирования в соответствии с Федеральным законом «О стратегическом планировании в Российской Федерации» должны быть разработаны до 1 января 2017 г.

Во-вторых, необходимо сформировать научно-методическую базу стратегического планирования. В ближайшие годы предстоит большой объем работы по разработке прогнозов социально-экономического развития Республики Бурятия, проведению вариантных расчетов при подготовке других документов стратегического планирования. Важнейшим инструментом государственного стратегического планирования в регионе является межотраслевой баланс (МОБ), позволяющий определять приоритетные для региона направления развития путем выявления отраслей, обеспечивающих максимальные экономические и социальные эффекты в виде создания новых рабочих мест, налоговых поступлений в бюджет, улучшения условий проживания населения и т. п. [2]. Использование МОБ дает возможность проводить детальные аналитические и прогнозные расчеты для выработки экономической политики региона, в т. ч. при определении оптимальных вариантов социально-экономического развития региона при заданных условиях, а также для обеспечения сбалансированности прогнозных расчетов при согласовании региональных прогнозов и программ [3, 4].

В-третьих, необходимо сформировать систему мероприятий по общественному обсуждению проектов документов стратегического планирования. В качестве координатора этих мероприятий предлагается Общественная палата Республики Бурятия. Общественное обсуждение указанных документов можно организовать в формате проводимого ежегодно Гражданского форума Республики Бурятия. При разработке и корректировке документов стратегического планирования необходимо также проводить научно-практические конференции по вопросам социально-экономического развития Республики Бурятия не реже 1 раза в 3 года.

Литература

1. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».
2. Леонтьев В. Межотраслевая экономика: пер. с англ. — М.: Экономика, 1997.
3. Межотраслевой анализ экономики Республики Бурятия на основе таблиц «затраты–выпуск» // Региональная экономика: теория и практика. — 2014. — № 28. — С. 55–62.
4. Дондоков З. Б.-Д., Дырхеев К. П. Методика проведения аналитических и прогнозных расчетов социально-экономического развития региона на основе межотраслевой модели // Вестник Бурятского государственного университета. — 2014. — № 2. — С. 37–39.

References

1. *O strategicheskom planirovanii v Rossiiskoi Federatsii* [On the strategic planning in the Russian Federation]. Federal Law. No 172-FZ, enacted June 28, 2014.
2. Leontief W. *Input–output Economics*. Moscow: Ekonomika, 1997. (transl. from Engl.)
3. *Mezhotraslevoi analiz ekonomiki Respubliki Buryatiya na osnove tablits «zatraty-vypusk»* [Analysis of the Buryat Republic economy on the basis of "input-output" tables]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika – Regional economy: theory and practice*. 2014. No 28. Pp. 55–62.
4. Dondokov Z. B. D., Dyrkheev K. P. Metodika provedeniya analiticheskikh i prognoznykh raschetov sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regiona na osnove mezhotraslevoi modeli [Methodology of analytical and predictive calculations of regional social-economic development on the basis of Leontief's inter-sectoral model]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Buryat State University*. 2014. No 2. Pp. 37–39.

УДК 368.041

**МНОГОМЕРНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПО УСЛОВИЯМ РАЗВИТИЯ ДОБРОВОЛЬНОГО ПЕНСИОННОГО СТРАХОВАНИЯ**© *Михайлова Светлана Сергеевна*

кандидат экономических наук, доцент кафедры «Макроэкономика, экономическая информатика и статистика» Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Каландаришвили, 16
E-mail: ssmihailova@mail.ru

В статье приведены результаты анализа состояния и развития негосударственного пенсионного обеспечения, выявлены территориальные различия в уровне охвата населения программами добровольного пенсионного страхования, что связано с особенностями учета результатов деятельности негосударственных пенсионных фондов, а также региональным неравенством условий формирования доходной и расходной базы пенсионной системы. С использованием многомерных методов построены обобщающие факторы, определяющие развитие добровольного уровня пенсионной системы в субъектах Российской Федерации: уровень социального неравенства, уровень жизни населения, уровень инновационного развития, условия труда и жизни населения, демографическая ситуация, стоимость жизни. С использованием предложенных факторов построена многомерная классификация субъектов Российской Федерации, выделены регионы с благоприятными условиями для развития корпоративного пенсионного страхования, благоприятными условиями для развития индивидуального пенсионного страхования, неблагоприятными условиями для развития добровольного пенсионного страхования, критическими условиями для развития добровольного пенсионного страхования.

Ключевые слова: добровольное пенсионное страхование, негосударственное пенсионное обеспечение, корпоративное страхование, индивидуальное страхование, компонентный анализ, кластерный анализ, многомерная классификация.

**MULTIDIMENSIONAL CLASSIFICATION OF SUBJECTS
OF THE RUSSIAN FEDERATION UNDER THE TERMS OF DEVELOPMENT
OF VOLUNTARY PENSION INSURANCE***Mikhailova Svetlana S.*

PhD in Economics, A/Professor, department of macroeconomics, economic information and statistics, East Siberian State University of Technologies and Management
16, Kalandarishvili, Ulan-Ude, 670000, Russia

In the article the analysis of state and development of non-state pension provision is carried out, territorial distinctions in the level of the coverage of population by programs of voluntary pension insurance are revealed that is connected with features of accounting the results of non-state pension funds activity and also a regional inequality in conditions of formation of profitable and expenditure et basis of pension system. With the use of multidimensional methods the generalizing factors defining the development of voluntary level of pension system in subjects of the Russian Federation are identified: level of social inequality, standard of living of population, level of innovative development, working and life conditions of the population, demographic situation, life cost. With the use of the proposed factors a multidimensional classification of subjects of the Russian Federation is developed, regions with favorable conditions for the development of corporate pension insurance, favorable conditions for the development of individual pension insurance, adverse conditions for the development of voluntary pension insurance, emergency conditions for the development of voluntary pension insurance are allocated.

Keywords: voluntary pension insurance, non-state pension provision, corporate insurance, individual insurance, component analysis, cluster analysis, multidimensional classification.

Новый этап развития пенсионной системы Российской Федерации предполагает повышение охвата населения программами добровольного пенсионного страхования, что позволит в будущем повысить уровень пенсионного обеспечения населения до показателей развитых стран. Особое внимание уделяется корпоративному пенсионному страхованию, становление которого направлено на

замещение института досрочных пенсий, а также повышение коэффициента замещения трудового дохода пенсионными выплатами для высокооплачиваемой категории работников [1, 5].

Развитие негосударственного пенсионного обеспечения в России связано преимущественно с деятельностью негосударственных пенсионных фондов. Вклад страховых компаний, осуществляющих рисковое пенсионное страхование, находится на низком уровне. В Российской Федерации число негосударственных пенсионных фондов в 2012 г. составило 134, по сравнению с уровнем 2000 г. значение показателя снизилось в два раза. Основной причиной сокращения числа негосударственных пенсионных фондов является ужесточение нормативно-правовых требований, процессы слияния и поглощения. При этом активно расширяется присутствие крупнейших негосударственных пенсионных фондов в регионах путем развития филиальных сетей.

В 2012 г. число участников негосударственных пенсионных фондов составило 6 781,5 тыс. чел., общая численность получателей негосударственных пенсий — 1 537,1 тыс. чел. За период 2000–2012 гг. число участников выросло в 2,0 раза, численность получателей пенсий — в 5,5 раза. Уровень развития негосударственного пенсионного обеспечения в Российской Федерации остается низким, о чем свидетельствуют значения показателя удельного веса получателей негосударственных пенсий в общей численности пенсионеров. В 2000 г. доля получателей негосударственных пенсий составляла 0,7 %, в 2012 г. значение показателя достигло 3,8 %.

Уровень развития негосударственного пенсионного обеспечения неравномерен в разрезе федеральных округов. Наибольшее число НПФ зарегистрировано в Центральном федеральном округе (80), из них в Москве — 74. Удельный вес Центрального федерального округа по числу участников НПФ составил 76,9 %, по числу получателей негосударственных пенсий — 74,0 %, по объему пенсионных выплат — 78,8 % (табл. 1).

Таблица 1

Удельный вес федеральных округов по основным показателям развития негосударственного пенсионного обеспечения в 2012 г., %

Федеральные округа	Количество НПФ	Число участников	Число получателей негосуд. пенсий	Пенсионные выплаты
Центральный	58,0	76,9	74,0	78,8
Северо-Западный	8,7	7,7	2,4	1,6
Южный	5,8	1,5	0,5	0,5
Приволжский	15,9	5,5	5,7	6,5
Уральский	5,8	6,3	15,4	9,2
Сибирский	2,9	0,9	0,7	0,5
Дальневосточный	2,2	1,2	1,3	2,9
Северо-Кавказский	0,7	0,0	0,0	0,0
Всего	100	100	100	100

Основной причиной концентрации негосударственного пенсионного обеспечения в Центральном и Приволжском федеральных округах является учет результатов НПФ по месту их государственной регистрации. Многие НПФ, зарегистрированные в указанных округах, имеют широкую сеть филиалов в субъектах Российской Федерации. Таким образом, проведение анализа добровольного пенсионного страхования на уровне регионов затруднено в связи с отсутствием достаточной территориальной детализации статистической информации, привязкой данных к региону регистрации страховщика.

Стратегия и тактика продвижения продуктов добровольного пенсионного страхования дифференцированы в зависимости от региональных условий. Страховщик при освоении новых рынков должен учитывать социально-экономическую, демографическую специфику субъектов Российской Федерации. Для оценки дифференциации субъектов Российской Федерации по условиям развития пенсионного страхования предложено использовать факторы, характеризующие региональные условия формирования доходной и расходной базы пенсионной системы [3]. Предложенные факторы по-

лучены на основе обработки исходных статистических показателей с помощью метода главных компонент. Наименование факторов и состав исходных показателей приведены в таблице 2.

Таблица 2

Наименование и состав факторов, характеризующих региональные условия и формирования доходов и расходов пенсионной системы

Наименование факторов	Состав показателей	
Факторы доходной базы пенсионной системы	f_{11} – уровень социального неравенства в регионе	коэффициент Джини; уровень бедности населения, %; общая площадь жилых помещений на 1 жителя, м ² ; %; уровень безработицы, %
	f_{12} – уровень жизни населения	расходы бюджета на социально-культурные мероприятия в расчете на 1 жителя, р.; среднедушевые денежные доходы, р.; уровень экономической активности населения, среднемесячная номинальная начисленная заработная плата, р.
	f_{13} – уровень инновационного развития региона	число малых предприятий на 10 000 чел. населения; индекс инновационного развития регионов; индекс человеческого развития; доля доходов от собственности в общих денежных доходах населения, %; удельный вес населения с профессиональным образованием на 1000 человек населения в возрасте 15 лет и старше, %; удельный вес городского населения, в % от общей численности населения
Факторы расходной базы пенсионной системы	f_{21} – условия труда и жизни населения	заболеваемость населения на 100 тыс. чел. населения; число зарегистрированных преступлений на 100 тыс. чел. населения; численность пострадавших с утратой трудоспособности на 1 рабочий день и более и со смертельным исходом в расчете на 1000 работающих; удельный вес работников организаций, занятых во вредных и (или) опасных условиях труда, в % от занятого населения; выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух в расчете на 1 жителя
	f_{22} – демографическая ситуация	коэффициент смертности населения, ‰; численность лиц моложе трудоспособного возраста в расчете на 1000 человек трудоспособного возраста; численность лиц старше трудоспособного возраста в расчете на 1000 человек трудоспособного возраста; естественный прирост населения, ‰
	f_{23} – стоимость жизни	стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг; величина прожиточного минимума для всего населения, р.; потребительские расходы в среднем на душу населения, р.; средние цены на вторичном рынке жилья, р. за 1 кв. м жилья

Реализация кластерного анализа на основе факторов формирования доходной и расходной базы пенсионной позволила выделить четыре класса субъектов Российской Федерации. Для оценки классификационных способностей факторов проведен дисперсионный анализ (табл. 3).

Таблица 3

Дисперсионный анализ факторов

Переменная	Межгрупповая дисперсия	Внутригрупповая дисперсия	Fфакт	Уровень значимости
f_{11}	49,61	29,38	64,99	0,000
f_{12}	33,40	45,59	28,21	0,000
f_{13}	1,48	77,51	0,73	0,481
f_{21}	52,26	26,73	75,28	0,000
f_{22}	43,09	35,90	46,19	0,000
f_{23}	10,92	68,07	6,17	0,003

Факторы $f_{11}, f_{12}, f_{21}, f_{22}, f_{23}$ статистически значимо различают субъекты Российской Федерации по условиям формирования доходной и расходной базы пенсионной системы на уровне значимости $\alpha=0,05$. Показатель f_{13} не вносит статистически значимого вклада в классификацию объектов [4].

На основе графического представления процедуры классификации установлено 4 кластера субъектов РФ, различающихся по условиям развития добровольного пенсионного страхования, расчет средних значений факторов позволил дать характеристику кластерам (рис. 1).

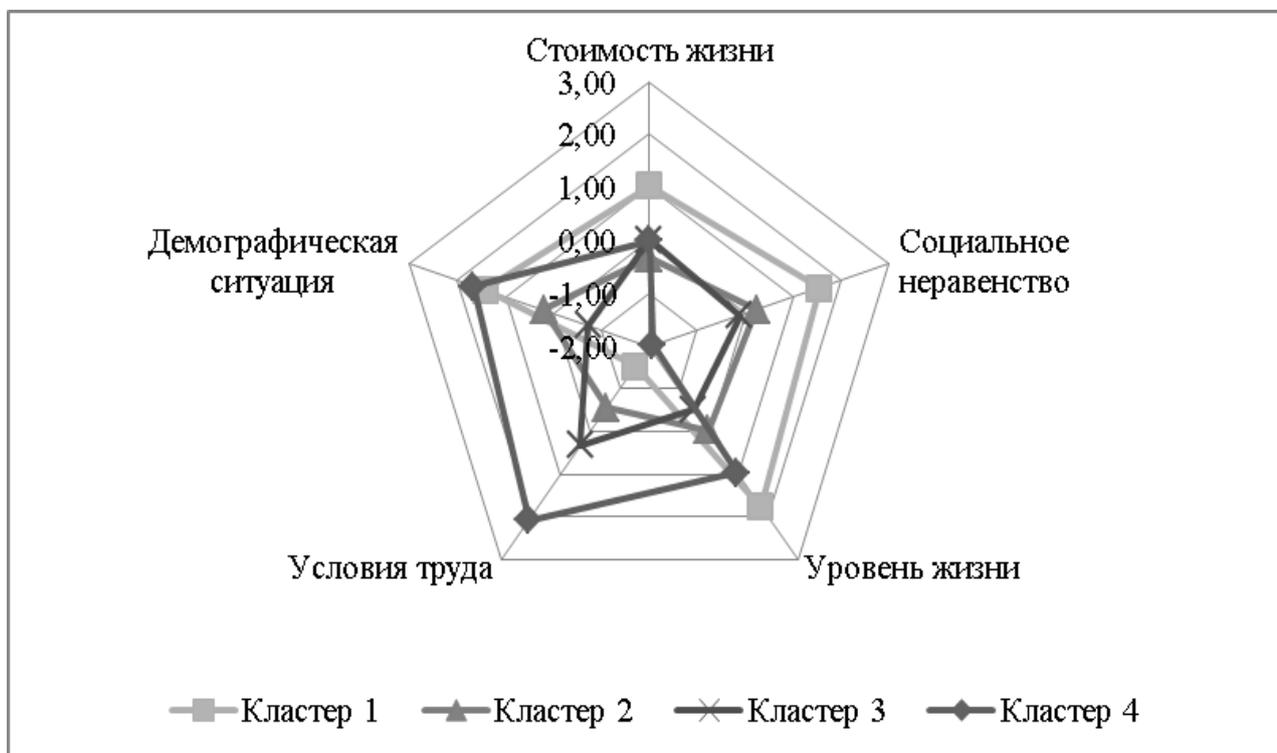

Рис. 1. Средние значения факторов по кластерам

Кластер 1 характеризуется благоприятными условиями для развития добровольного пенсионного страхования. Регионы кластера характеризуются высоким уровнем экономического развития, в экономике преобладают крупные интегрированные структуры, наблюдается экономическая активность населения, чему способствует высокий уровень заработной платы в экономике. В то же время в регионах отмечается высокий уровень травматизма на производстве, заболеваний, связанных со специфической хозяйственной деятельностью. В этих регионах целесообразно развитие корпоративного пенсионного страхования (КПС), очевидными преимуществами которого являются решение проблемы удержания высококвалифицированных кадров, сохранение приемлемого уровня заработной платы для работодателя в обмен на гарантию пожизненной пенсии для работника, заинтересованность работника в развитии предприятия.

Кластер 2 включает в себя 26 регионов со средним уровнем экономического развития (регионы ЦФО и СЗФО) и ниже среднего уровня (регионы СФО и ДВФО) и характеризуется благоприятными условиями для развития индивидуального пенсионного страхования, при этом предпосылки для развития корпоративного пенсионного страхования не созданы.

В кластер 3 вошли 39 субъектов Российской Федерации. Кластер характеризуется неблагоприятными условиями для развития добровольного пенсионного страхования. Регионы подкластера характеризуются уровнем экономического развития ниже среднего, в структуре ВРП преобладает доля продукции сельского хозяйства и обрабатывающего производства, уровень заработной платы в регионах ниже среднего, наблюдается высокий уровень бедности среди населения. Указанные факторы снижают эффективность системы добровольного пенсионного страхования в данных регионах, неблагоприятно сказываются на заинтересованности работодателей и работников в формировании дополнительных пенсионных средств.

Кластер 4 характеризуется критическими условиями для развития добровольного пенсионного страхования: низкий уровень экономического развития, низкая доля занятого населения, низкая заинтересованность предприятий, населения в участии в программах пенсионного страхования, вызванная критическим уровнем бедности, низкой заработной платой. В этих регионах вклад добровольного пенсионного страхования в пенсионное обеспечение населения будет оставаться незначительным, основной вклад будет вносить государственное пенсионное обеспечение (выплата базовых пенсий). Состав кластеров представлен на рис. 2.

Рис. 2. Классификация регионов по условия развития добровольного пенсионного страхования в 2012 г.

Сокращения: КПС — корпоративное пенсионное страхование;
ИПС — индивидуальное пенсионное страхование;
ДПС — добровольное пенсионное страхование.

Таким образом, в Российской Федерации добровольное пенсионное страхование находится на стадии становления. Его развитие связано с рядом негативных факторов, в том числе исторически сложившейся низкой страховой культурой населения, высокой инфляцией в стране, которая вызывает недоверие населения к пенсионному накоплению и страхованию. Наблюдается дифференциация субъектов Российской Федерации по условиям развития добровольного пенсионного страхования, связанные с различиями в условиях и уровне жизни населения, а также особенностями социального и экономического развития [2]. Предложенная классификация субъектов Российской Федерации может быть использована негосударственными пенсионными фондами, страховыми компаниями при разработке тактики и стратегии продвижения пенсионных продуктов на региональных рынках.

Литература

1. Власов В. В., Шаров В. Ф. Принципы построения системы мониторинга и управления рисками добровольного пенсионного обеспечения // Экономика. Налоги. Право. — 2013. — № 4. — С. 60–67.
2. Зубаревич Н. В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. — М.: Изд-во Независимого института социальной политики, 2010. — 160 с.
3. Михайлова С. С., Мхитарян В. С. Статистическое исследование факторов, определяющих доходы пенсионной системы Российской Федерации // Вопросы статистики. — 2014. — № 2. — С. 35–43.

4. Мхитарян В. С., Архипова М. Ю. Эконометрика. — М., 2003. — 69 с.

5. Преснякова Л. А. Добровольная накопительная пенсионная система: социальные барьеры и драйверы развития // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2013. — № 1(113). — С. 31–43.

References

1. Vlasov V. V., Sharov V. F. Printsipy postroeniya sistemy monitoringa i upravleniya riskami dobrovol'nogo pensionnogo obespecheniya [Principles of monitoring and risk management of voluntary pensions]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo – Economy. Taxes. Law*. 2013. No 4. Pp. 60–67.

2. Zubarevich N. V. *Regiony Rossii: neravenstvo, krizis, modernizatsiya* [Regions of Russia: inequality, crisis, modernization]. Moscow: Independent Institute of Social Policy, 2010. 160 p.

3. Mikhailova S. S., Mkhitaryan V. S. Statisticheskoe issledovanie faktorov, opredelyayushchikh dokhody pensionnoi sistemy Rossiiskoi Federatsii [Statistical investigation of factors determining the income of the Russian Federation pension system]. *Voprosy statistiki – Problems of statistics*. 2014. No 2. Pp. 35–43.

4. Mkhitaryan V. S., Arkhipova M. Yu. *Ekonometrika* [Econometrics]. Moscow, 2003. 69 p.

5. Presnyakova L. A. Dobrovol'naya nakopitel'naya pensionnaya sistema: sotsial'nye bar'ery i draivery razvitiya [Voluntary funded pension system: social barriers and drivers of development]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny – Monitoring of public opinion: economic and social changes*. 2013. No 1 (113). Pp. 31–43.

УДК 338.242

ФИНАНСОВО-ИНВЕСТИЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛЕСНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ© *Муруева Элеонора Карловна*

кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник Института экономики и управления Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: emurueva@mail.ru

Статья посвящена вопросам развития финансово-инвестиционного потенциала лесного сектора экономики Республики Бурятия и основана на исследованиях автора, выполненных по теме научно-исследовательской работы «Разработка предложений по комплексному социально-экономическому развитию Республики Бурятия в рамках Байкальского региона» (№ государственной регистрации 03/12–016–6016). Эффективным инструментом повышения конкурентоспособности регионального лесного сектора станет его кластеризация, поскольку в данной отрасли Республика Бурятия обладает конкурентными преимуществами. В статье определяются якорные компании, опорные точки каркаса, целевые параметры, а также инвестиционные проекты, которые могут получить развитие в создаваемом лесном кластере. Описанный подход позволит обеспечить системное управление бизнес-процессом производства древесины и изделий из нее, улучшить структуру лесопромышленного изготовления и экспорта лесных товаров. Создание кластера дает возможность увеличить финансово-инвестиционный потенциал лесного сектора экономики Республики Бурятия.

Ключевые слова: финансово-инвестиционный потенциал, лесной сектор экономики, лесной кластер.

FINANCIAL INVESTMENT POTENTIAL OF FORESTRY SECTOR OF ECONOMY OF THE REPUBLIC OF BURYATIA*Murueva Eleonora K.*

PhD in Economics, A/Professor; Senior Research Associate, Research center, Institute of Economy and Management, Buryat State University
24a, Smolina, Ulan-Ude, 670000, Russia

The article is devoted to the issues of the development of financial investment potential of forestry sector of economy of the Republic of Buryatia and it is based on the researches of the author carried out on the researched subject «Development of Proposals on Complex Social and Economic Development of the Republic of Buryatia within the Baikal Region» (No. of state registration 03/12–016–6016). Its clustering will become the efficient tool of increase of regional forestry sector competitiveness as the Republic of Buryatia has competitive advantages in this branch. In the article the anchor companies and reference points of framework, target parameters are determined, as well as investment projects which can gain development while creating a forest cluster. The described approach will allow provide the system management of business process of production of timber and its products, improve structure of timber production industry and export of timber goods. The cluster creation allows increase the financial investment potential of forestry sector of economy of the Republic of Buryatia.

Keywords: financial investment potential, forestry sector of economy, forestry cluster.

Актуальность и значимость темы исследования определяются тем, что экономический потенциал лесного сектора экономики страны при правильном использовании лесов и его продукции, по прогнозу ученых, может достигнуть как минимум 100 млрд дол. США. Для достижения этой цели необходимо реализовать множество инновационных проектов по развитию лесопиления, целлюлозно-бумажной, мебельной, строительной промышленности и освоению новых лесных массивов. Потребуются масштабные инвестиции на создание новых мощностей и модернизацию действующих производств.

Финансово-инвестиционный потенциал региона характеризует его способность генерировать ресурсы, а также эффективно и рационально использовать их на цели, предусмотренные финансово-инвестиционной стратегией развития. Следовательно, финансово-инвестиционный потенциал отражает способности региона как субъекта системы финансово-инвестиционных отношений, не только мобилизо-

вать, но и максимально эффективно использовать имеющиеся финансовые ресурсы для реализации инвестиционных проектов и получения экономической, экологической, социальной или иной выгоды [11, с. 121]. Инвестиционный потенциал выступает как основная макроэкономическая характеристика региона, отражающая совокупность природных, производственных, потребительских, инфраструктурных, финансовых, интеллектуальных, институциональных, инновационных ресурсов (факторов), обеспечивающих при их взаимодействии высокую эффективность инвестиционных вложений.

Вовлечение финансово-инвестиционного потенциала лесного сектора экономики в решение проблем стабилизации текущего состояния отрасли и обеспечения экономического роста в будущем предполагает эффективное управление им на всех этапах развития.

Основная проблема управления в лесном секторе экономики заключается в том, что финансовые потоки разрозненны, разнонаправленны, принадлежат различным субъектам хозяйствования, каждый из которых в отдельности не в состоянии аккумулировать значительные объемы средств для реализации крупномасштабных инвестиционных проектов, оказывающих воздействие на развитие территории в целом.

Управление финансово-инвестиционным потенциалом лесного сектора экономики осуществляется в рамках Инвестиционной стратегии [1] и Инвестиционной декларации Республики Бурятия [2], являющихся составными частями системы управления экономическим комплексом региона в целом. В Инвестиционной стратегии Республики Бурятия сформированы зоны опережающего развития экономики республики по приоритетным направлениям развития, в том числе с использованием кластерных подходов. Отправные точки формирования стратегических направлений инвестиционного развития базируются на географических областях, в которых исторически сложились внутрирегиональные промышленно-производственные и аграрные комплексы с формированием вектора развития транспортной и энергетической инфраструктуры до перспективных ресурсных баз («оси роста»).

Наиболее крупные инвестиционные проекты по основным направлениям развития, определенным Программой социально-экономического развития Республики Бурятия, расположены вдоль данных «осей роста». Это 6 приоритетных направлений развития: минерально-сырьевой комплекс, туристско-рекреационный комплекс, агропромышленный комплекс, лесопромышленный комплекс, инновационная деятельность, человеческий капитал.

При этом в некоторых приоритетных направлениях существуют предпосылки для формирования кластеров, которые могут обеспечить высокие темпы роста производства, расширить кооперационные связи, дать доступ к новейшим технологиям, специализированным услугам и высококвалифицированным кадрам. В качестве приоритетных выбраны кластеры (туристический, транспортно-логистический, биофармацевтический, авиационный, жилищно-строительный), для развития которых у региона есть инструменты, полномочия и ресурсы.

Дефицит консолидированного бюджета Республики Бурятия в январе – декабре 2013 г. сложился в сумме 366,2 млн р. Его доходы получены в сумме 52 001,5 млн р., расходы составили 52 367,7 млн р. [7]. Для формирования профицитного бюджета «развития» предлагается определить в качестве «точки роста» на среднесрочную перспективу (до 2020 г.) приоритет создания и развития лесного кластера Республики Бурятия. Создание кластера позволит увеличить вклад лесного комплекса в экономику республики, улучшить структуру лесопромышленного производства и экспорта лесных товаров, увеличить налоговые платежи в бюджет, при этом будут созданы условия для развития социальной сферы и улучшения уровня и качества жизни людей.

Перспективы развития лесного сектора экономики страны и пути повышения его эффективности сегодня активно обсуждают представители власти и бизнеса, общественности и научной среды. В 2014 г. Общественный совет при Министерстве экологии и природных ресурсов России одобрил обновленный проект государственной программы «Развитие лесного хозяйства» на 2013–2020 гг. За счет укрупнения подпрограмм и основных мероприятий, уточнения состава целевых индикаторов предполагается оптимизировать распределение финансовых средств, направляемых в отрасль.

Оценить ближайшие перспективы лесного комплекса возможно на основе анализа современных тенденций, меняющейся конъюнктуры на рынках лесопродукции, а также развития производств в рамках приоритетных инвестиционных проектов в области освоения лесов. Одним из направлений, которое способно показать заметный рост и повести за собой другие секторы экономики леса, в ближайшей перспективе способно стать производство плитных материалов, включая фанеру, а также топливных гранул. Кроме того, появление новейших разработок в сфере использования древесных материалов и их внедрение в производство является важным фактором развития отрасли. По мнению

Т. Шахановой, начальника Управления экономики, стратегического планирования и системного анализа в области лесных отношений Рослесхоза, «поддержке современных технологий сегодня уделяется большое внимание: последние изменения, внесенные в документ, определяющий меры поддержки приоритетных инвестпроектов, направлены на стимулирование комплексной переработки древесины, причем акцент сделан на развитие биоэнергетики. Это направление имеет очень хорошие перспективы и должно стать одним из драйверов развития лесного сектора экономики России» [12].

В социально-экономическом развитии Республики Бурятия лесная отрасль является стратегической, т. к. имеет не только огромный потенциал от продажи новых продуктов, но и относится к возобновляемым ресурсам. Основными результатами SWOT-анализа отрасли являются:

– организационно-управленческая необустроенность отрасли, следствием которой являются диспропорции в мощностях лесозаготовительных и деревообрабатывающих секторов;

– ориентация на экспорт необработанной древесины, минуя деревообрабатывающий сектор. При этом валютная выручка лесозаготовителей не конвертируется в новые инвестиции, а служит скорее средством выживания лесозаготовителей из-за малых объемов лесозаготовок и низких параметров выхода деловой древесины;

– огромный удельный вес «серого» и «теневого» оборота древесины как в экспорте, так и на внутреннем рынке;

– преобладание в отрасли индивидуального и малого предпринимательства, не способствующее консолидации и укрупнению лесного бизнеса [4; 5];

– нарушение границ национальных интересов и экономической безопасности со стороны иностранных лесозаготовителей и лесозаготовителей, стимулирующих теневой и криминальный бизнес.

Поэтому первой и основной задачей стратегического развития лесной промышленности является наведение порядка и прозрачности, возврат в правовое поле лесного рынка.

Следующей задачей является утверждение принципов государственно-частного партнерства в управлении развитием отрасли. Все последующие управленческие действия должны выполняться в соответствии со Стратегией развития лесного комплекса России до 2020 г. [3].

Задача на среднесрочную перспективу — создание условий устойчивого развития лесной промышленности, путем полного вовлечения лесных ресурсов в хозяйственный оборот, производство продукции высокой степени переработки, развитие инвестиционной деятельности. Основными направлениями сбыта готовой продукции станут развивающиеся рынки стран Азиатско-Тихоокеанского региона (Китай, Япония, Корея), внутренний рынок строительных материалов и мебели.

Прогнозный рост домостроительного сектора к 2030 г. будет стимулировать развитие лесопильной промышленности и активный спрос на пиломатериалы.

Рост спроса на пиломатериалы должны обеспечить следующие факторы:

• переход от морально и физически устаревших технологий рамного лесопиления к ленто- и круглопильным технологиям;

• увеличение объемов переработки лиственных сортиментов в продукции лесопиления;

• увеличение доли продукции лесопиления с нормированной влажностью;

• переход на выпуск сертифицированной продукции лесопиления;

• углубление переработки пиломатериалов с увеличением выпуска высококачественной продукции и современных конструкционных материалов;

• повышение использования отходов лесопиления в производстве древесных композитных материалов и в биоэнергетике.

Мировой опыт и практика регионов России демонстрируют успешность использования кластерного подхода в лесном секторе экономики. В Финляндии развит лесопромышленный кластер, который включает производство древесины и древесных продуктов, бумаги, мебели, полиграфического и связанного с ним оборудования. Тесное взаимодействие фирм данного кластера в распространении знаний обеспечивает им конкурентные преимущества перед основными торговыми соперниками. По оценке экспертов, Финляндия лидирует по уровню как исследовательской, так и технологической кооперации. Лесная промышленность Финляндии формирует около 4,5 % ВВП страны. На долю лесной промышленности, по данным Ассоциации лесной промышленности Финляндии, опубликованным в октябре 2013 г., приходится около 20 % объема промышленного производства и 19,7 % экспортных доходов Финляндии. В отдельных регионах Финляндии на лесной сектор в целом приходится более 25 % валового регионального продукта [8].

Лесные кластеры создаются в Архангельской, Вологодской, Ленинградской, Нижегородской, Самарской, Свердловской, Томской областях, Республиках Карелия [10], Коми, Татарстан, Красноярском крае [6].

Так, губернатором Архангельской области И. Орловым в ноябре 2014 г. подписано распоряжение о создании в регионе специализированного кластера для развития лесного сектора экономики — «Помор ИнноваЛес». В инновационный лесной кластер вошли крупнейшие предприятия региона — 25-й лесозавод, леспромхозы группы компаний «Титан», Северное морское пароходство, Соломбальский машиностроительный завод, Северный (Арктический) Федеральный университет им. М. В. Ломоносова. Всего 24 резидента. Ядром кластера является Архангельский ЦБК.

В Томской области активно развивается лесной кластер, в рамках центра кластерного развития, «Синергия». На данный момент управление кластерными проектами осуществляют такие организации, как ЗАО «ЛПК "Партнёр-Томск"», ООО «Томлесдрев» и ЗАО «РосКитИнвест». Положительные результаты работы кластера — успешное развитие научно-образовательных комплексов, химической промышленности, организаций лесного хозяйства, создание союза лесопромышленников.

Для Республики Бурятия кластерный подход — перспективное направление повышения конкурентоспособности территории и механизм активизации инновационных процессов в регионе. До 2020-х гг. необходима работа по наведению порядка и прозрачности в отрасли и подготовке к созданию лесного кластера.

Основными свойствами лесного кластера являются высокая производительность, конкурентоспособность, инновационность, синергизм.

Подготовительные работы по созданию кластера включают организационно-технологическую и экономико-сбытовую консолидацию предприятий, повышение технологического уровня, консолидированный выход на рынок единым игроком.

Поэтому сегодня элементы кластера могут формироваться вокруг ОАО «Байкальская лесная компания» — самого крупного представителя лесной промышленности, который имеет самую выгодную транспортно-логистическую инфраструктуру (размещение вдоль ВСЖД перерабатывающих производств), оснащённость современным технологическим оборудованием и квалифицированной рабочей силой. Параллельно необходима работа по восстановлению института доверия в обществе.

Участники кластера

Потенциальными участниками кластера в Республике Бурятия могут выступать:

а) в лесном хозяйстве — Республиканское агентство лесного хозяйства, ГКУ «Лесничество» (лесничества), ГБУ «Авиационная и наземная охрана, использование, защита, воспроизводство лесов», Лесной селекционно-семеноводческий центр;

б) в лесозаготовительной и деревообрабатывающей промышленности — ОАО «Байкальская лесная компания», ООО «Лес Сибири», ООО «Технодом», ООО «Закаменск», предприятия биоэнергетического направления развития деревоперерабатывающего производства и др.;

в) в целлюлозно-бумажной промышленности — ОАО «Селенгинский ЦКК»;

г) в строительстве, дорожно-строительном комплексе (строительство и реконструкция объектов лесной промышленности и инфраструктуры) — ООО «ФорестИнвест»;

д) транспортные организации, оказывающие логистические услуги;

е) предприятия в области биоэнергетики и биотехнологии, энергетики, машиностроения, химической промышленности (компоненты производства и т. п. — возможная кооперация с предприятиями Иркутской области).

ж) малые инновационные предприятия, созданные на базе ФГБОУ ВПО «БГУ», ФГБОУ ВПО «Бурятская ГСХА им. В. Р. Филиппова», ФГБОУ ВПО «ВСГУТУ»;

и) научно-исследовательские и образовательные организации — учреждения начального, среднего, высшего профессионального образования (ГБОУ СПО «Бурятский лесопромышленный колледж», ФГБОУ ВПО «БГУ», ФГБОУ ВПО «Бурятская ГСХА им. В. Р. Филиппова», ФГБОУ ВПО «ВСГУТУ», БНЦ СО РАН), консалтинговые организации и др.);

к) органы государственной власти и местного самоуправления (формирование лесной политики, инвестиционное законодательство, стратегические приоритеты, координация);

л) некоммерческое партнерство лесопромышленников и лесозэкспортеров (координация деятельности — консультанты по управлению, менеджменту, маркетингу; организация продаж, сбыта; экономические исследования; содействие индустриализации и техническому прогрессу, развитию промышленности).

Ядро кластера — якорные компании (участники)

Кластерная организация территории предполагает выделение ядер кластера.

Якорными компаниями лесного кластера могут стать ОАО «Селенгинский ЦКК», ОАО «Байкальская лесная компания».

ОАО «Байкальская лесная компания» — это холдинговая компания нескольких мощных производственных комплексов Восточной Сибири и крупнейший в Бурятии производитель и экспортер высококачественной лесопродукции. Компания владеет значительными ресурсами древесного сырья — лесосырьевой базой, оперирует территорией площадью 368,4 тыс. га, размер лесосечного фонда позволяет осуществлять годовую лесозаготовку в объеме 1,2 млн куб. м.

Опорными точками каркаса кластера станут предприятия и организации, размещенные в следующих районах Республики Бурятия: Прибайкальский, Хоринский, Кабанский, Закаменский, Еравнинский, Баргузинский, Курумканский, Мухоршибирский.

Кооперационные связи между участниками кластера

Наиболее значимым направлением кооперации участников кластера является взаимодействие с профильными предприятиями Байкальского региона и СФО, с российскими предприятиями и организациями, не входящими в кластер. Фактически сложились кооперационные связи между крупными потенциальными участниками кластера.

Цепочка добавленной стоимости кластера

Частично сложившаяся цепочка добавленной стоимости представлена в основном в следующем составе: поставка первичного лесосырья — система логистики — транспортировка — получение основных и побочных продуктов обработки лесосырья — хранение — реализация — затраты на разработку новых видов продукции научно-исследовательской работы — испытания и сертификация разработанных образцов — запуск в производство новых видов продукции.

Возможно развитие цепочки в сторону более глубокой переработки основных продуктов и кооперации с предприятиями других отраслей.

Конкурентные преимущества производимой продукции обеспечены природными качествами исходного сырья (сибирской лиственницы) и высокой технологичностью производства.

Степень (формы) конкуренции между участниками кластера

Компании внутри кластера нацелены на сотрудничество, в связи с этим степень конкуренции является довольно низкой. Компании, производящие одинаковые или сходные продукты и относящиеся к одному и тому же звену в цепочке добавленной стоимости, являются прямыми конкурентами, но в то же время они часто образуют совместные стратегические альянсы.

Инфраструктура кластера

На действующих производствах и предприятиях по заготовке, обработке древесины имеется необходимая инфраструктура (транспортная, энергетическая, инженерно-коммунальная).

На выбранных инвестиционных площадках под строительство заводов инженерная инфраструктура требует создания новых объектов.

Инвестиционные проекты, которые могут получить развитие в кластере:

- создание инновационного лесного селекционно-семеноводческого центра;
- создание технопарка в сфере биотехнологий и биоэнергетики;
- биоконверсия сырья органического происхождения с получением биотоплива, в т. ч. биоэтанола и биобутанола;
- создание опытного образца многофункциональной машины по переработке биомассы порубочных отходов лесозаготовок в топливные брикеты в условиях лесосеки;
- оптимизация технологических процессов получения инновационных целлюлозно-бумажных материалов с высокой добавленной стоимостью;
- получение строительных материалов из древесины с улучшенными механическими и повышенными пожарно-техническими характеристиками;
- производство продуктов и изделий предприятиями малого и среднего бизнеса в инновационной сфере (посадочный материал, техника и инвентарь и т. п.);
- использование низкокачественной древесины и отходов лесопереработки в производстве биотоплива;
- использование отходов целлюлозно-бумажного производства в производстве добавок для строительства автомобильных дорог и аэродромов.

Целевые параметры (результаты, показатели работы) кластера

Показатели, характеризующие текущий уровень и перспективы развития производственного потенциала предприятий-участников кластера, представлены в таблице 1.

Таблица 1

Уровень и перспективы развития производства потенциала предприятий-участников кластера (2011–2012 гг. — данные Бурятстата, бухгалтерской отчетности за 2011–2012 гг., 2013–2030 гг. — экспертная оценка)

№	Показатель	2011	2012	2013	2015	2020	2025	2030
1	Совокупная выручка предприятий-участников кластера от продаж сырьевой продукции на внутреннем и внешнем рынке за год. Всего, млн р., в т. ч.:	3 701,40	2 828,00	2 425,77	3 247,17	4 221,32	6 332,00	8 865,00
		2 229,94	2 175,66	1 690,00	2 498,14	3 247,58	4 221,86	5 488,39
		1 396,75	595,564	620,26	683,84	888,99	1 155,69	1 502,39
2	Общее число рабочих мест на предприятиях и организациях-участниках кластера с уровнем заработной платы, превышающим на 100 % средний уровень в регионе базирования кластера за год. Всего, ед., в т. ч.:	3 400	3 300	3 250	3 380	4 050	4 850	5 800
		2 036	1 914	1 905	1 980	2 178	2 400	2 650
		446	418	425	442	486	535	650
3	Выработка на одного работника в среднем по предприятиям и организациям-участникам кластера за год. Всего, тыс. р. / чел. в год, в т. ч.:	794,53	856,97	746,39	960,70	1 042,30	1 305,60	1 528,50
		1095,26	1136,71	887,14	1 261,69	1 491,10	1 759,10	2 071,10
		3 131,73	1 424,79	1 459,44	1 547,15	1 829,20	2 160,20	2 311,40
4	Совокупная выручка от сырьевого экспорта предприятий-участников кластера за год. Всего, млн р. / тыс. дол. США	3 467,17 / 107 689,2	2 375,24 / 78 203,2	2 694,49 / 82 326,7	2 914,36	3 788,67	4 925,27	6 402,85
		14,7	8,3	6,6	15,3	19,9	22,5	24,9
5	Удельный вес экспорта древесины и целлюлозно-бумажных изделий за год [7], %							
6	Объем государственных и частных инвестиций в развитие производства, разработку и продвижение на рынок новых продуктов, осуществленных в последние 3 года. Всего, млн р., в т. ч.:			2 258,5	2 900,0			
	ОАО «Селенгинский ЦКК»			326,0	-			
	ОАО «Байкальская лесная компания»			1 549,5	-			

В результате осуществления инвестиционных проектов в рамках кластера в бюджеты различных уровней поступит не менее 3 990 млн р. Из них в федеральный бюджет поступит 29 %, в бюджет Республики Бурятия — 66 %, в местные бюджеты — 5 %. Реализация проекта позволит создать дополнительно 2 500 новых рабочих мест. Выработка на одного работника, в среднем по предприятиям и организациям-участникам кластера, увеличится в 2 раза.

Таким образом, в Республике Бурятия объективно существуют предпосылки и условия создания лесного кластера. Для его формирования и развития необходимым является проведение комплекса подготовительных и основных работ, направленных на формирование кластерной структуры, обеспечивающей повышение конкурентоспособности лесного сектора и экономики региона в целом. Лесной кластер будет органически связан с кластерами, обеспечивающими формирование среды жизнедеятельности человека: кластер домостроения, строительных материалов и лакокрасочных материалов.

Лесной кластер, объединяя все виды ресурсов (финансовых, кредитных, инвестиционных) субъектов и объектов инвестирования, может стать механизмом, с помощью которого региональные органы управления могут оказывать регулирующее воздействие на воспроизводственный процесс, создавая условия для наращивания финансово-бюджетного потенциала лесного сектора экономики.

Литература

1. Инвестиционная стратегия Республики Бурятия, утвержденная Постановлением Правительства Республики Бурятия от 07.02.2014 г. — № 39.
2. Инвестиционная декларация Республики Бурятия, утвержденная Указом Главы Республики Бурятия от 06.05.2013 г. — № 91.
3. Стратегия развития лесного комплекса России до 2020 г., утвержденная приказом Минпромторга России и Минсельхоза России от 30.10.2008 г. — № 248/482.
4. Буров В. Ю. Экономическая безопасность субъектов малого предпринимательства в условиях теневых экономических отношений // *Безопасность бизнеса*. — 2012. — № 4. — С. 24–29.
5. Буров В. Ю. Государственное управление системой противодействия теневой экономике субъектов малого предпринимательства // *Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права)*. — 2011. — № 1. — С. 23.
6. Медведев С. О., Степень Р. А., Соболев С. В. Развитие современного лесопромышленного кластера в Красноярском крае // *Лесной журнал*. — 2011. — № 4. — С. 131–136.
7. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия (Бурятстат) [Сайт]. URL: <http://burstat.gks.ru/>
8. Торговое представительство РФ в Финляндии [Сайт]. — URL: <http://www.rusfintrade.ru/site/economy/forest/>
9. Сибирское таможенное управление Федеральной таможенной службы [Сайт]. URL: <http://stu.customs.ru>
10. Прокопьев Е. А. О создании лесного кластера в Республике Карелия // *Труды Карельского научного центра РАН*. — 2012. — № 6. — С. 193–195.
11. Толстолесова Л. А. Финансово-инвестиционный потенциал сырьевых регионов и стратегия его реализации // *Вестник Тюменского государственного университета*. — 2011. — № 11. — С. 120–126.
12. Российские лесные вести [Сайт]. URL: <http://lesvesti.ru/print.php?id=8023> (дата обращения: 12.09.2014).

References

1. *Investitsionnaya strategiya Respubliki Buryatiya* [The investment strategy of the Buryat Republic], approved by Government of the Buryat Republic Decision No 39, enacted February 7, 2014.
2. *Investitsionnaya deklaratsiya Respubliki Buryatiya* [Investment declaration of the Buryat Republic], approved by the Head of the Buryat Republic Decree No 91, enacted May 6, 2013.
3. *Strategiya razvitiya lesnogo kompleksa Rossii do 2020 g.* [Strategy of Russian forest sector development until 2020], approved by the decree of Russian Industry and Trade Ministry and Agriculture Ministry of Russia No 248/482, enacted October 30, 2008.
4. Burov V. Yu. Ekonomicheskaya bezopasnost' sub"ektov malogo predprinimatel'stva v usloviyakh tenevykh ekonomicheskikh otnoshenii [Economic security of small businesses subjects in terms of underground economic relations]. *Bezopasnost' biznesa – Business Security*. 2012. No 4. Pp. 24–29.
5. Burov V. Yu. Gosudarstvennoe upravlenie sistemoi protivodeistviya tenevoi ekonomike sub"ektov malogo predprinimatel'stva [State management of small business subjects' counteraction against underground economy]. *Izvestiya Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii (Baikal'skii gosudarstvennyi universitet ekonomiki i prava) – Proceedings of Irkutsk State Economic Academy (Baikal State University of Economics and Law)*. 2011. No 1. P. 23.

6. Medvedev S. O., Stepen' R. A., Sobolev S. V. Razvitie sovremennogo lesopromyshlennogo klastera v Krasnoyarskom krae [Development of modern timber industry cluster in the Krasnoyarsk region]. *Lesnoi zhurnal – Journal of Forestry*. 2011. No 4. Pp. 131–136.
7. Territorial'nyi organ Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki po Respublike Buryatiya (Buryatstat) [Territorial body of the Buryat Republic Federal State Statistics Service (Buryatstat)]. Available at: <http://burstat.gks.ru>
8. Torgovoe predstavitel'stvo RF v Finlyandii [Trade agency of the Russian Federation in Finland]. Available at: <http://www.rusfintrade.ru/site/economy/forest>
9. Sibirskoe tamozhennoe upravlenie Federal'noi tamozhennoi sluzhby [Siberian Customs Department of the Federal Customs Service]. Available at: <http://stu.custompp.ru>
10. Prokop'ev E. A. O sozdanii lesnogo klastera v Respublike Kareliya [On development of forest cluster in the Republic of Karelia]. *Trudy Karel'skogo nauchnogo tsentra RAN – Proceedings of Karelian Research Centre of Russian Academy of Sciences*. 2012. No 6. Pp. 193–195.
11. Tolstolesova L. A. Finansovo-investitsionnyi potentsial syr'evykh regionov i strategiya ego realizatsii [Financial and investment potential of regions and its implementation strategy]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Tyumen State University*. 2011. No 11. Pp. 120–126.
12. Rossiiskie lesnye vesti [Russian forest news]. Available at: <http://lesvesti.ru/print.php?id=8023> (accessed October 12, 2014).

УДК 338.439.02

**АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ И НАПРАВЛЕНИЯ ЕЕ МОДЕРНИЗАЦИИ
В УСЛОВИЯХ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО ЭМБАРГО**© *Слепнева Людмила Романовна*

доктор экономических наук, профессор Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления

Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Ключевская, д. 40В

E-mail: slluro@mail.ru

В статье рассмотрены виды внешнеэкономической аграрной политики, изучена их направленность и экономическая сущность. Показана система применяемых мер защиты и последствий для национальной экономики при реализации политики, сочетающей фритредерство и новый протекционизм. Выявлены и проанализированы положительные и отрицательные моменты от введения запрета на ввоз в Россию сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия из Евросоюза, США, Канады, Австралии и ряда других стран. Приведены направления модернизации аграрной политики России в условиях продовольственного эмбарго.

Ключевые слова: аграрная политика, фритредерство, автаркия, новый протекционизм, агропродовольственный рынок, роль агропродовольственного рынка, динамика развития агропродовольственного рынка.

**AGRARIAN POLICY OF RUSSIA AND THE DIRECTIONS OF ITS MODERNIZATION
IN THE CONDITIONS OF FOOD EMBARGO***Slepneva Lyudmila R.*DPhil in Economics, Professor, East-Siberian State University of Technologies and Management
40V, Klyuchevskaya, Ulan-Ude, 670047, Russia

In the article the types of the foreign economic agrarian policy are considered, their orientation and economic essence are studied. The system of the applied protection measures and consequences for national economy at realization of the policy combining free trade and new protectionism is shown. The positive and negative features of introduction a ban on import to Russia some agricultural production, raw materials and food from the European Union, the United States, Canada, Australia and some other countries are revealed and analysed. The directions of modernization the agrarian policy of Russia in the conditions of food embargo are proposed.

Keywords: agrarian policy, free trade, autarchy, new protectionism, agricultural food market, role of the agricultural food market, dynamics of development of the agricultural food market.

Введение в соответствии с Указом Президента РФ от 6 августа 2014 г. запрета на ввоз в Россию сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия из Евросоюза, США, Канады, Австралии и ряда других стран содействовало проявлению на отечественном агропродовольственном рынке некоторых противоречивых тенденций, последствия которых не поддаются однозначной оценке и, вероятнее всего, будут проявляться не только в краткосрочном периоде. Данное обстоятельство актуализирует проблему модернизации существующей аграрной политики на основе объективного анализа состояния и выявления резервов роста в отечественном агропродовольственном производстве.

Предпринятый как ответная мера запрет на ввоз сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия из ряда стран в Россию вызван введением антироссийских санкций и обоснован с позиции политических, экономических и социальных аспектов. Однако, по сути, запретные меры представляют собой деформирование фритредерства — политики свободной торговли, базирующейся на принципах сравнительных преимуществ и направленной на обеспечение эффективного размещения ресурсов и более высокого уровня материального благосостояния в рамках мировой экономики. При пессимистичном варианте, деформирование фритредерства способно привести к автаркии — политике экономического обособления, ориентированной на создание замкнутой, независимой экономики, базирующейся на принципе полного самообеспечения. В случае оптимистичного варианта, деформирование фритредерства сопровождается усилением протекционизма — политики, ориентированной на содействие развитию национального производства, защищающей интересы отечественных товаропроизводителей на внутреннем рынке.

Как показывает мировая практика, в настоящее время большинство экономически развитых стран проводят гибкую политику, сочетающую элементы фритредерства и протекционизма. В мировой экономике переход на траекторию такой гибкой внешнеторговой политики происходил постепенно. Так, в период с начала XIX в. и до великого кризиса перепроизводства, большинство стран придерживалось политики жесткого протекционизма. Для послевоенной мировой экономики (1950–1960-е гг.) было характерно преобладание тенденций либерализации, в 1970–1980-е гг. — протекционизма. С 1990-х гг. в мировой экономике все более отчетливо проявляется симбиоз фритредерства и нового протекционизма, отличающегося рядом специфических тенденций, в числе которых:

- снижение значимости традиционных протекционистских мер защиты и переход на преимущественное применение косвенных методов и инструментов;
- избирательные протекционистские меры в отношении ввозимых готовых изделий, главным образом, из развивающихся стран и меры благоприятствования — в отношении импорта сырья и материалов, новых технологий и других инноваций;
- адаптация применяемых протекционистских мер защиты национального рынка к условиям и процессам глобализации мировой экономики;
- либерализация финансовых институтов и аграрный протекционизм.

Следует отметить, что страны, придерживающиеся политики, сочетающей элементы фритредерства и нового протекционизма, с одной стороны, содействуют развитию национального производства, защищая интересы отечественных товаропроизводителей, а с другой — рискуют столкнуться с ответными мерами других государств. Поэтому, реализация гибкой политики, сочетающей элементы фритредерства и нового протекционизма, должна базироваться на разумном применении таможенных тарифов и нетарифных барьеров, поскольку несет как позитивные, так и негативные последствия для экономики страны (рис. 1).

Рис. 1. Применяемые меры защиты и последствия для национальной экономики при реализации политики, сочетающей фритредерство и новый протекционизм

Исходя из изложенного выше, можно сделать вывод о том, что запрет на ввоз сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия из Евросоюза, США, Канады, Австралии и некоторых других стран не свидетельствует о кардинальной смене внешнеэкономической политики нашей страны, а представляет собой корректировку применяемых протекционистских мер в рамках гибкой политики, сочетающей фритредерство и новый протекционизм. Однако реализация введенных протекционистских мер может иметь как позитивные, так и негативные последствия для национального агропродовольственного рынка.

Проведем анализ положительных и отрицательных сторон от введения новых протекционистских мер с позиции сложившейся ситуации и перспектив развития для отечественного агропродовольственного рынка.

Выделим следующие важнейшие положительные моменты от введения запрета на ввоз сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия из Евросоюза, США, Канады, Австралии и некоторых других стран:

1. Расширение возможностей для отечественных сельскохозяйственных товаропроизводителей в наращении объема выпуска своей продукции и сырья, обеспечении населения страны необходимым продовольствием. В конечном счете данное обстоятельство призвано содействовать снижению импортозависимости, повышению доли отечественной сельскохозяйственной продукции на внутреннем агропродовольственном рынке и обеспечению национальной безопасности [1; 2].

Анализ динамики импорта, включая импорт сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, свидетельствует о нарастающем его объеме в последние два десятилетия (табл. 1). В период 2000–2013 гг. общий объем импорта возрос более чем в 81 раз, продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья — в 6 раз.

Таблица 1

Динамика объема импорта (в фактически действовавших ценах) [6]

Наименование показателя	Значение показателя в динамике лет							
	1995	2000	2005	2010	2011	2012	2013	Январь – сентябрь 2014
Импорт. Всего, млн дол. США, в т. ч.	46709	3880	98708	229045	305313	317263	314967	215535
продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье	13152	7364	17430	36482	42476	40655	43165	29372
Доля продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья в общем объеме импорта, %	28,1	21,8	17,7	15,9	13,9	12,8	13,7	13,6

Таким образом, темп прироста импорта продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья существенно уступает темпу прироста импорта в целом, что в динамике последних 15 лет содействовало проявлению тенденции импортозамещения по данной группе товаров. Так, в период 2000–2013 гг. доля ввозимых продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья в общем объеме импорта сократилась более чем в 1,5 раза.

В текущем году, согласно данным таможенной статистики внешней торговли Российской Федерации (до введения запрета на ввоз), доля импортируемых продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья в общем объеме импорта была существенной (15 % в первом квартале; 13,6 % во втором квартале). С августа – сентября 2014 г. доля ввозимых продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья в общем объеме импорта снижается (12,4 % в третьем квартале и по предварительной оценке составит 11,6 % в четвертом). Изложенное выше дает основание надеяться, что высвобождаемая ниша на отечественном агропродовольственном рынке будет постепенно заполняться за счет расширения объемов производства российских сельскохозяйственных товаропроизводителей, а не замещения группы продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья из одних стран, попавших в санкционный список, аналогичными продовольственными товарами и сельскохозяйственным сырьем из других, не входящих в этот список.

2. Отечественные сельскохозяйственные товаропроизводители, используя растущие возможности для сбыта продукции на внутреннем агропродовольственном рынке, будут заинтересованы повышать качество и расширять ассортиментную линейку, учитывая запросы и предпочтения потребителей, а также увеличивать урожайность и эффективность агропродовольственного производства. В конечном итоге это будет способствовать усилению конкурентоспособности и укреплению положения отечественных сельскохозяйственных товаропроизводителей.

Анализ динамики производства сельскохозяйственной продукции по категориям хозяйств в динамике с 1995 по 2013 г. свидетельствует об увеличении выпуска продукции во всех хозяйствах (табл. 2). При этом доля произведенной продукции сельскохозяйственными организациями и хозяйствами населения в общем объеме производства за рассматриваемый период несколько сократилась, доля продукции крестьянских (фермерских) хозяйств существенно возросла. Таким образом, крестьянские (фермерские) хозяйства представляют собой активно развивающуюся малую форму хозяйствования на селе, способную в условиях введения запрета на ввоз сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия из ряда стран, заполнить нишу на агропродовольственном рынке при эффективном расходовании имеющихся ресурсов и возможности гибко использовать имеющийся производственный потенциал.

Таблица 2

Динамика производства продукции сельского хозяйства по категориям хозяйств
(в фактически действовавших ценах; млрд р.) [7]

Наименование показателя	Значение показателя в динамике лет						
	1995	2000	2005	2010	2011	2012	2013
Хозяйства всех категорий							
Продукция сельского хозяйства. Всего, в т. ч.:	203,9	742,4	1380,9	2587,8	3261,7	3339,2	3687,1
продукция растениеводства	108,3	394,7	669,8	1191,5	1703,5	1636,4	1918,8
продукция животноводства	95,6	347,7	711,1	1396,3	1558,2	1702,8	1768,3
Сельскохозяйственные организации							
Продукция сельского хозяйства. Всего, в т. ч.:	102,3	335,6	615,6	1150,0	1540,6	1600,8	1756,0
продукция растениеводства	48,8	189,0	294,4	485,9	775,4	738,1	840,6
продукция животноводства	53,5	146,6	321,2	664,1	765,2	862,7	915,4
Хозяйства населения							
Продукция сельского хозяйства. Всего, в т. ч.:	97,6	383,2	681,0	1250,4	1426,9	1440,9	1569,8
продукция растениеводства	56,8	188,5	311,4	572,1	699,0	677,0	800,4
продукция животноводства	40,8	194,7	369,6	678,3	727,9	763,9	769,4
Крестьянские (фермерские) хозяйства							
Продукция сельского хозяйства. Всего, в т. ч.:	4,0	23,6	84,3	187,4	294,2	297,5	361,3
продукция растениеводства	2,7	17,2	64,0	133,5	229,1	221,3	277,8
продукция животноводства	1,3	6,4	20,3	53,9	65,1	76,2	83,5

Недостающий объем производства продукции сельского хозяйства можно оценить на основе сопоставления производства основных пищевых продуктов на душу населения и их рекомендуемых норм потребления (табл. 3).

Таблица 3

Рекомендуемые и фактические объемы потребления пищевых продуктов [7]

Наименование основных групп продуктов	Объемы потребления пищевых продуктов				
	Рациональная норма потребления, кг / чел.	Фактическое потребление пищевых продуктов на душу населения, кг / год / чел.			
		2010	2011	2012	2013
Хлеб, хлебобулочные и макаронные изделия в пересчете на муку, крупу, бобовые	95,0–105,0	120	119	119	118
Картофель	95,0–100,0	104	110	111	111
Овощи и продовольственные бахчевые культуры	120,0–140,0	101	106	109	109
Фрукты и ягоды	90,0–100,0	58	60	61	64
Сахар	24,0–28,0	39	40	40	40
Мясо и мясопродукты в пересчете на мясо	70,0–75,0	69	71	74	75
Молоко и молокопродукты в пересчете на молоко	320,0–340,0	247	246	249	248
Яйца и яйцопродукты, шт.	260	269	271	276	269
Масло растительное	10,0–12,0	13,4	13,5	13,7	13,7

В докладе «О состоянии продовольственной безопасности Российской Федерации в 2013 г. и прогнозе обеспечения продовольственной безопасности в 2014 году» [5] приводятся данные выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств и отмечается рост по сравнению предыдущим годом среднедушевого потребления фруктов и ягод на 2,4 %, рыбы и рыбопродуктов на 2,3 %, мяса и мясопродуктов на 1,6 %, молока и молокопродуктов на 0,7 %. По отдельным группам зафиксировано снижение, включая потребление свежего и охлажденного картофеля на 4,2 %, овощей на 3 %, хлебных продуктов на 2,2 % и масла растительного на 1,9 %. Среднедушевое потребление сахара сохранилось на прежнем уровне.

3. Возможность сокращения структурной безработицы на селе, вызванной импортом более дешевой и не всегда качественной сельскохозяйственной продукции. В результате неполного задействования производственного потенциала, ограничения производства сельскохозяйственной продукции под давлением нарастающего объема импортного сырья и продовольствия в национальной отрасли существенно сужен рынок труда, снизился уровень и качество жизни сельских жителей.

Согласно данным Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации, на фоне роста уровня занятости населения страны (с 58,5 % в 2000 г. до 64,8 % в 2013 г.) доля занятости в основных отраслях агропродовольственной сферы (сельском и лесном хозяйстве, рыболовстве и рыбоводстве), в общей численности занятых в сельской местности, сократилась более чем вдвое (с 49 % в 2000 г. до 23 % в 2013 г.). При этом число безработных в сельской местности в анализируемом периоде всегда было несколько выше средне российского уровня. Так, если уровень безработицы в целом по стране снизился за анализируемый период почти вдвое (с 10,6 % в 2000 г. до 5,5 % в 2013 г.), то в сельской местности — менее чем в 1,5 раза (с 12 % в 2000 г. до 8,3 % в 2013 г.). Численность безработных в сельской местности в 2013 г. составила 1,5 млн человек. Приведенная статистика подтверждает актуальность формирования комплекса мер, направленных на повышение занятости на селе, сокращения структурной безработицы, что в конечном итоге будет содействовать и росту уровня доходов и качества жизни сельских жителей. В настоящее время, согласно данным Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации, начисленная заработная плата работников сельского хозяйства, охоты и лесного хозяйства составляет 15,7 тыс. р., что формирует примерно половину (52,8 %) от средней по экономике заработной платы.

4. Развитие техники и технологии возделывания сельхозугодий, разработка новых семенных культур, технологическое совершенствование животноводства и т. д. будет содействовать усилению научно-исследовательского сектора в рамках агропродовольственного производства. Недостаточное финансирование в развитие сельскохозяйственной науки препятствует росту производительности труда и повышению качества производимой сельскохозяйственной продукции.

Следует отметить, что в абсолютном исчислении расходы федерального бюджета на развитие сельского хозяйства — существенные, однако в наши дни их доля в совокупном объеме расходов федерального бюджета не превышает 1,5 % (табл. 4).

Таблица 4

Расходы федерального бюджета на развитие сельского хозяйства

Наименование показателя	Значение показателя в динамике лет					
	2005	2009	2010	2011	2012	2013
Объем средств федерального бюджета, направляемый на развитие сельского хозяйства. Всего, млрд р. (в текущих ценах)	25,9	190,1	107,3	168,0	173,3	198,0
Доля расходов на развитие сельского хозяйства в общем объеме расходов федерального бюджета, %	0,7	2,1	1,1	1,6	1,4	1,4

Безусловно, технико-технологическое отставание сельского хозяйства России от развитых стран мира, стагнация машиностроения для сельского хозяйства и пищевой промышленности, практически полное сворачивание работ по развитию отечественного семеноводства и т. п. существенно тормозят развитие национального агропродовольственного производства.

5. Возможности для развития и защиты «молодых» отраслей сельского хозяйства страны. «Молодые» отрасли, уже достаточно развитые в других странах, без протекционистских мер, в условиях жесткой конкуренции с иностранной продукцией, просто не смогут «выжить».

В качестве примера можно привести такое перспективное направление по производству «нетрадиционного» энергоресурса как биотопливо. В ряде стран биотопливо вырабатывают из таких сельскохозяйственных культур, как кукуруза, пшеница, сахарная свекла, соя, рапс. Например, для производства биотоплива в Бразилии используют сахарный тростник, в США — кукурузу, в Германии — рапсовое масло [3]. Россия, располагая огромными посевными площадями, не используемыми в наши дни в сельскохозяйственной деятельности, имеет большой потенциал в развитии данной «молодой» отрасли сельского хозяйства.

6. Рост поступлений в виде налогов и сборов в бюджет, страховых взносов во внебюджетные фонды от развития агропродовольственного производства в стране.

Наряду с вышеперечисленными и другими положительными моментами от введения запретных мер на ввоз сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия их отдельных стран как ответных протекционистских мер на антироссийские санкции следует отметить и отрицательные моменты. Прежде всего, это нарастающий дисбаланс цен, увеличивающаяся инфляция, сужающийся выбор товаров на отечественном агропродовольственном рынке. Страна, усиливающая протекционистские меры, как правило, ограничивает возможности для использования преимуществ от международного разделения труда и может столкнуться с ограничением возможностей для экспорта. Кроме того, наметившееся замещение сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия из стран, входящих в санкционный список, на аналогичную сельскохозяйственную продукцию, сырье и продовольствие из других стран, при отсутствии конструктивных мер «обновленной» аграрной политики, содействующих развитию отечественного агропродовольственного производства, проблему не решает. Таким образом, в современных условиях требуется модернизация аграрной политики России.

Государственная аграрная политика России представляет собой комплекс мероприятий, направленных на укрепление и увеличение объема производства сельскохозяйственной продукции, содействующих социально-экономическому развитию сельских территорий, обеспечивающих повышение эффективности сельского хозяйства и рациональное использование ресурсов, способствующих росту уровня занятости, доходов и качества жизни сельского населения. Исходя из перечисленного можно утверждать, что основные направления модернизации аграрной политики России следует увязать с разрабатываемой Минсельхозом России, совместно с заинтересованными федеральными органами исполнительной власти, Стратегией устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 г. [4]. Следовательно, направления модернизации аграрной политики России должны быть нацелены, главным образом, на повышение объема производства и эффективности сельскохозяйственного производства, обеспечение занятости, повышение уровня и качества жизни сельского населения с учетом современных требований и стандартов. Только при достижении дан-

ных целей на отечественном агропродовольственном рынке возможно импортозамещение, обеспечивающее национальную продовольственную безопасность России. В оценке состояния продовольственной безопасности применимы три критерия (рис. 2).

Рис. 2. Методологические аспекты модернизации аграрной политики России

Таким образом, государственная аграрная политика должна быть направлена на обеспечение продовольственной безопасности страны как важнейшего результирующего показателя. Для стабильного удовлетворения потребностей населения в продовольственных продуктах и сельскохозяй-

ственном сырье необходимо вести систематический мониторинг состояния агропродовольственного рынка; оказывать целевую финансовую помощь сельскохозяйственным товаропроизводителям; внедрять новые, экономически обоснованные, результативные формы и инструменты контроля агропродовольственной деятельности; осуществлять финансовый контроль и аудит эффективности и целесообразности расходования финансовых ресурсов; разрабатывать прогнозы научного и технико-технологического развития сельского хозяйства; предоставлять льготы и преференции, содействующие устойчивому развитию сельских территорий.

Литература

1. Слепнева Л. П., Бадмаева И. В. Сущность и структура агропродовольственного рынка // Вестник Бурятского государственного университета. — 2013. — Вып. 2. — С. 114–118.
2. Потаев В. С. Аграрные реформы в Республике Бурятия: особенности и проблемы // Вестник Бурятского государственного университета. — 2013. — № 2. — С. 92–99.
3. Зиятдинова Ф. Г., Кучаева Е. И. Российское село в рыночных условиях. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. — 200 с.
4. Проект Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс]. — URL: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0CBwQFjAA&url=http%3A%2F%2Fmcx.ru%2Fdocuments%2Ffile_document%2Fshow%2F30502..htm&ei=8xKRVOSaJITMygPQo4LwCA&usg=AFQjCNGnOHOCsHklj9wHkjjHtzyMBudGA&bvm=bv.82001339,d.bGQ&cad=rjt (дата обращения: 15.12.2014).
5. О состоянии продовольственной безопасности Российской Федерации в 2013 году и прогнозе обеспечения продовольственной безопасности в 2014 году: доклад [Электронный ресурс]. — URL: <http://government.ru/orders/12150/>
6. Таможенная статистика внешней торговли Российской Федерации [Электронный ресурс]. — URL: <http://stat.customs.ru/apex/f?p=201:1:3214081939547552:NO> (дата обращения: 15.12.2014).
4. Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации [Электронный ресурс]. — URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/economy/# (дата обращения: 15.12.2014).
8. Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации [Электронный ресурс]. — URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/economy/# (дата обращения: 15.12.2014).

References

1. Slepneva L. R., Badmaeva I. V. Sushchnost' i struktura agroprodovol'stvennogo rynka [Content and structure of the agri-food market]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i pravo – Bulletin of Buryat State University*. 2013. Vol. 2. Pp. 114–118.
2. Potaev V. S. Agrarnye reformy v Respublike Buryatiya: osobennosti i problemy [Agrarian reform in the Republic of Buryatia: features and problems]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Buryat State University*. 2013. No 2. Pp. 92–99.
3. Ziyatdinova F. G., Kuchaeva E. I. *Rossiiskoe selo v rynochnykh usloviyakh* [Russian village in market conditions]. Moscow: UNITY-DANA, 2008. 200 p.
4. Proekt Strategii ustoichivogo razvitiya sel'skikh territorii Rossiiskoi Federatsii na period do 2030 goda [Project of Sustainable rural development strategy in the Russian Federation for the period up to 2030]. Available at: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0CBwQFjAA&url=http%3A%2F%2Fmcx.ru%2Fdocuments%2Ffile_document%2Fshow%2F30502..htm&ei=8xKRVOSaJITMygPQo4LwCA&usg=AFQjCNGnOHOCsHklj9wHkjjHtzyMBudGA&bvm=bv.82001339,d.bGQ&cad=rjt (accessed 15 December 2014).
5. *O sostoyanii prodovol'stvennoi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii v 2013 godu i prognoze obespecheniya prodovol'stvennoi bezopasnosti v 2014 godu* [On food security of the Russian Federation in 2013 and forecast of food security in 2014]. Available at: <http://government.ru/orders/12150/>
6. Tamozhennaya statistika vneshnei trgovli Rossiiskoi Federatsii [Customs Statistics of the Russian Federation Foreign Trade]. Available at: <http://stat.customs.ru/apex/f?p=201:1:3214081939547552:NO> (accessed 15 December 2014).
7. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki Rossiiskoi Federatsii [Federal State Statistics Service of the Russian Federation]. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/economy/# (accessed 15 December 2014).

УДК 332.1 (571.54)

ЭКОНОМИКА РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ В ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ АСПЕКТЕ© *Янданова Цыремжид Николаевна*кандидат экономических наук, доцент Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а© *Ирильдеев Вячеслав Германович*заведующий кафедрой экономики Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: bzn77@mail.ru

Анализ территориального развития Республики Бурятия выявил имеющиеся диспропорции в экономике, связанные с неравномерным распределением инвестиций в основной капитал. Ослабление позитивных тенденций и факторов, обеспечивающих устойчивый экономический рост, привело к резкому снижению темпов роста инвестиций в экономику республики в последние годы, ухудшению динамики промышленного и сельскохозяйственного производств. Для выравнивания пространственно-экономической структуры региона необходимы инвестирование и государственная поддержка приоритетной отрасли развития абсолютного большинства районов республики — сельского хозяйства, вследствие неудовлетворительной обеспеченности промышленности сырьем и населения основными продуктами питания собственного производства, снижением численности и уровня жизни сельского населения. Для развития агропромышленного комплекса как социально значимого сектора экономики следует провести организационно-экономические, технико-технологические и другие мероприятия по повышению эффективности и конкурентоспособности аграрно-промышленного производства.

Ключевые слова: территориальное развитие, муниципальное образование, агропромышленный комплекс.

ECONOMY OF THE REPUBLIC OF BURYATIA IN TERRITORIAL ASPECT*Yandanova Tsyremzhid N.*Ph.D. in Economics, A/Pofessor, department of economics, Buryat State University
24a, Smolina, Ulan-Ude, 670000, Russia*Irildeev Vyacheslav G.*Head of the department of economics, Buryat State University
24a, Smolina, Ulan-Ude, 670000, Russia

The analysis of the spatial development of the Republic of Buryatia has revealed imbalances in the economy concerned with the uneven distribution of investments in fixed assets. The weakening of the positive trends and factors that ensure sustainable economic growth led to a sharp decline in investment growth rates in the economy of the republic in recent years, to deterioration of the dynamics of industrial and agricultural production. Aligning of the spatial and economic structure of the region needs investment and state support in agriculture which is a major sector of the economy in the most subregions, because of poor support of industry by raw materials and population by basic food of own production and because of decrease in number and poor living conditions of the rural population. As a socially important sector of the economy, the agricultural and industrial complex needs the development by the organizational, economic, technical, technological and other measures to improve the efficiency and competitiveness of the agroindustrial production.

Keywords: regional development, municipality, agricultural and industrial complex.

Республика Бурятия, как и большинство регионов России, отличается высокой неравномерностью экономического развития в территориальном разрезе. Эта неравномерность во многом определяется обеспеченностью природными ресурсами, исторически сложившейся инфраструктурой, природно-климатическими условиями, близостью к центру и другими факторами объективного характера. Если, например, аграрная ориентированность большей части республики задана географически и климатически, то промышленная во многом определялась особенностями развития страны в период индустриализации 30-х гг. XX в.

Приоритетом регионального территориального развития является обеспечение сбалансированного социально-экономического развития муниципальных образований РБ.

Сбалансированное территориальное развитие РБ требует ориентирования на создание условий, позволяющих каждому муниципальному образованию иметь необходимые и достаточные ресурсы для обеспечения достойных условий жизни населения, комплексного развития и повышения конкурентоспособности экономики республики.

Обеспечение сбалансированного развития муниципальных образований как один из целевых ориентиров социально-экономического развития РБ требует синхронизации таких направлений территориальной политики, как:

- стимулирование экономического развития путем создания новых центров экономического роста в муниципальных образованиях на основе конкурентных преимуществ;
- координация инфраструктурных бюджетных и внебюджетных инвестиций в муниципальных образованиях с учетом приоритетов пространственного развития и ресурсных ограничений;
- сокращение дифференциации в уровне и качестве жизни населения республики с помощью эффективных механизмов социальной и бюджетной политики [3].

Инвестиционная активность муниципальных образований республики в 2013 г. представляла собой довольно разнородную картину. Всего 5 муниципальных образований из 23 привлекли свыше 80 % всех инвестиций, а в 8 произошло абсолютное снижение инвестиций по сравнению с 2012 г.

Уровень инвестиционной активности в республике за период с 2007 по 2013 г. отмечен кризисным падением в 2009 г. (95,6 %), затем максимальным приростом в 2010 г. (134 %), в дальнейшем темпы роста неуклонно снижаются (рис. 1, 2).

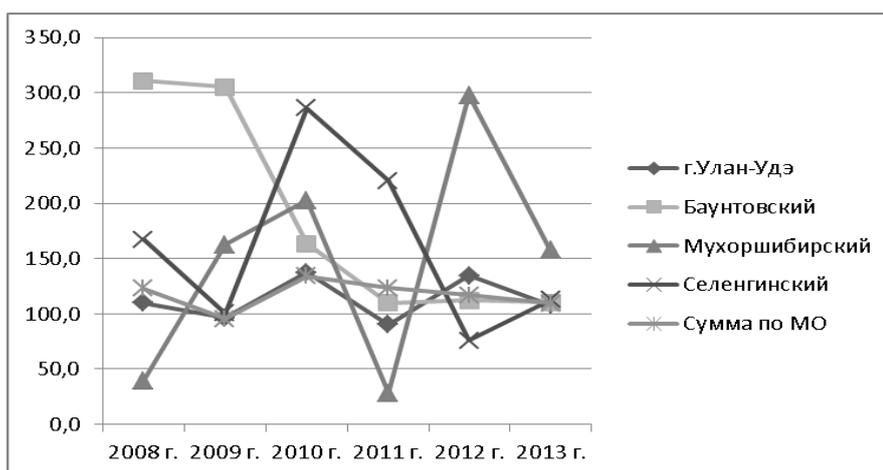

Рис. 1. Динамика индексов объема инвестиций муниципальных образований-лидеров, %

Что касается муниципальных образований-лидеров, то существенное падение индексов в разные годы (например, Мухоршибирский и Селенгинский районы) объясняется, с одной стороны, завершением строительства крупных объектов, с другой — снижением объема финансирования строящихся объектов.

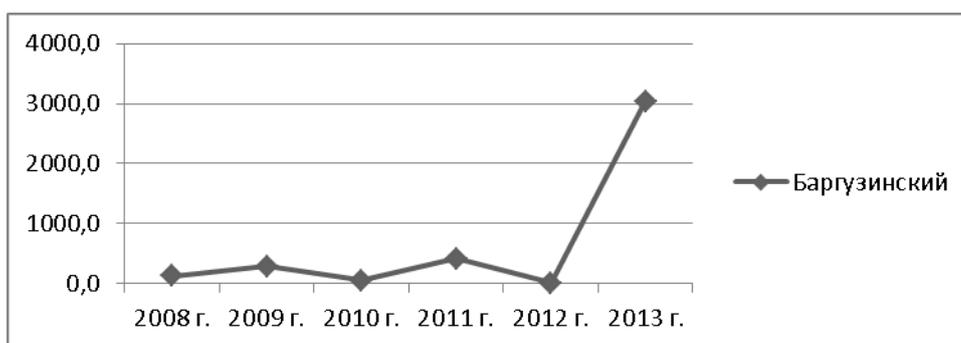

Рис. 2. Динамика индексов объема инвестиций муниципальных образований-лидеров, %

Всего по муниципальным образованиям в 2013 г. объем инвестиций в основной капитал в расчете на 1 жителя по сравнению с 2012 г. увеличился незначительно (9,3 %) и составил 33,6 тыс. р. (рис. 3, 4), при значениях этого показателя на уровне СФО — 71,4 тыс. р., РФ — 92,4 тыс. р.

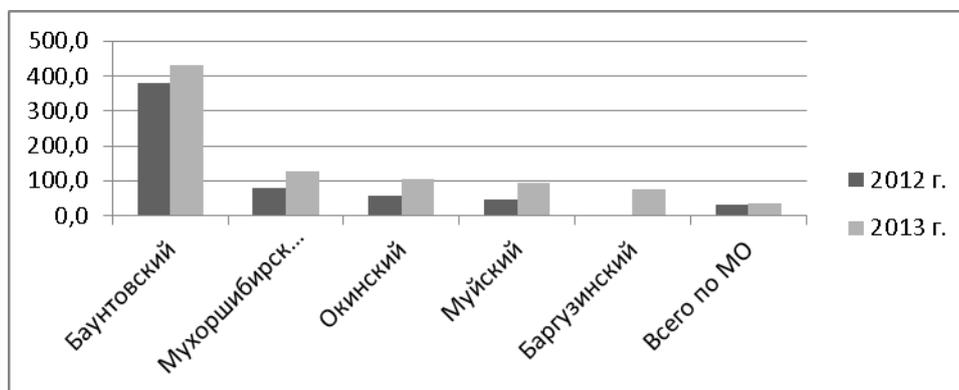

Рис. 3. Объем инвестиций в основной капитал на душу населения в районах-лидерах, тыс. р./чел.

Наибольшая инвестиционная активность зафиксирована в Баунтовском районе (429,1 тыс. р./чел.), наименьшая — в Иволгинском районе (1,2 тыс. р./чел.). Здесь необходимо учитывать, что высокие значения этого показателя в ряде муниципальных образований в значительной степени обусловлены низкой численностью населения. Это в особенности относится к малонаселенным районам (Окинский, Муйский).

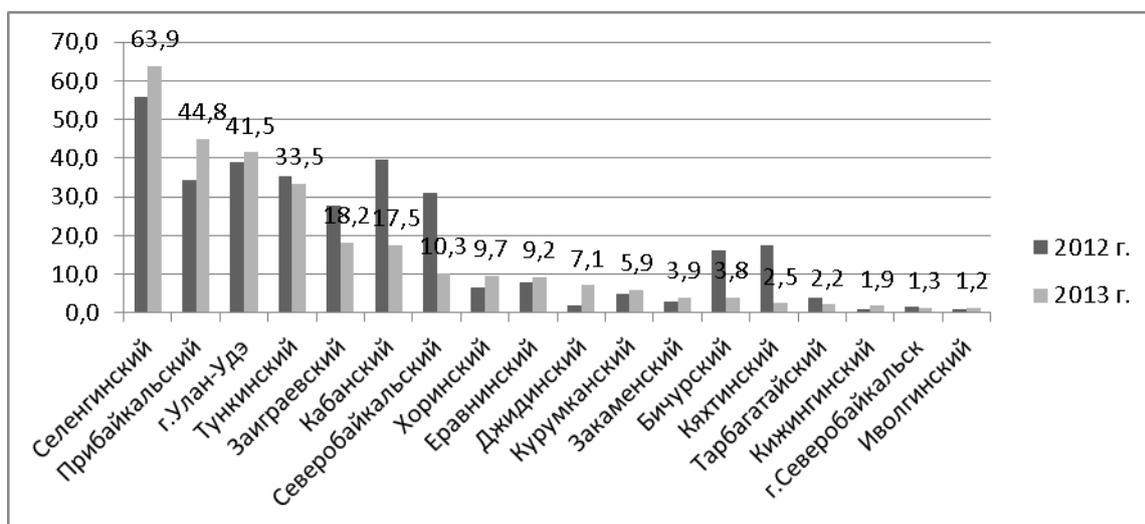

Рис. 4. Объем инвестиций в основной капитал на душу населения в остальных 18 МО, тыс. р./чел.

Анализ динамики объемов инвестиций на душу населения по всем муниципальным образованиям также показывает снижение темпов прироста в кризисном 2009 г. (-4,4 %), затем прирост в посткризисный период в 2010 г. до 34 %, и впоследствии прослеживается явная тенденция на замедление темпов прироста с 23,5 % в 2011 г. до 0,5 % в 2013 г. (рис. 5).

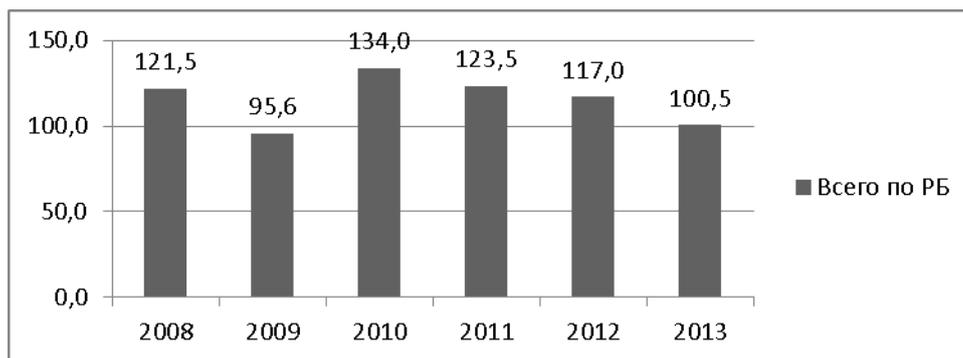

Рис. 5. Динамика индексов объема инвестиций на душу населения, %

Снижение инвестиционного спроса связано с сокращением собственных средств предприятий, что ограничивает их инвестиционные возможности. Так, прибыль предприятий и организаций за 2013 г. сократилась на 4,4 % к уровню 2012 г. Значительное снижение прибыли отмечалось в добыче полезных ископаемых (на 81,6 % к 2012 г.), в строительстве (на 38,5 %). Сальдированный финансовый результат составил 10,4 млрд р., что на 14,1 % меньше уровня 2012 г.

Распределение инвестиций в основной капитал по экономическим зонам представлено в таблице 1.

Таблица 1

Распределение инвестиций в основной капитал по экономическим зонам

Зоны	Удельный вес, %
Северная	3,4
Восточная	11,9
Восточно-Саянская	3,6
Центральная зона	51,9
Южная	17,7
Туристско-рекреационная	11,4

Больше половины объема инвестиций направлено в Центральную зону (51,9%), где около 70 % вложено в производство транспортных средств и оборудования, оставшаяся часть — в пищевое производство. 17,7 % инвестиций привлекли муниципальные образования Южной зоны для развития сферы добычи полезных ископаемых (ОАО «Разрез Тугнуйский»), а также в сферу производства и распределения электроэнергии, газа и воды (реконструкция 4-го энергоблока Гусинозерской ГРЭС) и т. д.

Вклад Восточной зоны, специализирующейся на добыче полезных ископаемых, составил 11,9 %. Наиболее крупные капиталовложения были направлены, главным образом, в топливно-энергетическую сферу (уран) и в золотодобывающую отрасль.

Доля туристско-рекреационной зоны составила 11,4 %, где большая часть инвестиций была направлена на инфраструктурные проекты (строительство моста через р. Баргузин, автомобильной дороги Улан-Удэ – Турунтаево – Баргузин), на развитие целлюлозно-бумажной промышленности (Селенгинский ЦКК) и т. д.

В целом для экономики РБ характерна неустойчивая динамика инвестиционного процесса. Ослабление позитивных тенденций и факторов, обеспечивающих устойчивый экономический рост, привело к резкому снижению темпов роста инвестиций в экономику республики в последние годы.

В 2013 г. наблюдается сокращение темпов частного инвестирования, вследствие свертывания инвестиционных программ ряда крупных российских организаций, входящих в вертикально-интегрированные структуры, которые формируют основную долю прибыли в республике, а также завершение активной инвестиционной фазы ряда крупных коммерческих проектов. Другой причиной является и недостаточный объем бюджетных средств, направляемых на строительство инфраструктуры для инвесторов, замедляющий темпы частного инвестирования (в частности, по зонам экономического благоприятствования).

Снижение темпов роста инвестиций отразилось на ухудшении динамики промышленного производства. Кроме того, на некоторые промышленные отрасли повлияла неблагоприятная конъюнктура внешнего рынка. Также негативно сказалось замедление роста кредитования корпоративного сектора банками.

В РБ в 2013 г. 5 муниципальных образований из 23 произвели 82,2 % объема всей промышленной продукции.

В расчете на душу населения объем отгруженной промышленной продукции в 2013 г. в среднем по муниципальным образованиям равен 104,5 тыс. р., что составило 44,6 % к уровню по СФО и 37,3 % — по РФ. Среди муниципальных районов наиболее высокие результаты в Окинском (537,5 тыс. р.), Муйском (359,3 тыс. р.), Баунтовском (286,7 тыс. р.), Селенгинском (173,9 тыс. р.). В г. Улан-Удэ показатель составил 152,9 тыс. р. на 1 жителя. Минимальное значение получено в Кяхтинском районе (5,8 тыс. на 1 жителя).

Удельные значения индексов объемов промышленной продукции на душу населения имеют отрицательную тенденцию. Минимальный прирост на душу населения был отмечен в 2008–2009 гг. (9,0 и 12,7 % соответственно), максимальный — в посткризисные 2010–2011 гг. Ситуация ухудшилась в 2012 г., когда наблюдался спад производства промышленной продукции на -3,7 %, по сравнению с предыдущим годом, и за счет низкой базы уровень прироста в 2013 г. достиг 25,5 % (рис. 6).

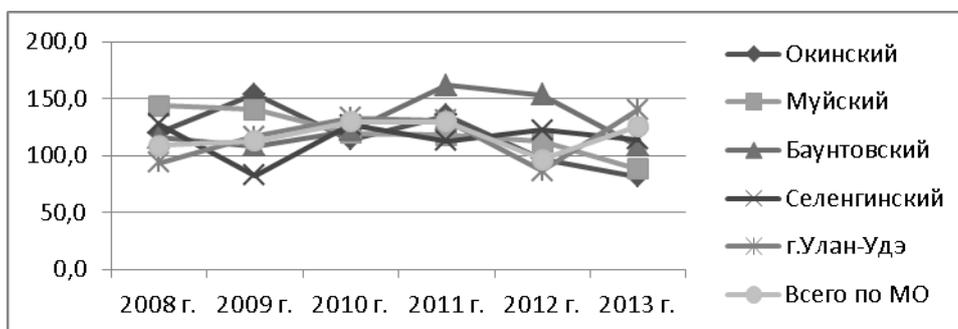

Рис. 6. Динамика индексов объемов промышленной продукции на душу населения, %

В целом по республике в структуре промышленности наибольший удельный вес приходится на обрабатывающие производства, который возрос с 58,7 % в 2012 г. до 64,4 % в 2013 г. (рост — на 5,7 процентных пункта), что обусловлено опережающим развитием транспортного машиностроения. Из обрабатывающих производств наибольший удельный вес в объеме промышленной продукции занимает производство транспортных средств и оборудования (рост к уровню 2012 года на 12,5 п. п.), производство пищевых продуктов — 7 % (снижение на 2,3 п. п.), производство прочих неметаллических минеральных продуктов (снижение на 0,4 п. п.).

По сравнению с 2012 г. в 2013 г. снизилась доля добычи полезных ископаемых (на 4,7 п. п.), доля производства и распределения электроэнергии, газа и воды практически не изменилась — 21,8 %.

Вклад промышленности муниципальных образований в экономику Республики Бурятия в разрезе экономических зон представлен в таблице 2.

Таблица 2

Вклад промышленности муниципальных образований в экономику Республики Бурятия в разрезе зон

Зоны	Удельный вес, %
Северная	5,6
Восточная	4,8
Восточно-Саянская	3,1
Центральная зона	66,2
Южная	12,7
Туристско-рекреационная	7,8

Наибольший вклад в объем промышленного производства внесла Центральная зона (66,2 %), специализирующаяся на обрабатывающем производстве (производство транспортных средств и оборудования и пищевое производство). 12,7 % формирует Южная зона (специализация на добыче полезных ископаемых, производстве и распределении электроэнергии, газа и воды, пищевой промышленности). Наименьшая доля в объеме приходится на Восточно-Саянскую зону (3,1 %) — добыча полезных ископаемых.

В 2013 г. ухудшилась ситуация в сельском хозяйстве, вернувшись по темпам роста на позиции острой фазы кризисного 2009 г. (86,3 %) (рис. 7). Отрицательная динамика сельскохозяйственного производства отмечена в 14 муниципальных районах. Наибольший спад индекса производства продукции сельского хозяйства наблюдался в Баунтовском — 67,9 %, Закаменском — 81,9 % и Бичурском — 83,2 % районах. Лидерами по производству продукции в этой отрасли с удельным весом более 4,5 % являются 10 муниципальных образований, удельный вес которых в общем объеме производства составляет 66,8 %.

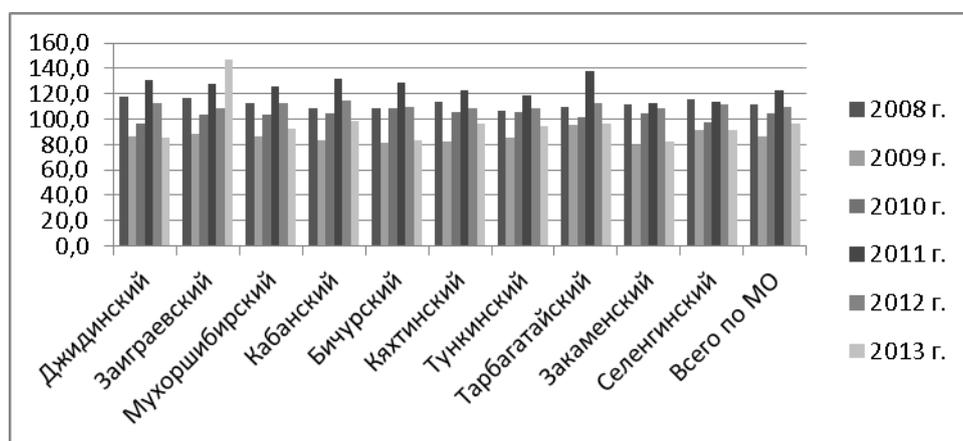

Рис. 7. Динамика индексов производства сельскохозяйственной продукции, %

В расчете на душу населения объем производства валовой продукции сельского хозяйства в среднем по муниципальным образованиям составил 14,2 тыс. р., что почти в 2 раза ниже, чем по СФО и в целом по РФ (26,7 и 26,4 тыс. р. на человека соответственно).

В сфере сельского хозяйства республики сохраняется напряженная обстановка, в связи с высокими издержками производства и устаревшей технологической базой, что усиливает риски развития аграрного сектора экономики. Сельхозтоваропроизводители большинства районов республики работают в сложных природно-климатических условиях. Темпы прироста животноводческой продукции в 2013 г. незначительны или отстают от уровня прошлого года, в связи с чем обеспеченность перерабатывающих организаций сырьем и населения продуктами питания собственного производства по многим видам ниже 50–60 %, уровень жизни сельского населения и его социально-бытовые условия значительно отстают от городского.

Вклад каждой экономической зоны в формирование основных макроэкономических показателей в 2013 г. в сравнении с 2007 г. представлен в таблице 3.

В 2013 г. в формировании экономическими зонами основных макроэкономических показателей заметны структурно-динамические сдвиги Центральной зоны в привлечении инвестиций в основной капитал (в 2007 г. на нее приходилось 66,3 %). Смещение инвестиций в 2013 г. из центра в пользу менее развитых территорий связано, прежде всего, с развитием особой экономической зоны туристско-рекреационного типа (увеличение на 6 п. п. в 2013 г.), а также со значительными вложениями в добычу полезных ископаемых (уран, золото) на территории Восточной зоны (увеличение на 7 п. п. в сравнении с 2007 г.).

Таблица 3

Вклад экономических зон в развитие РБ

Зона	Доли в объемах показателей, %					
	Инвестиции в основной капитал		Объем промышленного производства		Объем сельскохозяйственной продукции	
	Значение показателя в динамике лет					
	2007	2013	2007	2013	2007	2013
Северная	3,4	3,4	7,3	5,6	0,8	1,5
Восточная	4,4	11,9	3,0	4,8	13,5	11,6
Восточно-Саянская	1,5	3,6	3,2	3,1	8,0	7,4
Центральная зона	66,3	51,9	63,2	66,2	17,1	22,3
Южная	19,3	17,7	11,9	12,7	43,9	39,6
Туристско-рекреационная	5,1	11,4	11,5	7,8	16,7	17,6
Всего РБ	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Ситуация в реальном секторе экономики остается по-прежнему неравномерной. Инвестиции в промышленный центр региона в 2013 г. обеспечили сосредоточение большей части промышленного производства в этой зоне (66,2 %), что, несомненно, усилило диспропорцию территориального развития по этому показателю. Так, доля Северной зоны сократилась до 5,6 % в 2013 г., что почти на 2 п. п. меньше, чем в 2007 г., и на том же уровне сохранила свое участие Восточно-Саянская зона.

Напротив, недополучение инвестиций традиционно аграрными территориями привело к отрицательной динамике объемов сельскохозяйственного производства. В итоге заметны структурные сдвиги по этому показателю за счет перераспределения участия экономических зон в его формировании. Так, традиционно аграрная Южная зона уменьшила свою долю до 39,6 % (в 2007 г. — 43,9 %). При этом увеличилось участие Центральной зоны в формировании данного показателя (на 5 п. п. в 2013 г.) за счет Заиграевского района, где были увеличены посевные площади и поголовье свиней.

Все это свидетельствует о том, что в регионе продолжается рост центрально-периферийного неравенства. Региональным властям следует определить наиболее перспективную систему мер действенной ликвидации социально-экономических диспропорций муниципальных образований республики, которая должна осуществляться путем развития региональных «точек роста» — центров территориальных социально-производственных комплексов [7].

Для выравнивания пространственно-экономической структуры региона необходимы инвестирование и государственная поддержка приоритетной отрасли развития абсолютного большинства районов республики — сельского хозяйства, вследствие неудовлетворительной обеспеченности промышленности сырьем и населения основными продуктами питания собственного производства, снижением численности и уровня жизни сельского населения. Для развития агропромышленного комплекса как социально значимого сектора экономики следует провести организационно-экономические, технико-технологические и другие мероприятия по повышению эффективности и конкурентоспособности аграрно-промышленного производства, решению социальных проблем сельских территорий.

При этом необходимо исходить из отечественного и мирового опыта, свидетельствующего о том, что сельскохозяйственное производство и сельские территории не могут развиваться на равных условиях с промышленностью и городскими поселениями, в связи со спецификой производства, ограниченными возможностями повышения уровня цен на продовольствие, составляющего основу жизнедеятельности населения.

Для развития села на перспективу требуются значительные финансовые вложения, налоговая, кредитная и иная государственная поддержки, стимулирование развития внутреннего потенциала сельских территорий. Эффективное развитие агропромышленного комплекса станет предпосылкой ускоренного развития экономики региона, повышения продовольственной безопасности и успешного решения задач по импортозамещению продовольствия.

Литература

1. Большаков С. Н., Григорьев А. Н. Управление системой территориального развития: регионы и муниципалитеты // Муниципалитет: экономика и управление. — 2013. — № 1(4).
2. Мендель А. В., Фадеева Н. П. Методика определения вектора социально-экономического развития территорий (на примере регионов ПФО) // Вестник Саратовского государственного технического университета. — 2014. — Т. 1. — № 1(74).
3. Мигунова Г. С. Основные тенденции и предпосылки обновления политики регионального развития // Вопросы управления. — 2012. — № 3(20).
4. Селиверстов В. Е. Эволюция научных подходов и принципов регионального стратегического планирования // Территориальное стратегическое планирование. — 2011. — № 12.
5. Сидоров А. А., Силич М. П. Методические подходы к оценке социально-экономического развития муниципальных образований // Известия Томского политехнического университета. — 2008. — № 6.
6. Толстогузов О. В. Стратегия периферийного региона в условиях ограничения информации: методология, теория, практика. — Петрозаводск: Карельский научный центр РАН. — 2010. — 488 с.
7. Цыренов Д. Д. Статистическая оценка места муниципального образования в экономическом пространстве Республики Бурятия // Вестник Бурятского государственного университета. — 2014. — Т. 2, № 1. — С. 34–37.

References

1. Bol'shakov S. N., Grigor'ev A. N. Upravlenie sistemoi territorial'nogo razvitiya: regiony i muni-tsipalitet [Management of territorial development system: regions and municipalities]. *Munitsipalitet: ekonomika i upravlenie – Municipality: economics and management*. 2013. No 1(4).
2. Mendel' A. V., Fadeeva N. P. Metodika opredeleniya vektora sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya territorii (na primere regionov PFO) [Method for determining of territories socio-economic development vector (on example of the Volga Federal District regions)]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta – Bulletin of Saratov State Technical University*. 2014. Vol. 1. No 1(74).
3. Migunova G. S. Osnovnye tendentsii i predposylki obnovleniya politiki regional'nogo razvitiya [General trends and background of regional development policy updating]. *Voprosy upravleniya – Management issues*. 2012. No 3(20).
4. Seliverstov V. E. Evolyutsiya nauchnykh podkhodov i printsipov regional'nogo strategicheskogo planirovaniya [Evolution of scientific approaches and principles of regional strategic planning]. *Territorial'noe strategicheskoe planirovanie – Territorial strategic planning*. 2011. No 12.
5. Sidorov A. A., Silich M. P. Metodicheskie podkhody k otsenke sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya munitsipal'nykh obrazovaniy [Methodological approaches to assessing of municipalities socio-economic development]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta – Bulletin of Tomsk Polytechnic University*. 2008. No 6.
6. Tolstoguzov O. V. *Strategiya periferiynogo regiona v usloviyakh ogranicheniya informatsii: metodologiya, teoriya, praktika* [Strategy of peripheral region in the conditions of limited information: methodology, theory and practice]. Petrozavodsk: Karelian Research Centre of Russian Academy of Sciences. 2010. 488 p.
7. Tsyrenov D. D. Statisticheskaya otsenka mesta munitsipal'nogo obrazovaniya v ekonomicheskom prostranstve Respubliki Buryatiya [Statistical evaluation of municipalities place in the economic space of the Republic of Buryatia]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Buryat State University*. 2014. Vol. 2, No 1. Pp. 34–37.

УДК 334

МАЛОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В ПРОСТРАНСТВЕННОМ РАЗВИТИИ РЕГИОНА© *Буров Виталий Юрьевич*

кандидат экономических наук, доцент, директор Института экономики и управления Бурятского государственного университета

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

E-mail: burovschool@rambler.ru

В статье проанализированы различные взгляды на определение понятия «пространство», «пространственная экономика». Сделан вывод, что, несмотря на использование в терминологии понятий «пространство» и «пространственный», область исследований осталась в рамках традиционного территориального подхода региональной экономики.

Рассмотрена роль кластеров в пространственном развитии. Отмечен всевозрастающий дефицит исследований по обоснованию теоретических, методологических и прикладных аспектов размещения субъектов малого предпринимательства в контексте пространственного распределения экономических ресурсов. Осуществлена попытка осмысления роли социально-экономического потенциала малого предпринимательства в контексте модернизации пространства через инновационное развитие региона.

Ключевые слова: пространственная экономика, кластер, малое предпринимательство, инновации, территории опережающего развития.

SMALL BUSINESS IN THE SPATIAL DEVELOPMENT OF THE REGION*Burov Vitaly Yu.*

PhD in Economics, A/Professor, Director of the Economic and Management Institute, Buryat State University

24a, Smolina, Ulan-Ude, 670000, Russia

In the article various points of view on the definition of the concept “space”, “spatial economy” have been analyzed. The conclusion has been drawn that in spite of the use in terminology such concepts as “space”, “spatial”, the field of research is within the traditional territorial approach to regional economy.

The role of clusters in the spatial development has been considered. The increasing shortage of studies has been noted in substantiation the theoretical, methodological and applied aspects of the placement of small businesses in the context of the spatial distribution of economic resources. The attempt of rethinking the role of socioeconomic potential of small business has been made in the context of space modernization through the innovative development of the region.

Keywords: spatial economy, cluster, small business, innovations, territories of advancing development.

Одной из основных задач развития экономики в настоящее время является обеспечение ее развития, носящего не дискретный, а постоянно воспроизводящийся (на все более высоком уровне) характер, что во многом связано с фактором пространственных экономических трансформаций — формирование единого экономического пространства.

Особый вклад в теорию экономического пространства внес французский экономист, испанец по происхождению Франкоис Перрокс (Perroux). Экономическое пространство, по Ф. Перроксу, — силовое поле, порождаемое фирмами и их взаимосвязями [3], что, по нашему мнению, напрямую связано с деятельностью различных субъектов хозяйствования, в т. ч. и малых предприятий.

Ю. Лавриковой дано следующее определение экономического пространства: «...как сочетания, с одной стороны, территории размещения и взаимодействия хозяйствующих субъектов, отношения между которыми складываются в определенной социально-экономической среде и, с другой стороны, социально-экономической среды взаимодействия хозяйствующих субъектов, формируемой применяемыми на территории механизмами регулирования экономики. Из вышеприведенного понимания экономического пространства следует, что его составляющими являются: 1) хозяйствующие субъекты; 2) отношения и взаимодействия между ними; 3) механизмы регулирования, определяемые инсти-

туциональными условиями, созданными на территории (совокупность норм, правил регулирования отношений и др.)» [8].

По мнению многих исследователей, современная экономика — это пространственная экономика. Примером такой экономики может быть национальная экономика как объединение взаимодействующих, пространственно распределенных региональных экономик. Другой пример — мировая экономическая система, компонентами которой являются взаимодействующие национальные экономики [11].

Н. М. Сурнина под пространственной экономикой понимает «... процесс и результат деятельности субъектов пространственного развития (в частности, субъекты РФ — национально-государственные и территориально-государственные образования, федеральные округа, ассоциации экономического взаимодействия, муниципальные образования), основанные на принципах саморазвития, экономических отношениях с территориальными социально-экономическими системами высшего порядка и с формирующимися новыми территориальными образованиями (территории с особым статусом, в том числе свободные экономические зоны, закрытые территориальные образования, технополисы, научные и технопарки, районы реализации специальных программ)» [12].

При этом под экономическим пространством, в рамках которого происходит пространственное распределение значений микро- и макроэкономических параметров (средних и предельных затрат факторов производства, цен благ и услуг, факторных цен, доходов, сбережений, занятости и т. п.), понимается не только собственно национальное пространство, пространство в пределах национальных границ, но и наднациональное пространство, мировой рынок в целом и множество субглобальных (региональных) рынков [9].

Экономическое пространство напрямую связано с понятием «пространственное развитие». С. А. Суспицын трансформацию экономического пространства РФ рассматривает в рамках нормативного подхода, как движение к заданной территориальной структуре экономики, а также в позитивистских традициях, изучая эволюцию пространственного распределения экономической активности и выявляя ее причины, факторы и ограничения [13].

В. Княгинин и Ю. Перелыгин видят ключевой смысл пространственного развития в комплексе мер по гармонизации на территории разнонаправленных процессов и оптимизации происходящих изменений [7].

И. Т. Насретдиновым предложено определение комплексной поддержки процесса пространственно-экономической трансформации как целенаправленной деятельности заинтересованных участников процесса трансформации, в целях создания и обеспечения нормативных, экономических и организационных условий, гарантий и стимулов деятельности, направленных на экономическое оздоровление, становление, развитие и самореализацию конкурентного потенциала предприятий [10].

Иными словами, пространственная экономика изучает экономические отношения (причинно-следственные связи), пространственные трансформации как в территориальных общностях с уже сложившимися, фиксированными (в т. ч. и в правовом отношении) границах (республика, край, область, округ, муниципальное образование и др.), так и в территориально-экономических образованиях с неустоявшимися, четко неопределенными границами (зоны влияния крупных городов, зоны нового освоения, трансграничные территории, территории с экстремальными природно-климатическими и иными условиями и т. п.).

Возникает вопрос: какую роль играет сектор малого предпринимательства (МП) при формировании единого экономического пространства? И можно ли говорить о том, что сектор МП является субъектом пространственной экономики?

При достаточно широкой разработанности проблематики МП, расположенных на территории конкретного субъекта Федерации, ощущается всевозрастающий дефицит исследований по обоснованию теоретических, методологических и прикладных аспектов размещения субъектов МП в контексте пространственного распределения экономических ресурсов, традиционно рассматриваемых школой известных российских регионалистов (А. Г. Гранберг, В. В. Кулешов, В. Н. Лексин, П. А. Минкир, Н. Н. Михеева, А. С. Новоселов, В. Е. Селиверстов, В. И. Суслов, С. А. Суспицын, А. Н. Швецов, Б. М. Штульберг) [2].

Пространственное распределение экономической деятельности оказывается целесообразным, ввиду различий в социально-экономическом положении территорий, и связано, прежде всего, с рациональным разделением труда, размещением природных ресурсов, формированием эффективных про-

порций хозяйственного взаимодействия различных экономических субъектов большая роль принадлежит сектору МП.

Эта неравномерность существовала всегда, но реально использовать ее для экономического роста удалось лишь тогда, когда появились соответствующие средства коммуникаций, которые стали новым источником конкурентных преимуществ территории и, по сути, меняют не только систему факторов размещения, но и структуру самого экономического пространства.

Отдельные ученые пространственное развитие территорий связывают с кластерами. Так, Ю. Г. Лаврикова считает: «Во многом развитию сетевой структуры экономического пространства, укреплению его единства и целостности способствует внедрение кластерной формы организации бизнеса. Мировой опыт развитых стран убедительно доказывает как эффективность, так и неизбежную закономерность возникновения разного вида кластеров» [12].

Во многих странах мира, так же как и в России, формирование кластеров стало важной частью государственной политики в области регионального развития. Целями этой политики являются развитие сектора малых и средних предприятий вокруг крупных компаний, создание новых рабочих мест и в конечном счете повышение инновационного потенциала отрасли и конкурентоспособности региона.

На сегодняшний день отечественными учеными обоснованы теоретико-методологические подходы к использованию кластеров в качестве рыночного института пространственного развития экономики российских регионов (например, Ю. Г. Лаврикова [8]). В связи с этим в России, прежде всего, в лице регионов начался переход от обсуждения необходимости создания кластеров к практике их построения.

Формирование кластеров в регионе является важнейшим моментом формирования развитой региональной экономики России. В общем виде кластер представляет собой сообщество фирм и компаний, тесно связанных отраслей, взаимно способствующих росту конкурентоспособности друг друга. Структурно же кластер представляет собой ядро в виде совокупности крупных предприятий, вокруг которых группируются региональные научные учреждения, региональная власть и субъекты МП.

Получается, что поднятая проблема о сущности пространственного развития может рассматриваться в контексте таких терминов, как «пространственная экономика», «кластер», «малое и среднее предпринимательство».

Ряд отечественных ученых анализируют МП как сложную саморазвивающуюся систему, в т. ч. с точки зрения пространственной экономики, и это вызывает интерес.

Так, Ф. Ф. Хамидуллин рассматривает малый бизнес как экономическую систему. По его мнению, «... это сложная, вероятностная, динамическая система, охватывающая процессы производства, обмена, распределения и потребления материальных благ. Если рассматривать ее в материально-производственном аспекте, то ее входом являются материально-вещественные потоки природных и производственных ресурсов, информация, выходом — материально-вещественные потоки предметов потребления, услуг, продукции, предназначенной для накопления и возмещения, товаров для экспорта, а также отходов производства. В социально-экономическом аспекте ее входом являются определенные социально-экономические отношения людей в обществе, выходом — воспроизведенные и развитые системой производственные отношения, содержание которых определяется регулируемым и саморегулируемым соотношением элементов собственности» [16].

Л. Ю. Филобокова определяет МП как динамическую, сложную, открытую, активную, управляемую, организационную систему. «Сущностью управления такой системой является воздействие на управляемую и управляющую подсистемы, направленное на эффективное достижение цели деятельности путем выработки этого воздействия и обеспечения его реализации» [15].

Ю. Г. Чернышева считает, что «... за последние десять лет малое предпринимательство превратилось в особый самостоятельный социально-экономический сектор экономики, в котором обострились экономические противоречия» [17].

В. Г. Басарева обосновывает целесообразность анализа проблем развития российского МП и региональных факторов его активизации, используя понятия и принципы теорий, связанных с осмыслением процесса реформирования, теорий, объясняющих сдвиг к мелкомасштабному производству в индустриально развитых странах, теорий предпринимательства. С ее точки зрения, синтез этих теоретических подходов может обеспечить пространственная экономика [2].

МП как субъект пространственного развития обладает следующим потенциалом [5]:

1) социально-политический потенциал — возросшее значение МП в процессе социальной реструктуризации общества и формирования «среднего класса», его активная роль в смягчении ситуации на рынке труда, предупреждении тенденций поляризации общества, проявлении деловых качеств граждан, а также реализации его гражданских прав, росте реальных доходов населения;

2) адаптационный потенциал — приспособляемость субъектов МП к жестким, часто меняющимся условиям внешней среды, способность быстро перестраиваться, исходя из запросов конкретных групп потребителей, быстро осваивать новые рыночные ниши, создавать конкурентоспособные производства при относительно низких капитальных и текущих затратах;

3) потенциал регионального развития — вклад малого бизнеса в реструктуризацию региональной экономики и выравнивание уровней экономического развития территорий, обеспечение роста доходов занятого населения соответствующих уровней при ориентации деятельности субъектов МП на локальные рынки;

4) инновационный потенциал — способность к самостоятельному продуцированию и освоению научно-технических, технологических, организационно-экономических нововведений и их коммерческому использованию при сравнительно низких стартовых затратах;

5) интеграционный потенциал — возможность субъектов МП преодолевать политические, административные и экономические барьеры, воссоздавать утраченные и формировать новые кооперационные связи, встраиваясь в целостные производственно-технологические кооперационные системы с участием более крупных хозяйственных субъектов, в т. ч. в рамках финансово-промышленных групп;

6) мультипликативный потенциал — возможность субъектов МП обеспечивать формирование спроса на продукцию других секторов экономики, стимулируя тем самым процесс воспроизводства, рост загрузки производственных мощностей, прогрессивные сдвиги в смежных отраслях;

7) кадровый потенциал — активный приток в сферу МП специалистов высокой квалификации.

Необходимо остановиться на роли МП в экономическом развитии регионов. Разработанные сегодня стратегии, программы развития отдельных субъектов РФ, и это в первую очередь касается Байкальского субрегиона и Дальнего Востока, основаны на эксплуатации природных ресурсов, обновлении и расширении уже имеющейся производственной базы. «Он предполагает усиление дальнейшего развития в первую очередь тех отраслей, которые в настоящее время определяют развитие региона, а также некоторую диверсификацию промышленного сектора, с развитием новых производств на основе минерально-сырьевой базы» [5]. То есть при таком подходе недостаточно учитывается пространственный фактор.

И здесь можно сослаться на мнение С. А. Суспицына, с которым мы полностью согласны: «Недостаточный и несистемный учет пространственного фактора в социально-экономическом развитии является причиной многих проблем в реформировании экономики России и слабой эффективности предпринимаемых в этом направлении усилий» [14, с. 9].

Значимость сектора МП как субъекта пространственной экономики резко актуализируется, если мы будем рассматривать модернизацию пространства через инновационное развитие региона, ключевыми факторами которого являются технологические и социальные инновации, то есть развитие должно происходить на основе построения региональных инновационных систем.

Однако технологические инновации связаны с производством новых технологий и продуктов в ходе выполнения исследований и разработок фундаментальной и отраслевой науки, что напрямую зависит от субъектов МП и наличия качественного уровня, рассмотренных выше, интеграционного, инновационного и адаптационного потенциалов.

По мнению М. В. Ивановой, такая пространственная модернизация региона, «... во-первых, требует согласованной инновационной стратегии развития страны с определением наиболее значимых для экономики отраслей, которые будут способствовать ускорению экономического развития. Во-вторых, определение приоритетных направлений экономики, которые будут развиваться в данном регионе на основе существующих факторов производства. В-третьих, для внедрения технологических инноваций необходимо существование определенных объективных предпосылок в виде развитой научно-исследовательской базы и фундаментальной науки, высококвалифицированных трудовых ресурсов, наличие минерально-сырьевой и развитой производственной базы, федеральной поддержки по формированию региональной инфраструктуры, нормально функционирующего механизма привлечения частных, в т. ч. и зарубежных, инвестиций и т. д.» [6].

Можно сделать вывод, что решение задачи внедрения технологических инноваций при низком уровне финансовой самостоятельности территорий и их высокой дифференциации развития, низким уровнем развития сектора МП и в первую очередь инновационно-ориентируемого сегмента МП, едва ли возможно в существующих современных условиях на региональном уровне.

То есть при реализации идеи пространственного экономического развития, российскому МП принадлежит важная роль – МП как структурный и функциональный элемент национальной экономики, являющийся динамичной, саморазвивающейся системой, обладает определенными стратегическими преимуществами, реализация которых способствует достижению целей государственной социально-экономической политики устойчивого развития отдельных регионов и территорий и повышению роли России в современном мировом экономическом пространстве.

Вместе с тем, с опорой на положительный отечественный и зарубежный опыт можно обосновать, что новая государственная политика пространственного развития связана с созданием в России территорий опережающего развития (ТОР) на основе кластерных принципов, в основе которых вместо политики выравнивания уровня регионального развития должен использоваться принцип поляризованного развития отдельных регионов-лидеров («опорных регионов»), способна обеспечить конкурентоспособность региона и хозяйствующих субъектов, снизить уровень территориальной дифференциации, обеспечить согласованное территориально-отраслевое развитие, повысить уровень и качество жизни. А это значит, что эта территория не может обойтись без экономического, социального и инновационного потенциала МП.

В основе данного подхода лежит теория полюсов роста Ф. Перру. Согласно этой теории, территории, где размещаются предприятия лидирующих отраслей, становятся полюсами притяжения факторов производства, поскольку обеспечивают наиболее эффективное их использование [6].

Мы считаем, что несмотря на присущие МП недостатки, его совокупный потенциал может выступить драйвер-фактором новой политики по следующим направлениям развития экономики ТОР: в сфере социальных услуг, в сфере финансовых услуг, в сфере обслуживания больших предприятий и в сфере инновационной деятельности.

Литература

1. Концепция стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации // Министерство регионального развития Российской Федерации [Электронный ресурс]. — URL: <http://archive.minregion.ru/WorkItems/DocItem.aspxDocID=136&PageID=148>
2. Басарева В. Г. Малое предпринимательство трансформируемой России: региональные факторы активизации: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. — Новосибирск, 2011.
3. Бияков О. А. Теория экономического пространства: методологический и региональный аспекты. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. — 152 с.
4. Гранберг А. Г. О программе фундаментальных исследований пространственного развития России // Регион: экономика и социология. — 2009. — № 2. — С. 166–178.
5. Давыдова Р. Т. Развитие малого предпринимательства в условиях реформирования промышленного комплекса страны в новых экономических условиях (на примере г. Москвы). — М.: НИА-Природа, 2003. — 380 с.
6. Иванова М. В. Региональное развитие в контексте пространственной экономики. Экономические и гуманитарные исследования регионов. — 2012. — № 6.
7. Княгинин В., Перельгин Ю. Пространственное развитие России в долгосрочной перспективе // Российское экспертное обозрение. — 2007. — № 1–2. — С. 6–10.
8. Лаврикова Ю. Г. Кластеры как рыночный институт пространственного развития экономики региона: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. — Екатеринбург, 2009.
9. Минакир П. А. Экономика и пространство (тезисы размышлений) // Пространственная экономика. — 2005. — № 1. — С. 4–26.
10. Насретдинов И. Т. Повышение конкурентоспособности региональной системы потребительской кооперации на основе пространственно-экономической трансформации: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. — М., 2010. — 43 с.
11. Попков Ю. С. Макросистемные модели пространственной экономики // Труды ИСА РАН. — М., 2008. — Т. 39.
12. Сурнина Н. М. Пространственная экономика: теоретико-методологическое и научно-практическое исследование: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. — Екатеринбург, 2003.
13. Суспицын С. А. Развитие методов измерения пространственных трансформаций экономики // Регион: экономика и социология. — 2007. — № 4. — С. 3–18.

14. Оптимизация территориальных систем / под ред. С. А. Суспицина. — Новосибирск, 2010. — 632 с.
15. Филобокова Л. Ю. Устойчивое развитие малого предпринимательства: теория и практика (на материалах Дальневосточного экономического региона): автореф. дис. ... д-ра экон. наук. — Ростов н/Д., 2005.
16. Хамидулин Ф. Ф. Развитие методологии исследования малого бизнеса // Проблемы современной экономики. — 2006. — № 3(19).
17. Чернышева Ю. Г. Государственная поддержка малого предпринимательства в контексте экономических противоречий: теория и практика: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. — Ростов н/Д., 2009. — 45 с.

References

1. *Kontseptsiya strategii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regionov Rossiiskoi Federatsii* [The concept of socio-economic development of the Russian Federation regions]. Ministry of the Russian Federation Regional Development. Available at: <http://archive.minregion.ru/WorkItems/DocItem.aspxDocID=136&PageID=148>
2. Basareva V. G. *Maloe predprinimatel'stvo transformiruemoi Rossii: regional'nye faktory aktivizatsii. Avtoref. dis. ... d-ra ekon. nauk* [Small business of transforming Russia: regional activization factors. Author's abstract of Dr. econ. sci. diss.]. Novosibirsk, 2011.
3. Biyakov O. A. *Teoriya ekonomicheskogo prostranstva: metodologicheskii i regional'nyi aspekty* [Theory of Economic Space: methodological and regional aspects]. Tomsk: Publishing Department of Tomsk University, 2004. 152 p.
4. Granberg A. G. O programme fundamental'nykh issledovaniy prostranstvennogo razvitiya Rossii [On the program of Russia spatial development fundamental research]. *Region: ekonomika i sotsiologiya – Region: Economics and Sociology*. 2009. No 2. Pp. 166–178.
5. Davydova R. T. *Razvitie malogo predprinimatel'stva v usloviyakh reformirovaniya promyshlennogo kompleksa strany v novykh ekonomicheskikh usloviyakh (na primere g. Moskvy)* [Development of small business in the conditions of reforming industrial complex and new economy (on the example of Moscow)]. Moscow: NIA-Priroda, 2003. 380 p.
6. Ivanova M. V. *Regional'noe razvitie v kontekste prostranstvennoi ekonomiki. Ekonomicheskie i gumanitarnye issledovaniya regionov* [Regional development in the context of input-output economy. Economic and humanitarian studies of regions]. 2012. No 6.
7. Knyagin V., Perelygin Yu. Prostranstvennoe razvitie Rossii v dolgosrochnoi perspektive [Spatial development of Russia in the long term]. *Rossiiskoe ekspertnoe obozrenie – Russian expert review*. 2007. No 1–2. Pp. 6–10.
8. Lavrikova Yu. G. *Klastery kak rynochnyi institut prostranstvennogo razvitiya ekonomiki regiona. Avtoref. dis. ... d-ra ekon. nauk* [Clusters as a market institution regional economy spatial development. Author's abstract of Dr. econ. sci. diss.]. Ekaterinburg, 2009.
9. Minakir P. A. *Ekonomika i prostranstvo (tezisy razmyshlenii)* [Economics and space (abstract thinking)]. *Prostranstvennaya ekonomika – Spatial Economics*. 2005. No 1. Pp. 4–26.
10. Nasretdinov I. T. *Povyshenie konkurentosposobnosti regional'noi sistemy potrebitel'skoi kooperatsii na osnove prostranstvenno-ekonomicheskoi transformatsii. Avtoref. dis. ... d-ra ekon. nauk* [Improving of regional system of consumer cooperation competitiveness based on spatial-economic transformation. Author's abstract of Dr. econ. sci. diss.]. Moscow, 2010. 43 p.
11. Popkov Yu. S. Makrosistemnye modeli prostranstvennoi ekonomiki [Macrosystemic models of spatial economy]. *Trudy ISA RAN* [Proceedings of System Analysis Institute RAS]. Moscow, 2008. Vol. 39.
12. Surnina N. M. *Prostranstvennaya ekonomika: teoretiko-metodologicheskoe i nauchno-prakticheskoe issledovanie. Avtoref. dis. ... d-ra ekon. nauk* [Spatial Economics: theoretical, methodological and scientific-practical studies. Author's abstract of Dr. econ. sci. diss.]. Ekaterinburg, 2003.
13. Suspitsyn S. A. *Razvitie metodov izmereniya prostranstvennykh transformatsii ekonomiki* [Development of measuring methods of economy spatial transformations]. *Region: ekonomika i sotsiologiya – Region: Economics and Sociology*. 2007. No 4. P. 3–18.
14. *Optimizatsiya territorial'nykh sistem* [Optimization of territorial systems]. Novosibirsk, 2010. 632 p.
15. Filobokova L. Yu. *Ustoichivoe razvitie malogo predprinimatel'stva: teoriya i praktika (na materialakh Dal'nevostochnogo ekonomicheskogo regiona). Avtoref. dis. ... d-ra ekon. nauk* [Sustainable development of small business: theory and practice (on materials of the Far Eastern economic region). Author's abstract of Dr. econ. sci. diss.]. Rostov-on-Don, 2005.
16. Khamidulin F. F. *Razvitie metodologii issledovaniya malogo biznesa* [Development of small business research methodology]. *Problemy sovremennoi ekonomiki – Problems of modern economics*. No 3(19).
17. Chernysheva Yu. G. *Gosudarstvennaya podderzhka malogo predprinimatel'stva v kontekste ekonomicheskikh protivorechii: teoriya i praktika. Avtoref. dis. ... d-ra ekon. nauk* [State support of small business in the context of economic contradictions: theory and practice. Author's abstract of Dr. econ. sci. diss.]. Rostov-on-Don, 2009. 45 p.

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

УДК 339.9(571.54)(510)

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ И КИТАЯ

© *Дмитренко Оксана Витальевна*

кандидат экономических наук, доцент кафедры финансы и кредит Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления
Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Ключевская, д. 40В
E-mail: dmitok@mail.ru

В настоящее время наблюдается активизация российско-китайских отношений по всем направлениям сотрудничества. В этой связи интересен опыт развития геополитического и экономического сотрудничества Республики Бурятия и Китая. На основе исследования комплекса историко-культурных и экономических материалов автором проанализированы характерные особенности региона в качестве стратегического выхода России в Восточную Азию. В статье подчеркивается, что Бурятия является важнейшим звеном межцивилизационного взаимодействия. Особенностью сотрудничества регионов двух стран является взаимообогащение различных культур, их вовлечение в глобальный поток культурных связей при сохранении традиционной культуры отдельных стран и регионов.

На основе проведенного исследования автором предлагается рассматривать Республику Бурятия как «мост» России в страны Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) и Северо-Восточной Азии для развития партнерских отношений, поиска новых рынков сбыта российской продукции, преодоления в целом сырьевой направленности экспорта.

В статье формулируются основные направления политического, культурного и внешнеэкономического сотрудничества России и Китая, приоритетные формы взаимодействия приграничных регионов двух стран.

Ключевые слова: российско-китайские отношения, интеграционный процесс, геополитическое и цивилизационное сотрудничество.

ECONOMIC AND GEOPOLITICAL IMPORTANCE OF COOPERATION BETWEEN THE REPUBLIC OF BURYATIA AND CHINA

Dmitrenko Oksana V.

PhD in Economics, A/Professor, department of finances and credit, East-Siberian State University of Technologies and Management
40V, Klyuchevskaya, Ulan-Ude, 670047, Russia

Currently, there is activation of the Russian-Chinese relations in all areas of cooperation. In this regard, the experience of geopolitical and economic cooperation between the Republic of Buryatia and China is interesting. Basing on the study of the complex historical, cultural and economic material, the author has analyzed the characteristics of the region as a strategic gate of Russia to East Asia. The article emphasizes that Buryatia is an important part of inter-civilizational interaction. The feature of the cooperation between regions of two countries is mutual enrichment of different cultures, their involvement in the global flow of cultural ties, while maintaining the traditional culture of the countries and regions.

On the basis of the conducted study, the author proposes to consider the Buryat Republic as a «bridge» of Russia to the countries of Asian-Pacific Region and North-East Asia for the development of partnerships, finding new markets for sale of the Russian products, overcoming the whole raw material orientation of exports.

In the article we formulate the main directions of political, cultural and foreign economic cooperation between Russia and China, priority forms of interaction between the border regions of two countries.

Keywords: the Russian-Chinese relations, integration process, geopolitical and civilizational cooperation.

Расширение связей с КНР — безусловный внешнеполитический приоритет России. Сейчас российско-китайское сотрудничество выходит на новый этап всеобъемлющего партнерства и стратеги-

ческого взаимодействия. Приграничные с Китаем территории рассматриваются как перспективные площадки для организации межгосударственного сотрудничества [8].

Геополитическая и экономическая значимость Республики Бурятия объясняется тем, что в прошлом этот регион уже играл важную роль во внешней политике России, в частности, в российско-китайских отношениях. На протяжении XVIII и XIX вв. Кяхта была основным пунктом, через который Россия могла поддерживать экономические и дипломатические отношения с Китаем и Монголией. Чайная торговля, которая проходила через Кяхту, явилась важным средством повышения благосостояния региона, а также приносила немалый доход государственной казне. Что не менее важно, развитие торговых связей имело не только экономический эффект, но и выступало гарантом добрососедских отношений.

Активизация российско-китайских отношений на современном этапе обуславливает необходимость определения места и роли Республики Бурятия в реализации стратегии внешнеполитической деятельности России. Становление рассматриваемого региона в качестве стратегического выхода России в Восточную Азию должно основываться на исторических, этнокультурологических и политологических аспектах. Это будет способствовать формированию более четкого представления о месте и роли региона в геополитической структуре современного мира и системе межрегионального взаимодействия, в частности, во взаимоотношениях Республики Бурятия с Китаем, народы которых имеют разнообразные этнокультурные и религиозные контакты.

В этой связи интересно мнение ученых, проводящих параллель между Россией и Буртией. «Бурятия есть микромодель евразийской общности, и все оценки, применимые к России в глобальном масштабе, могут быть перенесены на Буртию. Так, если Россия неоднократно выступала в прошлом и может выступать сейчас в качестве "моста" между Востоком и Западом, то Бурятия занимала и занимает сходное положение как "мост" уже самой России в страны АТР и Северо-Восточной Азии» [1].

Идея евразийской общности предполагает органичное сочетание культур славянского, тюркомусульманского и китайского миров. Обращение современных российских политиков к евразийской идеологии было вызвано стремлением обосновать пространственную преемственность государства и необходимостью взвешенного подхода России в рассмотрении оптимального взаимодействия с внешним миром в системе потока «Восток – Запад». Регионы Сибири, которые находятся на стыке Европейской и Азиатской России, являются важнейшими элементами концептуального единства евразийской идеологии.

На основе комплекса историко-культурных материалов (археологических, этнографических, лингвистических) ученые предполагают, что «Саяно-Алтайский и Байкальский субрегионы являются этнической и культурной прародиной многих евразийских цивилизаций» [1]. Следуя данной гипотезе, авторы развивают идею центральноевразийской общности, которая может содействовать как решению чисто научных проблем (этногенез, культурогенез), так и способствовать интеграционным процессам в рамках различных политических и общественных движений. Целью такого рода движений является «возрождение и развитие этнических и культурных связей и традиций, в том числе общей культурно-политической традиции, под которой они подразумевают традиционную политическую культуру, основанную на единой цивилизационной геополитике... В евразийском пространстве смещение центров силы и влияния происходило постоянно: сначала это были южнорусские степи (скифы, саки, массагеты), затем Иран и Средняя Азия, затем Саяно-Алтайская зона (особенно среднее течение Енисея), затем Монголия и Забайкалье (при Чингисхане, например), а в конце XIV в. стратегическая инициатива переходит к Московской Руси... Поэтому движение России на восток — естественно-исторический процесс, совпадающий с общими геополитическими и геоэкономическими процессами перемещения глобальных центров в сторону Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии» [1].

Необходимо подчеркнуть, что Бурятия является важнейшим звеном межцивилизационного взаимодействия. В связи с этим социокультурную значимость межрегиональных отношений России и Китая трудно переоценить. В идеале взаимодействие регионов двух государств должно осуществляться на основе взаимообогащения двух различных культур и их вовлечения в глобальный поток культурных связей.

Изучению цивилизационного фактора посвящено достаточно большое количество работ, например, М. Л. Титаренко, В. Г. Гельбраса, В. Л. Ларина. В них авторы отмечают несостоятельность «вестернизации» как в Китае, так и в России и указывают на несовместимость евразийской и китайской цивилизаций с западной [4; 5]. Причину категорического неприятия западных ценностей В. Г. Гель-

брас видит в возникшем противоречии между процессами глобализации и связанной с ней «унификацией культурных ценностей, с одной стороны, и особенностями традиционной культуры отдельных стран и регионов — с другой» [2].

В этой связи региональная культура Восточной Сибири, особенно Республики Бурятия, может стать мощным консолидирующим фактором. По мнению Ю. А. Серебряковой, «укрепление региональной культурной общности — оптимальный вариант межнационального синтеза, позволяющий максимально длительный период сохранять своеобразие национальных культур» [4]. На наш взгляд, консолидация региональной культуры является необходимым условием взаимодействия регионов Прибайкалья с Китаем и другими государствами на основе взаимного обогащения и сохранения своей традиционной культуры.

Стоит заметить, что в условиях нарастающей глобализации современная тенденция к созданию региональных экономических объединений сохранится, однако следует ожидать изменения в их составе и соотношении сил между ними. Это, прежде всего, касается изменения соотношения сил между АТР и другими регионами, а также внутри самого АТР. Глобальное конъюнктурное изменение — смещение в XXI в. «центра тяжести» мировой экономики в страны АТР обуславливает необходимость усиления акцентов во внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности России в АТР. Участие России в Азиатско-Тихоокеанском экономическом сотрудничестве (АТЭС) открывает новые возможности для более активного участия во взаимодействии со странами АТР. Именно этот регион перспективен для России как для развития партнерских отношений, в том числе и на пути регионализации, так и для поиска новых рынков сбыта российской продукции, прежде всего, машин, оборудования и военной техники, и преодоления в целом сырьевой направленности экспорта.

Обновление стратегии экономического сотрудничества между Россией и Китаем, содержание которой включает переход от этапа первичной взаимодополняющей торговли к этапу активного взаимодействия, будет значительно продвигать процесс региональной экономической интеграции.

В. В. Кулешова, Н. И. Атанова, Л. А. Безрукова и другие ведущие исследователи СО РАН считают: «При обеспечении эффективного для РФ сотрудничества с Китаем в сферах инвестиций, технологий и инноваций, организации совместных производств на территориях обеих стран акценты при привлечении китайских капиталов должны ставиться не на наращивании экспорта сырья любой ценой, а на развитии систем глубокой переработки, увеличении доли поставок на внутренний и международные рынки продукции с высокой добавленной стоимостью, на формирование глобальной, контролируемой российским государством и бизнесом системы ресурсо- и товарообеспечения, технологически диверсифицированной и коммерчески эффективной системы экспорта. При вывозе сырья необходимо заключать связанные договоры, предполагающие обеспечение доступа российских компаний к объектам транспортировки, переработки и сбыта на территории Китая» [3].

Важнейшее направление инновационного развития экономики России — развитие научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок, реализация их на территории страны, поставки на экспорт высокотехнологичной продукции. Китай — потенциально крупнейший рынок российской продукции глубокой переработки и технологий. Анализ ситуации указывает на следующие приоритетные области научно-производственного сотрудничества: новые материалы, в том числе стройматериалы (производство их на основе промышленных и сельскохозяйственных отходов с использованием высокоэффективных связывающих материалов), а также нетрадиционные виды минерального сырья; производство моторных топлив (особенно из нетрадиционных источников — угля, природного газа, битума); геология и химия редкоземельных элементов; промышленные и медицинские лазеры; энергетика, в том числе теплоэнергетика и горячее водоснабжение, на основе эффективного использования угольного топлива; софтовые технологии — в частности, разработка обучающих программ, развивающих игр, адаптации современных систем к китайской иероглифической основе и др. [3].

Налаживание экономических связей Республики Бурятия с Китаем имеет огромное значение для продвижения на внешние рынки и обеспечения роста экономики региона. Важным аспектом взаимодействия является проведение презентаций, выставок-ярмарок, способных качественно представить потенциал республики, привлечь инвесторов, заинтересованных в реализации проектов на территории региона. Так, в 2013 г. в столице Автономного района Внутренней Монголии (АРВМ) г. Хух-Хото состоялась презентация экономического и инвестиционного потенциала Республики Бурятия с участием представителей деловых кругов АРВМ КНР и бизнесменов провинций Хэйлуцзян, Ляонин, Цилинь, Цзянсу. Презентацию Республики Бурятия в АРВМ посетили представители более

40 компаний различных отраслей экономики, в том числе в сферах строительства и ЖКХ, энергетики и энергосбережения, логистики и транспорта, туризма, горнодобывающей, пищевой и перерабатывающей промышленности, инвестиционной деятельности, туризма.

Таким образом, создание равноправных партнерских отношений с таким мощным государством, как Китай, возможно лишь при осуществлении тщательно разработанной стратегии развития социально-экономической инфраструктуры приграничных регионов, основанной на рациональном использовании ее природно-сырьевых, научно-технических, финансовых ресурсов, на историко-культурном опыте и национально-государственной общности региона.

Литература

1. Абадаев Н. В., Балданов Б.-М. Б. Республика Бурятия: стратегия развития в контексте геополитической ситуации в Центральной и Северо-Восточной Азии // Вестник Евразии. — 1999. — № 1–2.
2. Гельбрас В. Г. Китай в восточной политике России (суждения и оценки) // Полис. — 1997. — № 4.
3. О некоторых аспектах совершенствования российско-китайского межрегионального сотрудничества / В. В. Кулешов [и др.] // Проблемы Дальнего Востока. — 2010. — № 6.
4. Ларин В. Л. Россия и Китай на пороге третьего тысячелетия // Проблемы Дальнего Востока. — 1994. — № 5.
5. Серебрякова Ю. А. Методологические проблемы исследования культуры региона Центральной Азии // Народы Центральной Азии XXI века. — 2001.
6. Титаренко М. Л. Россия и Восточная Азия: вопросы международных и междивизиционных отношений. — 1994.
7. Чи Вэньхай, Юй Цзанбо. Региональное сотрудничество между Китаем и Россией: новая стратегия, новая идея, новая повестка дня // Форум по развитию регионального сотрудничества приграничных регионов России и Китая: материалы доклада. — Китай, 2013.
8. Интервью ведущим СМИ Китая // Президент России [Электронный ресурс]. — URL: <http://kremlin.ru/news/21031>

References

1. Abadaev N. V., Baldanov B.-M. B. Respublika Buryatiya: strategiya razvitiya v kontekste geopoliticheskoi situatsii v Tsentral'noi i Severo-Vostochnoi Azii [The Republic of Buryatia: development strategy in the context of geopolitical situation in Central and North-East Asia]. *Vestnik Evrazii – Bulletin of Eurasia*. 1999. No 1–2.
2. Gel'bras V. G. Kitai v vostochnoi politike Rossii (suzhdeniya i otsenki) [China in Russia's eastern policy (judgments and estimates)]. *Polis*. 1997. No 4.
3. Kuleshov V. V. et al., eds. O nekotorykh aspektakh sovershenstvovaniya rossiisko-kitaiskogo mezhregional'nogo sotrudnichestva [Some aspects of Russian-Chinese interregional cooperation improvement]. *Problemy Dal'nego Vostoka – Problems of the Far East*. 2010. No 6.
4. Larin V. L. Rossiya i Kitai na poroge tret'ego tysyacheletiya [Russia and China on the threshold of the third millennium]. *Problemy Dal'nego Vostoka – Problems of the Far East*. 1994. No 5.
5. Serebryakova Yu. A. Metodologicheskie problemy issledovaniya kul'tury regiona Tsentral'noi Azii [Methodological problems of the Central Asia region culture studies]. *Narody Tsentral'noi Azii XXI veka – The people of Central Asia in 21st century*. 2001.
6. Titarenko M. L. Rossiya i Vostochnaya Aziya: voprosy mezhdunarodnykh i mezhsivilizatsionnykh otnoshenii [Russia and East Asia: issues of international and inter-civilizational relations]. 1994.
7. Chi Ven'khai, Yui Tszanbo. Regional'noe sotrudnichestvo mezhdru Kitaem i Rossiei: novaya strategiya, novaya ideya, novaya povestka dnya [Regional Cooperation between China and Russia: a new strategy, a new idea, a new agenda]. *Forum po razvitiyu regional'nogo sotrudnichestva prigranichnykh regionov Rossii i Kitaya: materialy doklada* [Forum for promotion of regional cooperation between border regions of Russia and China: report materials]. China, 2013.
8. *Interv'yu vedushchim SMI Kitaya s prezidentom Rossii* [Interview with Russian president by presenter of Chinese media]. Available at: <http://kremlin.ru/news/21031>

УДК 338:316(517.3)

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ И ПУТЯХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МОНГОЛИИ© *Потаев Виктор Сергеевич*

доктор экономических наук, профессор кафедры организации производства, коммерции и предпринимательства Бурятской государственной сельскохозяйственной академии им. В. Р. Филиппова

Россия, 670034, г. Улан-Удэ, ул. Пушкина, 8

E-mail: potaev@yahoo.com

В статье рассмотрены проблемы отраслей экономики Монголии и предложены пути социально-экономического развития страны. Отмечено, что наибольшее развитие получили горнодобывающая промышленность и сфера услуг. Основные проблемы экономики страны связаны с его географическим расположением, суровыми природно-климатическими условиями, диспропорциями в расселении людей по территориям. Предлагается диверсификация производства, а также требуется уделять больше внимания международному сотрудничеству Монголии с Россией.

Ключевые слова: экономика, промышленность, транспорт, сельское хозяйство, международное сотрудничество, проблемы, пути развития.

ON SOME PROBLEMS AND WAYS OF THE SOCIOECONOMIC DEVELOPMENT OF MONGOLIA*Potaev Viktor S.*

DPhil in Economics, Professor, department of industrial management, commerce and enterprise, V. R. Philippov Buryat State Academy of Agriculture
8, Pushkina, Ulan-Ude, 670000, Russia

In the article the problems of branches in the Mongolian economy have been considered and the ways of the social-economic development of the country have been proposed. The most development has attained the mining industry and sphere of service. The main problems in the country's economy are concerned with its geographical location, severe natural and climatic conditions and imbalance in disposition of population. The diversification of production is proposed as well as paying more attention to the development of international cooperation between Mongolia and Russia.

Keywords: economy, industry, transport, agriculture, international cooperation, problems, ways of development.

Как известно, в Монголии в начале 1992 г. была принята новая Конституция, согласно которой высшая цель — построить и развивать в стране гражданское демократическое общество. С этого времени было принято более 400 новых законов, внесены в них дополнения и изменения, упразднена политическая цензура, издаются сотни газет и журналов. Реформирование экономики и экономических отношений проходило по рекомендациям специалистов Международного валютного фонда, и Монголия стала парламентской республикой с демократическим укладом.

На территории Монголии имеется более 600 месторождений полезных ископаемых. Ресурсный потенциал способен полностью удовлетворить потребности в производстве и экспорте. По объемам запасов угля, золота, меди, молибдена, а также редкоземельных металлов, свинца, олова, плавикового шпата на душу населения Монголия занимает одно из ведущих мест не только в Азии, но и мире. По запасам плавикового шпата она занимает 4-е место в мире, урана — 15, угля — 17, меди — 17, золота — 19, нефти — 39 место.

О состоянии развития страны с начала социально-экономических преобразований можно отчасти судить по данным таблицы 1.

Таблица 1

Динамика отдельных макроэкономических показателей Монголии
в сравнении с Россией и Китаем

Годы		Россия	Китай	Монголия
1990	ВВП в текущих ценах	516,8	356,9	2,5
	Доля страны в ВВП мира	2,4	1,6	0,01
	Темп прироста ВВП	-3,0	3,8	-3,2
	Объем ВВП на душу населения	3 485,1	314,4	1 167,9
2000	ВВП в текущих ценах	259,7	1198,4	1,1
	Доля страны в ВВП мира	0,8	3,7	0,0
	Темп прироста ВВП	10,0	8,4	1,1
	Объем ВВП на душу населения	1 775,1	949,2	471,5
2012	ВВП в текущих ценах	2 014,7	8 227,1	10,2
	Доля страны в ВВП мира	2,8	11,4	0,014
	Темп прироста ВВП	3,4	7,8	12,3
	Объем ВВП на душу населения	14 037,0	6 091,0	3 673,0

Как видно из таблицы, экономика Монголии по сравнению с ее соседями-сверхдержавами и Китаем весьма незначительная. Однако темп прироста валового внутреннего продукта за 2012 г. опережает соответствующий показатель России в 3,6 раза, Китая — в 1,6 раза. Отдельные аналитики уже называют Монголию с точки зрения развития ее экономики (в 2011 г. темп прироста ВВП — 17,2 %; в 2012 г. — 12,3 %), так как тигров в стране нет, — «центральноазиатским волком».

В структуре валового внутреннего продукта Монголии за последние 10 лет произошли значительные изменения. Так, если доля продукции сельского хозяйства в 2002 г. составляла 20,7 %, то в 2012 г. — 14,8 %; промышленности — соответственно 16,4 и 29,4; транспорта — 14,7 и 6,6; торговли — 27,7 и 16,3; услуг — 12,9 и 28,6 % [8].

Развитие промышленности в стране происходит главным образом за счет развития горнодобывающей отрасли. В 2010 г. было заключено 19 контрактов на сумму 80 млн дол., а уже в 2011 г. 13 контрактов на общую сумму 1 млрд 50 млн дол. со средней стоимостью одного соглашения 104 млн дол. 30 % всех соглашений приходится на добычу железной руды и каменного угля. Самыми перспективными горнодобывающими предприятиями являются Оюун Толгой и Таван Толгой. «Оюун Толгой» — совместный проект правительства Монголии (34 % акций) и компании «Ivanhoe Mines of Canada» (66 %), 49 % акций канадской компании владеет гигант горной индустрии «Rio Tinto». Месторождение «ОТ» будет давать 450 тыс. т меди в год и станет одним из крупнейших горнодобывающих предприятий в мире. «Таван Толгой» — нетронутое месторождение угля на юге пустыни Гоби. «ТТ» поставлен в список приоритетов государства. Благодаря вводу данного предприятия производство угля должно увеличиться с 16 до 40 млн т в год к 2020 г. и 240 млн к 2040 г. В добыче золота самым крупным предприятием будет совместная китайская компания «Жиншань Гоулд Майнз Инк» (51 % акций) и монгольская «Моннис Интернейшл Инк» (49 %).

По мнению отдельных экспертов [1, 2], ставка правительства страны на развитие главным образом горнодобывающей промышленности превращает ее в сырьевой придаток развитых стран мира. Однако, согласно матрице SWOT-анализа, это ее сильная сторона и возможность для дальнейшего развития, поэтому их необходимо использовать. Это верно и с позиций жизненного цикла развития

страны в новых условиях. Производство продукции горнорудной промышленности является высоко-рентабельной и, согласно матрице BCG, продукцию этой отрасли можно отнести к группе «Звезды», в нее необходимо больше вкладывать инвестиций, превращая отрасль в «Дойные коровы».

В Монголии используется автомобильный, железнодорожный, водный (речной) и воздушный транспорт. Для судоходства доступны реки Селенга, Орхон и озеро Хубсугул. Монголия является второй (после Казахстана) по территории страной в мире, не имеющей выхода ни к какому океану. Недостаточная развитость транспортной инфраструктуры создает дополнительные транспортные издержки практически во всех отраслях экономики. Поэтому по планам правительства все аймаки Монголии в ближайшие годы должны быть соединены с г. Улан-Батор дорогами с асфальтовым покрытием. В настоящее время шоссейные дороги проложены в 9 аймаках. 6 аймаков будут присоединены к столице асфальтовой дорогой в 2014 г., 3 — в 2015 г. и 3 — в 2016 г. В перспективе — развитие железной дороги, она во всех местах Монголии будет оставаться ширококолейной (1 520 мм). В ближайшие 3 года планируется построить около 2 тыс. км железных дорог [7]. В целях дальнейшего развития воздушного транспорта в ближайшее время планируется закупить 3 новых самолета компании Boeing для международных перевозок. В 2016 г. с помощью Японии будет построен новый аэропорт в местности Хушигт (57 км от г. Улан-Батор). Планов по развитию водного транспорта у правительства страны, к сожалению, нет. Однако под флагом Монголии сейчас ходит около 100 судов.

Многие социально-экономические проблемы Монголии связаны с ее суровыми природно-климатическими условиями, что не только тормозит развитие сельского хозяйства, но и ограничивает производственную деятельность в других отраслях экономики, давая возможность производить продукцию лишь в теплое время года [4]. Поэтому многие виды производства носят сезонный характер. В целях сглаживания сезонности в производстве продукции, где это отражается негативно, необходима диверсификация предпринимательской и другой деятельности. В условиях Центральной Азии это неизбежный фактор, и к нему необходимо приспосабливаться. Кстати, о высокой приспособляемости монголов к внешней среде знают все, еще в XIII в. Марко Поло сказал: «В труде и лишениях они выносливее более, нежели кто-либо».

Несмотря на снижение доли продукции сельского хозяйства в структуре ВВП, необходимо помнить, что в сельской местности проживает около 40 % населения страны. Сельскохозяйственные земли Монголии представлены главным образом пастбищами, поэтому здесь развито главным образом пастбищное животноводство. Однако оно полностью зависит от природно-климатических условий, которые из года в год ухудшаются. За последние 40 лет 90 % всей территории подвергалось засухе, произошло истощение плодородия почвы в 2–3 раза. Усиливается опасность превращения территории страны в пустыню. За последние 40 лет песочный массив переместился с юга на север на расстояние около 400 км. Для управления рисками природных катаклизмов в пастбищном животноводстве необходима в первую очередь высокоэффективная и точная система прогноза погоды. Зная о надвигающейся засухе или обильном снегопаде, сильных ветрах, фермеры могут заранее учесть часть поголовья и более тщательно подготовиться к зимовке скота. Кроме этого, необходимо создавать запасы кормов, в первую очередь сена. У бурят-монголов накоплен огромный опыт ведения лугопастбищного хозяйства (утугов), когда на неплодородных землях накашивали до 20 и более центнеров сена с гектара. Также без государственной поддержки закупа консервированных кормов со стороны будет невозможно обойтись. Борьба с опустыниванием территории Монголии в сельском хозяйстве — это в первую очередь борьба с эрозией почв [5, 6].

Недостаток энергетических ресурсов, покупка их за рубежом повышают себестоимость производимой продукции, что снижает ее конкурентоспособность. Также это подрывает энергетическую безопасность страны. Поэтому, на наш взгляд, без строительства гидроэлектростанции в Монголии не обойтись. Здесь нужна дополнительная экспертиза совместно с Россией о возможности возведения ее на реке Селенга. Кроме того, необходимо развивать альтернативные источники энергии с помощью солнца, ветра и небольших рек. Обнадеживающим фактом является также наличие в Монголии запасов нефти и газа. Вынужденной, только дополнительной мерой обеспечения энергетических ресурсов должна быть покупка их у соседей, в первую очередь России.

Другой проблемой в Монголии является диспропорция в расселении людей по территориям, а также их разное социально-экономическое положение. Из 3,1 млн чел. почти половина проживает в столице. В г. Улан-Батор из-за перенаселения за счет прибывающих людей на временное или постоянное место жительства, а также гостей столицы возникли проблемы с перемещением граждан и их грузов на общественном или частном транспорте. Для улучшения транспортной инфраструктуры в

г. Улан-Батор необходимо строительство метро. Планируемая линия по предварительным оценкам обойдется бюджету города в 1,5 млрд дол. Также для частичной разгрузки г. Улан-Батор от перенаселения предложено перенести столицу страны в г. Каракорум, хотя можно было и в г. Дархан.

Предложений по пространственной организации региональной экономики Монголии много у А. Даваасурэн [2]. В частности, им предлагается кластеризация регионов как объединение в конкретном регионе государственных, научно-исследовательских организаций, коммерческих предприятий путем мобилизации их раздробленных финансовых, человеческих, производственных и других ресурсов. Это даст регионам больше самостоятельности и возможностей для социально-экономического развития регионов.

Географическое расположение страны, не имеющей выхода в открытый мировой океан, и «зажатость» ее между 2-мя огромными странами предопределяют направления развития международного бизнеса. Для Монголии основными партнерами по международному сотрудничеству должны быть Россия и Китай. Монголия обречена на добрососедские отношения в первую очередь с этими двумя странами.

Говоря о развитии туризма в Монголии, следует заметить, что эксперты, опрошенные газетой *Financial Times*, рекомендовали обратить особое внимание на монгольскую пустыню Гоби. На оз. Хубсугул едут со всего мира представители различных эмпирических школ, йоги, чтобы напрямую пообщаться с космосом. В перспективах необходим прямой туристический мост между Байкалом и Хубсугулом в рамках одного тура.

О развитии монгольского международного сотрудничества в последнее время можно судить по следующим событиям. Председатель КНР Си Цзиньпинь приехал в Монголию и заключил 20 соглашений. Китай обещал увеличить объем двусторонней торговли с 6 до 10 млрд дол. и открыть Монголии выход к морю для экспорта своих товаров третьим странам. В сентябре 2014 г. состоялся визит В. Путина в Монголию, подписано 15 соглашений по основным вопросам двусторонних отношений и запланировано довести к 2020 г. товарооборот до 10 млрд дол.

Приведем самые крупные совместные российско-монгольские предприятия (три кита): 1) горно-обогатительный комбинат «Эрдэнэт», 2) объединение «Монголросцветмет», 3) АО «Улан-Баторская железная дорога». Кроме того, по итогам визита президента В. Путина было достигнуто соглашение о взаимном безвизовом режиме для поездок сроком не более 30 дней; подписан меморандум о расширении сети авиамаршрутов компаний «Аэрофлот» и «Монгольские авиалинии», сняты ограничения на поставку мяса в Россию и планируется от текущих поставок в 8–10 тыс. т перейти на поставки до 100–110 тыс. т в год и др. Для дальнейшего развития добрососедских отношений необходимо шире вовлекать российский бизнес, в особенности приграничных территорий, в Монголию. Надо возвращать место России в экономике Монголии. В противовес тому, что Пекин постоянно старается показать, что в рамках китайского государства монголы сохраняют свою культуру и цивилизацию, правительству России необходимо всячески способствовать сохранению и развитию монгольской культуры и цивилизации у российских монголов.

Кроме интересов Китая России необходимо учитывать интересы «третьих соседей». Следует помнить, что США, ЕС, Япония и Ю. Корея за период с 1991 по 2004 г. предоставили в общей сложности 1,3 млрд дол. безвозмездной (донорской) помощи и льготных кредитов — более 1 млрд. Лидеры США, Великобритании, Германии, Японии, Ю. Кореи видят в Монголии образец развития демократии западного типа. Демократическое руководство современной Монголии ориентировано преимущественно на западные ценности демократии и стандарты рыночной экономики.

Литература

1. Атанов Н. И. Евразийская платформа как основа симметричного сотрудничества постсоциалистических стран // Проблемы и перспективы сотрудничества стран в евразийском пространстве: материалы междунар. науч.-практ. конф. — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госуниверситета, 2014. — С. 5–9.
2. Даваасурэн А. Пространственная организация региональной экономики Монголии: теория и практика: автореф. ... д-ра экон. наук. — Улан-Удэ, 2014. — 47 с.
3. Манжуева Э. Д., Потаев В. С. Анализ показателей эффективности государственных закупок Республики Бурятия и способы ее оценки // Аграрная Россия. — 2013. — № 4. — С. 41–44.
4. Потаев В. С., Цыдыпова Б. Д. Развитие традиционного животноводства в Республике Бурятия и Монголии // АПК: экономика, управление. — 2002. — № 10. — С. 57–61.
5. Потаев В. С. Аграрные реформы в Республике Бурятия: особенности и проблемы // Вестник Бурятского государственного университета. — 2013. — Вып. 2. — С. 92–99.

6. Потаев В. С. Общее и особенное в развитии агробизнеса в Бурятии и Монголии // Проблемы и перспективы сотрудничества стран в евразийском пространстве: материалы междунар. науч.-практ. конф. — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госуниверситета, 2014. — С. 74–80.

7. Battuvshin G., Zolzaya S. Mongolia: a potential new transit corridor in Eurasia // Проблемы и перспективы сотрудничества стран в евразийском пространстве: материалы междунар. науч.-практ. конф. — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госуниверситета, 2014. — С. 59–64.

8. Монгол Улсын Статистикийн Эмхтгэл. — Улаанбаатар: Монгол Улсын Статистикийн Хороо, 2013. — 450 х.

References

1. Atanov N.I. Evraziiskaya platform kak osnova simmetrichnogo sotrudnichestva postsotsialisticheskikh stran [Eurasian Plate as a basis for symmetric collaboration of post-socialist countries]. *Problemy i perspektivy sotrudnichestva stran v evraziiskom prostranstve: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Proc. Int. sci. and pract. conf.]. Ulan-Ude: Buryat State University Publishing Department, 2014. Pp. 5–9.

2. Davaasuren A. *Prostranstvennaya organizatsiya regional'noi ekonomiki Mongolii: teoriya i praktika. Avtoref. ... d-ra ekon.nauk* [Spatial organization of Mongolia regional economy: Theory and Practice. Author's abstract of Dr. econ. sci. diss.]. Ulan-Ude, 2014. – 47 p.

3. Manzhueva E. D., Potaev V. S. Analiz pokazatelei effektivnosti gosudarstvennykh zakupok Respubliki Buryatiya i sposoby ee otsenki [The analysis of public procurement efficiency in the Buryat Republic and the ways of its assess]. *Agrarnaya Rossiya – Agrarian Russia*. 2013. No 4. Pp. 41–44.

4. Potaev V. S., Tsydyпова B. D. Razvitie traditsionnogo zhivotnovodstva v Respublike Buryatiya i Mongolii [Development of traditional livestock in the Buryat Republic and Mongolia]. *APK: ekonomika, upravlenie – Agribusiness: economy, management*. 2002. No 10. Pp. 57–61.

5. Potaev V. S. Agrarnye reformy v Respublike Buryatiya: osobennosti i problemy [Agrarian reform in the Republic of Buryatia: features and problems]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Buryat State University*. 2013. Vol. 2. Pp. 92–99.

6. Potaev V. S. Obshchee i osobennoe v razvitii agrobiznesa v Buryatii i Mongolii [General and especial in the development of agribusiness in Buryatia and Mongolia]. *Problemy i perspektivy sotrudnichestva stran v evraziiskom prostranstve: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Problems and prospects of cooperation between the countries of Eurasian space: Proc. Int. sci. and pract. conf.]. Ulan-Ude: Buryat State University Publishing Department, 2014. Pp. 74–80.

7. Battuvshin G., Zolzaya S. Mongolia: a potential new transit corridor in Eurasia. *Problemy i perspektivy sotrudnichestva stran v evraziiskom prostranstve: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Problems and prospects of cooperation between the countries of Eurasian space: Proc. Int. sci. and pract. conf.]. Ulan-Ude: Buryat State University Publishing Department, 2014. Pp. 59–64.

8. Mongol Ulsyn Statistikiin Emkhtgel. Ulaanbaatar: Mongol Ulsyn Statistikiin Khoroo, 2013. 450 p. (mong.)

УДК 330.1

ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА И ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

© *Осипова Гета Михайловна*

доктор экономических наук, профессор кафедры экономики Бурятского государственного университета

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

E-mail: *getaosipova@mail.ru*

© *Бекбулат Султанишарав*

кандидат экономических наук, директор страхового центра «Альфа иншур консалтинг», Монголия

В статье исследуется роль человеческого капитала в экономике знаний, опыт Республики Корея в этой области. Анализируются подходы к формированию конкурентоспособного человека в условиях глобализации.

Ключевые слова: человеческий капитал, знания, инновации, образование, опыт.

APPROACHES TO THE FORMATION OF HUMAN CAPITAL AND EXPERIENCE OF THE REPUBLIC OF KOREA

Osipova Geta M.

DPhil in Economics, department of economics, Buryat State University

24a, Smolina, Ulan-Ude, 670000, Russia

Bekbulat Sultansharav

Ph.D. in Economics, Director of the Insurance Centre «Alpha Insure Consulting», Mongolia

In the article the role of human capital in the knowledge economy is studied, based on the experience of the Republic of Korea in this area. The approaches to the formation of a competitive person are analyzed in the context of globalization.

Keywords: human capital, knowledge, innovations, education, experience.

На современном этапе развития мировой экономики несомненный интерес вызывают новые подходы к экономической теории. Сложность происходящих экономических процессов, их взаимосвязь, взаимообусловленность с тенденциями в других науках заставили исследователей более пристальное внимание обратить на разработку и развитие теории правил игры. Наиболее ярко она проявляется в теории экономики конвенции (далее — ЭК).

Представители западноевропейской школы К. Бесси, О. Фавро, Р. Сале, П. Бурдые и другие выявили связь экономических изменений с социальными и культурными традициями. Важным является при этом, по их мнению, отказ от оптимального распределения ресурсов и образования цен, рациональности поведения субъектов рыночных отношений [1].

В России на появление ЭК обратили внимание лишь десятилетия спустя. Исследователи в области экономики замечают новые направления в экономической мысли с запозданием, не говоря уже о разработке новых теоретических подходов. Отсюда, по мнению автора, и в реальной экономической жизни много дискутируется, провозглашается о структурной перестройке, отходе от сырьевой направленности в экономике, но пока ощутимых результатов на практике нет. Государство вкладывает огромные финансовые ресурсы в экономику страны. Результаты, к сожалению, не адекватны вложениям.

Например, в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. (утв. распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662 – р) не включен отдельно раздел о развитии человеческого капитала. По мнению автора, такой раздел объективно необходим.

В программе социально-экономического развития Республики Бурятия на период до 2020 г. предусмотрено развитие человеческого потенциала [2]. Наблюдается активная деятельность по росту экономики, привлечению иностранного капитала. Проводится много двусторонних встреч, форумов с представителями бизнеса, ученых из зарубежных стран.

В рыночных условиях выдвигается потребность перехода в управлении от модели «экономического человека» к концепции «человеческого капитала». То есть во главу угла ставится человек, воспитание у него рыночного экономического мышления.

А. И. Герцен писал: «Новое надобно созидать в поте лица, а старое само продолжает существовать и твердо держится на костылях привычки» [3]. Формирование современного рыночного мышления должно начинаться с дошкольного возраста и далее в течение всей жизни. В противном случае, например, нам придется еще долго бороться с мусором, свалками вокруг населенных пунктов, городов. Это элементарное явление, с него начинается путь в экономику знаний, инноваций, конкурентоспособности.

Процесс его формирования — это весьма длительный процесс. Здесь необходим комплексный системный подход как к целостности. В настоящее время человек разорван, его изучают многие институты. А ведь только через преодоление привычки мыслить и решать по старинке, косной силы инерции можно достичь целей, обозначенных в долгосрочных стратегиях. Административно-приказная система с сильными бюрократическими отклонениями превратила работника в «винтик», подавлялись всякая инициатива и творчество.

В связи с вышеизложенным необходим новый подход к человеку как важнейшему, драгоценному ресурсу общества, экономики. Нужна разработка Концепции развития человеческого капитала, а затем ее детализация в программах. Главное — не лозунги, а воспитание человека, адекватного требованиям экономики знаний.

Федеральный закон «Об образовании», принятый Государственной Думой РФ 29 декабря 2012 г., к сожалению, не вселяет радужных надежд. В нем не совсем просматриваются те правовые нормы, которые способствовали бы организациям в сфере образования сформировать человеческий капитал со всеми присущими ему признаками, адекватными требованиям XXI века.

В разрабатываемых концепциях, стратегиях, государственных программах должно быть четкое видение человека — исполнителя целей, поставленных в стратегиях.

Известно, что роль работника в воспроизводственной сфере с изменением экономических отношений, развитием науки и техники менялась. В начале XX в. психология еще не была развита, ставилась под сомнение концепция подсознательного З. Фрейда [4]. В своих исследованиях Мэри Паркер Фоллет и Э. Мэйо выявили, что силы, возникающие в ходе взаимодействия между людьми, часто превосходят усилия руководителя.

Глубоко понятие рациональности, как наиболее типичный тип поведения при капитализме, исследовал М. Вебер. Его центральная идея заключалась в том, что специфический рационализм западноевропейской культуры, воплощенный в протестантской религиозной этике, был фактором становления капитализма в промышленных странах Западной Европы и Северной Америки к середине XIX в. [5]

Сторонники экономики конвенций утверждают, что в глобальной экономике, подверженной постоянным изменениям, методы, рассчитанные на такую рациональность, абсолютную информированность, совершенную конкуренцию, постоянно меняющиеся правила игры, не дают ожидаемых результатов, увеличивают риски. И в такой ситуации возникает необходимость воспитания и обучения работников иного типа.

В ситуации, когда начался процесс усиления разделения работников на информационную и численно доминирующую родовую рабочую силу, средний класс постепенно размывается. Первым исследовал эти тенденции М. Кастельс. Он отмечает, что «в этой ситуации идет процесс нисхождения основных слоев традиционного нового среднего класса, теряющих устойчивые позиции на своих сегментах рынка труда. Их удельный вес в национальном богатстве и их ресурсная база для воспроизводства социального статуса и передачи накопленного социального капитала и высокого уровня человеческого капитала следующему поколению сжимаются» [6].

В глобальном мире огромное значение приобретают так называемые когнитивные способности интерпретации информации, самостоятельной постановки и решения проблем. Одно из важных качеств современного работника — способность представлять различные пути решения проблемы и делать выбор между ними. Работники все чаще сталкиваются с необходимостью решения абсолютно новых, плохо изученных проблем, они должны предлагать собственные эффективные решения. В экономике знания решающее значение приобретают такие психологические характеристики, как креативность, уверенность, предпринимательский дух. Эти черты особо выделяет Г. Шиншток [7, 8].

Другой исследователь Р. Флорида главнейшее значение придает творчеству. Он считает, что творчество — масштабная, непрерывная практика, процесс, имеющий собственную логику [9].

Таким образом, по мере развития мировой экономики и информационных технологий, с одной стороны, необходима переоценка роли того или иного элемента в структуре человеческого капитала. С другой стороны, одновременно требуется организация процесса образования таким образом, чтобы обеспечить передачу обучающимся знаний и навыков в определенной области, заинтересовать человека в постоянном возобновлении этих знаний. Только так можно достичь выполнения намеченных планов, обеспечить благополучие российских граждан.

Глобальные процессы, происходящие в мире, убеждают нас в том, что формирование и развитие человеческого капитала — это весьма длительный процесс [10]. В структуре способностей человека весьма актуальными становятся интеллектуальный, социальный элементы.

На это обращает внимание И. С. Мункуева: «Однако не менее важной функцией образования является возмещение человеческого капитала как накопленной интеллектуальной собственности, общественного интеллекта, который должен постоянно сохраняться и передаваться от поколения к поколению» [11].

Итак, подход к человеческому капиталу как к системе — исследование его как сложной, развивающейся целостности, позволит перейти к новой экономике: экономике знаний, ИТ-технологий, основывающейся на услугах производителям, производстве знаний, распространении информационных культурных услуг.

Появление экономического феномена «новых индустриальных стран Юго-Восточной Азии», где создан динамичный экспортный потенциал, легко адаптируемый к изменяющейся конъюнктуре глобального рынка, осуществление перехода к широкофронтальному развитию инновационных наукоемких отраслей стало возможным благодаря росту инвестиций, а также ускоренному развитию человеческого капитала для роста экономик этих стран.

В этом плане заслуживает пристального изучения и творческого осмысления опыт Республики Корея (РК). Страна настойчиво и последовательно следует по пути превращения в самую конкурентоспособную в сфере науки и техники. В короткие по историческим меркам сроки из разрушенной гражданской войной (1953–1961 гг.) Южная Корея к 2012 г. заняла первое место по уровню развития информационных и коммуникационных технологий среди 155 стран мира. По размеру номинального ВВП (млрд дол. США) — 16-е место в мире, ВВП по паритету покупательной способности на душу населения — 13-е место соответственно по состоянию на 2012 г. [12]

Одним из важнейших факторов роста фундаментальных исследований и научно-технических разработок является поддержка государства. С 2008 по 2012 г. расходы государства на фундаментальные исследования увеличились в 2,89 раза — с 2,8 трлн (около 2,4 млрд дол.) до 8,1 трлн вон (около 6,9 млрд дол.), на научно-технические разработки (в % от общего бюджета) — в 1,9 соответственно [13].

Следует обратить внимание на то, что вложения государственных средств дают ощутимые результаты. Страна заняла первое место по использованию, второе — по навыкам и десятое место по уровню доступа к информационным и коммуникационным технологиям (ИКТ). Система разработки и использования ИКТ особенно актуальна для нашего региона, удаленного от центров высоких технологий и т. д. Их применение позволит создавать «удаленные рабочие места», инновационные рабочие места, что предусмотрено во всех стратегиях развития экономики.

Отрадно, что в Республике Бурятия появляются работы, где отмечается необходимость применения опыта других стран, в частности регионов. В этом аспекте научный и практический интерес вызывает исследование опыта Японии и Республики Корея (Н. И. Атанов, А. Б. Мункодугарова, Ф. В. Семенов). Авторами «вычленены новые практики, которые в настоящий период в России невозможно адаптировать», «не созданы высококлассный инженерный корпус, высококвалифицированная рабочая элита» [14]. Вместе с тем необходимо усилие и научных, и практических организаций для формирования и развития инновационной экономики, усиление имеющихся ее элементов [15] и в конечном итоге создание инновационного общества [16].

РК выделила около 50 % инвестируемых средств (44,3 млрд дол.) в 2009–2014 гг. на стратегию нивелирования отрицательных климатических изменений, поддержку энергетической независимости страны.

Акцент на нивелирование отрицательных последствий изменения климата актуален для Бурятии и всего пространственного развития Сибири, учитывая суровые климатические условия. Важно весь комплекс законодательных, финансовых и других мер не только учесть, но и реально адаптировать в практическую деятельность предприятий с учетом специфики региона. В настоящее время вышеупомянутый фактор слабо учитывается в экономике региона. Авторы специально это подчеркивают, так как многое из положительного опыта других стран, к сожалению, остается на уровне благих пожеланий.

Интерес вызывает в аспекте подходов к развитию человеческого капитала система образования, а также цели университета: а) воспитание личности посредством изучения широкого диапазона теорий и трудов; б) способы их применения, необходимые для развития человеческого общества и государства. То есть цель — органичное соединение теории и практики для развития человеческого капитала, поставленного во главу угла. Магистратура ставит своей целью углубленное изучение образовательных программ с упором на самостоятельную работу. В обычной магистратуре большое внимание уделяется теории, а в профессиональной — практике.

К достижению впечатляющих результатов РК шла и через совершенствование государственного управления по мере смещения акцентов в развитии экономики в сторону высоких и нанотехнологий, «зеленых технологий» и т.д. В 1967–1988 гг. деятельность в сфере науки и образования в масштабе всей страны координировалась отделением. Это более низкий уровень, чем министерство в составе правительства. В 2008 г. были объединены министерство образования и Министерство науки и техники в Министерство образования, науки и техники, а Министерство экономики — в Министерство экономики знаний.

Экономические процессы, происходящие в мировой экономике в условиях глобализации, все более углубляющиеся всесторонние связи, обострение конкуренции требуют взаимного изучения опыта различных стран. Особое внимание следует обратить на подходы к развитию человеческого капитала.

Качество человеческого капитала определяет эффективность использования всех остальных ресурсов: финансовых, информационных, пространственных и т. д.

В этом аспекте значение имеет изучение опыта РК в следующих направлениях:

- система образования должна формировать и развивать личности, способные к коммуникациям, имея в виду то, что преобразование образования — это экономические инвестиции в будущее страны;
- регулирование подходов к развитию человеческого капитала через законодательную базу, нельзя часто менять регуляторные рамки. Это увеличивает угрозы различных рисков;
- своевременное изменение структур органов государственной власти адекватно меняющейся внешней и внутренней средам в экономике;
- постоянное внимание к развитию инноваций с помощью применения всех ресурсов.

Таким образом, для развития человеческого капитала необходим комплексный, системный подход, состоящий из взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов, в результате мы сможем сформировать конкурентоспособного работника в глобальных рыночных условиях.

Литература

1. Бесси К., Фавро О. Институты и экономическая теория конвенций//Вопросы экономики. — 2013. — № 7. — С. 13.
2. Закон РБ от 14.03.2011 г., № 1903-IV.
3. Герцен А. И. Избранные философские произведения. — М., 1946. — Т 1. — С. 198–199.
4. Ницше Ф., Фрейд З., Фромм Э., Камю А., Сартр Ж. П. Сумерки богов: пер. с нем. — М., 1989. — С. 10.
5. Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий. Протестантские секты и дух капитализма. — М.: Атеист, 1923.
6. Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. — М., 2000. — С. 199–333, 497–501.
7. Shienstock G. From Path Creation: Finland on its Way to the Knowledge-based Economy // Current Sociology. Vol. 55, № 1. Special Issue: Current Economic Sociology: Problems and Prospects. — 2007. January.
8. Shienstock G., Hamalainen T. Transformation of the Finnish Innovation System: A Network Approach. Sitra Reports series 7. — Helsinki, 2001.
9. Флорида Р. Креативный класс. — М., 2007. — С. 68.
10. Осипова Г. М., Бекбулат С. Концептуальные основы развития человеческого капитала // Вестник Бурятского государственного университета. Сер. Экономика и менеджмент. — 2012. — № 1. — С. 15.

11. Мункуева И. С. Знание как наиболее производственный ресурс инновационной экономики // Вестник Бурятского государственного университета. — 2012. — Вып. 2. Экономика. Право. — С. 26.
12. CIA World Factbook.
13. Материалы 22-й ежегодной конференции ИДВ РАН — Центр АТР Ханьянского университета. — Сеул, 2010.
14. Атанов Н. И., Мункодугарова А. Б., Семенов Ф. В. Стратегические подходы Японии и Республики Корея к развитию регионов: уроки, полезные для России // Вестник Бурятского государственного университета. Сер. Экономика. Право. — 2012. — № 2. — С. 70–75.
15. Буров В. Ю., Помулева Н. С. Совершенствование системы управления человеческим капиталом в интересах инновационного развития // Известия ИГЭА. — 2011. — № 4.
16. Буров В. Ю., Журавлева М. В. Управление человеческим капиталом методом образовательного форсайта с целью формирования инновационного общества // Известия ИГЭА. — 2011. — № 4.

References

1. Bessi K., Favro O. Instituty i ekonomicheskaya teoriya konventsii [Institutions and Economic Theory of conventions]. *Voprosy ekonomiki – Problems of Economics*. 2013. No 7. P. 13.
2. Law of the Republic of Buryatia No 1903-IV, enacted March 14, 2011.
3. Hertsen A. I. *Izbrannye filosofskie proizvedeniya* [Selected Philosophical Works]. Moscow, 1946. Vol. 1. Pp.198–199. (transl. from Germ.)
4. Nietzsche F., Freud S., Fromm E., Camus A., Sartre J. P. *Sumerki bogov* [Twilight of the Gods]. Moscow, 1989. P.10. (transl. from Germ.)
5. Weber M. *Khozyaistvennaya etika mirovykh religii. Protestantskie sekty i dukh kapitalizma* [Economic ethics of world religions. Protestant sects and the Spirit of Capitalism]. Moscow: Ateist, 1923.
6. Castells M. *Informatsionnaya epokha. Ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [The Information Age: Economy, Society and Culture]. Moscow, 2000. Pp. 199–333, 497–501 (transl. from Engl.)
7. Shienstock G. From Path Creation: Finland on its Way to the Knowledge-based Economy. *Current Sociology*. 2007, January. Vol. 55, No 1. Special Issue. Current Economic Sociology: Problems and Prospects.
8. Shienstock G., Hamalainen T. *Transformation of the Finnish Innovation System: A Network Approach. Sitra Reports*. Helsinki, 2001. Ser. 7.
9. Florida R. *Kreativnyi klass* [Creative Class]. Moscow, 2007. P. 68.
10. Osipova G. M., Bekbulat S. Kontseptual'nye osnovy razvitiya chelovecheskogo kapitala [Conceptual bases of human capital development]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i menedzhment – Bulletin of Buryat State University. Series: Economics and Management*. 2012. No 1. P. 15.
11. Munkueva I. S. Znanie kak naibolee proizvodstvennyi resurs innovatsionnoi ekonomiki [Knowledge as the most productive resource of innovation economy]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika. Pravo – Bulletin of Buryat State University. Series: Economics. Law*. 2012. No 2. P. 26.
12. CIA World Factbook.
13. *Materialy 22-i ezhegodnoi konferentsii IDV RAN – Tsentra ATR Khan'yanskogo universiteta* [Proc. 22nd Ann. conf. of the Far East Institute RAS – APR Center of Hanyan University]. Seul, 2010.
14. Atanov N. I., Munkodugarova A. B., Semenov F. V. Strategicheskie podkhody Yaponii i Respubliki Koreya k razvitiyu regionov: uroki, poleznye dlya Rossii [Strategic approaches of Japan and the Republic of Korea to regions development: useful examples for Russia]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Pravo – Bulletin of Buryat State University. Series: Economics. Law*. 2012. No 2. P. 70–75.
15. Burov V. Yu., Pomuleva N. S. Sovershenstvovanie sistemy upravleniya chelovecheskim kapitalom v interesakh innovatsionnogo razvitiya [Improvement of human capital managing for innovative development]. *Izvestiya IGEA – Proc. of Irkutsk State Academy*. 2011. No 4.
16. Burov V. Yu., Zhuravleva M. V. Upravlenie chelovecheskim kapitalom metodom obrazovatel'nogo forsaita s tsel'yu formirovaniya innovatsionnogo obshchestva [Human capital management by the method of educational foresight in order to create an innovative society]. *Izvestiya IGEA – Proc. of Irkutsk State Academy*. 2011. No 4.

УДК 339.52:339.37 (470)

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОЙ РОЗНИЧНОЙ ТОРГОВЛИ ПОСЛЕ ВСТУПЛЕНИЯ РОССИИ В ВТО

© Быстрицкая Яна Михайловна

аспирант Байкальского государственного университета экономики и права
Россия, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11
E-mail: bystritskaya1@mail.ru

22 августа 2012 г. Российская Федерация присоединилась ко Всемирной торговой организации и стала 156-м ее участником. Задолго до подписания протокола к Марракешскому соглашению общественное мнение страны раскололось на сторонников ВТО и их оппонентов. В современной экономической литературе отечественные ученые рассматривали последствия вступления России в ВТО в промышленном секторе, не затрагивая такой сектор отечественной экономики, как розничная торговля, на которую приходится одна треть ВВП страны. В данной статье автором проведен PEST-анализ факторов, влияющих на развитие российской розничной торговли после вступления России в ВТО. Дана краткая характеристика и оценка исследуемым факторам. Выявлены положительные и негативные последствия на рынке розничной торговли от вступления России в ВТО в результате влияния исследуемых факторов.

Ключевые слова: ВТО, PEST-анализ, розничная торговля, факторы, влияющие на развитие российской розничной торговли.

FACTORS AFFECTING THE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN RETAIL TRADE AFTER RUSSIA'S JOINING THE WTO*Bystritskaya Yana M.*

Research Assistant, Baikal State University of Economics and Law
11, Lenina, Irkutsk, 664003, Russia

On August 22, 2012 the Russian Federation joined the World Trade Organization and became its 156th member. Long before signing the protocol to the Marrakesh Agreement the country's public opinion had split into the WTO supporters and their oppositionists. In the modern economics papers the Russian researchers have analyzed the consequences of the impact on the Russian industry brought by Russia's entering the WTO, without taking into consideration the retail sector that corresponds to one third of the country's GDP. In this work the author has carried out PEST-analysis of the factors that influence the Russian retail sector after Russia's entering the WTO. A brief description and assessment of these factors have been done. The positive and negative consequences at the retail market after Russia's joining the WTO have been revealed as a result of the influence of the studied factors.

Keywords: WTO, PEST-analysis, retail trade, factors that influence on the Russian retail trade.

На основе публикаций, посвященных тематике Всемирной торговой организации, автором проведен PEST-анализ, определены возможные факторы, влияющие на развитие российской розничной торговли после вступления в ВТО. Первая категория — политико-правовые факторы. Они находят отражение в экономических трудах таких авторов, как Ю. А. Аникина, Р. Антонино, В. Колташов, В. Лехтман, М. Медведков, О. П. Михайлова, О. В. Могило, А. Салицкий, А. Сафронова, А. П. Седлов. Данной группой авторов анализируется пятнадцать факторов: время, глобализация, государственное воздействие, интеграция с международным сообществом, использование нормативно-правовой среды ВТО, самобытность, оппозиция (противостояние Таможенного союза (ТС) Всемирной торговой организации), политический, географическая раздробленность, сырьевая зависимость, успешный опыт вступления других стран, участие в международных и экономических организациях, правительственная нестабильность, налоговая политика, сырьевая зависимость. Рассмотрим данные факторы более детально.

Ю. А. Аникина, О. П. Михайлова, О. В. Могило в своей публикации говорят о том, что «предусмотрен переходный период для либерализации доступа на российский рынок, который составляет два-три года» [1]. В соответствии с этим, по нашему мнению, в данном случае фактор времени является положительным. Это связано с тем, что транснациональные розничные сети зайдут на российский рынок розничной торговли, скорее всего, после переходного периода, то есть через два-три года.

Данный временной диапазон российские ритейлеры могут использовать для расширения и укрепления своих позиций и долей на рынке розничной торговли.

Фактор глобализации рассматривается Всемирным союзом пищевиков, работников сельского хозяйства и гостиниц в работе «ВТО и мировая продовольственная система (профсоюзный взгляд)» [4]. Мы считаем, что глобализация — неотвратимый процесс в современном мире, который влияет на развитие экономики любой страны, поэтому рассматриваем положительное влияние данного фактора на анализируемый процесс.

На основе исследования работ таких авторов, как М. Медведков, А. И. Салицкий, а также Соглашения по сельскому хозяйству, справки Минэкономразвития по обязательствам России в качестве члена ВТО нами выделен фактор государственного воздействия, который может влиять на развитие розничной торговли как с положительной, так и с отрицательной стороны. Положительный аспект государственного воздействия наблюдается во внешнеэкономической деятельности КНР как участника ВТО. По мнению А. И. Салицкого, во-первых, государственные организации сохраняют очень сильные непосредственные позиции во внешнеэкономических связях КНР. Очевидно, что сохранение в руках государства разнообразных и мощных средств контроля над внешнеэкономической политикой существенно облегчает защиту внутреннего рынка там, где это необходимо, а также принятие ответных мер в случае серьезного нарушения прав китайских экспортеров. Во-вторых, существенной спецификой отличается политика Китая в отношении иностранных инвестиций. Главная их часть представлена прямыми капиталовложениями в промышленность. В-третьих, Китай в законодательном порядке определял зарубежным инвесторам обязательства по использованию в производстве местных комплектующих, доле экспорта в продажах и т. п. КНР в полной мере использовала и менее «крамольную» регламентацию деятельности зарубежных инвесторов по передаче современных технологий, доле в капитале, гражданству управляющих и персонала. Особенность Китая заключается в том, что полноправным участником предприятия с иностранным капиталом, как правило, является государственная китайская компания, а предметом сотрудничества — создание новых объектов [10].

Согласно исследованиям А. И. Салицкого, можно сделать вывод о том, что Российской Федерации с государственной стороны необходимо усиливать свои позиции в тех сферах бизнеса, где государство имеет долю в уставном капитале компаний. Это позволит контролировать и своевременно защитить отечественных предпринимателей. Также у наших соседей — КНР — необходимо позаимствовать опыт отечественной инвестиционной политики. России необходимо привлекать прямые инвестиции в развитие промышленности, при этом заключая контракты с зарубежными инвесторами. Необходимо способствовать использованию в созданном производстве отечественных комплектующих, запасных частей, доле экспорта в продажах и т. п. В розничной торговле зарубежные инвестиции необходимо трансформировать в создание мини-производства, которые и производят, и упаковывают, и продают готовую продукцию для потребителей, с развитием дополнительных логистических услуг: транспортировка, продвижение и доставка продукции. Успешный проект по развитию экономики России и Китая выдвигает М. А. Винокуров: «России надо втягиваться уже не просто в торговые отношения с Китаем, а в более сложные — кооперационные. Через плановое начало ввести кооперационные отношения в промышленной области с Китаем, т. е. завязывать предприятия с предприятиями, предлагать поузловую специализацию, совместное производство» [3, с. 15–16]. Что дадут совместные кооперационные отношения для розничной торговли? Конечно же, рост розничной торговли, причем увеличится товарооборот не китайских товаров, а русско-китайских товаров, относящихся к высокотехнологичным, например, современные гаджеты, бытовая техника. Помимо прочего совместное развитие промышленности приведет к увеличению доходов населения, следовательно, и росту рынка розничной торговли, т. к. потребители смогут приобретать больше товаров.

Также положительный аспект государственного воздействия может выражаться в поддержке государства определенных отраслей экономики. Государственная поддержка может быть осуществлена с помощью правовых и информационных, организационных, финансовых, а также инвестиционных программ.

Негативные аспекты государственного воздействия прописаны в Соглашении по сельскому хозяйству: «субсидия, выплаченная на единицу инкорпорированного сырьевого сельскохозяйственного продукта, не может превышать экспортную субсидию на единицу продукции, которая была бы выплачена в случае экспорта сырьевого продукта как такового; сумма выплат в любом данном году не связана и не основывается на виде или объеме продукции (включая поголовье скота), произведенной данным производителем в любом году после базового периода. Сумма выплат в любом данном году

не связана и не основывается на ценах, внутренних или мировых, относящихся к любой продукции, произведенной в любом году после базового периода. Сумма выплат в любом данном году не связана и не основывается на факторах производства, задействованных в любом году после базового периода. Финансовое участие правительства в программах страхования и обеспечения доходов определяется потерями в доходах» [12].

Финансовая поддержка сельскохозяйственных производителей со стороны государства в настоящее время выгодна для розничных торговцев. Прежде всего это связано с ценообразованием на сельскохозяйственную продукцию. Чем дешевле продукция сельхозпроизводителей в закупе, тем дешевле она на прилавках в магазинах, тем выгодней для потребителей, что обеспечивает устойчиво стабильный спрос на нее.

Еще одним негативным аспектом является то, что государственная форма собственности является барьером для ВТО. В связи с тем, что в РФ такой сектор экономики, как розничная торговля, полностью находится в руках предпринимателей, государство не имеет доли в уставном капитале розничных предприятий. Данный фактор может негативно сказаться, когда в этот сегмент рынка зайдут транснациональные корпорации ритейла и беспрепятственно смогут поглотить федеральных и региональных розничных торговцев.

К политико-правовому фактору также относится фактор интеграции с международным сообществом. А. П. Седлов отмечает: «Интеграционные процессы, связанные со вступлением в ВТО, не будут иметь тотального характера и равномерного распространения по территории России, а начнутся с наиболее развитых в экономическом и социальном отношении регионов. Поэтому можно предположить, что в первую очередь последствия либерализации скажутся на экономике Москвы» [11].

Исходя из отмеченной высокой концентрации, деловой активности и централизации управления, последствий вступления РФ в ВТО развитие розничной торговли в регионах России будет происходить значительно позже, чем в столице России или в ее западной части. Поэтому региональным ритейлерам следует укрупнять розничные точки по количеству и торговым площадям, выровнять свое финансовое положение, определить долгосрочные и краткосрочные стратегии закупок, ведение асортиментной политики и развитие продаж.

Последствия вступления России в ВТО будут в значительной степени определяться и тем, сумеют ли российские компании использовать новую нормативно-правовую среду в своих интересах [4]. Использование нормативно-правовой среды может влиять как с положительной, так и с негативной стороны на развитие отечественной розничной торговли. Грамотное использование правил ВТО в международной торговле поможет значительно упростить процедуры импорта.

Фактор самобытности упоминается в работе Ю. А. Аникиной, А. П. Михаловой, О.В. Могило: «Через международные организации, такие как ВТО, внедряются одинаковые критерии макроэкономических показателей, происходит унификация требований к налоговой политике, занятости населения. Тем самым стираются границы между странами, нациями; теряются различия между традициями и обычаями народов» [1]. На развитие розничной торговли данный фактор влияет с негативной стороны, это связано с тем, что в магазинах исчезнут товары, присущие тем или иным странам, регионам, областям. Спрос на данные товары будет неэластичным, при дефиците определенных товаров спрос будет превышать предложение, как следствие, стоимость на такие товары будет завышена. Обратить данный фактор в положительную сторону возможно с помощью политики протекционизма на всех уровнях власти.

В работах В. Колташова ярко выделяется фактор оппозиции. Оппозиция заключается в противостоянии Таможенного союза (ТС) Всемирной торговой организации. «ТС — это зародыш будущего протекционистского и экономического единства стран бывшего СССР. Решение закрепить позиции на мировом рынке, присоединив страну к ВТО, можно назвать своевременным для сырьевых монополий. В ближайшие годы государства, входящие в ВТО, при риторической защите идеи «свободной торговли», скорее всего, продолжат наращивать протекционизм» [6]. По прогнозам экспертов, Таможенный союз может поспособствовать увеличению ВВП стран-партнеров на 12–15 % к 2015 году» [9].

Идея Таможенного союза, по нашему мнению, более привлекательна для развития российского рынка розничной торговли. Во-первых, это связано с тем, что страны СНГ и Россия относятся к развивающимся странам. РФ и бывшие страны СССР находятся в примерно равных экономических условиях. Во-вторых, на протяжении более двадцати лет Россия активно сотрудничает и ведет внешнеэкономическую деятельность со своими ближайшими соседями. В-третьих, взаимовыгодное сотрудничество в ТС позволит развивать реальный сектор экономики, то есть промышленность, вслед-

ствие этого и розничную торговлю. В-четвертых, ни одна страна не будет преднамеренно демпинговать, а впоследствии повышать цены на продаваемые товары. В-пятых, ТС снизит пошлины на товары стран СНГ, это предотвратит рост цен на импортные товары, возможно даже, будет способствовать снижению цен на внутреннем рынке розничной торговли.

Очередным фактором влияния мы выделяем политический фактор. Любое событие, происходящее в стране и мире, влияет в первую очередь на рынок розничной торговли, при этом не только на внутренний рынок страны, где происходит это событие, но и на весь мир.

Другим фактором, на наш взгляд, может стать географическая раздробленность. «Движение СТОП ВТО», описывая последствия вступления России в ВТО, говорит о нарастающей фрагментации и регионализации страны. На розничную торговлю данный фактор влияет с точки зрения административных барьеров, которые могут быть установлены на законодательном уровне каждого региона, области, края.

Следующим фактором является умение перенять и адаптировать к своим условиям успешный опыт вступления в ВТО других стран. В связи с этим вновь становится полезным опыт КНР. Почему бы Российской Федерации не определить для себя ряд перспективных исконно русских товаров (автор не берет в расчет сырьевые ресурсы), поставить их производство на промышленный поток, при этом обеспечивая должное качество, соответствуя международным стандартам, и таким образом поставлять данные товары не только на внутренний рынок, но и за рубеж. В данном случае будет иметь место развитие и отечественной розничной торговли, и внешнеэкономической торговли.

Также к положительным факторам можно отнести участие в международных экономических организациях. В долгосрочной перспективе фактор участия России в ВТО будет оказывать безусловное положительное воздействие на экономический рост в России, содействуя развитию торговли и инвестиций, стимулируя конкуренцию на внутреннем рынке, создавая четкие международно-правовые рамки для проведения внутренней политики в сфере регулирования внешней торговли [7]. Участие в международных экономических организациях в первую очередь способствует сотрудничеству РФ с другими странами в развитии товарных отношений. С этой позиции данный фактор влияет на рынок розничной торговли положительно.

К факторам, влекущим негативные последствия, на наш взгляд, следует отнести: 1) правительственную нестабильность, 2) слабую налоговую политику и 3) высокую сырьевую зависимость.

Правительственная нестабильность и слабая налоговая политика влекут за собой нескоординированные действия чиновников на верхних эшелонах власти. Это может повлечь за собой такие негативные последствия, как упадок экономических показателей страны, упущение выгод для государства, дефолт экономики страны. Данные последствия найдут сразу же свое отражение на рынке розничной торговли, темпы роста, покупательская способность граждан могут претерпевать процесс стагнации или начать снижаться. Сырьевая зависимость грозит нам только тем, что делая упор на сырьевые ресурсы, страна не развивает должным образом промышленность, различные производства, то есть реальный сектор экономики. Существование и развитие розничной торговли возможно только при стабильном равномерном развитии промышленности.

Изучая работы А. Ю. Аникина, А. П. Михайлова, О. В. Могило, А. Бородченкова, А. П. Седлова, мы пришли к выводу, что можно выделить группу социально-культурных факторов, к которым можно отнести перспективность выгод для потребителей, трудовой занятости населения, социальной стабильности в обществе. По мнению А. Бородченкова, выгоды от вступления в ВТО для потребителей положительны, но будут ощутимы только в среднесрочной и долгосрочной перспективе [2]. Рынок розничной торговли в первую очередь покажет выгоды для потребителей, это скажется на снижении цен на товары, увеличении ассортимента товаров.

Необходимость роста профессиональной квалификации. Анализ экспортных возможностей обрабатывающих отраслей российской экономики, структуры занятых, их профессионально-квалификационного состава, образовательного уровня и трудовой мобильности позволяет сделать вывод о серьезных диспропорциях на рынке труда и слабой готовности к инновационному развитию [11]. Розничная торговля в плане профессиональной подготовки в настоящее время не испытывает особых трудностей и диспропорций. Это связано с достаточной обеспеченностью образовательных учреждений, а также постоянно обновляющихся технологий обучения в сфере ритейла.

Социальный фактор потребует строительства новой инфраструктуры [1], что безусловно положительно влияет на развитие России в целом и на развитие розничной торговли, ведь развитие инфраструктуры способствует созданию новых производств, обеспечению рабочих мест, строительству

новых микрорайонов, дорожно-транспортных магистралей, следовательно, будет развиваться и рынок розничной торговли, который будет удовлетворять платежеспособный спрос населения, обеспечивать требуемыми товарами потребителей. Противники ВТО говорят о том, что социальный фактор сможет повлиять и с негативной стороны. По их прогнозам, будет уничтожено 460 моногородов, которые зависят от одного завода или производства для предоставления рабочих мест и инфраструктуры. Также будет наблюдаться деградация социальной сферы, а именно закрытие детских садов, яслей, школ, больниц и домов престарелых «эффективными менеджерами» [8]. В случае развития данного сценария рынок розничной торговли будет претерпевать деградацию. Мы сможем наблюдать спад розничного товарооборота, связанного со снижением платежеспособного спроса; сокращение предприятий розничной торговли; повышение цен на товары; сокращение ассортимента продаваемых товаров в точках розничных продаж, преимущественно превалять будут товары первой необходимости. Социальный фактор для розничной торговли является одним из основополагающих, т. к. именно от социального уровня и культуры общества зависит потребление и приобретение тех или иных товаров, что непосредственно влияет на развитие розничной торговли.

Фактор трудовой занятости населения может влиять на рынок розничной торговли как с положительной, так и с отрицательной стороны. В связи с изношенными производственными мощностями российских фармацевтических компаний и компаний легкой промышленности, которые вряд ли сумеют подстроиться под принципы и условия ВТО, а также с усилившейся конкуренцией со стороны зарубежных компаний, выпускающих аналогичную продукцию, которая дешевле отечественной, можно предположить, что такие российские компании окажутся малоэффективными и нерентабельными, в связи с чем будут при удачном стечении обстоятельств выкуплены зарубежными инвесторами, при самом худшем варианте — обанкрочены и ликвидированы. При банкротстве и ликвидации предприятий легкой и фармацевтической промышленности, где преимущественно используется женский труд, будут высвобождены рабочие места. Создание новых рабочих мест после вступления в ВТО будет происходить в розничной торговле. Однозначно развитие розничной торговли частично обеспечит рабочими местами граждан, попавших под сокращение в связи с оптимизацией, банкротством и ликвидацией неэффективных предприятий. Но значительная часть безработных в будущем затормозит развитие розничной торговли. Это прежде всего связано с падением платежеспособного спроса и покупательской способностью. Возможна также и ситуация 1990-х гг. — отток высококвалифицированных кадров за рубеж.

Фактор социальной стабильности человека в обществе. Данный фактор влияет на развитие розничной торговли как с положительной, так и с отрицательной стороны. Это обусловлено тем, что чем более человек социально стабильней, тем проще определять спрос на товары, прогнозировать товарооборот, доход, корректировать уровень наценки и маржи на предприятиях розничной торговли.

Следующей группой факторов в PEST-анализе являются технологические факторы, к ним мы отнесли отсутствие современных предприятий с технологической точки зрения; экологическую незащищенность; слабую государственную технологическую политику.

Отсутствие современных предприятий с технологической точки зрения негативно влияет на развитие рынка розничной торговли из-за несоответствия производимых товаров международным стандартам. Соответственно импортные товары-аналоги будут более высокого качества, возможно даже, по более низким или точно таким же ценам, это приведет к вытеснению отечественных товаров с внутреннего рынка и замене их на импортные товары.

Фактор экологической незащищенности. Учитывая тот факт, что после вступления в ВТО Россия не может препятствовать проникновению на рынок генномодифицированных продуктов, согласно Соглашению ВТО по применению санитарных и фитосанитарных норм, то можно предположить, что продукция натуральных фермерских хозяйств без добавления ГМО будет стоить намного дороже и должна рекламироваться в рознице как экопродукт, который не наносит вреда здоровью и жизни человека, а наоборот, приносит только пользу. Для розничных торговцев данное направление — «экопродукт» — является перспективным с точки зрения привлечения покупателей. Ритейлеры, поддерживающие экопродукты, смогут дополнительно привлечь покупателей в свои точки продаж и таким образом не потерять своих доходов.

Фактор слабой государственной технологической политики. Отсутствие государственной технологической политики выразится в нанесении ущерба информационной и национальной безопасности России, поскольку не была проведена серьезная инвентаризация российского регулирования оказания юридических услуг и услуг патентных поверенных [8]. В настоящее время современные ком-

пьютерные, программные, информационные технологии используются в любом виде бизнеса. Розничная торговля является примером передового использования новейших технологий. Различные кассовые аппараты, штрих-коды, quadro-коды облегчают процесс работы розничных предприятий. Как правило, технологии и программное обеспечение в настоящее время являются разработками зарубежных компаний. В связи с этим автор данный фактор относит к негативным, так как считает, что отечественное программное обеспечение и технологии будут, во-первых, значительно дешевле иностранных. Во-вторых, российские инновационные информационные, программные, аппаратные технологии будет значительно легче адаптировать под конкретное отечественное предприятие розничной торговли. В-третьих, осуществление сервисной поддержки, гарантийного обслуживания, внедрения новых разработок и модулей будет происходить быстрее, надежнее и дешевле зарубежных.

Последняя группа факторов PEST-анализа состоит из экономических факторов. К негативно влияющим экономическим фактором можно отнести возможную девальвацию рубля, снижение инвестиционной активности, рецессию экономики. К положительно влияющим факторам можно отнести инвестиционную привлекательность, экономический рост, доступ на экспортные рынки, финансовую поддержку. Приведем факторы, которые могут влиять на развитие розничной торговли и положительно, и отрицательно, — платежеспособный спрос, поведение банковского процента на кредитном рынке, снижение таможенных тарифов, международная и внутренняя конкуренция.

Девальвация рубля сказывается на рынке розничной торговли негативно, денежные знаки обесцениваются, стоимость на товары увеличивается, как следствие, спрос на товары падает, темпы развития рынка розничной торговли снижаются.

Рецессия экономики страны в целом отразится на темпах розничной торговли, данный сектор экономики наиболее чувствителен даже к небольшим снижениям темпа роста экономики. С рецессией основных экономических показателей страны показатели розничной торговли также будут снижаться, причем данное снижение будет глубже, чем в других экономических секторах.

Снижение инвестиционной активности. Ожидаемо снижение инвестиционной активности, опасения инвесторов понятны: вложение денежных средств в условиях финансовой нестабильности — неоправданный риск. Это касается и розничной торговли. Транснациональные корпорации розничной торговли не станут заходить в РФ и поглощать крупных федеральных ритейлеров, если не будут видеть привлекательность в потребительском рынке страны, который сможет обеспечить ожидаемую прибыль и доход от таких сделок.

Доступ на экспортные рынки. Предприятия розничной торговли относятся к предприятиям малого и среднего бизнеса, которые наиболее мобильны, гибки и восприимчивы к внешним и внутренним изменениям условий функционирования. В связи с этим именно компании розничной торговли, скорее всего, смогут быстрее подстроиться под современные транспарентные условия торговли, выйти на зарубежные рынки и экспортировать российские товары на мировых рынках через дистрибутивную сеть.

Инвестиционная привлекательность. Одной из самых привлекательных отраслей для инвестирования является розничная торговля. Вывод можно сделать по тому, как развивается российская розничная торговля в последние пять лет. Ежегодный прирост в среднем составляет 11,18 %, рынок розничной торговли вырос за период с 2008 по 2013 г. в 1,7 раза. В настоящее время крупнейшие торговые сети активно выходят на фондовые рынки, например Лента, ГК «Детский мир».

Фактор экономического роста России окажет положительное влияние на развитие страны в целом и соответственно рынка розничной торговли в том числе.

Фактор финансовой поддержки со стороны государства будет оказывать благоприятное влияние на стимулирование развития рынка розничной торговли. Различные финансовые программы, гранты, субсидии будут мотивировать собственников розничных предприятий развивать свой бизнес.

Платежеспособный спрос — один из факторов, который благоприятно влияет на динамику розничной торговли. Рынок розничной торговли достаточно чувствителен к платежеспособному спросу. Чем данный показатель выше, тем выше товарооборот в розничных точках продаж.

Поведение банковского процента на кредитном рынке — фактор, который может двояко отражаться на рынке розничной торговли. Снижение банковского процента выгодно для предприятий розничной торговли. Ритейлеры будут иметь возможность кредитоваться по наиболее низким кредитным ставкам. Это позволит больше влить денежных средств в оборотный капитал предприятия розничной торговли как за счет непосредственного кредитования ритейлеров, так и за счет потребительского кредитования. Повышение банковского процента будет негативно отражаться на рынке

розничной торговли. Возможен спад покупательского спроса на определенные виды товаров, увеличение платежей по кредитам у розничных предприятий, отсутствие возможности выделения денежных средств на развитие бизнеса ритейлеров.

Снижение таможенных тарифов. Снижение таможенных пошлин, несомненно, положительно скажется на развитии розничной торговли. Во-первых, это связано с тем, что зарубежные товары станут дешевле, а это означает, что потребители смогут приобрести больше товаров народного потребления. Во-вторых, все опасения по поводу упадка отечественного животноводческого хозяйства оказались напрасными. На 75 % российские фермеры могут обеспечить страну свининой, 25 % — импортируемая продукция. Помимо этого на животноводческую продукцию существует определенное квотирование [13]. При снижении таможенных пошлин вдвое цены на аналогичные товары в рознице могут снизиться на 10–15 % [5]. Цены снизятся на парфюмерию и косметику, живые цветы, часы, игрушки, соки и безалкогольную продукцию, арахис и другие виды орехов. Серьезное снижение произойдет на мебель, ковры, пластмассы, ткани, кружева, обувь и постельное белье, натуральные и искусственные шубы. Морепродукты тоже освободят от запретительных пошлин. В дальнейшей перспективе ожидается снижение цен в автопромышленном комплексе [5]. Ритейлеры пересмотрят свой ассортимент, линейка товаров в рознице расширится. Ассортимент, представленный в розничной торговле, изменится по своей структуре: широте, полноте, глубине.

Международная и внутренняя конкуренция. Безусловным плюсом от вступления в ВТО является то, что ассортимент наиболее качественных товаров будет более широко представлен на прилавках в розничных магазинах. Конкуренция между отечественными и зарубежными производителями будет в значительной доле обострена не только в цене, а в большей степени даже в качестве продаваемой продукции. Ценовой фактор, наверное, будет вторичен, так как превалирующим будет фактор качества. Поэтому наиболее качественные товары могут стоить значительно дороже, чем его более дешевые аналоги, что не помешает им терять свою покупательскую привлекательность для потребителя и покупательскую способность. Отнести данный фактор к отрицательному моменту невозможно, это связано с тем, что малоэффективные, нерентабельные и неконкурентоспособные предприятия нежизнеспособны в бизнесе. Поэтому не так уж и важно вступление России в ВТО, или внутренняя конкуренция, или слияния и поглощения на рынке розничной торговли, что вытеснит низкорентабельных ритейлеров, вместо которых придут новые сильные игроки. Данный фактор тесно связан с ростом безработицы. Цены на импортные товары изначально будут снижены, но после того как РФ вступит в ВТО, страна станет еще более зависимой от импортного продовольствия. Цены на данное продовольствие значительно возрастут. Многие эксперты прогнозировали, что в банковский сектор экономики страны зайдут иностранные банки с минимальными ставками по кредитам. Для предприятий розничной торговли снижение кредитных ставок станет положительным фактором. Ритейлеры смогут брать кредиты на выгодных условиях с минимальными процентами для развития своих компаний.

Литература

1. Аникина Ю. А., Михайлова А. П., Могило О. В. Вступление России во «Всемирную торговую организацию»: проблемы и перспективы [Электронный ресурс] // Экономика, управление, финансы: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Пермь, декабрь 2012 г.). — Пермь: Меркурий, 2012. — С. 41–43. URL: <http://www.moluch.ru/conf/econ/archive/57/3083/> (дата обращения: 19.01.2014).
2. Бородченков А. Россия и ВТО, год спустя. Мифы, реальность, перспективы [Электронный ресурс]. — URL: <http://proved-partner.ru/analytics/expert-opinions/6060-vto-rus.html> (дата обращения: 19.01.2014).
3. Винокуров М. А. О перспективности производственной кооперации Китая и России // Развитие сотрудничества приграничных регионов России и Китая: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Маньчжурия, 24–25 сент. 2013 г.). — Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2014. — 212 с.
4. ВТО и мировая продовольственная система (профсоюзный взгляд) [Электронный ресурс]. — URL: iuf.ru/pic/ready_wto.pdf (дата обращения: 19.01.2014).
5. Зыкова Т. И омары ВТОм числе [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.rg.ru/2011/11/14/vto.html> (дата обращения: 08.02.2014).
6. Колташов В. Россия и ВТО: риски, выгоды и перспективы [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.geopolitica.ru/article/rossiya-i-vto-riski-vygoty-i-perspektivy#.UtuJ2bRWW00> (дата обращения: 19.01.2014).
7. О ходе переговоров по присоединению России к ВТО [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.wto.ru/russia.asp?f=delat&> (дата обращения: 19.01.2014).
8. Последствия вступления России в ВТО [Электронный ресурс]. — URL: <http://stop-vto.ru/2011/11/16/posledstviya-vstupleniya-rossii-v-vto-razvernuto/> (дата обращения: 20.01.2014).

9. Равнение на таможенно [Электронный ресурс]. — URL: <http://static.tks.ru/reviews/2009/09/24/02> (дата обращения: 19.01.2014).
10. Салицкий А. Китай в ВТО: Либеральный протекционизм [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.wto.ru/documents.asp?f=china&t=14> (дата обращения: 19.01.2014).
11. Седлов А. П. Социально-профессиональная мобильность населения в контексте готовности России к вступлению в ВТО: гендерное измерение на примере московского мегаполиса. — URL: www.wto.ru/ru/content/document (дата обращения: 19.01.2014).
12. Соглашение по сельскому хозяйству [Электронный ресурс]. — URL: www.wto.ru/ru/content/documents/docs/selhozru.doc (дата обращения: 19.01.2014).
13. Справка Минэкономразвития по обязательствам России в качестве члена ВТО [Электронный ресурс]. — URL: www.wto.ru/ru/content/documents/docs/spravka_mert.doc (дата обращения: 19.01.2014).

References

1. Anikina Yu. A., Mikhailova A. P., Mogilo O. V. Vstuplenie Rossii vo «Vsemirnyuyu trgovuyu organizatsiyu»: problemy i perspektivy [Russia's entry into "The World Trade Organization": problems and prospects]. *Ekonomika, upravlenie, finansy: materialy II Mezhdunar. nauch. konf.* [Proc. 2nd Int. sci. conf. "Economics, management, finance"]. Available at: <http://www.moluch.ru/conf/econ/archive/57/3083/> (Accessed 19 January 2014). Perm: Mercury, 2012. Pp. 41–43.
2. Borodchenkov A. *Rossiya i VTO, god spustya. Mify, real'nost', perspektivy* [Russia and the WTO, a year later. Myths, Reality and Prospects]. Available at: <http://proved-partner.ru/analytics/expert-opinions/6060-vto-rus.html> (Accessed 19 January 2014).
3. Vinokurov M.A. O perspektivnosti proizvodstvennoi kooperatsii Kitaya i Rossii [The prospects of industrial cooperation between China and Russia]. *Razvitie sotrudnichestva prigranichnykh regionov Rossii i Kitaya: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Proc. Int. sci.-pract. conf. "Development of the border regions of Russia and China cooperation"]. Irkutsk: Baikal State University of Economics and Law Publishing Department, 2014. 212 p.
4. *VTO i mirovaya prodovol'stvennaya sistema (profsoyuznyi vzglyad)* [The WTO and the world food system (union opinion)]. Available at: http://iuf.ru/pic/ready_wto.pdf (Accessed 19 January 2014).
5. Zykova T. *I omary WTOm chisle*. Available at: <http://www.rg.ru/2011/11/14/vto.html> (Accessed 8 February 2014).
6. Koltashov V. *Rossiya i VTO: riski, vygody i perspektivy* [Russia and the WTO: risks, benefits and perspectives]. Available at: <http://www.geopolitica.ru/article/rossiya-i-vto-riski-vygody-i-perspektivy#.UtuJ2bRWW00> (Accessed 19 January 2014).
7. *O khode peregovorov po prisoedineniyu Rossii k VTO* [Progress of negotiations on Russia's accession to the WTO]. Available at: <http://www.wto.ru/russia.asp?f=delat&> (Accessed 19 January 2014).
8. *Posledstviya vstupleniya Rossii v VTO* [Consequences of Russia's entry into the WTO]. Available at: <http://stop-vto.ru/2011/11/16/posledstviya-vstupleniya-rossii-v-vto-razvernuto/> (Accessed 20 January 2014).
9. *Ravnenie na tamozhnyu* [Eyes on customs]. Available at: <http://static.tks.ru/reviews/2009/09/24/02> (Accessed 19 January 2014).
10. Salitskii A. *Kitai v VTO: Liberal'nyi proteksionizm* [China in the WTO: Liberal Protectionism]. Available at: <http://www.wto.ru/documents.asp?f=china&t=14> (Accessed 19 January 2014).
11. Sedlov A. P. *Sotsial'no-professional'naya mobil'nost' naseleniya v kontekste gotovnosti Rossii k vstupleniyu v VTO: gendernoe izmerenie na primere moskovskogo megapolisa* [Socio-professional mobility of population in the context of Russia's willingness to enter the WTO: gender dimension on the example of Moscow metropolis]. Available at: www.wto.ru/ru/content/document (Accessed 19 January 2014).
12. *Soglashenie po sel'skomu khozyaistvu* [Agreement on Agriculture]. Available at: www.wto.ru/ru/content/documents/docs/selhozru.doc (Accessed 19 January 2014).
13. *Spravka Minekonomrazvitiya po obyazatel'stvam Rossii v kachestve chlena VTO* [Russian Ministry of Economic Development Instructions on obligations of Russia as the WTO member]. Available at: www.wto.ru/ru/content/documents/docs/spravka_mert.doc (Accessed 19 January 2014).

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

УДК 330.342

РАЗВИТИЕ ПРОЦЕССА СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ ИНФРАСТРУКТУРНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

© Овешникова Людмила Владимировна

доктор экономических наук Финансового университета при Правительстве России
Россия, 125993, г. Москва, Ленинградский пр., 49
E-mail: lud_proz@mail.ru

В статье предложены рекомендации по развитию процесса стратегического планирования инфраструктурного обеспечения предпринимательской деятельности, ориентированные на количественные, качественные и системные преобразования в инфраструктуре предпринимательства, отличающиеся комплексным логическим подходом, основанным на классических функциях менеджмента и учитывающим необходимость обоснованного и согласованного взаимодействия инфраструктурных и предпринимательских элементов для обеспечения экономической безопасности в регионе.

Ключевые слова: стратегическое планирование, инфраструктурное обеспечение, предпринимательская деятельность, экономическая безопасность.

DEVELOPMENT OF STRATEGIC PLANNING PROCESS IN INFRASTRUCTURE PROVISION OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITY

Oveshnikova Lyudmila V.

DPhil in Economics, Financial University at the Government of Russia
49, Leningradsky Ave., Moscow, 125993, Russia

The paper offers recommendations for the development of strategic planning process in infrastructure provision of entrepreneurial activity, focused on quantitative, qualitative and systemic changes in the entrepreneurial infrastructure, characterized by a complex logical approach based on classical functions of management and taking into account the need for sound and consistent interaction of infrastructure and entrepreneurial elements for provision of economic security in the region.

Keywords: strategic planning, infrastructure provision, entrepreneurial activity, economic security.

Развитие процесса стратегического планирования предполагает своевременное, целенаправленное и эффективное применение комплекса методов, технологий, моделей и инструментов, приводящих к возникновению количественных, качественных и системных преобразований инфраструктуры предпринимательства, что предопределяет и обеспечение экономической безопасности в аспекте малого предпринимательства, являющегося основой развития рыночной экономики.

Преобразование системы инфраструктурного обеспечения предпринимательства должно основываться на следующих ключевых направлениях: поддержка в инфраструктурном обслуживании имеющихся инновационных предпринимательских структур, разработка методики совпадения развития инфраструктурного элемента с развитием «внешнего» предпринимательского действия, адаптация инфраструктурных компонентов под меняющиеся потребности бизнеса, качественные преобразования в составляющих компонентах инфраструктурного обеспечения.

Следовательно, особую актуальность приобретает развитие стратегического планирования, поскольку это будет способствовать качественным и количественным преобразованиям в сфере инфраструктурного обеспечения предпринимательства [7].

В связи с этим автор предлагает рекомендации по развитию процесса стратегического планирования, сущность которых представлена на рисунке 1. Рассмотрим подробнее указанные рекомендации по развитию стратегического планирования инфраструктурного обеспечения предпринимательства.

Обоснованное и согласованное взаимодействие инфраструктурных и предпринимательских элементов. Это, на наш взгляд, очень перспективное направление, заключающееся в так называемом

совпадении алгоритмов функционирования систем предпринимательства и инфраструктуры и последовательном осуществлении согласования целей, на которые направлены их действия, что безусловно повысит эффективность взаимодействия инфраструктурных и предпринимательских элементов и сделает их «симбиоз» более гармоничным [3].

При изучении процедуры отслеживания совпадения трендов развития предпринимательского действия и инфраструктурного элемента необходимо создавать условия для устойчивости функционирования инфраструктурных элементов производства за счет предпринимательских действий по распределению, движению и изменению средств производства и соответствующих вложений в рамках инфраструктурного элемента, т. е. реализовать условие для включения предпринимательства в развитие инфраструктурного элемента [5].

Этого можно достичь, рассмотрев последовательность устойчивого функционирования данного элемента через совокупность основных элементов, обеспечивающих его деятельность (инвестирование, процесс производства услуги, ее реализация), и возможное их дополнение за счет осуществления предпринимательского действия [2].

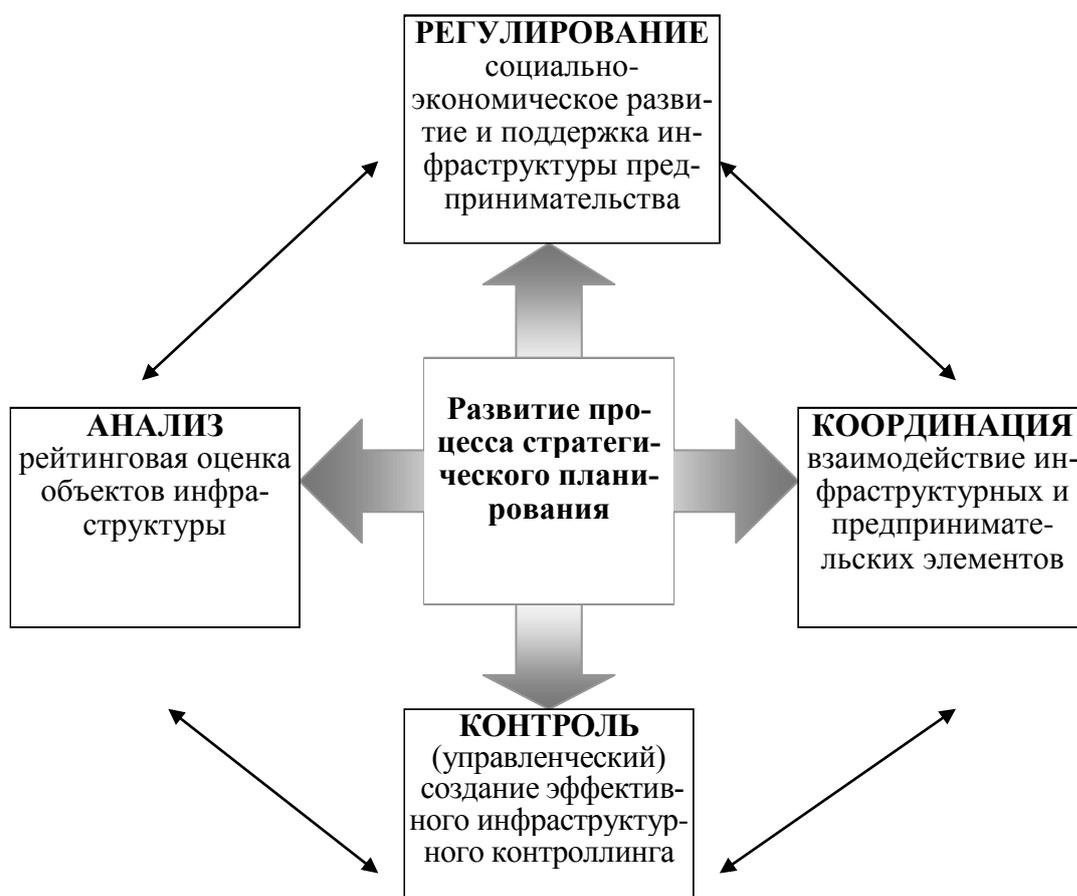

Рис. 1. Рекомендации по развитию процесса стратегического планирования инфраструктурного обеспечения предпринимательской деятельности

Этот тезис можно проанализировать с помощью структурно-логических схем, отображающих конкурентный рынок в экономике, что само по себе оправдано, так как алгоритм функционирования инфраструктурного элемента в аспекте возможности его до развития предпринимательским действием аналогичен алгоритму существования фирмы на современном конкурентном рынке [7].

На его основании можно сделать следующий вывод: контроль за функционированием в едином действии предпринимательского и инфраструктурного элементов подразумевает осуществление последовательной формализации элементов, составляющих предпринимательские действия и деятельность инфраструктурного элемента, реализацию условий для создания системы совместного обеспечения деятельности инфраструктурного элемента и предпринимательского действия, например, в не-

обходимом для данного региона инфраструктурном направлении, обеспечивающем развитие услуг по жизнеобеспечению населения [3].

Общий вывод исследования проблемы выявления совокупности свойств и качеств инфраструктурных элементов, обладающих способностями к встраиванию и согласованному взаимодействию с предпринимательской деятельностью, сводится к следующему. Для формирования предпринимательской деятельности прежде всего необходимо выявить спектр адекватных этой деятельности инфраструктурных услуг, их способности встроиться в систему предпринимательства, а также осуществить предварительное исследование потребности в соответствующих инфраструктурных элементах по совокупности предоставленных ими услуг (рис. 2).

Рис. 2. Основные аспекты, определяющие развитие стратегического планирования на основе обоснованного и согласованного взаимодействия инфраструктурных и предпринимательских элементов

При исследовании показателей обоснованного и согласованного взаимодействия инфраструктурных и предпринимательских элементов на региональном уровне данные возьмем по ряду областей ЦФО. Результаты исследования представлены в таблице 1 и рис. 3.

Интегральный коэффициент оценки уровня согласованности взаимодействия инфраструктурных и предпринимательских элементов рассчитывается по формуле средней арифметической взвешенной:

$$\bar{x} = \frac{\sum K_{umi} \times f_i}{\sum f_i}$$

где f_i — веса значений интегральных коэффициентов (автор считает, что они все важны, поэтому вес берется как 1/3);

$\sum K_{umi} \times f_i$ — сумма произведений величины признаков на их веса;

$\sum f_i$ — общая сумма весов значений интегральных коэффициентов

По мнению автора, количество показателей, входящих в состав рассчитываемых интегральных, может быть увеличено в зависимости от цели исследования, субъекта инфраструктуры и т. д. В этом случае вес будет определяться исходя из количества взятых показателей.

Таблица 1

Исследование процесса обоснованного и согласованного взаимодействия инфраструктурных и предпринимательских элементов на основе расчета темпов роста (2012 г. по сравнению с 2011 г.)

Исследуемый регион	Темп прироста стоимости объектов $T_{прС}$		Темп прироста затрат на развитие $T_{прЗ}$		Темп прироста уд. веса стоимости новых объектов в общей стоимости объектов $T_{прН}$		Интегральный коэффициент $K_{инт}$ $K_{инт} = \frac{T_{прПЭ}}{T_{прИЭ}}$			Общий интегральный коэффициент $K_{интОБЦ}$
	ПЭ	ИЭ	ПЭ	ИЭ	ПЭ	ИЭ	$T_{прС}$	$T_{прЗ}$	$T_{прН}$	
Воронежская область	1,22	1,68	1,34	2,11	1,11	1,18	0,726	0,635	0,941	0,76
Орловская область	1,18	1,46	1,36	1,74	1,17	1,2	0,808	0,782	0,975	0,846
Курская область	0,92	1,33	1,33	1,57	1,11	1,22	0,692	0,847	0,91	0,808
Белгородская область	1,08	1,45	1,37	1,21	1,15	1,4	0,745	1,132	0,821	0,891
Липецкая область	1,23	1,88	1,45	2,16	1,24	1,18	0,654	0,671	1,051	0,784

В таблице ПЭ — предпринимательские элементы, ИЭ — инфраструктурные элементы

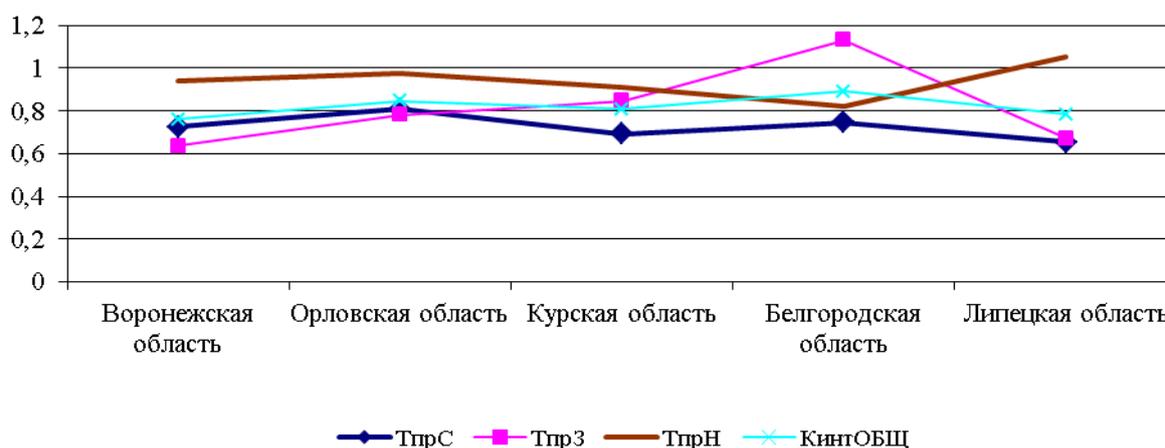

Рис. 3. Динамика интегрального коэффициента взаимодействия инфраструктурных и предпринимательских элементов на мезоуровне

Значение коэффициента в пределах 1 свидетельствует о полностью обоснованном и согласованном взаимодействии. Значение коэффициента значительно меньше 1 — о необходимости применения данного обстоятельства при разработке стратегических планов инфраструктурного обеспечения и увеличения количества объектов инфраструктуры, поскольку в настоящий момент затраты на развитие инфраструктуры не приводят к соответствующему развитию предпринимательской деятельности. Если значение коэффициента значительно больше 1, то данное соотношение не долговременно и без соответствующей динамики инфраструктурного обеспечения предпринимательская деятельность не получит дальнейшего развития.

В нашем случае всего лишь несколько значений интегральных показателей приближено к 1, в связи с этим в стратегических планах должны учитываться и отражаться следующие моменты для осуществления эффективного взаимодействия инфраструктурных и непосредственно предпринимательских элементов.

1) реализация возможностей альтернативного использования элементов инфраструктуры на основе информационной достаточности как условия гарантии безопасности предпринимательской деятельности;

2) отслеживание и ранжирование интеграционных свойств инфраструктурных элементов в отношении наличия непосредственного или опосредованного воспроизведения альтернативных способов предпринимательского действия на основе партнерства и эффективности;

3) поэтапная, рациональная, последовательная инфраструктурная обеспеченность каждого из этапов предпринимательской деятельности;

4) создание условий для системного взаимодействия инфраструктурных предпринимательских компонентов в каждом конкретном случае для достижения единой цели вне зависимости от наличия у каждой из сторон своих целей;

5) учет особого значения инфраструктурного обеспечения тех видов предпринимательской деятельности, которые имеют народнохозяйственную и социальную значимость;

6) осознание государственными органами, государственными и частными предпринимательскими структурами, предпринимательскими союзами и иными институтами необходимости создания условий для формирования целостного, многопланового структурированного национального инфраструктурного комплекса, эффективно обслуживающего современное предпринимательство в России. Его формирование должно быть одновременным и взаимосвязанным с формированием современного предпринимательства.

Остановимся на последнем моменте подробнее. Проблема взаимодействия предпринимательских и властных структур хотя и исследуется в настоящее время отечественными учеными, но еще далека от разрешения. Во-первых, данная проблема многоаспектна. Во-вторых, менее всего это взаимодействие осуществляется по поводу эффективного инфраструктурного обеспечения процесса формирования и развития в России современного предпринимательства: крупного и малого, государственного и частного.

Государство значительное внимание уделяет инфраструктурному обеспечению малого частного предпринимательства, но пока эти действия не так значительны, что подтверждают и исследования В. Ю. Бузова: «В современных условиях перехода экономики на путь устойчивого развития, в т. ч. перевода российской экономики на инновационный путь, развитие малого предпринимательства (МП) становится важнейшей задачей, без выполнения которой невозможно обеспечить успешное социально-экономическое развитие России. В России использование экономического потенциала малого предпринимательства и его ориентация на обеспечение устойчивого развития страны и ее регионов пока не являются реальным приоритетом государственной политики, что в значительной степени обусловлено несовершенством системы государственной поддержки МП, в т. ч. на региональном уровне» [1].

В научных исследованиях к проблеме инфраструктуры малого предпринимательства также проявляется большой интерес, но тем не менее она остается еще малоизученной. Это обусловлено в т. ч. тем, что одной из проблем, влияющей на создание эффективной инфраструктуры для развития российского малого предпринимательства, являются его теневые экономические отношения. Причинами развития теневой деятельности являются дефицит собственных финансовых средств и недоступность или дороговизна заемных, что малые предприятия компенсируют практикой уклонения от уплаты налогов [3].

Таким образом, мы логично подошли к следующему направлению — *социально-экономическому развитию и усилению роли инфраструктурных комплексов* [8] (рис. 4).

Авторы считают, что в современных условиях в ряде регионов наметились индустриальные тенденции социально-экономического развития и усиления роли инфраструктурных комплексов предпринимательства.

В стратегическом планировании при обосновании региональных программ следует стимулировать развитие региональных преимуществ инфраструктурного обеспечения предпринимательства, причем не только в материальной сфере, но и в сфере сервиса, обеспечивающей реформирование де-

ловой и социальной инфраструктуры в соответствии с новыми стандартами обслуживания общественных, деловых и личных потребностей граждан.

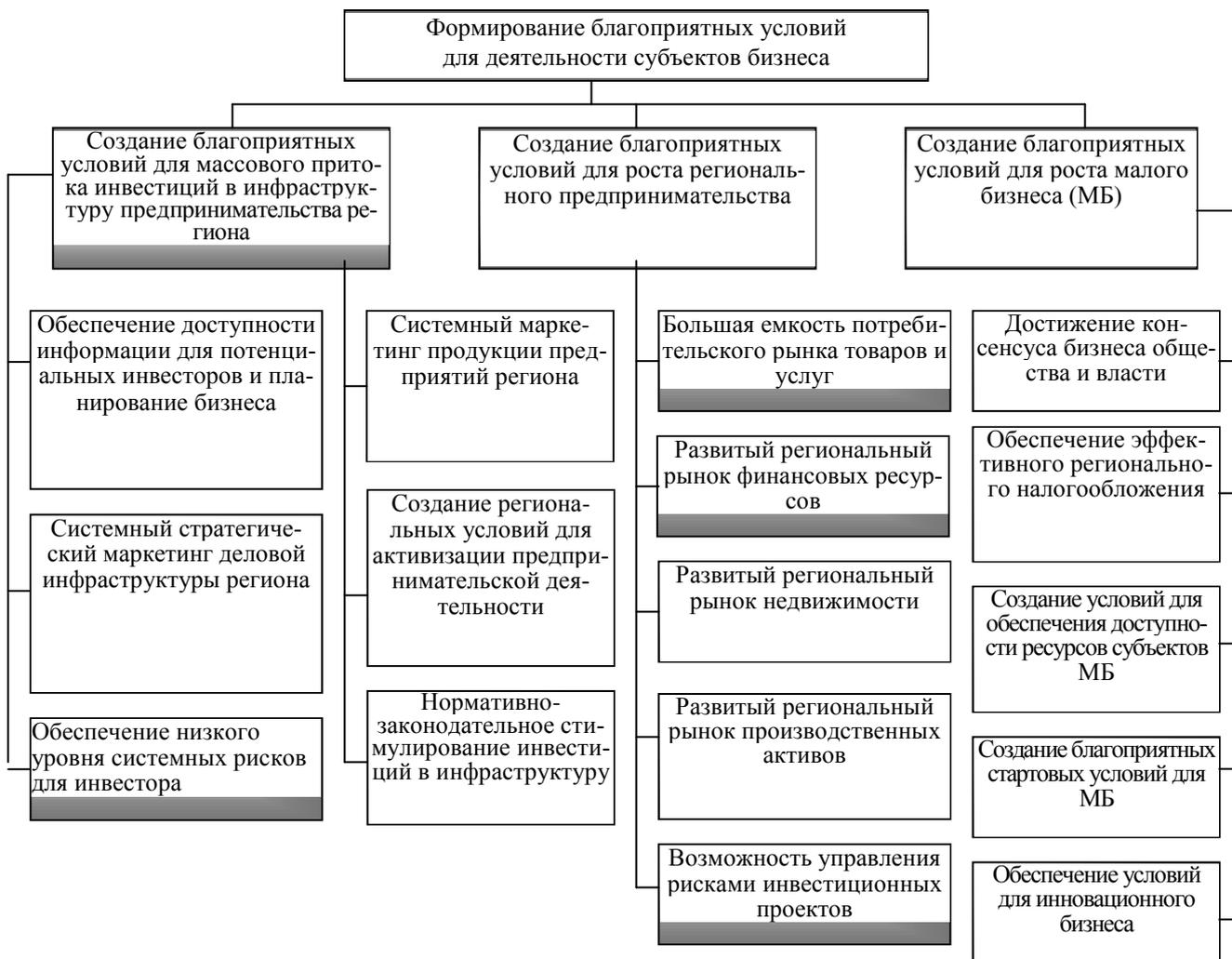

Рис. 4. Социально-экономическое развитие и усиление роли инфраструктурных комплексов

Далее рассмотрим направление развития стратегического планирования на основе рейтинговой оценки объектов инфраструктуры. Следует анализировать значимость рассматриваемых объектов инфраструктуры и компонентов инфраструктурного обеспечения в целом для реализации определенных потребностей предпринимательства.

В таблице 2 перечислена определенная доля потребностей предпринимательской деятельности и соответствующие институты инфраструктуры, которые будут обеспечивать реализацию этих потребностей. Использованы результаты обобщения экспертных оценок мнений руководителей предприятий, что позволило получить осредненные значения весовых коэффициентов [3].

При помощи данных таблицы 2 может быть рассчитан рейтинг любого рассматриваемого института инфраструктурного обеспечения предпринимательства по формуле:

$$R_i = \sum_j A_j \times N_{ij} \times B_j$$

где R_i — рейтинговая оценка определенного института инфраструктуры;
 A_j — коэффициент значимости рассматриваемой j -й потребности;

N_{ij} — балл, учитывающий степень необходимости i -го института инфраструктуры для обеспечения реализации j -го вида (если институт инфраструктуры упоминается в последней колонке табл.2, то — 1, если не упоминается, то $A_j = 0$);

B_j — коэффициент корректировки рейтинговой оценки, отражающий способность предпринимательской структуры удовлетворить рассматриваемую потребность без помощи института инфраструктуры (например, в случае отсутствия необходимости привлечения консалтинговой компании для выбора метода минимизации риска $B_j = 0$).

Таблица 2

Данные для предварительного ранжирования значимости институтов инфраструктурного обеспечения с позиции удовлетворения потребностей предпринимательства

Характеристика потребности	Весовой коэффициент значимости*	Институты, необходимые для обеспечения реализации потребностей предпринимательства
Потребность в текущем расчетно-кассовом обслуживании	0,22	Коммерческие банки
Потребность в привлечении краткосрочных кредитов для пополнения запасов оборотных средств	0,22	Коммерческие и инвестиционные банки, кредитные союзы, инвестиционные и консалтинговые компании
Потребность в эффективном размещении временно свободных денежных средств	0,12	Коммерческие и инвестиционные банки, фондовые и валютные биржи, инвестиционные и консалтинговые компании
Потребность в привлечении средств на длительный срок для обновления производства	0,22	Коммерческие и инвестиционные банки, лизинговые, страховые, инвестиционные и консалтинговые компании, пенсионные и паевые инвестиционные фонды, ссудо-сберегательные ассоциации, кредитные союзы
Потребность в минимизации финансовых рисков	0,22	Страховые компании, общества взаимного страхования, перестраховочные общества, фондовые и валютные биржи, независимые депозитарии, факторинговые и консалтинговые компании

- При обработке результатов опроса экспертов их оценки коэффициентов значимости потребностей в различных элементах инфраструктуры и коэффициентов корректировки рейтинговых оценок усреднялись, причем крайние оценки исключались из рассмотрения

По итогам расчетов самые высокие рейтинговые оценки в настоящее время оказываются у банков, институтов инфраструктуры рынка ценных бумаг, а также у консалтинговых компаний [10]. Этот результат отражает зависимость развития предпринимательства от оперативности прохождения текущих платежей в банковской системе и высокий спрос на качественные банковские услуги, определенные надежды руководства фирм на вывод своих ценных бумаг на фондовый рынок и большую потребность в квалифицированном финансовом консалтинге, связанном с оптимизацией управления финансовыми потоками, выбором механизма привлечений средств, ожидаемым переходом на международные стандарты бухгалтерского учета [6].

Далее рассмотрим развитие процесса стратегического планирования на основе *создания эффективного инфраструктурного контроллинга*. Комплексно-системный анализ создает альтернативные предпосылки для принятия эффективных управленческих решений.

В основе создания системы контроллинга лежит вариативность операционных шагов нарастающим итогом (в динамике) как в ретро, так и в перспективе, что может быть положено в основу научно-методологического контроллинга при достижении оперативных (краткосрочных) и перспективных (долгосрочных) задач и стратегии на основе оценочных показателей [4].

Созданный при этом научно-методический механизм контроллинга формирует для развития предпринимательской деятельности эффективную инфраструктурную панораму для выработки неординарных (эффективных или оптимальных) управленческих решений.

Система контроллинга носит комплексно-системный характер, т. к. включает в себя практически все элементы (звенья, сегменты) инфраструктуры предпринимательства: цели, учет, контроль, анализ, информационные технологии, выработку рекомендаций для принятия эффективных управленческих решений. Отличаясь интегрированностью, контроллинг обеспечивает синтетический, комплексный взгляд, способствующий определению стратегических направлений предпринимательской деятельности.

Таким образом, при создании системы эффективного инфраструктурного контроллинга происходит качественное смещение акцентов из стадии статистической категории фиксирования ретроспективных фактических данных в направлении активного и перспективного упреждающего контроля, а также оперативного левериджа.

Контроллинг становится инновационным методом эффективного менеджмента, т.е. функционально обособленное направление эффективного взаимодействия инфраструктурных и предпринимательских элементов. Таким образом, под контроллингом следует понимать также руководящую концепцию эффективного управления инфраструктурным обеспечением предпринимательства в рамках системы стратегического планирования и обеспечение ее финансовой устойчивости и левериджа.

Предполагаемая инфраструктурная схема должна быть практически значимой для повышения социально-экономического эффекта, интенсивности бизнеса и предпринимательства (микрорейтинга) и эффективности экономики (макрорейтинга) в целом.

При этом с позиции государственного подхода необходимо создавать эффект дифракции инфраструктурной голограммы, т.е. «высвечивать» не только статистическую (камеральную) информацию, но и мнимую (например, наличие двойной бухгалтерии, неучтенных операций у фирмы).

Система контроллинга фирмы включает в себя не только аналитический мониторинг. В качестве доминанты концепции контроллинга присутствует мощная организационная составляющая — персонал (интеллектуальный потенциал), осуществляющий переработку потоков информации между субъектами и объектами контроллингового исследования [4].

Степень эффективности контроллинга базируется на экспертной диагностике финансово-хозяйственного состояния предпринимательской фирмы, характеризуется качественной и количественной оценкой различных сфер деятельности фирмы (контроллинговая инфраструктурная инвентаризация).

В системе эффективного инфраструктурного контроллинга происходит качественное смещение акцентов из стадии статистической категории фиксирования ретроспективных фактических данных в направлении активного и перспективного упреждающего контроля, а также оперативного и операционного учета, анализа и аудита [4].

В основе создания системы контроллинга инфраструктурного обеспечения лежит вариативность операционных шагов как в ретро, так и в перспективе. Отличаясь интегрированностью, контроллинг обеспечит синтетический, комплексный взгляд на процесс функционирования предпринимательской фирмы, обеспечивая более стабильную и объективную основу для разработки стратегических планов на микроуровне, а также мезо- и макроуровнях.

Таким образом, авторы предлагают рекомендации для развития процесса стратегического планирования инфраструктурного обеспечения предпринимательской деятельности, что позволяет подходить к совершенствованию процесса стратегического планирования с точки зрения функционального подхода, основанного на классических функциях управления: анализе, регулировании, координации и контроле, и соответствующих им взаимодействующих аспектов исследования для обеспечения устойчивого развития экономики, обеспечения экономической безопасности в регионе, что становится актуальным в условиях надвигающейся рецессии и экономической неопределенности.

Литература

1. Буров В. Ю. Экономическая безопасность субъектов малого предпринимательства в условиях теневых экономических отношений // *Безопасность бизнеса*. — 2012. — № 4. — С. 24–29.
2. Буров В. Ю. Уклонение от уплаты налогов субъектами малого предпринимательства как форма проявления теневых экономических отношений // *Налоги и финансовое право*. — 2012. — № 9. — С. 118–124.
3. Говорин А. А. *Инфраструктура современного предпринимательства: проблемы теории и практики*. — М.: Финстатинформ, 1999. — 175 с.

4. Мордовченков Н. В. Эволюция рыночной инфраструктуры (экономика, менеджмент, право). — Н. Новгород: Издатель Гладкова, 2002. — 128 с.
5. Овешникова Л. В. Методология формирования процесса стратегического планирования и прогнозирования инфраструктурного обеспечения // Вестник УрФУ. Сер. Экономика и управление. — 2013.— № 5. — С. 25–33.
6. Прозоровская Л. В., Бацких Л. В. Исследование процесса оценки финансовых рисков // Финансы и кредит. — 2006. — № 33. — С. 57–63.
7. Протасов В. Ф. Анализ деятельности предприятия (фирмы): производство, экономика, финансы, инвестиции, маркетинг: учеб. пособие для вузов. — М. Финансы и статистика, 2003. — 536 с.
8. Пыханов Д. А. Оценка функционирования инфраструктуры предпринимательской деятельности. — Ставрополь: Изд-во СевКавГТУ, 2007. — 118 с.
9. Сибирская Е. В., Овешникова Л. В. Виды стратегического планирования инфраструктурного обеспечения предпринимательства // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. — 2013. — Т. 27. — № 15–1 (158). — С. 73–78.
10. Сибирская Е. В., Строева О. А. Методика оценки процесса инвестирования инновационной деятельности региональных экономических систем // Финансы и кредит. — 2010. — № 15. — С. 16–23.

References

1. Burov V. Yu. Ekonomicheskaya bezopasnost' sub"ektov malogo predprinimatel'stva v usloviyakh tenevykh ekonomicheskikh otnosheniy [Economic security of small business in terms of underground economic relations]. *Bezopasnost' biznesa – Business security*. 2012. No 4. Pp. 24–29.
2. Burov V. Yu. Uklonenie ot uplaty nalogov sub"ektami malogo predprinimatel'stva kak forma proyavleniya tenevykh ekonomicheskikh otnoshenii [Tax evasion by small business as a form of underground economic relations]. *Nalogi i finansovoe pravo – Taxes and Financial Law*. 2012. No 9. Pp. 118–124.
3. Govorin A. A. *Infrastruktura sovremenno go predprinimatel'stva: problemy teorii i praktiki* [Infrastructure of modern business: theory and practice problems]. Moscow: Finstatinform, 1999. — 175 p.
4. Mordovchenkov N. V. *Evolyutsiya rynochnoi infrastruktury (ekonomika, menedzhment, pravo)* [Evolution of market infrastructure (economics, management, law)]. Nizhny Novgorod: Gladkova Publisher, 2002. 128 p.
5. Oveshnikova L. V. Metodologiya formirovaniya protsessa strategicheskogo planirovaniya i prognozirovaniya infrastrukturnogo obespecheniya [Methodology of the process of strategic planning and forecasting of infrastructure support]. *Vestnik UrFU. Seriya: Ekonomika i upravlenie – Bulletin of Ural Federal University. Series: Economics and Management*. 2013. No 5. Pp. 25–33.
6. Prozorovskaya L. V., Batskikh L. V. Issledovanie protsessa otsenki finansovykh riskov [Investigation of financial risk assessment]. *Finansy i kredit – Finance and credit*. 2006. No 33. Pp. 57–63.
7. Protasov V. F. *Analiz deyatel'nosti predpriyatiya (firmy): proizvodstvo, ekonomika, finansy, investitsii, marketing* [Analysis of enterprise (company) activity: production, economics, finance, investments, marketing]. Moscow: Finance and Statistics, 2003. 536 p.
8. Pykhanov D. A. *Otsenka funktsionirovaniya infrastruktury predprinimatel'skoi deyatel'nosti* [Evaluation of entrepreneurship functioning]. Stavropol: North Caucasus State Technical University Publishing Department, 2007. 118 p.
9. Sibirskaya E. V., Oveshnikova L. V. Vidy strategicheskogo planirovaniya infrastrukturnogo obespecheniya predprinimatel'stva [Types of strategic planning of entrepreneurship infrastructural support]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika – Scientific journal of Belgorod State University. Series: History. Political science. Economics. Computer Science*. 2013. Vol. 27. No 15–1 (158). Pp. 73–78.
10. Sibirskaya E. V., Stroeve O. A. Metodika otsenki protsessa investirovaniya innovatsionnoi deyatel'nosti regional'nykh ekonomicheskikh sistem [Assessing methods of investment process of regional economic systems innovation activities]. *Finansy i kredit – Finances and Credit*. 2010. No15. Pp. 16–23.

УДК 332.1

МЕХАНИЗМ РЕЗУЛЬТАТИВНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРОЙ ТЕРРИТОРИЙ, ПРИРАВНЕННЫХ К РАЙОНАМ КРАЙНЕГО СЕВЕРА

© **Намханова Маргарита Валентиновна**

доктор экономических наук, доцент Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: mv_namhanova@bk.ru

© **Дондуков Жаргал Гармажапович**

начальник бюджетного отдела Финансового управления администрации МО «Баунтовский эвенкийский район»
Россия, 671510, с. Багдарин, ул. Комсомольская, 5
E-mail: dizhig@mail.ru

Статья посвящена проблемам социального развития территорий, приравненных к районам Крайнего Севера. Авторами рассматриваются проблемы хронического недофинансирования социальной сферы, что является основной причиной сокращения сети муниципальных учреждений образования, здравоохранения, культуры. Отсюда — отток населения, сокращение трудовых ресурсов, закрытие предприятий, уменьшение доходной базы муниципальных образований, как следствие — деградация территорий. Необходимо изменить данную тенденцию, поскольку в районах Крайнего Севера и приравненных к ним территориях в основном происходит добыча и переработка полезных ископаемых. Будущее социально-экономическое развитие Республики Бурятия и других субъектов во многом будет зависеть от эффективности управления рассматриваемых муниципальных образований. Авторами предлагается механизм совершенствования планирования расходной части бюджета муниципальных образований, расположенных в районах, приравненных к районам Крайнего Севера (МОКС) на основе результативно-ориентированного управления. Определены ключевые этапы реализации механизма результативно-ориентированного управления с учетом норм Бюджетного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: муниципальные образования, расположенные в районах, приравненных к районам Крайнего Севера (МОКС), доклад о результатах и основных направлениях деятельности, муниципальное задание, нормативные затраты, перечень муниципальных услуг (работ), показатели, результативно-ориентированное управление, результаты.

MECHANISM OF RESULT-ORIENTED MANAGEMENT OF SOCIAL SPHERE OF AREAS, CONFERED THE SAME STATUS AS REGIONS OF THE FAR NORTH

Namkhanova Margarita V.

DPhil in Economics, A/Professor, Buryat State University
24a, Smolina, Ulan-Ude, 670000, Russia

Dondukov Zhargal G.

Chief of the budgetary division, Financial Board, local administration MF «Bauntovskiy Evenkiyskiy region»
5, Komsomolskaya, Bagdarin, 671510, Russia

The article is devoted to the problems of the social development of the territories, conferred the same status as the Far North. The authors consider the problem of permanent under funding of the social sphere, which is the main reason for reduction a network of municipal institutions of education, health and culture. Hence — the outflow of population, reduce of manpower, plant closures, reducing the revenue base of municipalities, as a consequence — the areas degradation. It is necessary to reverse this trend, as mining and processing mineral resources mainly take place in the Far North and the territories, conferred the same status. The future socioeconomic development of the Republic of Buryatia and other subjects will mostly depend on the efficiency of management in considered municipalities. The authors propose a mechanism for improving the planning of the budget expenditures of municipalities located in areas conferred the same status as the Far North (MFN) based on the result-oriented management. The key stages in the implementation of the mechanism of result-oriented management have been identified, taking into account the norms of the Budget Code of the Russian Federation.

Keywords: municipalities located in the areas, conferred the same status as the Far North (MFN), report on the results and main trends of activity, municipal task, normative expenses, list of municipal services (works), factors, result-oriented management, results.

Решение вопросов местного значения, определенных статьями 14, 15, 16 Федерального закона Российской Федерации «Об организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ, на территориях, приравненных к районам Крайнего Севера, отличается рядом проблем, обусловленных территориальной удаленностью, низким уровнем развития социальной и транспортной инфраструктуры, моноориентированной экономикой (например, добыча полезных ископаемых), неблагоприятной демографической ситуацией и низкой плотностью населения, отсутствием профессиональных управленческих кадров.

Практическое использование механизмов управления развитием подобных муниципальных образований, расположенных в районах, приравненных к районам Крайнего Севера (МОКС), предполагает внедрение набора специфических инструментов достижения поставленных целей и задач.

При определении приоритетности сфер деятельности МОКС необходимо выделять социальную сферу как базовую подсистему, получающую наибольшую ценность в условиях жизнеобеспечения труднодоступных и отдаленных территорий, основными элементами которой являются образование, здравоохранение, культура, физическая культура и спорт.

Как показывает многолетняя практика МОКС, хроническое отсутствие должного финансирования данной сферы является основной причиной сокращения сети муниципальных учреждений дошкольного, общего и дополнительного образования, здравоохранения, учреждений культуры и т. п. Вследствие этого происходят отток населения, сокращение трудовых ресурсов, закрытие предприятий и, как следствие, — уменьшение доходной базы бюджетов МОКС.

В имеющейся литературе, посвященной проблемам муниципального управления [4, 5, 6, 7, 8, 9], недостаточно полно рассматриваются механизмы управления социальной сферой в МОКС. Под механизмом управления социальной сферой понимается процесс организационных и координационных мероприятий, целью которых является достижение слаженного взаимодействия соответствующих объектов управления, а также получение желаемых результатов.

Авторами статьи предлагается механизм совершенствования планирования расходной части бюджета МОКС для эффективного достижения необходимых результатов в социальной сфере. Данное направление работы особенно важно в современных условиях функционирования бюджетной системы, характерной чертой которой является высокий уровень дефицита бюджетных средств.

Анализ результатов основных направлений деятельности в социальной сфере МОКС Республики Бурятия за 2013 г. позволил прийти к следующим основным выводам: удельный вес расходов на социальную сферу в общем объеме расходов бюджетов МОКС составляет более 60 %, при этом значительную долю занимает отрасль «Образование» — более 50 %; наблюдается устойчивый ежегодный рост затрат на содержание детей в детских садах и школах, обусловленный снижением количества детей; основной статьей расходов в отраслях социальной сферы МОКС является «заработная плата и начисления на нее» — около 65 %, второй по значимости является «оплата коммунальных услуг» — около 25 %; реализация мер по совершенствованию материально-технической базы занимает от 5 до 10 % оставшихся расходов и заключается исключительно в ремонте зданий и отопительных систем учреждений, благоустройстве их территорий, проведении противопожарных мероприятий; более 70 % всех учреждений бюджетной сферы МОКС обеспечивает исполнение социальной политики различной направленности (детские сады, школы, РДК, библиотеки и т. п.) [1]. Таким образом, расходы на социальную сферу в рассматриваемых районах значительны, наблюдается их рост.

Вместе с тем в ходе реализации управленческого процесса в социальной сфере МОКС возникают проблемы. В частности, наличие неэффективных расходов, связанных со снижением количества учеников в расчете на одного учителя и на одного работника, не осуществляющего учебный процесс. Причиной образования подобных расходов стал ежегодный отток населения в другие районы республики, благоприятные с точки зрения проживания, с развитой и доступной социальной инфраструктурой. Помимо этого, как показал анализ расходов бюджетов МОКС, следующей проблемой явилось отсутствие должного финансирования расходов на укрепление материально-технической базы муниципальных учреждений культуры, дошкольного, общего и дополнительного образования, физкультуры и спорта. Общеизвестный факт, что в настоящее время расходы, направленные на повышение качества оказания услуг, определяются по «остаточному принципу» финансирования, когда расходы на

заработную плату и коммунальные услуги обеспечиваются в первоочередном порядке, в то время как «бюджет развития» учреждения остается неучтенным. Таким образом, обеспечение деятельности учреждений заключается в содержании персонала, отоплении и текущем ремонте при необходимости, в таких условиях достижение показателей результативности особенно сложно.

По нашему мнению, данная ситуация обусловлена низким уровнем эффективности управленческого процесса в социальной сфере в условиях жесткого дефицита бюджета, в частности, недостаточным уровнем полноты и качества имеющейся в распоряжении информации, последовательности разработки, обеспечения и достижения желаемых результатов.

Ключевое направление результативно-ориентированного управления социальной сферой МОКС, на наш взгляд, — определение поэтапного принципа организации деятельности органов местного самоуправления МОКС («дорожной карты»), способствующей эффективному решению задач на каждом конкретном этапе управления социальной сферой.

Разработанная нами последовательность результативно-ориентированного планирования расходов бюджета изложена в следующем виде:

Первый этап — создание Единой электронной системы баз данных, отражающих основные показатели развития социальной сферы в рамках МОКС; доведение до субъектов бюджетного планирования (СБП), осуществляющих разработку и реализацию одного из направлений социальной сферы (например, отдел образования, отдел культуры и т. п.), ориентировочных объемов бюджетных ассигнований для подготовки проектов ведомственных бюджетов на очередной финансовый год.

Второй этап — подготовка докладов о результатах и основных направлениях деятельности СБП; включение в состав проекта перечня муниципальных услуг (работ), проектов расчета нормативных затрат на выполнение муниципального задания и содержание имущества по видам услуг (работ), проектов муниципальных заданий.

Третий этап — рассмотрение вышеуказанных докладов Комиссией по повышению результативности деятельности СБП, обеспечивающей соблюдение последними принципов эффективного и результативного достижения поставленных целей.

Четвертый этап — включение в проект бюджета МОКС показателей объемов финансового обеспечения деятельности СБП, отраженных в докладах.

Пятый этап — утверждение бюджета в итоговом чтении и, соответственно, муниципальных заданий, перечня услуг (работ), порядка расчета нормативных затрат на выполнение муниципального задания и содержание имущества по видам услуг (работ).

Шестой этап — мониторинг и контроль за выполнением муниципальных заданий; параллельный сбор информации от населения с целью учета общественного мнения; корректировка показателей муниципальных заданий и объемов их финансового обеспечения; принятие дополнительных управленческих решений.

На первом этапе необходимо учитывать, что основное назначение электронной системы заключается в создании возможности органам местного самоуправления МОКС оперативно консолидировать информацию о степени удовлетворенности населения муниципальными услугами, а также принимать на их основе эффективные управленческие решения.

Сведения, хранящиеся в электронной системе, должны основываться на результатах опроса конечных потребителей муниципальных услуг — населения. Основными показателями электронной системы являются количество потребителей муниципальных услуг, их структура, удовлетворенность населения муниципальными услугами, их предпочтения и проблемы. Иные сведения, например, объемы финансирования, количество задействованных площадей, аварийных зданий и сооружений, количество вылеченных больных, медалистов, койко/дней и т. д., электронная система не включает.

В целях решения проблемы сбора объективной информации нами рекомендуется образовать Общественную комиссию, в состав которой войдут представители от каждой отрасли социальной сферы (учителя, врачи, работники культуры, председатели профсоюзов учреждений и др.), что позволит исключить риск фильтрации информации со стороны работников органов местного самоуправления, не желающих опубликовывать информацию, прямо или косвенно указывающую на неудовлетворительные результаты их деятельности.

Учитывая, что потребности и степень их удовлетворения у населения будут меняться, информацию в электронной системе целесообразно корректировать ежеквартально. Это позволит оперативно решать поставленные задачи и реагировать на сигналы, посылаемые от населения.

В результате проведенного анализа официальных сайтов администраций МОКС, а также опроса стало известно, что подобные Единые электронные системы нигде не используются. В то же время 100 % опрошенных работников учреждений бюджетной сферы и потребителей услуг сошлись во мнении, что существование подобной системы и Комиссии позволило бы населению в некоторой степени принимать участие в муниципальном управлении, обращаться через представителей к руководству местной власти, сообщать об их потребностях и существующих проблемах. В свою очередь, опрос работников органов местного самоуправления показал иное мнение: около 70% опрошенных отказались от таких нововведений, обосновав свой ответ нерациональностью использования бюджетных средств, что в условиях острого дефицита нежелательно; оставшиеся 30% опрошенных заявили, что решения, принятые Общественной комиссией, будут носить непрофессиональный и неквалифицированный характер и могут повлечь негативные последствия для муниципального бюджета.

Тем не менее, на наш взгляд, информация, консолидируемая в Единой электронной системе баз данных, станет «лакмусовой бумажкой», определяющей реакцию жителей на действия местной власти. Таким образом, мнение населения будет являться наиболее точным целевым ориентиром выработки эффективной политики по управлению социальной сферой МОКС.

Следующий этап на пути к результативно-ориентированному управлению социальной сферой является определение механизма распределения бюджетных ассигнований между СБП.

В условиях острого дефицита бюджетных средств неизбежно возникает активная конкуренция за бюджет действующих обязательств (бюджет обеспечения деятельности учреждений) и принимаемых обязательств (бюджет развития). В данных обстоятельствах мы рекомендуем использовать механизм, при котором до СБП доводится ориентировочный уровень предельных бюджетных ассигнований. Это позволит обеспечить управляемость процесса распределения бюджетных средств между СБП, сохраняя при этом конкуренцию за ресурсы. Доведение ориентировочных объемов бюджетных ассигнований целесообразно осуществлять в момент подготовки СБП докладов о результатах и основных направлениях деятельности, то есть примерно за 3 месяца до рассмотрения проекта бюджета в первом чтении.

При подготовке доклада о результатах и основных направлениях деятельности (который мы опишем ниже) в части определения объемов финансовых ресурсов СБП должен ориентироваться на доведенный до него предельный уровень ассигнований. Однако при наличии проектов, позволяющих обеспечить существенный рост результативности в сферах, относящихся к первоочередным приоритетам социально-экономической политики МОКС, ориентировочные объемы ассигнований, включаемые в доклад, могут быть превышены на определенный процент, утвержденный Комиссией по повышению результативности деятельности СБП (к примеру, на 10–15 %).

Окончательное решение о распределении бюджетных ассигнований между СБП должно приниматься Комиссией по повышению результативности деятельности СБП с учетом дополнительных заявок на увеличение финансирования приоритетных проектов социально-экономического развития.

Следующим этапом реализации механизма является подготовка докладов о результатах и основных направлениях деятельности СБП (ДРОНД).

Для более эффективного составления докладов целесообразно учесть следующие моменты. Во-первых, чтобы процесс подготовки доклада не становился формальностью, в работе должны участвовать все подразделения СБП, а не одно, как это сложилось в реальной практике. В то же время функциями по координации и организации их работы целесообразно наделить одно подразделение. Во-вторых, нежелательно обязывать представлять доклады органы, в функции которых включена их экспертиза или координация их усилий по внедрению механизмов результативно-ориентированного управления. В данном случае может возникнуть ситуация, когда орган местного самоуправления, осуществляя одновременно экспертизу докладов иных ведомств и подготовку собственного доклада, оказывается в неравных условиях в борьбе за бюджетные ассигнования, что чревато конфликтом интересов. В-третьих, на эффективность внедрения инструментов результативно-ориентированного управления оказывают влияние особенности финансирования определенных видов деятельности учреждений. В данном случае учреждения социальной сферы можно разделить на три основные группы:

1. Учреждения, где основную долю финансирования занимают внебюджетные источники, например, некоторые виды деятельности в жилищно-коммунальном хозяйстве (благоустройство, водопровод и т. п.), услуги общественного транспорта. В данной группе внедрение инструментов результативно-ориентированного управления, в том числе докладов, не является необходимостью, так

как объем и качество предоставляемых услуг напрямую не зависят от муниципального источника финансирования. Основная доля возникающих проблем между учреждением и населением будет саморегулироваться на основе возникающих экономических отношений.

2. Учреждения, обеспечение деятельности которых осуществляется за счет средств бюджета одного уровня, например, Центр занятости населения, Центр социальной защиты населения, учреждения начального и среднего профессионального образования, учреждения дополнительного образования отрасли «Культура». Применение принципов результативно-ориентированного управления в данной группе учреждений наиболее эффективнее и результативнее, так как объем и качество предоставляемых услуг непосредственно зависят от конкретного источника бюджетного финансирования, а значит, от решений соответствующего органа власти.

3. Учреждения, финансовое обеспечение деятельности которых осуществляется за счет средств разных источников финансирования: из бюджетов разных уровней бюджетной системы, из внебюджетных фондов. К данной группе учреждений можно отнести детские сады, школы. Внедрение принципов результативно-ориентированного управления в данной группе учреждений является наиболее сложным, так как на процесс оказания услуги влияют разные центры (федеральные, региональные, местные органы власти), каждый из которых преследует свои цели и задачи. Таким образом, переход на результативно-ориентированное управление в данной группе учреждений требует от руководства СБП соответствующих организационных усилий.

Структуру доклада рекомендуется составлять из двух частей.

При подготовке первой части доклада целесообразно включить следующие пункты:

- подробный отчет о результатах деятельности за прошедший период, в том числе в разрезе муниципальных услуг. Это требуется в целях представления общей ситуации в отрасли, определения тенденции развития или ее отсутствия. В отчете должны быть представлены выводы о результатах выполнения поставленных целей и задач, причинах неисполнения, возможных дополнительных мерах по их достижению. При подготовке отчета должны быть дополнительно использованы данные, консолидированные в Единой электронной системе баз данных;

- цели и задачи СБП на среднесрочную перспективу. На данном этапе подготовки доклада необходимо провести совещание с руководителями всех структурных подразделений СБП, где будут сформированы цели и тактические задачи, стоящие перед ведомством. Насколько точно и корректно будет проработана стратегия развития отрасли и ее ключевых учреждений, будет зависеть четкое понимание важности данной отрасли в социальной сфере МОКС.

- прогноз основных параметров, характеризующих достижение поставленных целей и задач. Разработку показателей результативности стоит проводить по аналогии с определением целей и задач — общими усилиями всех структурных подразделений с целью определения слабых и сильных сторон деятельности ведомства.

Вторая часть доклада должна содержать информацию об объеме финансовых средств и материально-техническом обеспечении, необходимом для достижения прогнозируемых показателей. Представляется важным изложить проект перечня муниципальных услуг (работ), которые СБП желает оказывать в очередном финансовом году, проекты объемов нормативных затрат на оказание муниципальных услуг и нормативных затрат на содержание имущества и, соответственно, проекты муниципальных заданий. Кроме того, необходимо отразить условия применения санкций в случае невыполнения прогнозируемых показателей, например, «сокращение объемов финансирования пропорционально невыполненным объемам показателей» или «приостановление финансирования учреждения в случае выявления фактов нецелевого использования бюджетных средств или выполнения иных целей и задач, не связанных с основной деятельностью учреждения, вплоть до устранения нарушения».

Во многих случаях доклады представляются в первом квартале года, следующего за отчетным. По нашему мнению, при таком сроке полученные результаты и скорректированные направления деятельности ведомств невозможно учесть в ходе бюджетного планирования на очередной финансовый год, так как органы местного самоуправления, испытывая острый дефицит бюджетных средств, не смогут поддержать свои ведомства в достижении более высоких целевых показателей. Таким образом, доклады рекомендуется представлять за два месяца до рассмотрения проекта бюджета в первом чтении, что позволит местной власти избежать вышеуказанной проблемы и учесть сложившуюся ситуацию в отраслях социальной сферы при распределении бюджетных ассигнований.

Итак, переходим к следующему этапу внедрения механизма — созданию Комиссии по повышению результативности деятельности СБП.

Роль Комиссии заключается в подготовке решения о распределении бюджетов действующих и принимаемых обязательств. Рассматривая результативность деятельности каждого СБП, Комиссия обеспечивает баланс интересов всех заинтересованных сторон. Поэтому создание подобной Комиссии является ключевым моментом при реализации принципов результативно-ориентированного управления.

При организации деятельности Комиссии необходимо придерживаться следующих требований:

1. Комиссию должен возглавлять руководитель местной администрации или глава муниципального образования, который принимает реальное участие в работе Комиссии. В противном случае велика вероятность, что рекомендации этого органа могут не учитываться в принятии окончательных решений о распределении бюджетных ассигнований и его статус окажется недостаточным для обеспечения реального согласования интересов.

2. Комиссия должна включать широкий круг заинтересованных сторон, создавая возможности для конструктивного общения. В то же время для обеспечения работоспособности Комиссии ее размер не должен быть чересчур велик, оптимальной является численность не более 15 человек. Например, в состав Комиссии следует включить следующих представителей: председатель Комиссии в лице руководителя местной администрации или главы муниципального образования, три представителя ключевых органов местного самоуправления (заместитель руководителя местной администрации по социальным вопросам, заместитель руководителя местной администрации по экономике, руководитель финансового органа), два депутата представительного органа власти и два представителя общественности. В обязательном порядке в работе данной Комиссии участвуют представители органов, отвечающих за предварительную экспертизу докладов.

В состав Комиссии нецелесообразно включать представителей органов местного самоуправления, осуществляющих или организующих оказание услуг потребителям (отдел образования, отдел культуры, отдел здравоохранения и т.п.), так как именно они в первую очередь будут выступать СБП и, соответственно, ради получения положительного заключения будут оказывать давление на других участников Комиссии.

Важно уяснить и объяснить депутатам представительного органа власти в случае возникновения конфликтной ситуации, что Комиссия своей работой не дублирует и не подменяет законодательную деятельность, а играет вспомогательную роль в составлении проекта бюджета, ориентируясь на достижение конкретных результатов посредством отбора перспективных проектов социально-экономического развития МОКС.

3. Деятельность Комиссии должна носить публичный характер. Ее заключения на доклады СБП должны быть доступными для населения, специалистов и экспертов посредством СМИ и официальных интернет-сайтов.

Комиссия по повышению результативности деятельности СБП должна выполнять следующие функции:

- оценивать результативность и эффективность деятельности каждого СБП в отчетном периоде, выявлять причины отклонения фактических показателей от плановых, связанные как с объективными обстоятельствами, так и с недостатками в деятельности СБП.

- формулировать финансовые и административные предложения, в том числе санкции в отношении СБП.

- оценивать заявки СБП на получение ассигнований из бюджета действующих и принимаемых обязательств. При оценке заявок учитываются следующие факторы: актуальность проблемы, на решение которой предлагается выделить бюджетные средства; эффективность использования бюджетных средств; результативность СБП в прошлые периоды при решении данной проблемы; наличие обоснования СБП о предпочтительности выбранного способа решения проблемы с точки зрения результативности и эффективности; наличие внутренних резервов для решения рассматриваемой проблемы.

На основе анализа представленного доклада и оценки заявок Комиссия должна подготовить свое заключение, включающее предложения по объему ассигнований и направлениям финансирования каждого из СБП, что будет являться следующим шагом реализации результативно-ориентированного управления социальной сферой МОКС.

Полученное заключение используется, в частности, финансовым органом МОКС при распределении бюджетных ассигнований. В случае прохождения всех этапов согласования в проект бюджета первого чтения вносятся соответствующие изменения и дополнения. Параллельно отдел экономики

МОКС осуществляет необходимую корректировку программы социально-экономического развития муниципалитета.

С момента утверждения бюджета на очередной финансовый год и плановый период начинается следующий этап реализации результативно-ориентированного управления — СБП в срок до наступления очередного финансового года с момента утверждения бюджета в последнем чтении необходимо утвердить проекты муниципальных заданий.

Поскольку Бюджетным кодексом Российской Федерации утверждены нормы обязательного применения бюджетными и автономными учреждениями, а в некоторых случаях и казенными учреждениями, муниципальных заданий, мы не станем подробно описывать их значение и процесс подготовки, но остановимся на разработке эффективного механизма их применения.

Использование такого инструмента результативно-ориентированного управления, как муниципальное задание, предполагает ряд последовательных мероприятий (табл. 1).

Таблица 1

Количество мероприятий	Наименование мероприятия	Примечание
Мероприятие 1	Сформировать перечни муниципальных услуг (работ) в целях обеспечения реализации предусмотренных законодательством полномочий в социальной сфере	Проекты перечня, нормативных затрат и муниципальных заданий должны быть разработаны и отражены в докладе. Итоговые перечень, объемы нормативных затрат, муниципальные задания будут утверждены после получения положительного заключения Комиссии и утверждения бюджета на очередной финансовый год в итоговом чтении.
Мероприятие 2	Определить размер нормативных затрат на оказание муниципальных услуг и нормативных затрат на содержание имущества	
Мероприятие 3	Сформировать и утвердить муниципальные задания на оказание услуг (работ)	
Мероприятие 4	Мониторинг и контроль исполнения муниципального задания	

Первое мероприятие — формирование перечней муниципальных услуг (работ) (далее — перечни услуг (работ)) в целях обеспечения реализации предусмотренных законодательством полномочий в социальной сфере.

Перечень услуг (работ) формируется СБП, организующим предоставление услуг через сеть подведомственных учреждений.

По мнению авторов, для того чтобы перечень максимально соответствовал целям и задачам ведомства на среднесрочную перспективу, проект перечня необходимо разрабатывать на стадии подготовки доклада о результатах и основных направлениях деятельности СБП, т. е. за два месяца до рассмотрения проекта бюджета в первом чтении. После его рассмотрения и получения положительного заключения Комиссии по повышению результативности деятельности субъектов бюджетного планирования, а также после утверждения бюджета на очередной финансовый год в последнем чтении данный перечень подлежит окончательному утверждению.

Второе мероприятие — определение объема нормативных затрат на оказание муниципальных услуг и содержание имущества.

В соответствии со ст. 69.1 Бюджетного кодекса Российской Федерации в редакции Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» от 8 мая 2010 г., № 83-ФЗ к бюджетным ассигнованиям на оказание услуг (выполнение работ) относятся ассигнования на обеспечение функций казенных учреждений (по смете), а также предоставление субсидий бюджетным и автономным учреждениям, включая субсидии на возмещение нормативных затрат, связанных с оказанием ими услуг [2]. Соответственно, в целях финансового обеспечения выполнения муниципального задания необходимо определить объем нормативных затрат по каждой услуге, включенной в соответствующий перечень услуг.

В настоящее время во всех муниципальных образованиях России приняты собственные порядки финансового обеспечения выполнения муниципального задания. Тем не менее считаем необходимым

отметить, что проблемы расчета нормативных затрат на практике встречаются и представляется необходимым обратить внимание на основные из них.

Первая проблема, с которой сталкиваются разработчики порядков нормативных затрат, — это какой орган местного самоуправления и каким нормативно-правовым актом утверждает данный порядок. В соответствии с требованиями ст. 69.2 Бюджетного кодекса Российской Федерации порядок формирования и финансового обеспечения выполнения муниципального задания определяется высшим исполнительным органом местного самоуправления. Таким образом, следуя указанной статье Бюджетного кодекса, рекомендуется утвердить порядок постановлением главы муниципального образования, так как постановление распространяется не только на деятельность структурных подразделений местной администрации, но и регулирует отношения на всей территории муниципалитета.

Вторая проблема — в составе нормативных затрат учитываются затраты, не связанные с выполнением муниципального задания, например, расходы на проведение капитального ремонта здания школы, единовременное (разовое) приобретение оргтехники, реконструкция здания (например, строительство теплого перехода между зданиями или строительство примыкающего к зданию детского сада пищеблока). По нашему мнению, для финансирования подобных разовых расходов необходимо их утверждение в составе субсидий на иные цели, не связанные с выполнением муниципального задания, а также в составе бюджетных инвестиций.

Третья проблема — учет расходов, осуществляемых за счет доходов от предоставления платных услуг, в составе нормативных затрат. В составе нормативных затрат нельзя учитывать расходы на оказание платных услуг. Это обусловлено тем, что учредитель осуществляет финансовое обеспечение только тех услуг, которые утверждены в перечне и которые соответствуют основной деятельности учреждения, ради чего оно было создано. В случае, если муниципальная услуга относится к частично платным услугам, то в данном случае из полученного расчетного объема субсидии на выполнение муниципального задания достаточно вычесть планируемый объем доходов от предоставления частично платной услуги. Это необходимо в целях исключения «двойного» финансирования одних и тех же расходов учреждения.

Третье мероприятие — формирование и финансовое обеспечение муниципальных заданий. Аналогично второму мероприятию порядок формирования муниципальных заданий устанавливается высшим исполнительным органом муниципального образования (части 3 и 4 ст. 69.2 Бюджетного кодекса Российской Федерации) [3]. Таким образом, целесообразно также утвердить постановлением главы муниципального образования.

Показатели муниципального задания способствуют принятию эффективных проектов бюджетов, а их количественные значения используются для планирования бюджетных ассигнований на оказание услуг в очередном году.

Отметим ключевые моменты применения муниципального задания в реализации механизма результативно-ориентированного управления социальной сферой: проект муниципального задания формируется СБП на этапе составления доклада о результатах и основных направлениях деятельности; показатели проекта муниципального задания должны быть обобщены в вышеуказанном докладе; в случае положительного заключения Комиссии по повышению результативности деятельности СБП показатели муниципального задания будут служить основанием для формирования проекта бюджета первого чтения; утверждение муниципальных заданий осуществляется после утверждения решения о бюджете муниципального образования на очередной финансовый год и плановый период в итоговом чтении.

Последнее, *четвертое, мероприятие* — мониторинг и контроль за выполнением муниципального задания.

В целях эффективной реализации механизма результативно-ориентированного управления социальной сферой СБП рекомендуется установить порядок мониторинга и контроля за выполнением муниципальных заданий подведомственными им учреждениями.

Изучив контрольную деятельность СБП, можно отметить, что на практике подобные порядки не утверждены либо не исполняются должным образом. По признаниям опрошенных сотрудников СБП установлено, что контрольные мероприятия не осуществляются во многом по причине нежелания руководства ведомства предавать гласности неудовлетворительные результаты деятельности подведомственных учреждений, тем самым укрывая от возможных санкций со стороны вышестоящих органов власти (например, главы муниципального образования, контрольно-ревизионного органа, финансового органа).

Тем не менее такое поведение СБП разрушает весь механизм результативно-ориентированного управления. Для того чтобы избежать такого рода проблем, необходимо:

- рассматривать в обязательном порядке каждое ведомство на заседании Комиссии по повышению результативности СБП;
- проводить мониторинг выполнения муниципального задания и, соответственно, заседание Комиссии ежеквартально;
- проводить мониторинг параллельно со сбором данных в Единую электронную систему баз данных. Таким образом, Комиссия будет иметь одновременно информацию о показателях выполнения муниципального задания СБП и информацию, учитывающую общественное мнение.
- установить круг лиц СБП, ответственных за проведение мониторинга выполнения муниципального задания.

Резюмируя изложенное, необходимо отметить, что для МОКС, испытывающих постоянный дефицит трудовых, материальных, финансовых и иных ресурсов, применение описанного механизма результативно-ориентированного управления социальной сферой, как ключевой подсистемы муниципалитета, является приоритетным способом качественной реализации целей и функций муниципального управления. Создание Единой электронной системы баз данных и разработка на ее основе докладов о результатах и основных направлениях деятельности СБП позволяют консолидировать и оперативно использовать в работе актуальные сведения, характеризующие приоритетные направления деятельности органов местного самоуправления МОКС. Кроме того, полученные в ходе работы Комиссии по повышению результативности деятельности СБП предложения способствуют рациональному и объективному распределению бюджетных средств, обеспечивая баланс интересов всех заинтересованных сторон.

Литература

1. URL: <http://www.minfinrb.ru/report/36/>
2. Федеральный закон Российской Федерации от 8 мая 2010 г. № 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений».
3. Бюджетный кодекс Российской Федерации. Федеральный закон от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ. СПС «КонсультантПлюс».
4. Актуальные вопросы развития муниципальных образований: электронный учебник / К. Н. Барциц [и др.]; под общ. ред. К. Н. Барцица, В. В. Бакушева. — М.: Изд-во РАГС, 2008. — 300 с.
5. Борисоглебская Л. Н., Кирсанов С. А. Государственные и муниципальные финансы: финансирование социальных услуг: учебник. — СПб.: Андреевский издательский дом, 2008 — 360 с.
6. Лукашенко С. Ю. Управление ресурсами социальной сферы муниципального образования // Молодой ученый. — 2014. — № 10. — С. 253–256.
7. Недосека Е. В. Исследование социокультурной организации досугового пространства города в сфере культуры и искусства // Проблемы развития территории. — 2014. — № 2. — С. 70.
8. Новокрещенов А. В. Система государственного и муниципального управления. — Ч. 2. Система местного самоуправления. — Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2009. — 220 с.
9. Шевелева Р. Н. Применение методов стратегического планирования в управлении социальной сферой муниципального образования на примере г. Канска Красноярского края // Экономическая наука и практика: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Чита, апрель 2014 г.).— Чита: Молодой ученый. — 2014. — С. 165–168.

References

1. <http://www.minfinrb.ru/report/36/>
2. *O vnesenii izmenenii v otdel'nye zakonodatel'nye акты Rossiiskoi Federatsii v svyazi s sovershenstvovaniem pravovogo polozheniya gosudarstvennykh (munitsipal'nykh) uchrezhdenii* [On Amendments to the separate Legislative Acts of the Russian Federation in connection with improvement of government agencies (municipalities) legal status]. Federal Law of the Russian Federation No 83-FZ, enacted May 8, 2010.
3. *Byudzhetni kodeks Rossiiskoi Federatsii* [Budget Code of the Russian Federation]. Federal Law No 145-FZ, enacted July 31, 2010.
4. *Aktual'nye voprosy razvitiya munitsipal'nykh obrazovani* [Topical issues of municipal development] / K. N. Bartsits et al. Moscow, 2008. 300 p.
5. Borisoglebskaya L. N., Kirsanov S. A. *Gosudarstvennye i munitsipal'nye finansy: finansirovanie sotsial'nykh uslug* [State and municipal finance: funding for social services]. St. Petersburg: Andreevskii Publishing Department, 2008. 360 p.

-
6. Lukashenko S. Yu. Upravlenie resursami sotsial'noi sfery munitsipal'nogo obrazovaniya [Resource management of municipality social sphere]. *Molodoi uchenyi – Young scientist*. 2014. No 10. Pp. 253–256.
 7. Nedoseka E. V. Issledovanie sotsiokul'turnoi organizatsii dosugovogo prostranstva goroda v sfere kul'tury i iskusstva [Study of socio-cultural organization of city leisure spaces in the sphere of culture and art]. *Problemy razvitiya territorii – Problems of territory development*. 2014. No 2. Pp. 70.
 8. Novokreshchenov A. V. *Sistema gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*. Vol. 2. *Sistema mestnogo samo-upravleniya* [The system of state and municipal management: The system of local self-governance]. Novosibirsk, 2009. 220 p.
 9. Sheveleva R. N. Primenenie metodov strategicheskogo planirovaniya v upravlenii sotsial'noi sferei munitsipal'nogo obrazovaniya na primere g. Kanska Krasnoyarskogo kraia [Application of strategic planning methods in management of municipality social sphere on the example of Kansk in Krasnoyarsk region]. *Ekonomicheskaya nauka i praktika: materialy III Mezhdunar. nauch. konf.* [Economic science and practice: Proc. 3d Int. sci. conf.]. Chita, 2014. Pp. 165–168.

УДК 338.43

**РОЛЬ ЛИЧНОГО ПОДСОБНОГО ХОЗЯЙСТВА В ПОВЫШЕНИИ
УРОВНЯ МАТЕРИАЛЬНОГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ СЕМЕЙ**
(на материалах социологического обследования сельских семей Бурятии)

© *Будаева Цыцык Батоевна*

доктор политических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: darb@rambler.ru

Статья посвящена выявлению роли личного подсобного хозяйства в повышении уровня материального благосостояния жителей Бурятии и исследованию проблем его развития в советский и постсоветский периоды.

Ключевые слова: проблемы развития личного подсобного хозяйства, роль личного подсобного хозяйства в повышении уровня материального благосостояния различных типов семей, продовольственная безопасность.

**THE ROLE OF PRIVATE FARMING IN RAISING THE LEVEL OF MATERIAL
WELL-BEING OF DIFFERENT TYPES OF FAMILIES**
(on the materials of sociological survey of rural families in Buryatia)

Budaeva Tsytzyk B.

DPhil in Political Science, Professor, department of state and municipal management, Buryat State University
24a, Smolina, Ulan-Ude, 670000, Russia

The article is devoted to revealing the role of private farming in raising the level of material well-being in residents of Buryatia and research the problems of its development in the Soviet and post-Soviet periods.

Keywords: the problems of private farming development, the role of private farming in raising the level of material well-being in different types of families, food security.

Трансформация советской действительности, повернувшая развитие России в сторону капиталистических отношений, привела к возникновению парадоксальной ситуации в сфере развития личного подсобного хозяйства. Так, в условиях трансформации российского общества были сняты многие ограничения советского периода, мешающие развитию личного подсобного хозяйства. Это, во-первых, ограничение и дифференциация размера приусадебного участка в зависимости от вида деятельности гражданина. Так, колхознику выделяли до 0,50 га; рабочему и специалисту совхоза — до 0,30 га; сельскому врачу, учителю, почтальону или продавцу — до 0,25 га, сельскому жителю, работающему в других отраслях народного хозяйства, — до 0,15 га. Строго соблюдалась такая иерархия земельного надела и в случае увольнения из колхоза или совхоза (земельный участок уменьшали до 0,15 га). Во-вторых, в 1950–1970-х гг. ограничивалось не только поголовье скота, но и количество плодово-ягодных насаждений. В-третьих, в советское время каждой семье, имеющей личное подворье, устанавливались планы обязательной сдачи государству мяса, молока, яиц, картофеля и т. д. [1]. В-четвертых, колхозам и совхозам отводились лучшие по качеству и близко расположенные к селам сенокосные угодья, а населению — низкокачественные и отдаленные участки, покос которых отличался особой трудоемкостью. Также нередко частники получали разрешение на сенокос только после завершения сенокосных работ колхозов и совхозов.

Все эти проблемы нередко приводили к большой трудоемкости и экономической нецелесообразности ведения личного подсобного хозяйства.

В постсоветский период в связи с ликвидацией колхозов и совхозов, принятием в 1991 г. Земельного кодекса РСФСР была устранена дифференциация размера приусадебного надела граждан, занимающихся разными видами деятельности [2]. Этот же принцип выделения земельных наделов, предназначенных для ведения личного подсобного хозяйства, был повторен в Земельном кодексе Российской Федерации, принятом 25 октября 2001 г. (ст. 33) [3].

В связи с ликвидацией колхозов и совхозов, исчезновением государственной и коллективной собственности на землю улучшился доступ населения к близлежащим сенокосным угодьям.

Названные позитивные процессы постсоветского периода сопровождались новыми трудностями. В частности, исчезли важные источники поступления в личное подворье зернофуража, грубых и сочных кормов, семян и посадочного материала, молодняка и т. д., играющие важную роль в ведении личного подсобного хозяйства граждан.

Упомянутые и другие противоречивые процессы оказали двойственное влияние на развитие личного подсобного хозяйства. Одни семьи из-за исчезновения объемов и видов помощи, оказываемых населению, стали сокращать или ликвидировать личное подворье. Другие же семьи, воспользовавшись снятием различных ограничений, стали активно заниматься ведением личного подсобного хозяйства. Это привело к тому, что в личном подворье жителей Бурятии находится 2/3 поголовья крупного рогатого скота, 63 % лошадей, 43 % овец и коз, 39 % сельскохозяйственных птиц и т. д.

Значит, продукция, произведенная в личных подсобных хозяйствах, вносит большой вклад в пополнение продовольственного фонда республики и, соответственно, в обеспечение продовольственной безопасности жителей Бурятии.

Однако ни федеральные, ни республиканские органы власти не уделяют внимания вопросам развития личного подсобного хозяйства населения. Только в 2003 г., то есть спустя примерно десять лет с момента разрушения советской системы, был принят небольшой (всего 11 статей) и в значительной мере рамочный федеральный закон «О личном подсобном хозяйстве», восполняющий те пробелы, которые имелись в гражданском и земельном законодательстве в отношении владельцев личных подсобных хозяйств [4].

Данный закон гласит, что личное подсобное хозяйство не относится к группе предпринимательской деятельности. Это положение освобождает от различных налогов с доходов, полученных в личном подсобном хозяйстве. Далее, в законе говорится о том, что земли, выделенные для ведения личного подсобного хозяйства, могут находиться как в черте поселений (приусадебный участок), так и за их пределами (полевой земельный участок).

Рассматриваемый закон делегировал органам местного самоуправления право определения максимальных и минимальных размеров земельных участков, выделяемых для ведения личного подворья.

В соответствии с законом «О личном подсобном хозяйстве» жилые дома, производственные и иные здания, сооружения, возведенные на приусадебном участке, могут иметь государственную регистрацию, а различные сооружения для скота, дойки, водопоя и т. д., возведенные на полевых землях, не проходят государственную регистрацию.

Данный закон предоставил право для выращивания всех видов сельскохозяйственных культур и разведения всех разновидностей сельскохозяйственных животных, пчел и птиц без ограничения их объема и поголовья, но с соблюдением экологических и санитарно-гигиенических требований.

В законе говорится о том, что граждане, занимающиеся ведением личного подсобного хозяйства и не имеющие другой вид работы, могут добровольно вступать в правоотношения по обязательному пенсионному страхованию и тем самым зарабатывать себе пенсию.

По данному закону личные подсобные хозяйства могут рассчитывать на получение государственных дотаций и субсидий, предусмотренных законодательством Российской Федерации для сельскохозяйственных товаропроизводителей, выделяемых из средств федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов (п. 3 ст. 7).

Однако, как показал анализ нормативно-правовых документов Бурятии, в республике в основном «забыты» механизмы государственной поддержки личных подсобных хозяйств, количество которых в настоящее время превышает 137 тысяч единиц. Те виды государственной помощи, которые выделяются сельскохозяйственным товаропроизводителям, достаются прежде всего крупным предприятиям, и лишь остатки (если остаются) направляются на поддержку средних предприятий, фермерских хозяйств. Об этом свидетельствует, например, государственная программа «Развитие агропромышленного комплекса и сельских территорий в Республике Бурятия». В ней особо подчеркивается необходимость инвестирования крупных предприятий [5].

Все документы, регулирующие развитие агропромышленного комплекса в Республике Бурятия, посвящены не вопросам развития хозяйствующих субъектов, а механизмам решения тех или иных проблем (регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия; вопросы развития перерабатывающей промышленности АПК; проблемы мелиорации земель, молочного скотоводства, производства и переработки свинины, мясного скотоводства, овощеводства и т. д.)

Говоря о продовольственной безопасности республики, в основном оперируют макроэкономическими показателями, без выделения вклада соответствующих секторов АПК. Между тем, как было сказано ранее, в личном подворье находится значительная часть сельскохозяйственных животных. Значит, заметная доля продукции, направленной на обеспечение продовольственной безопасности региона, производится в личном подсобном хозяйстве граждан, соответственно, личное подворье населения играет большую роль в повышении уровня жизни населения. Эту взаимосвязь в очередной раз подтвердили результаты обследования сельских семей Бурятии, проведенного социологической службой «Эйдос» в ноябре-декабре 2014 г.

Выборка была размещена на территории пяти районов Республики Бурятия (Иволгинский, Селенгинский, Мухоршибирский, Кижингинский и Баргузинский), имеющих средние показатели по количеству сельскохозяйственных животных в соответствующих зонах, утвержденных в Концепции экономического роста в агропромышленном комплексе Республики Бурятия [6].

В каждом отобранном районе опрос проводился в двух поселениях. Всего были опрошены жители 10 аграрных поселений. В каждом поселении в соответствии с квотным заданием, равным 20 в малых селах и 30 в крупных селах, опрошена каждая третья семья.

Для опроса семей применена механическая выборка. Ее суть сводится к тому, что все элементы генеральной совокупности (в данном случае все семьи соответствующего поселения) сводятся в единый список, из него через равные интервалы отбирается заданное число объектов.

Всего было обследовано 270 сельских семей, проживающих на территории пяти районов, выделенных по зональному районированию сельскохозяйственного производства Республики Бурятия.

Как показало обследование, в селах Бурятии личное подсобное хозяйство играет большую роль в повышении уровня материального потребления семьи (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов сельских жителей на вопрос: «Как бы вы могли охарактеризовать роль собственного хозяйства в повышении уровня жизни вашей семьи?»

Варианты ответов	В % к общей совокупности обследованных семей
1. В основном живем за счет собственного хозяйства, трудно выжить без собственного хозяйства	45,8
2. Собственное хозяйство играет большую роль в повышении уровня материального потребления нашей семьи	26,7
3. Денег в основном хватает, но собственным хозяйством занимаемся ради получения экологически чистой продукции	15,0
4. Собственным хозяйством занимаемся ради перемены трудовых занятий и ведения здорового образа жизни	4,4
5. Другое	8,1
Итого	100,0

Как видим, примерно 2/3 обследованных нами семей выбрали варианты ответов:

- «в основном живем за счет собственного хозяйства, трудно выжить без собственного хозяйства» (почти 46 %);

- «собственное хозяйство играет большую роль в повышении уровня материального потребления нашей семьи» (примерно 27 %).

Значит, для них личное подсобное хозяйство служит важным источником дохода, способствующим повышению уровня материального потребления.

Роль личного подсобного хозяйства в улучшении уровня материального потребления особенно высока в семьях безработных граждан (табл. 2).

Таблица 2

Роль личного подсобного хозяйства в различных типах сельских семей, выделенных по занятости ее членов (в % по строке)

Типы семей, выделенных по занятости ее членов	Варианты ответов на вопрос: «Как бы вы могли охарактеризовать роль собственного хозяйства в повышении уровня жизни вашей семьи?»				
	В основном живем за счет собственного хозяйства, трудно выжить без собственного хозяйства	Собственное хозяйство играет большую роль в повышении уровня материального потребления нашей семьи	Денег в основном хватает, но собственным хозяйством занимаемся ради получения экологически чистой продукции	Собственным хозяйством занимаемся ради перемены трудовых занятий и ведения здорового образа жизни	Другое
1.Семьи с одним работающим членом	42,1	28,9	16,0	6,1	6,9
2. Семьи с двумя работающими членами	21,9	25,7	39,0	3,8	9,6
3. Семьи с тремя и более работающими членами	21,4	14,3	43,0	10,7	10,6
4.Семьи работающих пенсионеров	50,0	15,0	15,0	5,0	15,0
5.Семьи неработающих пенсионеров	43,8	25,0	12,0	8,3	10,9
6. Семьи безработных (в семье никто не работает)	51,9	29,6	15,0	-	3,5

Анализ данных таблицы 2 позволяет отметить, что существует тесная связь между занятостью и потребностью в сохранении и развитии личного подсобного хозяйства. Об этом свидетельствуют следующие закономерности:

- в связи с увеличением числа членов семей, занятых не в семейной сфере, неуклонно снижается роль личного подсобного хозяйства в повышении материального потребления;
- в связи с ростом числа членов семей, занятых не в семейной сфере, заметно растет не только ориентир на производство экологически чистой продукции, но и значимость перемены трудовых занятий, ценность ведения здорового образа жизни;
- личное подсобное хозяйство 82 % семей, не имеющих работающих членов, служит основным источником дохода;
- экономически заинтересованы в развитии личного подворья 69 % семей неработающих пенсионеров.

В сохранении и развитии личного подсобного хозяйства больше других заинтересованы многопоколенные семьи (табл. 3).

Таблица 3

Роль личного подсобного хозяйства в социально-демографических типах сельских семей
(в % по строке)

Социально-демографические типы семей	Варианты ответов на вопрос: «Как бы вы могли охарактеризовать роль собственного хозяйства в повышении уровня жизни вашей семьи?»				
	В основном живем за счет собственного хозяйства, трудно выжить без собственного хозяйства	Собственное хозяйство играет большую роль в повышении уровня материального потребления нашей семьи	Денег в основном хватает, но собственным хозяйством занимаемся ради получения экологически чистой продукции	Собственным хозяйством занимаемся ради переменных трудовых занятий и ведения здорового образа жизни	Другое
1. Молодая семья без детей (муж и жена без детей)	8,3	25,0	25,0	6,3	33,4
2. Простая семья с детьми	43,0	21,0	24,0	4,1	7,9
3. Муж и жена среднего, старшего и пожилого возраста, проживающие без детей	34,0	21,0	28,0	4,3	12,7
4. Сложная многопоколенная семья (родители, дети, бабушки, дедушки)	36,0	32,0	27,0	2,2	2,8
5. Один из родителей с детьми	19,0	26,0	16,0	25,8	13,2

Как видим, большие семьи, то есть сложные многопоколенные семьи, чаще других заинтересованы в повышении уровня жизни своей семьи за счет сохранения и развития личного подсобного хозяйства (68 %).

43 % супружеских пар с детьми убеждены в том, что трудно выжить без личного подсобного хозяйства. Примерно каждая пятая семья с детьми отметила позицию «*собственное хозяйство играет большую роль в повышении уровня материального потребления семьи*». Значит, особенно значима роль личного подсобного хозяйства в двух поколенных семьях, состоящих из супружеской пары с детьми, то есть в нуклеарных семьях.

В заключение следует отметить, что в условиях трансформации российского общества сняты с личного подсобного хозяйства ограничения, существующие в советское время. Они были введены для того, чтобы люди не увлеклись частным сектором экономики и все свои силы направили на развитие общественного хозяйства.

Постсоветская Россия не ограничивает развитие личного подсобного хозяйства населения, но тем не менее не стремится к оказанию государственной помощи данной форме хозяйствования. Поэтому в постсоветский период личное подсобное хозяйство, играющее большую роль в обеспечении продовольственной безопасности общества, в основном развивается без государственной поддержки, опираясь на энтузиазм людей и их стремление к повышению уровня материального благосостояния семьи. Значимость личного подсобного хозяйства в повышении уровня жизни семей особенно заметна в:

- сложных, то есть многопоколенных, семьях;
- семьях, не имеющих работников во вне семейной сфере;
- семьях неработающих пенсионеров;
- нуклеарных семьях.

Литература

1. URL: <http://www.valnet.ru> (дата обращения: 04 января 2014).
2. Земельный кодекс РСФСР [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 05 января 2014).
3. Земельный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 05 января 2014).
4. Федеральный закон «О личном подсобном хозяйстве» от 7 июля 2003 г. № 112-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru> (дата обращения: 04 января 2014).
5. URL: <http://bujet.ru> (дата обращения: 06 января 2014).
6. Концепция экономического роста в агропромышленном комплексе Республики Бурятия: постановление Правительства Республики Бурятия от 23.11.2003 г. №348 [Электронный ресурс]. URL: <http://buriatia.news-city.info> (дата обращения: 06 января 2014).

References

1. <http://www.valnet.ru> (Accessed 4 January 2014).
2. *Zemel'nyi kodeks RSFSR* [Land Code of the RSFSR]. Available at: <http://base.consultant.ru> (Accessed 5 January 2014).
3. *Zemel'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii* [Land Code of the Russian Federation]. Available at: <http://www.consultant.ru> (Accessed 5 January 2014).
4. *O lichnom podsobnom khozyaistve* [On private farms]. Federal Law No 112-FZ, July 7, 2003. Available at: <http://base.garant.ru> (Accessed 4 January 2014).
5. <http://bujet.ru> (Accessed 6 January 2014).
6. *Kontseptsiya ekonomicheskogo rosta v agropromyshlennom komplekse Respubliki Buryatiya* [The concept of economic rise in agricultural sector of the Buryat Republic administration]. Resolution of the Government of the Republic of Buryatia No 348, enacted November 23, 2003. Available at: <http://buriatia.news-city.info> (Accessed 6 January 2014).

П Р А В О

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

УДК 340.1(517.3)

О ПРОИСХОЖДЕНИИ И ЭВОЛЮЦИИ ФОРМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ МОНГОЛИИ

© *Дугарова Сержена Жигмытовна*

доктор исторических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства Бурятского государственного университета

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

E-mail: dugarova_s@mail.ru

© *Дугарова Евгения Жэмбеевна*

ассистент кафедры теории и истории права и государства Бурятского государственного университета

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

E-mail: dugarova_s@mail.ru

Статья посвящена теоретической проблеме изучения генезиса и эволюции государства и права величайшей из кочевых империй — Монгольской. Реконструкция системно-структурной модели монгольского средневекового государства и права может способствовать углублению понимания общих тенденций и направлений эволюции социокультурной эволюции, взаимосвязи социальной, политико-правовой субсистем кочевых обществ, а также методологии социальной, политической и юридической антропологии. Обозначены важнейшие проблемы исследования средневекового монгольского государства: 1. Выявление предпосылок образования кочевого государства, соотношения внутренних и внешних факторов. 2. Определение формы политической организации средневековых монголов. Успех научных изысканий во многом зависит от решения теоретико-методологических проблем, поскольку основные направления современных исследований монгольского государства и права связаны, главным образом, с противостоянием теоретико-методологических и концептуальных подходов.

Ключевые слова: Монголия, Яса Чингисхана, государство, улус, төр-улс, обог, вождество, армия.

ON THE ORIGIN AND EVOLUTION OF THE POLITICAL ORGANIZATION FORMS OF MEDIEVAL MONGOLIA

Dugarova Serzhena Zh.

DPhil in History, A/Professor, department of theory and history of law and state, Buryat State University

24a, Smolina, Ulan-Ude, 670000, Russia

Dugarova Evgenia Zh.

assistant, department of theory and history of law and state, Buryat State University

24a, Smolina, Ulan-Ude, 670000, Russia

The article is devoted to the theoretical problem of studying genesis and evolution of Mongolian state and law of one of the greatest of nomadic empires. Reconstruction of a system-structural model of medieval Mongolian state and law can promote deep understanding of the general tendencies and directions of the evolution of the socio-cultural development, the interrelationship of social, political and legal subsystems in nomadic societies and the methodology of social, political and legal anthropology. The most important problems of the study of medieval Mongolian state are designated: 1. Identifying prerequisites for the formation of nomadic state, the relationship between internal and external factors. 2. Definition of the forms of political organization among medieval Mongols. The success of the researches mostly depends on the solution of theoretical and methodological problems, since the main directions of modern researches of the Mongolian state and law are mainly connected with the confrontation between the theoretical-methodological and conceptual approaches.

Keywords: Mongolia, Chinghis Khan' Yasa, state, ulus, tor-uls, obog, chieftaincy, army.

В современном монголоведении важнейшими проблемами исследования средневекового монгольского государства являются:

1) выявление предпосылок образования кочевого государства, соотношения внутренних и внешних факторов;

2) определение формы политической организации средневековых монголов.

Традиционно среди условий возникновения государства выделяют социально-экономические факторы.

Монгольское общество в конце XII — в начале XIII в. базировалось на кочевом скотоводстве, представлявшем специфическую хозяйственную систему. Стадо в хозяйстве кочевника было способно не только удовлетворить практически все жизненные потребности скотовода и его семьи. Постоянное воспроизводство стада являлось источником богатства, поскольку могло быть выгодно обменено на разнообразные товары.

Наиболее емким, как это определяют экономисты, рынком сбыта продукции скотоводческого кочевничества были земледельческие центры. Территориально ближе всего к бескрайним степям Монголии находился Китай. Торговля как постоянный, налаженный, институционально сложившийся обмен продуктами хозяйствующих субъектов, предполагала создание необходимых условий, обеспечивающих безопасность отношений обмена, купли-продажи.

Степная аристократия не могла обойтись без центров политической власти, ремесла и торговли. Появление городов в кочевом обществе свидетельствовало об уровне развития хозяйственных возможностей населения и о развитом социально-политическом состоянии общества.

Особенностью современного кочевниковедения является отчетливое деление всех исследователей на две «непримиримые» группы. Одни утверждают, что более всего были заинтересованы в таком обмене сами кочевники [1, с. 14]. Другая группа стоит на позиции, что не существовало такой односторонней заинтересованности [2, с. 25]. И к этой группе следует отнести, главным образом, монгольских исследователей, которые утверждают, что торговля представляла взаимовыгодный для обеих сторон динамичный процесс взаимодействия кочевого и земледельческого обществ.

Причиной такой «несогласованности» исследовательских позиций, как нам кажется, является элементарная логическая ошибка. Монгольские исследователи в своей, по сути, социологической, с точки зрения метода исследования, позиции, выражают понимание того, что кочевники могут стабильно, на протяжении длительного исторического времени, жить обособленно и практически не нуждаясь в продуктах земледельческого труда. Тем самым, они не согласны с утверждением о том, что кочевники, жизненно испытывая нужду в продуктах земледельческих центров, организуют орду для постоянных набегов с целью грабежа.

Но, в контексте торговли между земледельцами и кочевниками, все же речь не идет о жизнеобеспечивающих продуктах. Речь идет об их излишках, которые могут быть выгодно обменены, что и является фактором торговли — взаимовыгодного сотрудничества кочевников и земледельцев [4, с. 29]. При этом отчетливо видно, что ни кочевники, ни земледельцы не могут одновременно, занимаясь аграрным производством, совмещать свой труд с городским образом жизни. Поэтому города как торговые центры выступают специфическим учреждением, вызванным к жизни торговлей, и взаимовыгодным сотрудничеством кочевников и земледельцев.

Принято считать, что торговые города основаны земледельческими народами. И такой вывод для социологической науки закономерен. Все древние города, как правило, географически расположены в ранних центрах земледельческой культуры или максимально приближены к земледельческим центрам. Однако такая очевидность, в теоретическом аспекте, не всегда является научной истиной.

Зарубежные ученые при исследовании социальной структуры монгольского кочевого общества основное внимание уделяют характеристике родственных связей.

Наличие семейных клановых структур часто определяют как признак архаичности общества. У монголов в XIII в. родственные группы составляли важное звено социально-экономической и политической связей, которые нельзя определять как пережиток родового строя.

Кровнородственные отношения, развитость и значительное влияние на все сферы общественной жизни монголов являются не свидетельством их потестарного характера, а особенностью социальной структуры, сформированной генезисом кочевого общества.

В связи с этим хочется отметить, что со времен классиков марксизма, в нашей стране проблемам родового общества уделялось очень мало внимания. До настоящего времени отсутствует научно обоснованная теория родового строя и его общая характеристика. Отсутствие четкого и ясного определения понятия «родовой строй» не дает возможности сказать, что такое разложение родового строя, и отсюда возникают большие сложности в определении государства и понятия раннеклассового государства.

Родоплеменная организация кочевников была обусловлена сутью способа производства.

В начале XIII в. структурной единицей монгольского общества был *обог* — группа, куда в силу сложившихся особых экономических и политических условий, кочевники объединялись.

Обог, в отличие от племени, характеризовался как социально-дифференцированный, хозяйственно-политический коллектив.

Вопрос о форме политической организации кочевых народов представляет еще одну из актуальных проблем в кочевниковедении.

В основе выделения разных типов государственности лежат различные типы хозяйства. Рашид ад-Дин отмечал, что «в каждом поясе земли существует отдельное население: одно — оседлое, другое — кочевое [5, с. 73]. Оседлое земледелие и кочевое скотоводство следует определять как самостоятельные виды хозяйственной деятельности, поэтому кочевая культура не может быть определена как переходная ступень от звероловства к оседлой жизни [6, с. 3].

Формы политической организации кочевников были разнообразными, вместе с тем все кочевые общества, в том числе и монгольское, обладали характерными признаками: военно-административный характер органов управления, разные формы рассредоточения системы управления, культ Неба как источник власти правящей элиты.

Поскольку характеристика политической организации центрально-азиатских кочевников X–XIII вв. явно не укладывается в представления о родовом или бесклассовом обществе, то отдельные ученые обращаются к так называемой теории вожества, разработанной в рамках неэволюционистской концепции М. Салинза и Э. Сервиса, определявших вожество как форму догосударственной социальной организации, но имевшей централизованное управление, наследственную передачу власти, имущественное неравенство, однако в которой нет формального, тем более легального репрессивного и принудительного аппарата [7, с. 123]. Под принудительными органами они понимают бюрократию и полицию. Но ничего не говорят о том, что, по мнению Сервиса, вожество характеризуется отсутствием репрессивного аппарата, под которым понимается не только полиция, бюрократия, но и армия. Монголы задолго до Чингисхана проводили широкую экспансию, которая не могла быть осуществлена без опоры на организованную силу — армию, относительно устойчивое единство вооруженных людей, подчиненных внутренней иерархии и действующей на основе приказа. Такие действия не могли быть осуществлены без аппарата принуждения, в смысле без институциональных форм отношений власти и подчинения.

По заключению ученых, вожество не является государством, поскольку, по их мнению, государство характеризуется наличием особого аппарата управления. Потому как вожди не имели специализированных институтов принуждения (бюрократия, армия, полиция), их власть основывалась на той пользе, которую они приносили обществу, механизмах перераспределения и идеологическом воздействии.

Приведенная характеристика вожества как особого типа социальной организации не обладает достаточной ясностью и определенностью. Признаки вожества характерны для тех социальных организаций, которые мы называем ранними государствами, государственными образованиями. Все они имеют централизованный характер, идеологию, наследственный порядок передачи власти.

А что касается уровня бюрократизации, легальности и монополии на применение насилия, то любая власть (по определению), в том числе и потестарная, характеризуется как сила, способная навязывать свою волю, осуществляющая внешнюю или внутреннюю интервенцию. Потому любая попытка выделить переходные формы социальной организации (от догосударственной к государственной) в особую группу должна основываться на четко и ясно сформулированных критериях, определяющих догосударственный уровень специализации, бюрократизации и легитимации аппарата. В любом другом случае, такие неопределенные критерии позволяют с недопустимостью для научного исследования произвольностью, в зависимости от разных причин, относить ту или иную социальную организацию к догосударственным формам, либо произвольно причис-

лять то или иное сообщество со сходными характеристиками к государству со всеми вытекающими из этого выводами более общего характера.

Теория вождеств (чифдом) была создана на основе исследований американского сообщества. В 1970-е гг. данную теорию стали использовать для характеристики властных отношений в Европе периода железного века. К этому же периоду относятся попытки ряда исследователей примерить признаки вождества к характеристике социальной организации кочевых сообществ средневековья, в том числе центрально-азиатских номадов. Но в настоящее время большинство исследователей отказались от этой концепции для характеристики ранних форм социальной организации европейских и большинства азиатских государств. Причина этого заключается в том, что нет четких критериев разграничения государства от вождества.

Хочется обратить внимание на то, что признаком государства, отличным от вождества, является наличие армии. Хотя бы по той причине, что армия это и есть основная форма принудительного аппарата, которая может выступать как с полицейскими функциями, так и с функцией общего управления.

Армия не может выполнять своих функций без особого легализованного и легитимного аппарата управления. В истории Монголии уже в период, значительно отстоящий от XIII в., мы видим такие формы структурированности общества, которые свидетельствуют о высоком уровне спецификации деятельности управленческого аппарата, институализированные формы системы ее управления.

И наконец, особое место в монголоведных исследованиях начинают занимать проблемы возникновения и развития права.

Монгольские народы обладают древними правовыми традициями, которые формировались в контексте кочевой скотоводческой культуры Центральной Азии.

Интенсивный правотворческий процесс происходил, начиная с образования монгольского государства, в эпоху Чингисхана. Насколько интенсивным был процесс государственного и этно-регионального регулирования, настолько статичными оставались правовые воззрения, менталитет кочевого народа.

Юридическое содержание норм права, отраженных в памятниках монгольского права ранних и более поздних периодов, взаимосвязано. Целью издания нового акта являлась не отмена полностью действия ранее принятых законов, а лишь частичная отмена, введение новых.

Памятники права имеют единство структуры, терминологическую гомогенность, идентичный порядок принятия. Все памятники монгольского права (законодательные акты) регулировали исключительно публично-правовые отношения, упорядочивали повинности, содержание феодальных привилегий, устанавливали порядок судопроизводства, усиливали и смягчали меры уголовного наказания за государственные преступления.

Важнейшей характеристикой монгольской правовой системы является ее самобытность, которая проявляется в особом историческом развитии ее источников, институтов и юридической техники.

Деление права на публичное и частное следует признать одной из важнейших особенностей монгольской правовой системы, определявшей иерархию и систему ее источников.

Таким образом, успех научных изысканий во многом зависит от решения теоретико-методологических проблем, поскольку основные направления современных исследований монгольского государства и права связаны, главным образом, с противостоянием теоретико-методологических и концептуальных подходов.

Литература

1. Барфильд Т. Теневые империи: формирование империй на границе Китая и кочевников: материалы междунар. науч. конф. // Монгольская империя и кочевой мир. — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. — Кн. 3. — С. 14.
2. Минжин Ц. Их засаг. Түүх, эрх зүйн шинжилгээ. — Улаанбаатар, 2009. — С. 89.
3. Болдбаатар Ж. Монголын эзэнт гүрэн. — Улаанбаатар, 2005. — С. 4–5.
4. Дугарова С. Ж. Государство и право средневековой Монголии: проблемы изучения. — Улан-Удэ, 2012. — С. 29.
5. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей / пер. Л. А. Хетагуровой. — М.: Л., 1952. — Т. 1, кн. 1. — С. 73.
6. Веселовский Н. И. Черновые записки о кочевниках. — ЦГАЛИ. — Ф.118. — Оп. 1. — Д. 388. — С. 3.
7. Service E. Primitive Social Organization. — N. Y.: Radmon House, 1971. — P. 123.

References

1. Barfield T. Tenevye imperii: formirovanie imperii na granitse Kitaya i kochevnikov [Shadow Empires: the empires formation on the border of China and nomads]. *Materialy mezhdunar. nauch. konf. "Mongol'skaya imperiya i kochevoi mir"* [Proc. Int. sci. conf. "Mongol Empire and the nomadic world"]. Ulan-Ude: Publishing Department of SB RAS BSC, 2008. Vol. 3. P. 14.
2. Minzhin Ts. *Ikh zasag. Tyykh, erkh zyin shinzhilgee*. Ulaanbaatar, 2009. P. 89. (mong.)
3. Boldbaatar Zh. *Mongolyn ezent gyren*. Ulaanbaatar, 2005. P. 4–5. (mong.)
4. Dugarova S. Zh. *Gosudarstvo i pravo srednevekovoi Mongolii: problemy izucheniya* [State and Law of medieval Mongolia: research problems]. Ulan-Ude, 2012. P. 29.
5. Rashid-al-Din. *Sbornik letopisei* [Collection of Histories]. Moscow; Leningrad, 1952. Vol. 1. Bk. 1. P. 73. (transl. from Pers.)
6. Veselovskii N. I. *Chernovye zapiski o kochevnikakh* [Travel notes about nomads]. Central State Archive of Literature and Art. Fund 118. Register. 1. Doc. 388. P. 3.
7. Service E. *Primitive Social Organization*. N. Y.: Radmon House, 1971. P. 123.

УДК 347.777

**РУССКОЕ ПРАВО И РУССКАЯ ПРАВОВАЯ МЫСЛЬ НА СТРАНИЦАХ
МАНЬЧЖУРСКОЙ ПРЕССЫ**© **Дудин Павел Николаевич**

кандидат политических наук, доцент кафедры международного права и международных отношений юридического факультета Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: dudinpavel@mail.ru

В статье даются описание и характеристика средств массовой информации (газет и журналов), которые издавали в Северо-Восточном Китае в 1920–1930-е гг. и в которых систематически публиковали свои научные труды преподаватели русского Юридического факультета в Харбине. Основное место занимают Известия Юридического факультета, Русское обозрение, Вестник Маньчжурии, Вестник Азии и ряд студенческих газет. Приводится краткое описание периодического издания, его содержательная часть, а также известные автору места хранения в настоящее время.

Ключевые слова: Юридический факультет в Харбине, Вестник Маньчжурии, Известия Юридического факультета в Харбине, Вестник Азии, Русское обозрение.

**RUSSIAN LAW AND RUSSIAN LEGAL THOUGHT ON THE PAGES
OF MANCHURIA PRESS***Dudin Pavel N.*

PhD in Political Science, A/Professor, department of international law and international relations, law faculty, Buryat State University
24a, Smolina, Ulan-Ude, 670000, Russia

The article provides a description and characteristics of the media (newspapers and magazines), that were published in the Northeast China in 1920s–1930s and on which pages the teachers' research papers of the Russian Faculty of Law in Harbin were published. The main place was taken by "The News of Law Department", "The Russian Review", "The Manchuria Bulletin", "The Bulletin of Asia" and a number of students' newspapers. A brief description of the periodicals, their substantial part and also depositories known to the author are submitted.

Keywords: the Faculty of Law in Harbin, the Manchuria Bulletin, the News of the Faculty of Law in Harbin, the Bulletin of Asia, the Russian Review.

Целью статьи является описание периодической печати: ведущих журналов, газет, в которых публиковались преподаватели Юридического факультета (преподаватели-юристы) в Харбине в 1920–1930-е гг. Целью не является содержательная характеристика научных работ, которые отчасти уже были предметом научного изыскания различных авторов, но в большинстве своем нуждаются в глубоком анализе и научном осмыслении. В предмет статьи не входят труды преподавателей Юридического факультета в Харбине — экономистов, историков и востоковедов, которые не имеют правового характера в своем содержании.

Основную группу источников составляют периодические издания, в которых относительно стабильно публиковались преподаватели Юридического факультета. Как правило, научные интересы и тематика научных трудов совпадали с теми дисциплинами, которые ими преподавались. Михаил Эммануилович Гильчер состоял преподавателем (на правах приват-доцента) при кафедре римского права и преподавал трудовое право и практические занятия по римскому праву; Георгий Константинович Гинс, исполняя обязанности экстраординарного процессора по кафедре римского права, вел римское право и торговое право; специальный курс по уголовному праву вел Александр Александрович Камков — доцент при кафедре уголовного права и процесса; уголовное право и процесс, китайское уголовное право и каноническое право преподавались Никандром Ивановичем Миролубовым — экстраординарным процессором по кафедре уголовного права и процесса; весь блок исторических дисциплин был закреплен за Николаем Ивановичем Никифоровым — экстраординарным профессором по кафедре истории русского права; международное право и международные отношения после Версальского мира преподавались Валентином Александровичем Овчинниковым — ординарным

профессором по кафедре международного права; гражданское право и процесс и китайское гражданское право вел Валентин Александрович Рязановский — ординарный профессор по кафедре гражданского права и процесса; историю русского права читал Георгий Густавович Тельберг — ординарный профессор по кафедре истории русского права; общую теорию права и государственное право читал Николай Васильевич Устрялов — экстраординарный профессор по кафедре государственного права [30]; Владимир Викторович Энгельфельд в качестве ординарного профессора по кафедре административного права вел лекции по одноименному предмету и специальный курс по государственному праву; Николай Евгеньевич Эсперов — преподаватель (на правах приват-доцента) при кафедре.

Одним из основных источников знаний и о самом факультете, и о правовых взглядах и позициях преподавателей выступает его собственное издание — «Известия Юридического факультета в Харбине» (*Memorits of the Faculty of Law in Harbin*), которое выходило в Харбине (2 том был издан в Париже) в 1925–1938 гг. [40, с. 137–142] (по другим данным — 1937 г. [19, с. 241]). Редактором 1, 3–6, 9 и 11 томов был Г. К. Гинс, тома № 7 за 1929 г. — Н. В. Устрялов, тома № 10 за 1933 г. — В. В. Энгельфельд. Содержание журнала с перечислением статей и иных материалов, входящих в него, было дано А. А. Ермичевым [15, с. 137–141]. Описание неполное (упускаются многие статьи и другие данные), однако систематизированное по авторам и их ключевым публикациям. «Известия Юридического факультета...» являются наиболее полным собранием научной мысли ученых Юридического факультета и одновременно зачастую единственной площадкой, на которой они могли представлять свои взгляды, труды и воззрения широкой общественности. Именно посредством этого издания увидели свет труды большинства харбинских ученых, которые уже затем перепечатывались, переиздавались, цитировались и расходились по свету. Среди юристов наибольшее количество статей и другого материала представил Г. К. Гинс, который в «Известиях...» публиковал выдержки из своей диссертации, а также труды, в дальнейшем вышедшие самостоятельными изданиями [6, с. 263; 7, с. 114; 9]; Н. И. Никифоров [27, с. 281–287]; В. А. Овчинников, В. А. Рязановский, Г. Г. Тельберг, Н. В. Устрялов, В. В. Энгельфельд, Н. Е. Эсперов. Однако только юристами издания не ограничивались, включались и труды преподавателей: экономистов, историков, географов (М. Н. Ершова, К. И. Зайцева, Н. А. Сетницкого, Н. Ф. Федорова, Е. М. Чепурковского и др.). В настоящее время журнал доступен посредством Научной библиотеки Государственного архива Российской Федерации, где хранятся номера 1, 3–7, 9–10 [33], а также через Государственное бюджетное учреждение культуры «Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына» (г. Москва), где хранятся номера 1–8 и 12 [13], и представляет собой несомненную научную ценность.

Второе издание, которое выпускалось под эгидой преподавателей факультета, — «Вестник китайского права». Журнал издавался совместно с китайской стороной в 1931 г. под руководством Г. К. Гинса. Всего вышло 3 номера, которые сегодня хранятся в Санкт-Петербургском филиале Института востоковедения РАН. В журнале печатались работы В. А. Рязановского, Н. В. Устрялова [18], Н. Е. Эсперова и др. Отличительной чертой журнала было отражение текущего китайского законодательства, однако авторы не упускали возможности анализа и процессов государственностроительства и развития монгольского права [5, с. 167–212].

Г. К. Гинс с марта 1921 г. был редактором еще одного издания — журнала «Русское обозрение». Журнал выходил ежемесячно в 1920 г. в Пекине, с декабря 1920 по май 1921 г. — в Харбине [28, с. 406]. Гинс привлек к публикации в журнале своих коллег [43, с. 151–156]: В. В. Энгельфельд в двух номерах журнала размещал и комментировал так называемую Веймарскую Конституцию 1919 г., М. В. Абросимов публиковал объемный труд о природе бумажных денег [1], М. Э. Гильчер выступал со статьей «Чрезвычайно убыточные соглашения и договорная справедливость» [39, с. 233], а сам Г. К. Гинс рассуждал о семье и браке, роли и значении русской революции в мировой истории [8, с. 149–169]. На сегодняшний день выпуски журнала фрагментарны, представлены 1921 г. и находятся в открытом доступе в Доме русского зарубежья (№ 3–4), Российском государственном архиве литературы и искусства (№ 1–4) и Русской общественной библиотеке имени И. С. Тургенева (№ 3–4, 5, 8–10).

В журнале «Вестник Маньчжурии» (1923–1925 гг.) преподаватели Юридического факультета печатали свои работы едва ли не в большем количестве, чем в «Известиях...». Издание изначально называлось «Экономический вестник Маньчжурии: еженедельное издание экономического бюро КВЖД, посвященное вопросам торговли, промышленности, транспорта и финансам» и выходило с января 1923 г. раз в месяц, а с 1933 г. — два раза в месяц. «Вестник Маньчжурии» издавался в Харбине. Полтора десятка экономистов и историков-востоковедов присутствовали на страницах издания

и публиковались почти в каждом номере с 1927 по 1930 г., представив, таким образом, свыше 200 статей, очерков, заметок и библиографий. Наиболее активно публиковались работы Н. А. Сетницкого, В. И. Сурина и др., представлявшие описательные и аналитические статьи об экономике Маньчжурии и Китая; М. Н. Ершов и И. Г. Баранов, публиковавшие библиографические описания и научные статьи, что подробнейшим образом описано в научных трудах российских ученых-востоковедов [44, с. 20–32]. Своего рода рекордсменом можно считать Е. Е. Яшнова, опубликовавшего более 40 работ в «Вестнике Маньчжурии». И хотя данные авторы не обладали правовыми познаниями на профессиональном уровне, в некоторых своих работах они весьма скрупулезно и профессионально анализируют законодательство и правовое регулирование отдельных сфер жизни Китая и его торговых партнеров, прежде всего Японии. Так, И. Г. Баранов публиковал материал об административно-территориальном устройстве Северной Маньчжурии [3, с. 5–27], Г. Г. Авенариус [2, с. 11–12] и А. И. Гражданцев [12, с. 27–48] писали о банках и контекстно затрагивали вопросы правового регулирования их деятельности; А. И. Гражданцев [10, с. 106–127], Н. А. Сетницкий [36, с. 52–75] и В. И. Сурин [41, с. 54–59] освещали вопросы налоговой политики и налогового законодательства Японии, Маньчжурии (до японской оккупации) и Маньчжоу-Го, а некоторые работы тех же А. И. Гражданцева и Н. А. Сетницкого были посвящены таможенной политике Японии [11, с. 82–91] и бюджетным отношениям в Маньчжоу-Го [35, с. 14–33].

Члены правительства А. В. Колчака также присутствуют на страницах журнала: Л. А. Устругов, вслед за Н. В. Борзовым, был председателем правления Комитета по учреждению и содержанию Юридического факультета и преподавал эксплуатацию железных дорог и железнодорожное хозяйство, И. И. Серебренников [34] вел практические занятия по статистике, и, безусловно, Г. К. Гинс и Г. Г. Тельберг. Среди юристов 8 преподавателей отмечены своим присутствием на страницах журнала, однако их активность различна: В. В. Энгельфельд имел 11 статей, В. А. Рязановский — 9, Г. К. Гинс — 7, Н. В. Устрялов — 4, А. А. Камков и М. Я. Гильчер — по одной статье в 1925–1927 гг. Присылал свои материалы и профессор М. Я. Пергамент: в 1925–1926 гг. выходило 5 номеров с его трудами. В настоящее время свободный доступ к архиву номеров журнала возможен через «Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына» [14], Национальную библиотеку Беларуси (Минск) [26], Центральную библиотеку ДО РАН [45].

Однако многие статьи правового или околоправового характера подписаны инициалами, и можно лишь догадываться, что под ними скрывается В. А. Овчинников [4, с. 96–99] или И. Г. Баранов [16, с. 99–102], в связи с чем детальное изучение этих материалов представляется крайне необходимым.

Еще одно издание, в котором публиковались преподаватели факультета, — журнал «Вестник Азии», издаваемый Обществом русских ориенталистов в Харбине. Выходил с июля 1909 г. и до закрытия Общества в 1927 г. Всего за это время вышло, по разным данным, 53 [38], 54 [17, с. 74–75] или 55 [29] номеров. Периодичность издания не была постоянной: в 1909–1912 и в 1915–1917 гг. он выходил ежеквартально; в 1913–1914 гг. — ежемесячно; в 1918 г. было напечатано три номера, а в 1922–1924 гг. — по два номера, а в 1927 г. в свет вышел один последний номер. Журнал менее богат правовым материалом, чем предыдущее издание, однако именно в нем (№ 51 за 1923 г. и № 52 за 1924 г.) публиковал свою работу «Обычное право монгольских племен» В. А. Рязановский [31, с. 23–141]. Помимо него в журнале публиковались В. В. Энгельфельд, И. Г. Баранов, Г. Г. Авенариус и некоторые другие. Именно они были редакторами соответствующих номеров. Определенный научный интерес представляет № 54 за 1927 г., в котором содержится Русско-китайский словарь юридических, международных, экономических, политических и других терминов [25]. Часть фондов хранится в архиве Общества изучения Амурского края, часть фондов — в библиотеке ДВФУ и других местах.

Среди газет следует выделить студенческое издание «День юриста», которое представляло собой однодневную академическую, литературную газету, издаваемую Старостатом Общества студентов Харбинского юридического факультета [46, с. 437], в которой публиковался и преподавательский состав [20, 21, 42]. Кроме этого, в 1921–1932 гг. студенты издавали однодневную газету «Татьянин день», посвященную вопросам русской науки, культуры и студенческой жизни [46, с. 437], в которой, в частности, публиковался профессор Н. И. Миролубов [22, 24], а также однодневную аполитичную литературную газету «Жизнь студентов» [46, с. 437], а Экономическое отделение Юридического факультета выпускало однодневную академическую студенческую газету «Экономист», редактором которой был все тот же Г. К. Гинс [46, с. 438].

Подводя итог вышесказанному, констатируем, что преподаватели Юридического факультета в Харбине, несмотря на ограниченность финансовых, материальных и прочих ресурсов, находясь на территории другого государства, не только сохранили научные познания, приобретенные ими в стенах ведущих вузов бывшей Российской империи, но и сумели преумножить их и распространить всеми доступными им способами. Перечень изданий, приведенных в настоящей статье, не является исчерпывающим — харбинские юристы в индивидуальном порядке публиковались во многих средствах массовой информации как в период пребывания в Китае, так и после эмиграции в США и других странах. Однако именно эти газеты и журналы в первую очередь позволили им воплотить ту миссию, которую несет в себе наука — приращение и распространение знаний. И сегодня настало время по-новому взглянуть на труды этих выдающихся людей и переосмыслить их с высоты минувшего столетия.

Литература

1. Абросимов М. В. Бумажные деньги // Русское обозрение (Пекин), 1921. — № 6–7.
2. Авенариус Г. Г. Эмиссия китайских банков и контроль коммерческих обществ // Вестник Маньчжурии. — 1926. — № 11–12.
3. Баранов И. Г. Административное устройство Северной Маньчжурии // Вестник Маньчжурии. — 1926. — № 11–12.
4. В. О. О бюджетных правах Советского Союза и союзных республик // Вестник Маньчжурии. — 1926. — № 11–12.
5. Гинс Г. К. Монгольская государственность и право в их историческом развитии // Вестник китайского права. — 1931. — № 3. — С. 167–212.
6. Гинс Г. К. Очерки социальной психологии: Введение в изучение права и нравственности. — Харбин: Изд-во Биржевого комитета, 1936.
7. Гинс Г. К. Право и сила: очерки по теории права и политики. — Харбин: Тип. КВЖД, 1929.
8. Гинс Г. К. Русская революция в плане мировой истории // Русское обозрение (Харбин). — 1921. — № 6–7.
9. Гинс Г. К. Этические проблемы современного Китая. — Харбин: Русско-маньчжурская книготорговля, 1927.
10. Гражданцев А. И. Система государственных налогов Японии // Вестник Маньчжурии. — 1934. — № 6.
11. Гражданцев А. И. Таможенная политика Японии // Вестник Маньчжурии. — 1934. — № 11–12.
12. Гражданцев А. И. Туземные банки // Вестник Маньчжурии. — 1934. — № 8.
13. Дом русского зарубежья им. А. Солженицына [Электронный ресурс]. — URL: http://bfrz.ru/?mod=phproac&cle_livre=0009760,0243987,0018236,0248470,0023615,0026757,0205367,0267578. (дата обращения: 19.01.2015).
14. Дом русского зарубежья им. А. Солженицына [Электронный ресурс]. — URL: http://www.bfrz.ru/?mod=phproac&lang=&action=lire.livre&cle_livre=0262014 (дата обращения: 19.01.2015).
15. Ермичев А. А. Философское содержание журналов русского зарубежья (1918–1939 гг.). — СПб.: Изд-во РХГА, 2012.
16. И. Б. Страхование в Китае // Вестник Маньчжурии. — 1926. — № 5.
17. Каневская Г. И., Павловская М. А. Деятельность выпускников Восточного института в Харбине // Известия Восточного института. — 1994. — № 1.
18. Квакин А. Между белыми и красными. Русская интеллигенция 1920–1930 годов в поисках Третьего Пути. — М.: Litres, 2013.
19. Косинова О. А. «Известия юридического факультета» как историко-педагогический источник о российском зарубежье в Китае // Знание. Понимание. Умение. — 2013. — № 4.
20. Миролюбов Н. И. К вопросу о достоверности свидетельских показаний // День Юриста. Юридический факультет Высшей школы в Харбине, 1924.
21. Миролюбов Н. И. К вопросу о независимости суда // День Юриста. Юридический факультет Высшей школы в Харбине, 1923.
22. Миролюбов Н. И. К вопросу о правильной организации суда // Татьяна день. Юридический факультет Высшей школы в Харбине, 1923.
23. Миролюбов Н. И. Политическое сообщество и политическая партия // День Юриста. Юридический факультет Высшей школы в Харбине, 1924.
24. Миролюбов Н. И. Фикция невмешательства во внутреннюю политику государства со стороны другого государства // Татьяна день. Юридический факультет Высшей школы в Харбине, 1924.
25. Научная библиотека ДВФУ России [Электронный ресурс]. — URL: <http://lib.dvfu.ru:8080/lib/item?id=chamo:740332&theme=FEFU> (дата обращения: 10.01.2015).

26. Национальная библиотека Белоруссии [Электронный каталог]. — URL: <http://portal.nlb.by/portal/page/portal/index/resources/expandedsearch> (дата обращения: 19.01.2015).
27. Никифоров Н. И. 1) Рецензия: Г. К. Гинс. На путях к государству будущего: от либерализма к солидаризму. — Харбин, 1930; 2) Новые идеи в праве и основные проблемы современности // Известия Юридического факультета. — 1931. — Вып. 1, т. 9.
28. Николаев Д. Д. Русское обозрение // Литературная энциклопедия русского зарубежья: 1918–1940. Периодика и литературные центры. — М.: РОССПЭН, 2000. — Т. 2.
29. Общество русских ориенталистов / Справочник научных обществ России [Электронный ресурс]. — URL: http://snor.ru/?m=articles&an=sc_334 (дата обращения: 19.01.2015).
30. Романовский В. К. Жизненный путь и творчество Николая Васильевича Устрялова (1890–1937). — М.: Русское слово, 2009. — 606 с.
31. Рязановский В. А. Обычное право монгольских племен. Обычное право монгол // Вестник Азии. — 1923. — № 51.
32. Рязановский В. А. Обычное право монгольских племен // Вестник Азии. — 1924. — № 52.
33. Сводный каталог (база данных) печатных изданий Русского Зарубежья 1918–1991 годов: библиогр. указ. / Государственный архив Российской Федерации. — М., 2010. — № 4989.
34. Серебренников И. И. Китай и русская эмиграция в дневниках Серебренниковых И. И. и А. Н., 1919–1934 гг. — 2006. — Т. 1.
35. Сетницкий Н. А. Бюджет Маньчжу-Ди-Го // Вестник Маньчжурии. — 1934. — № 11–12.
36. Сетницкий Н. А. Налоги и пошлины в Маньчжурии // Вестник Маньчжурии. — 1933. — № 18–19.
37. Сетницкий Н. А. Налоговая политика Маньчжу-Го // Вестник Маньчжурии. — 1933. — № 20.
38. Сибирская советская энциклопедия: в 4 т. — М., 1929. — Т. 1.
39. Список профессоров и лекторов юридического факультета в г. Харбине (1 марта 1920 — 1 марта 1925 г.) // Известия юридического факультета = Memoirs of the Faculty of Law in Harbin / Высшая Школа в Харбине. — Харбин, 1925. — Т. 1. — С. 233.
40. Стародубцев Г. По страницам харбинского журнала «Известия юридического факультета» (1925–1938) // Проблемы Дальнего Востока. — 2001. — № 6.
41. Сурин В. И. Система налогов на лес в Маньчжурии // Вестник Маньчжурии. — 1930. — № 6.
42. Устрялов Н. В. Две веры. (Социально-философский фрагмент) // День Юриста. Юридический факультет Высшей школы в Харбине, 1929.
43. Хисамутдинов А. А. К истории русской общины в Пекине // Проблемы Дальнего Востока. — 2004. — № 2.
44. Хисамутдинов А. А. Русские эмигранты-востоковеды в Харбине // Известия Восточного института. — 2013. — № 1(21).
45. Центральная научная библиотека ДВО РАН [Электронный ресурс]. — URL: <http://libserver.cnb.dvo.ru> (дата обращения: 19.01.2015).
46. Diao Shaohua. Краткий обзор истории русской печати в Харбине. *Revue des études slaves*. — Paris, 2001. — № 73/2–3.

References

1. Abrosimov M. V. Bumazhnye den'gi [Paper Money]. *Russkoe obozrenie – Russian Review*. Beijing, 1921. No 6–7.
2. Avenarius G. G. Emissiya kitaiskikh bankov i kontrol' kommercheskikh obshchestv [Chinese banks emissions and commercial companies control]. *Vestnik Man'chzhurii – Manchuria Bulletin*, 1926. No 11–12.
3. Baranov I. G. Administrativnoe ustroystvo Severnoi Man'chzhurii [Administrative structure of Northern Manchuria]. *Vestnik Man'chzhurii – Manchuria Bulletin*, 1926. No 11–12.
4. V. O. O byudzhetnykh pravakh Sovetskogo Soyuza i soyuznykh respublik [On Budgetary Law of the Soviet Union and the Union Republics]. *Vestnik Man'chzhurii – Manchuria Bulletin*, 1926. No 11–12.
5. Guins G. K. Mongol'skaya gosudarstvennost' i pravo v ikh istoricheskom razviti [Mongolian State and Law in their historical development]. *Vestnik kitaiskogo prava – Journal of Chinese Law*. 1931. No 3. P. 167–212.
6. Guins G. K. *Ocherki sotsial'noi psikhologii: Vvedenie v izuchenie prava i npravstvennosti* [Social Psychology Essays: Introduction to law and morality studies]. Harbin: Exchange Committee Publ. Department, 1936.
7. Guins G. K. *Pravo i sila: ocherki po teorii prava i politiki* [Law and Power: Essays on the Law and Policy Theory]. Harbin: Chinese Eastern Railway Publ. Department, 1929.
8. Guins G. K. Russkaya revolyutsiya v plane mirovoi istorii [Russian Revolution in terms of world history]. *Russkoe obozrenie – Russian Review*. Harbin, 1921. No 6–7.
9. Guins G. K. *Eticheskie problemy sovremennogo Kitaya* [Ethical problems of contemporary China]. Harbin: Russian-Manchurian book-trade, 1927.
10. Grazhdantsev A. I. Sistema gosudarstvennykh nalogov Yaponii [State taxes system in Japan]. *Vestnik Man'chzhurii – Manchuria Bulletin*. 1934. No 6.

11. Grazhdantsev A. I. Tamozhennaya politika Yaponii [Customs policy of Japan]. *Vestnik Man'chzhurii – Manchuria Bulletin*. 1934. No 11–12.
12. Grazhdantsev A. I. Tuzemnye banki [Indigenous banks]. *Vestnik Man'chzhurii – Manchuria Bulletin*. 1934. No 8.
13. *Dom russkogo zarubezh'ya im. A. Solzhenitsyna* [Solzhenitsyn House of Russian diaspora]. Available at: http://bfrz.ru/?mod=phpopac&cle_livre=0009760,0243987,0018236,0248470,0023615,0026757,0205367,0267578 (Accessed 19 January 2015).
14. *Dom russkogo zarubezh'ya im. A. Solzhenitsyna* [Solzhenitsyn House of Russian diaspora]. Available at: http://www.bfrz.ru/?mod=phpopac&lang=&action=lire.livre&cle_livre=0262014 (Accessed 19 January 2015).
15. Ermichev A. A. *Filosofskoe sodержanie zhurnalov russkogo zarubezh'ya (1918–1939 gg.)* [Philosophical content of Russian diaspora magazines (1918–1939)]. St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Academy Publ. Department, 2012.
16. I. B. Strakhovanie v Kitae [Insurance in China]. *Vestnik Man'chzhurii – Manchuria Bulletin*. 1926. No 5.
17. Kanevskaya G. I., Pavlovskaya M. A. Deyatel'nost' vypusnikov Vostochnogo instituta v Kharbine [The practice of graduates from Oriental Institute in Harbin]. *Izvestiya Vostochnogo instituta – Oriental Institute Proceedings*. 1994. No 1.
18. Kvakin A. *Mezhdru belymi i krasnymi. Russkaya intelligentsiya 1920–1930 godov v poiskakh Tret'ego Puti* [Amidst white and red. Russian intelligentsia of 1920–1930 in search of the Third Way]. Moscow: Litres, 2013.
19. Kosinova O. A. «Izvestiya yuridicheskogo fakul'teta» kak istoriko-pedagogicheskii istochnik o rossiiskom zarubezh'e v Kitae ["Memoirs of the Faculty of Law in Harbin" as a historical and pedagogical power of Russian diaspora in China]. *Znanie. Ponimanie. Umenie – Cognition. Comprehension. Skills*. 2013. No 4.
20. Mirol'yubov N. I. K voprosu o dostovernosti svidatel'skikh pokazanii [On the issue of testimony reliability]. *Den' Yurista. Yuridicheskii fakul'tet Vysshei shkoly v Kharbine – Lawyer's Day. Law Faculty of Harbin Higher School*. 1924.
21. Mirol'yubov N. I. K voprosu o nezavisimosti suda [On the issue of judicial independence]. *Den' Yurista. Yuridicheskii fakul'tet Vysshei shkoly v Kharbine – Lawyer's Day. Law Faculty of Harbin Higher School*, 1923.
22. Mirol'yubov N. I. K voprosu o pravil'noi organizatsii suda [On the issue of court proper organization]. *Tat'yanin den'. Yuridicheskii fakul'tet Vysshei shkoly v Kharbine – Tatyana's Day. Law Faculty of Harbin Higher School*, 1923.
23. Mirol'yubov N. I. Politicheskoe soobshchestvo i politicheskaya partiya [Political community and political party]. *Den' Yurista. Yuridicheskii fakul'tet Vysshei shkoly v Kharbine – Lawyer's Day. Law Faculty of Harbin Higher School*, 1924.
24. Mirol'yubov N. I. Fiksiya nevmeshatel'stva vo vnutrennyuyu politiku gosudarstva so storony drugogo gosudarstva [Fiction of non-interference in domestic policy of a State by another State]. *Tat'yanin den'. Yuridicheskii fakul'tet Vysshei shkoly v Kharbine – Tatyana's Day. Law Faculty of Harbin Higher School*, 1924.
25. Nauchnaya biblioteka DVFU Rossii [Scientific Library of Far Eastern Federal University, Russia]. Available at: <http://lib.dvfu.ru:8080/lib/item?id=chamo:740332&theme=FEFU> (Accessed 10 January 2015).
26. Natsional'naya biblioteka Belorussii. [National Library of Belarus]. Available at: <http://portal.nlb.by/portal/page/portal/index/resources/expandedsearch> (Accessed 10 January 2015).
27. Nikiforov N. I. Retsenziya: G. K. Cuins. Na putyakh k gosudarstvu budushchego: ot liberalizma k solidarizmu [Review: Cuins. On the way to State of future: from Liberalism to Solidarism]. Harbin, 1930; *Novye idei v prave i osnovnye problemy sovremennosti* [New ideas in Law and the main present-day issues]. *Izvestiya yuridicheskogo fakul'teta – Memoirs of the Faculty of Law*, 1931. Vol. 1. Bk. 9. 27.
28. Nikolaev D. D. Russkoe obozrenie [Russian Review]. *Literaturnaya entsiklopediya russkogo zarubezh'ya: 1918–1940. Periodika i literaturnye tsenry*. Literary Encyclopedia of Russian diaspora: 1918–1940. Periodicals and literary center. Moscow: ROSSPEN, 2000. Vol. 2.
29. Obshchestvo russkikh orientalistov [Russian Orientalists Society] *Spravochnik nauchnykh obshchestv Rossii – Catalog of Russian scientific societies*. Available at: http://snor.ru/?m=articles&an=sc_334 (Accessed 19 January 2015).
30. Romanovskii V. K. *Zhiznennyi put' i tvorchestvo Nikolaya Vasil'evicha Ustryalova (1890–1937)* [Life and works of Nikolai V. Ustryalov (1890–1937)]. Moscow: Russkoe slovo, 2009. 606 p.
31. Ryazanovskii V. A. Obychnoe pravo mongol'skikh plemen. Obychnoe pravo mongol [Customary law of Mongol tribes. Mongols' customary law]. *Vestnik Azii – Bulletin of Asia*. 1923. No 51.
32. Ryazanovskii V. A. Obychnoe pravo mongol'skikh plemen // *Vestnik Azii*. — 1924. — № 52.
33. Svodnyi katalog (baza dannykh) pechatnykh izdaniy Russkogo Zarubezh'ya 1918–1991 godov [Joint catalog (database) of Russian diaspora publications of 1918–1991]. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii – The Russian Federation State Archive*. Moscow, 2010. No 4989.
34. Serebrennikov I. I. *Kitai i russkaya emigratsiya v dnevnikakh Serebrennikovykh I. I. i A. N., 1919–1934 gg.* [China and Russian emigration in the diaries of Serebrennikov's, 1919–1934]. 2006. Vol. 1.

35. Setnitskii N. A. Byudzhet Man'chzhu-Di-Go [Manchu Di Guo Budget]. *Vestnik Man'chzhurii – Manchuria Bulletin*. 1934. No 11–12.
36. Setnitskii N. A. Nalogi i poshliny v Man'chzhurii [Taxes and Duties in Manchuria] *Vestnik Man'chzhurii – Manchuria Bulletin*. 1933. No 18–19.
37. Setnitskii N. A. Nalogovaya politika Man'chzhu-Go [Fiscal Policy of Manchu Guo] // *Vestnik Man'chzhurii – Manchuria Bulletin*. 1933. No 20.
38. Sibirskaya sovetskaya entsiklopediya [Siberian Soviet Encyclopedia]: in 4 Vol. Moscow, 1929. Vol. 1.
39. Spisok professorov i lektorov yuridicheskogo fakul'teta v g. Kharbine (1 marta 1920 — 1 marta 1925 g.) [List of professors and lecturers of the Law Faculty in Harbin (March 1, 1920 – March 1, 1925)]. *Izvestiya yuridicheskogo fakul'teta – Memoirs of the Faculty of Law in Harbin*, 1925. Vol. 1. P. 233.
40. Starodubtsev G. Po stranitsam kharbinskogo zhurnala «Izvestiya yuridicheskogo fakul'teta» (1925–1938) [Through the pages of Harbin journal “Memoirs of the Faculty of Law”]. *Problemy Dal'nego Vostoka – Problems of the Far East*. 2001. No 6.
41. Surin V. I. Sistema nalogov na les v Man'chzhurii [System of Forest taxes in Manchuria]. *Vestnik Man'chzhurii – Manchuria Bulletin*. 1930. No 6.
42. Ustryalov N. V. Dve very (sotsial'no-filosofskii fragment) [Two faiths (social-philosophical fragment)]. *Den' Yurista. Yuridicheskii fakul'tet Vysshei shkoly v Kharbine – Lawyer's Day. Law Faculty of Harbin Higher School*, 1929.
43. Khisamutdinov A. A. K istorii russkoi obshchiny v Pekine [On the history of Russian community in Beijing]. *Problemy Dal'nego Vostoka – Problems of the Far East*. 2004. No 2.
44. Khisamutdinov A. A. Russkie emigranty-vostokovedy v Kharbine Russian emigrants-orientalists in Harbin. *Izvestiya Vostochnogo institute – Oriental Institute Proceedings*. 2013. No 1(21).
45. *Tsentral'naya nauchnaya biblioteka DVO RAN* [Central Scientific Library of RAS Far East Branch]. Available at: <http://libserver.cnb.dvo.ru> (Accessed 19 January 2015).
46. Diao Shaohua. *Revue des études slaves*. Paris, 2001. No 73 / 2–3. (fr.)

УДК 340(091)

**АНТРОПОЛОГО-ПРАВОВОЙ ОБЗОР РАБОТЫ ФРИДРИХА ЭНГЕЛЬСА
«ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЕМЬИ, ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ И ГОСУДАРСТВА»**

© Эрдынеев Алдар Эдуардович

аспирант Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: ealdar90@yandex.ru

В статье проводится реферативный обзор основных положений работы Фридриха Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», в связи с современными научными взглядами на универсальные нормативные регуляторы поведения человека. Предлагается авторская позиция о комплексном подходе к изучению социальных норм и регуляторов, в основе которого находится тезис о необходимости изучения всего процесса антропогенеза с выделением ключевых «революционных» моментов. В связи с этим предложение Фридриха Энгельса о происхождении семьи и государства, основанное на поэтапном регулировании брачных отношений, начиная с промискуитета и заканчивая современной нуклеарной семьей, может быть полезным для исследования правогеиза. В статье предлагается авторская гипотеза о табу как универсальном социальном регуляторе, имеющем нормативный всеобщий характер.

Ключевые слова: Фридрих Энгельс, Льюис Морган, происхождение права и государства, происхождение семьи, род, пуналуальная семья, социальный регулятор, табу, социально-нормативная инженерия, юридическая антропология.

**ANTHROPOLOGICAL AND LEGAL REVIEW OF THE RESEARCH ON
«THE ORIGIN OF FAMILY, PRIVATE PROPERTY AND STATE» BY FRIEDRICH ENGELS**

Erdynееv Aldar E.

Research Assistant, Buryat State University
24a, Smolina, Ulan-Ude, 670000, Russia

The article adduces a summary of the main statements work of Friedrich Engels' work «Origin of the family, private property and state» concerning with the modern scientific view on the universal norm-setting-regulators of human behavior. The author's position on the integrated approach to the study of social norms and controls is proposed, it is based on the thesis of the need to study the whole process of anthropogenesis highlighting key "revolutionary" moments. In this connection proposal of F. Engels on the origin of the family and the state, based on the gradual regulation of marital relations, beginning with promiscuity and to the modern nuclear family, can be useful for research in the origin and evolution of law. The article proposes the author's hypothesis concerning taboo as a universal social regulator having normative universal nature.

Keywords: Friedrich Engels, Lewis Morgan, the origin of law and state, the origin of family, kinship, punalua family, social control, taboo, social and regulatory engineering, legal anthropology.

Исследование проблемы происхождения права и государства в современной юридической науке породило немало теорий, основывающихся на спорадически выявляемых закономерностях социальной организации человеческого общества. Приписывая таким закономерностям правовой и политический характер, исследователи встречаются с другой фундаментальной проблемой — а что, собственно, является правом и государством? Ответ на такой, казалось бы, философский вопрос, по нашему мнению, может скрываться в общем исследовании и детальном анализе всего процесса антропосоциогенеза в междисциплинарном комплексе.

В связи с поставленной задачей первым трудом к исследованию и анализу может быть четвертое издание книги Фридриха Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» [1]. Значение его работы трудно переоценить, хотя бы потому, что такая работа представляет научную ценность для многих наук: философии, социологии, истории, политологии, психологии, общей антропологии, антропологии права. В своей работе Энгельс исследует антропологические аспекты и значение системы родства для социальной и политической организации человечества, происхождение собственности и ее трансформацию из коллективной в частную, отношения собственности и их направленное влияние на возникновение современной моногамной семьи, а также разделение труда, приведшее к зарождению государства. Для юридической антропологии в работе Энгельса ин-

тересны, прежде всего, разделы, посвященные исследованию системы родства, генезису форм семьи, разделению труда, происхождению государства.

Системы родства в первобытных обществах, открытые и исследованные И. Я. Бахофеном [2], Дж. Мак-Леннаном [3], Л. Г. Морганом [4] и Ф. Энгельсом, интересны, в связи с большим конгломератом общественных отношений и их форм, требующих нормативной регуляции и подразумевающих, таким образом, наличие если не правовых, то уж социальных норм точно. При этом такая регуляция не была случайной, временной или возникшей только на определенной территории, а носила нормативный и всеобщий характер.

Кроме того, указанными учеными замечена особенность: понятия, которыми оперирует открытая указанными исследователями система родства в первобытном обществе, чаще не совпадает с понятиями, которые используются в современной системе. Бесспорно, что во все времена родственные обозначения (отец, ребенок, брат, сестра) подразумевали взаимные обязательства таких родственников друг перед другом. Принципиальная разница состояла в том, что существовавшая в первобытное время система родства находилась в противоречии с действительными родственными отношениями, а точнее, в противоречии с теми значениями, которые имеем в виду мы сегодня, говоря, например, об отце, брате, сестре и пр. Такому важному открытию мы обязаны Моргану, который исследовал современных ему ирокезов. Ирокез называет своими сыновьями и дочерьми не только собственных детей, но и детей своих братьев, а они называют его отцом [1, с. 28], и это несмотря на то, что всем было известно, кто является биологическим родителем.

Исследование такого несоответствия привело Моргана к открытию кровнородственной семьи, возникшей из первобытного состояния неупорядоченности, неурегулированности половых отношений между людьми. Если мы обратимся к этнологическим исследованиям, то, например, у отечественных ученых найдем, что предки человека в древнее время пребывали в состоянии промискуитета — неупорядоченности половых отношений между соплеменниками, отсутствия стабильных семейных пар [5, с. 75–76]. Учитывая, что результатом общественной эволюции человека стало образование традиционной семьи, то задачей является исследование генезиса брачно-семейных отношений, рациональное объяснение причинно-следственной связи между тем, что было и тем, что стало. Энгельс объясняет это поэтапным введением ограничений на промискуитет, причем каждый такой этап сопровождался новой формой семейно-родовых отношений: промискуитет — кровнородственная семья — пуналуальная семья — парная семья — моногамная семья.

Смысл кровнородственной семьи заключается в ограничении половых отношений между поколениями, однако братья и сестры все равно являются «супругами», т. е. имеют право вступать в половые отношения между собой. Запрет на половые отношения имел место только между поколениями.

Объясняя причины введения подобного ограничения, Энгельс ограничивается ссылкой на заключение Моргана о принципе естественного отбора: «... племена, у которых кровосмешение было благодаря этому шагу ограничено, должны были развиваться быстрее и полнее...» [1, с. 39]. Кроме того, такое ограничение сыграло важную роль в появлении рода — основы общественного порядка будущего человечества, и, по-видимому, такое объяснение должно стать самостоятельной причиной введения подобных запретов.

Дальнейшее ограничение свободы половых отношений должно было коснуться братьев и сестер. Оно привело к появлению пуналуальной семьи, а вместе с ней и рода. Пуналуальная семья образуется из кровнородственной в результате дополнительного исключения половых отношений внутри поколения между детьми одной матери. Введение таких ограничений, согласно Энгельсу, ведет к дуализации племени, основанной на принципе дозволения или, наоборот, запрета вступать в половые отношения с теми или иными «родственниками»; так, сын и дочь одной матери, ограниченные запретом вступать в половые отношения между собой, должны образовать две условные группы. Известное число сестер, единоутробных или более дальних степеней родства, было общими «женами» своих общих «мужей», из числа которых исключались их единоутробные братья. И, наоборот, известное число братьев были общими «мужьями» своих «жен», из числа которых исключались их единоутробные сестры.

Пуналуальная семья, приведшая к дуальности общины, ведет вместе с тем к появлению рода, основанного на материнском праве. Бахофен, вводя понятие «материнское право», подразумевал, что происхождение того или иного члена общины в рассматриваемый момент можно определить только по матери, так как свобода половых отношений, пусть и ограниченная вертикальными (предок — потомок) и частично горизонтальными (родной брат — родная сестра) половыми табу, все же не позво-

ляла определить биологического отца, зато по вполне понятным причинам возможно с точностью определить мать.

Дальнейшее введение ограничений на половые отношения между родственниками, которых в действовавшей системе родства было много, приводит к появлению парной семьи — семьи, уже более-менее похожей на традиционную нуклеарную, которая состоит из двух родителей (отца и матери) и их детей. Однако в парной семье мужчине все равно принадлежит право «сожительствовать» с любой другой женщиной, не являющейся по отношению к такому мужчине запретным родственником. Однако, учитывая все большее ограничение, а следовательно, все меньшее возможное количество вариантов у мужчины «сожительства», семья становится все более стабильно состоящей из двух родителей и их детей.

И снова введение таких ограничений связывается с естественным отбором. «...Браки между членами родов, не состоящих в кровном родстве, создавали породу более крепкую как физически, так и умственно, два прогрессирующих племени сливались воедино, и у новых поколений череп и мозг естественно достигали размеров, соответствующих совокупным способностям обоих племен...» [1, с. 49].

Следующая и последняя форма семьи — современная моногамная, обязана своим возникновением, по мнению Энгельса, развитию производственных отношений, появлению излишка продукта и частной собственности, а также порядком наследования.

Именно порядок наследования и право на наследство стали решающим фактором, определившим переход от материнского права (ведения родства по матери) к отцовскому (ведения родства по отцу), так как, согласно материнскому праву, умершему члену рода наследовали его сородичи [1, с. 58], а не потомки, таким образом, имущество оставалось внутри рода. Развитие же сельского хозяйства, животноводства, образовавшийся излишек продукта порождали стремление отца-собственника изменить традиционный порядок наследования в пользу своих детей. Но это не могло иметь место, пока происхождение определялось в соответствии с материнским правом [1, с. 59], поэтому материнское право должно было быть низвергнуто, и оно было низвергнуто, притом безболезненно: потомство членов рода мужчин стало оставаться внутри этого рода, а потомство женщин исключалось и переходило в род своего отца.

Таким образом, мы видим, что современная моногамная семья оформилась в существующей форме в результате трансформации из промискуитетной группы сначала через введение вертикальных и горизонтальных половых табу — запретов на половые отношения между поколениями и внутри поколений, а затем — через смену материнского права (основы родовой организации) на отцовское, выразившуюся в смене порядка определения происхождения и определившую новый порядок наследования.

Переходя от реферативного обзора работы Энгельса к антрополого-правовому анализу происхождения семьи и государства, отметим, что настоящая работа не ставит своей целью критику выводов, сделанных Энгельсом, однако необходимо учитывать, что критических исследований работы Энгельса в отечественной науке нет, или о них неизвестно.

Описанные в работе Энгельса различные формы семьи связываются с феноменом полового табу — запрета на половые отношения. Говоря об ограничении половых отношений, Энгельс поддерживает Моргана в вопросе о причинах такого ограничения. По их мнению, движущей силой, побудившей наложить запрет на половую свободу среди соплеменников, стал естественный отбор, борьба за улучшение генофонда, так как кровосмешение приводит к патологиям у потомков, однако у людей, не состоящих в кровном родстве, рождается здоровое потомство. Каких-либо других объяснений у Энгельса мы не встречаем. Вместе с тем такое объяснение абсолютно бездоказательно, оно является современным и в настоящий момент до сих пор полностью не исследованным и не подтвержденным.

Советскими этнографами, под руководством Ю. В. Бромлея, указывается, что становление человеческого общества с необходимостью предполагает подавление животных инстинктов, их введение в социальные рамки [5, с. 75]. Введение полового табу как раз должно было стать той «социальной рамкой», которая оказала большое влияние на развитие хозяйственной деятельности, так как неупорядоченность половых отношений, по-видимому, являлась серьезным препятствием к эффективному хозяйствованию и очень сильно влияла, например, на охоту. В обоснование такой точки зрения советские ученые описывают поведение современных им жителей деревни Лезу (о. Новая Ирландия, Меланезия) [5, с. 78], которые убеждены во вреде нарушения полового табу во время охоты,

или индейцев нутка, считавших причиной несчастных случаев в охоте на китов — нарушение кем-либо из охотников запрета на половые сношения [6, с. 227].

Несостоятельность такой гипотезы о причинах появления табу заключается в самой причине: введение полового запрета в жизнь наших предков должно было привести к развитию человеческого общества. Но разве можно предположить, что первобытный человек, идя к построению человеческого общества, намеренно вводит свое поведение в некие «социальные рамки»? Сама мысль, что первобытный человек идет к «построению человеческого общества», осознанно стремится к следующему, социально более развитому состоянию, абсурдна.

Психологическое объяснение табу предлагает Зигмунд Фрейд: табу представляет собой очень древние запреты, когда-то извне наложенные на поколение примитивных людей, то есть насильственно навязанные этому поколению предыдущим. Эти запреты касались деятельности, к которой имела большая склонность. Они сохранялись от поколения к поколению, может быть только вследствие традиции, благодаря родительскому и общественному авторитету, но возможно, что они уже «организовались» у будущих поколений как часть унаследованного психического богатства [7, с. 52]. Табу при этом поддерживалось в обществе, благодаря амбивалентности чувств: с одной стороны, у человека было очень сильное желание нарушить запрет, а с другой — это самое желание внушало не менее сильный страх.

Гипотеза Фрейда о табу не объясняет самой причины его появления, так как если такой запрет был наложен этому поколению предыдущим, то тогда возникает закономерный вопрос: кто наложил этот запрет предыдущему поколению?

В один ряд с Фрейдом можно привести взгляды представителей британского структурализма, например, Рэдклиффа-Брауна. Он говорит, что табу есть ритуальный запрет — правило поведения, которое связано с верой в то, что нарушение этого правила приведет к нежелательному изменению в ритуальном статусе нарушителя. Это изменение ритуального статуса в разных обществах представляется по-разному, однако везде присутствует идея, что нарушение вызывает вероятность большого или небольшого несчастья с человеком, который нарушает правило [8, с. 134–143]. Табу, являясь общественной ценностью, способствует благополучию общества, защищает от зла [8, с. 264–265].

О суггестивной природе табу пишет отечественный антрополог Б. Ф. Поршнев. Согласно Б. Ф. Поршневу, табу является фактором, обуславливающим подавление желания вступать в половые отношения у одного человека другим. Само понятие «суггестия» можно иначе назвать внушением, психологическим воздействием на сознание человека, при котором происходит некритическое восприятие им убеждений и установок [9, с. 567–589]. Иначе говоря, половое табу является категорическим императивом, который один человек внушает другому. К потенциальным причинам необходимости такого внушения Б. Ф. Поршнев относит дивергенцию между палеоантропами и неоантропами, «отпочковавшимися» от палеоантропов в ходе биологической эволюции и являющимися прямыми предками современного человека. Б. Ф. Поршнев пишет, что начавшаяся дивергенция объективно должна была породить суггестию у неоантропа в виде запрета вступать в половые отношения со своим рядом живущим «предком» — палеоантропом, так как у последнего, на фоне острого дефицита еды, мог развиться каннибализм. Неоантроп, в целях подавления такого вредного качества, путем суггестии внушал другому неантропу не вступать в половые отношения с палеоантропом, и таким образом каннибализм не должен был транслироваться от палеоантропа-каннибала на нашего предка [9, с. 506–509].

Такие разнонаправленные взгляды на природу и причины табу показывают, что табу является универсальным социальным регулятором, распространенным раньше повсеместно, и вместе с тем до конца не изученным в настоящее время феноменом. Для юриста-антрополога же важен вывод, что табу имело нормативную регулирующую силу. Как было указано ранее, именно табу на половые отношения сначала между поколениями привело к формированию кровнородственной семьи, а затем табу на половые отношения внутри поколения между родными братьями и сестрами — к пуналуальной семье. Появление такой формы семьи как пуналуальная привело также к оформлению рода. Говоря об ирокезском роде, Энгельс описывает обычаи, имевшие место, например, у племени сенека: избрание сахема (старейшина для мирного времени) либо вождя и их смещение, экзогамия каждого рода, имущественные отношения внутри рода и пр. Однако, собственно, род сам по себе не является предтечей государства, также в нем не могло зародиться право. По утверждению В. В. Лапаевой и А. Т. Тумуровой, единым и единственным источником социогенеза, политогенеза и правогенеза является дуальная структура первичного первобытного социума [10, с. 15]. Дуально-родовая организа-

ция первобытного общества носила всеобщий характер. Огромная роль, которую сыграла дуальная организация в жизни первобытного общества, раскрыта в работах С. П. Толстова [11] и А. М. Золотарева [12].

Почему же род не мог быть первичной протогосударственной и протоправовой структурой? Отношения внутри рода основывались на жесткой экономической зависимости членов рода между собой, поэтому нормы, регулирующие такие отношения, не могли вырабатываться свободной волей и были построены по принципу братской солидарности [12, с. 14]. Вместе с тем либертарная теория правопонимания исходит из того, что право строится на принципах свободы, формального равенства и справедливости. Внутри рода принцип свободы реализоваться не мог по указанной причине. Однако дуально-родовая организация, в которой роды равны между собой, а также свободны по отношению друг к другу, могла создать и, по нашему мнению, создала почву для генезиса права. Зачатки государства в дуально-родовой организации общества прослеживаются в управлении дуальной организацией родовых общин, оформившей межродовые институты власти, ставшие институциональной формой обеспечения равноправных отношений между родами [12, с. 15]. Отметим, что под государством в данном контексте понимается правовая форма общей (публичной) власти [13, с. 56].

Итак, в связи с проведенным обзором обозначенной работы Фридриха Энгельса важно отметить существование еще не исследованных, скрытых закономерностей происхождения государства и права. Казалось бы, Энгельс пролил свет на тайну возникновения государства, однако в связи с появляющимися в последнее время новыми исследованиями [14, 15] вопрос происхождения права и государства приобретает новые грани и требует новых подходов к своему изучению.

Литература

1. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана. — М., 1976. — 240 с.
2. Бахофен И. Я. Материнское право. — М., 1861.
3. Мак-Леннан Дж. Первобытный брак. Исследование о происхождении обряда похищения в свадебных церемониях. — 1865.
4. Маркс К. Конспект книги Л. Г. Моргана «Древнее общество» // Архив Маркса и Энгельса. — М., 1941. — Т. 9.
5. Бромлей Ю. В. История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. — М., 1986. — С. 75–76.
6. Sproat G. M. Scenes and studies of savage life. — London, 1868.
7. Фрейд З. Тотем и табу. — СПб., 2005. — С. 52.
8. Radcliffe-Brown A. R. Structure and function in Primitive Society. — Cohen&West, 1952.
9. Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). — М., 2006.
10. Лапаева В. В., Тумурова А. Т. Процессы генезиса права с позиций принципа формального равенства // Актуальные вопросы истории и теории государства и права.
11. Толстов С. П.: 1) Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен / Проблемы истории докапиталистических обществ, 1935. — № 9–10; 2) Древний Хорезм. — М., 1948.
12. Золотарев А. М.: 1) Родовой строй и религия ульчей. — Хабаровск, 1939; 2) Родовой строй и первобытная мифология. — М., 1964.
13. Нерсесянц В. С. Философия права: учебник для вузов. — М., 1998. — С. 56.
14. Швецов С. П. Метаморфозы права. Право и правовая традиция. — М., 2014. — 408 с.
15. Даймонд Дж. Ружья, микробы и сталь: история человеческих сообществ / пер. с англ. М. Колопотина. — М., 2010. — 604 с.

References

1. Engels F. *Proiskhozhdenie sem'i, chastnoi sobstvennosti i gosudarstva. V svyazi s issledovaniyami L'yuisa G. Morgana* [Origin of a Family, Private Property and a State. In connection with Lewis G. Morgan studies]. Moscow, 1976. 240 p. (transl. from Germ.)
2. Bakhofen I. Ya. *Materinskoe pravo* [Matriarchy]. Moscow, 1861.
3. McLennan J. *Pervobytnyi brak. Issledovanie o proiskhozhdenii obryada pokhishcheniya v svadebnykh tseremoniyakh* [Primitive marriage. The study of the origin of ritual abduction in wedding ceremonies]. 1865. (transl. from Engl.)
4. Marx K. *Konspekt knigi L. G. Morgana «Drevnee obshchestvo»* [Summary of L.G. Morgan's book "Ancient Society"]. *Arkhiv Marksa i Engel'sa – Archive of Marx and Engels*. Moscow, 1941. Vol. 9.
5. Bromley Yu. V. *Istoriya pervobytnogo obshchestva. Epokha pervobytnoi rodovoi obshchiny* [Prehistory. The era of the primitive tribal community]. Moscow, 1986. P. 75–76.

6. Sproat G. M. *Scenes and studies of savage life*. London, 1868.
7. Freud S. Totem i tabu [Totem and Taboo]. St Petersburg, 2005. P. 52. (transl. from Germ.)
8. Radcliffe-Brown A. R. *Structure and function in Primitive Society*. Co-hen&West, 1952.
9. Porshnev B. F. *O nachale chelovecheskoi istorii (problemy paleopsikhologii)* [On the beginning of human history (problems of paleopsychology)]. Moscow, 2006.
10. Lapaeva V. V., Tumurova A. T. Protsessy genezisa prava s pozitsii printsipa formal'nogo ravenstva [Processes of law genesis on the strength of formal equality principle]. *Aktual'nye voprosy istorii i teorii gosudarstva i prava – Actual problems of history and law theory of State*.
11. Tolstov S. P. 1) Perezhitki totemizma i dual'noi organizatsii u turkmen [Remnants of totemism and dual organization of Turkmen]. *Problemy istorii dokapitalisticheskikh obshchestv – Problems of pre-capitalist societies history*, 1935. No 9–10; 2) *Drevnii Khorezm* [Ancient Khorezm]. Moscow, 1948.
12. Zolotarev A. M. 1) *Rodovoi stroi i religiya ul'chei* [Tribal system and religion of Ulchas]. Khabarovsk, 1939; 2) *Rodovoi stroi i pervobytnaya mifologiya* [Tribal system and primitive mythology]. Moscow, 1964.
13. Nersesyants V. S. *Filosofiya prava* [Philosophy of law]. Moscow, 1998. P. 56.
14. Shvetsov S. P. *Metamorfozy prava. Pravo i pravovaya traditsiya* [Law metamorphoses. Law and law tradition]. Moscow, 2014. 408 p.
15. Diamond J. *Guns, Germs, and Steel: The Fates of Human Societies*. Moscow, 2010. 604 p. (transl. from Engl.)

ВОПРОСЫ КОНСТИТУЦИОННОГО И АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА

УДК 342.22

ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО: ПРОИСХОЖДЕНИЕ ИДЕИ И ПРИЗНАКИ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

© *Миронов Дмитрий Николаевич*

доктор юридических наук, научный консультант Конституционного суда Республики Саха (Якутия) Россия, 677000, г. Якутск, Белинского, 58

E-mail: chairman_ks@mail.ru

Статья посвящена вопросам изучения происхождения идеи правового государства. В ней предлагается авторское понимание признаков правового государства применительно к современному Российскому государству. Подробно проанализировано развитие политико-правовой доктрины правового государства в отечественной и зарубежной юриспруденции. В качестве признаков российского правового государства рассмотрены: 1) верховенство Конституции Российской Федерации; 2) правовое обеспечение служения государства общему благу; 3) правовые гарантии самостоятельности общества; 4) гарантирование прав и свобод человека.

Ключевые слова: идея правового государства, признаки правового государства, политическая сфера, неполитическая сфера, гражданское общество

LEGAL STATE: GENESIS OF IDEA AND FEATURES OF THE LEGAL STATE

Mironov Dmitry N.

LLD, scientific consultant of the Constitutional Court of the Republic of Sakha (Yakutia) 58, Belinskogo, 677000, Yakutsk, Russia

The article is devoted to the issues of genesis of the idea of the legal state. In the article the author's conception of the features of the legal state is proposed concerning the Russian modern state. The development of political and legal doctrine in the homeland and foreign jurisprudence has been thoroughly analyzed. As the features of the Russian legal state are considered: 1) supremacy of the Constitution of the Russian Federation; 2) legal provision of the state service to common weal; 3) legal guarantees of society independence; 4) guaranteeing of human rights and freedoms.

Keywords: idea of the legal state, features of the legal state, political sphere, nonpolitical sphere, civil society.

В настоящее время идея и практика правового государства вызывают в науке ожесточенные споры. В зарубежной литературе одни призывают отказаться от правового государства, считая, что оно, выполнив миссию, исчерпало свои возможности. Другие же авторы выступают за дальнейшее обеспечение развития правовой государственности¹. Двойственного отношения к правовому государству не избежала и российская общественная мысль. Здесь одни подчеркивают необходимость разработки новой парадигмы доктрины правового государства², другие высказывают сомнения относительно совместимости правового государства с концепциями служения государства общему благу³ и социального государства⁴.

¹ Хабриева Т. Я. Правовое государство: вызовы времени и задачи конституционного правосудия // Конституционный контроль: доктрина и практика. — М.: Норма, 2012. — С 97–98.

² Там же. — С. 97.

³ Профессор Б. С. Эбзеев применительно к Российскому государству пишет о насущной потребности в восстановлении потенциала социального служения государства. — Эбзеев Б. С. 1) Конституция, власть и свобода в России. Опыт синтетического исследования. — М.: Проспект, 2014. — С. 317; 2) Российская президентура, или Великий обет служения народу // История. Право. Политика. — 2012. — № 3–4.

⁴ Профессор В. П. Малахов доказывает, что в современных условиях «социальное государство поглощает правовое государство». Он считает, что в современном мире правовое государство «изжило себя». В своих построениях В. П. Малахов исходит из того, что «полноценную социальную политику невозможно осуществлять в рамках правовых форм». — Аубакирова И. У. Трансформация парадигмы социального государства: теоретико-правовой аспект // Государственная власть и местное самоуправление. — 2014. — № 6. — С. 7–8.

Обратимся к изучению происхождения идеи правового государства и рассмотрим его признаки.

1. Проблема происхождения идеи правового государства занимает внимание ученых¹. На этот счет дореволюционные отечественные авторы в основном следовали за европейскими исследователями вопроса². В советское время происхождение идеи в большей мере связывалось с борьбой буржуазии против абсолютной монархии и необходимостью ограничения государства в интересах новых собственников, используя права человека и возможности права³.

Авторы современных работ возникновения правового государства связывают с процессом развития государства и права. Укоренение в нем начал гуманизма рассматривается как основание восприятия государства в качестве ценности⁴. А по мере развития права, государство стали представлять как форму выражения правового состояния общества⁵. Не случайно государство связывают с критериями идентификации народа как субъекта истории⁶ и обосновывают вывод о совместимости сильного государства с правовой государственностью⁷.

Идея правового государства связана с вхождением общества в стадию новой парадигмы развития. Переход от традиционного общества к техногенному потребовал новой организации государства. Государство, основанное на личности государя, было заменено государством, выступавшим в качестве высококвалифицированной профессиональной организации. Право, основанное на научной рациональности и признании прав человека, смогло оттеснить от государства иные способы социального регулирования, в том числе морально-этические и религиозные. «Союз» права и государства подкреплялся тем, что общество техногенной цивилизации, вовлекаясь в процесс наращивания производства, на базе более широкого понимания равенства всех перед судом, администрацией и законом, добивалось постоянного улучшения качества жизни людей. Соответственно, возвышалось институциональное значение государства и права. Негативные последствия бюрократизации государства и расширения правового регулирования снимались распространением идеи правового государства.

В современных условиях идея правового государства переживает воздействие новых факторов. Один из них связан с современным положением культуры техногенного развития. Действительно, «в настоящее время техногенная цивилизация «...» приблизилась к той "точке бифуркации", за которой может последовать ее переход в новое качественное состояние»⁸. В этих условиях распространяется «открытый рационализм», позволяющий соизмерять свое положение с достижениями мировоззренческих идей традиционалистских культур⁹. Второй фактор связан с расширением пространства действия техногенной цивилизации. Во второй половине XX в. процесс вышел за пределы государств,

¹ Раянов Ф. М. Введение в правовое государство. — Уфа. 1994; Малюшкин А. А. Концепция современного правового государства. — М., 2005; Раянов Ф. М. Теория правового государства. Проблемы модернизации. — Уфа. 2010; Малахов В. П., Клименко А. И. Актуальные проблемы правовой теории государства. — М., 2013.

² Так, правовое государство рассматривалось как «высшая форма государственного бытия». — Кистяковский Б. А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. — М., 1916.

³ Такая позиция проникла в учебную литературу по теории государства и права и по государственному праву.

⁴ В этом плане выделяется значение понимания Аристотелем и Цицероном роли распространения действия права на организацию и деятельность государства. Как политическое явление, право очеловечивает государство как источника деспотии и насилия. — Зорькин В. Д. Конституционно-правовое развитие России. — М., 2011. — С. 52.

⁵ Так, Спиридонова В. И. считает, что на Западе государство связывалось с задачей предупреждения конфликта или примирения сторон. «Логическим продолжением этой идеи является модель правового государства, ибо право призвано найти равновесие частной свободы и общего блага». — Спиридонова В. И. Эволюция идеи государства в западной и российской социально-философской мысли. — М., 2008. — С. 60.

⁶ Эбзеев Б. С. Российская президентура, или Великий Обет служения народу // История. Право. Политика. — № 3–4. — 2012.

⁷ Теория разрабатывается во многих исследованиях. «Говоря о сильном государстве, мы, прежде всего, имеем в виду, что его сила — в доверии граждан, в их поддержке и во всеобщем соблюдении законов и прав граждан». — Шестопал А. П. Ценностные характеристики политического процесса и стратегия развития страны // Полис. — № 2. — 2014. — С. 70.

⁸ Степин В. С. Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. — М.: Прогресс — Традиция, 2003. — С. 672.

⁹ Там же. — С. 693–697.

отождествляющих себя с понятием Запад. Так, политическую систему стали трактовать «с упором на национальные исторические особенности формирования политической культуры народов» и постулировать национальную политическую ментальность¹. Идея правового государства вошла в состав не только Конституций Германии, Испании, Швейцарии и других западноевропейских стран, но и в основные законы России, Китая, Бразилии, Казахстана и т. д. Выяснилось, что идея правового государства может быть совместима с разными историческими и национальными культурами. В Китайской Народной Республике признана возможность реализации идеи правового государства в условиях возрождения конфуцианства, следования курсу социалистического строительства и сохранения политического руководства со стороны Коммунистической партии. На Западе демократия рассматривается в качестве единственного источника легитимности государственной власти, а в Китае, как считают специалисты, легитимность власти вырастает из исторического прошлого страны.

Необходимость реализации идеи правового государства закреплена в статье 1 Конституции России. Здесь в 90-х гг. прошлого столетия усилия направлялись на претворение классического понимания идеи правового государства. В настоящее время ситуация такова, что правовое государство воспринимается как процесс, в котором могут быть отражены особенности России, переходный характер отношений, стадии развития индивида, общества и государства. Есть возможность совмещения идеи правового государства с философией народа о естественной природе человеческих отношений, роли в развитии человека материального и духовного благополучия. В этом смысле идея правового государства имеет шанс развиваться и действовать в соответствии с идеалами русского духовного мира. Значит, в целом речь идет о том, чтобы воспользоваться идеей правового государства, чтобы построить российское правовое государство. Надо сказать, что это соответствует общей вехе, когда сегодня в стране происходит возврат к базовым ценностям².

2. Председатель Конституционного Суда Российской Федерации В. Д. Зорькин пишет: «К настоящему времени еще ни по одному из принципиальных аспектов этой темы не сложилось того единства взглядов, которое позволяло бы говорить о российской юридической науке общепризнанной доктрины правового государства»³. Существуют различные подходы ученых по многим вопросам правовой государственности. Одни авторы считают, что правовое государство выступает формой известных разновидностей государства. Другие — категорически не соглашаясь с такой постановкой, полагают, что правовое государство является новым историческим типом государства⁴. Отсюда в работах первой группы авторов изучаются признаки правового государства, а другая группа исследователей речь ведет о принципах правового государства⁵.

Если говорить о подходе исследователей к признакам правового государства, то авторы оперируют разными положениями и не совпадающим количеством признаков. Так, профессор В. А. Четвернин в качестве признаков правового государства рассматривает верховенство правовых законов, гарантии свободы и собственности и разделение властей⁶. Профессор В. Е. Чиркин пишет, что «правовое государство — это взаимные права и обязанности, взаимная ответственность общества, государства, коллектива и личности»⁷. В учебной литературе по конституционному праву правовым считается такое государство, которое признает разделение властей, независимость суда, законность управления и правовую защиту граждан от нарушения их прав⁸.

Считается, что демократия является признаком правового государства. На это М. Н. Марченко справедливо указывает, что демократия может быть как в правовом государстве, так и в государстве, которое нельзя охарактеризовать правовым⁹. Правовое государство является демократическим госу-

¹ Дринова Е. М. Национальная модель политической модернизации России и топосы политизации религии // *Власть*. — 2014. — № 11. — С. 56.

² Горшков М. К. Проблемы национальной безопасности в информационном обществе // *Власть*. — 2014. — № 11. — С. 10.

³ Зорькин В. Д. Конституционно-правовое развитие России. — М.: Норма. 2011. — С. 53.

⁴ Раянов Ф. М. Теория правового государства. — Уфа, 2010.

⁵ Данный спор подробно анализируется в работах известных авторов. — Раянов Ф. М. Теория правового государства. — Уфа, 2010. — С. 45–49.

⁶ Четвернин В. А. Демократическое правовое государство: введению в теорию. — М.: Наука. 1993. — С. 62–64.

⁷ Чиркин В. Е. Современное государство. — М.: Международные отношения. — 2001. — С. 26.

⁸ Конституционное право Российской Федерации / отв. ред. С. И. Носов. — М., 2014.

⁹ Марченко М. Н. Демократия как атрибут правового государства // *Государство и право*. — 2014. — № 5. — С. 20.

дарством, реализующим народовластие, по определению. Поскольку в правовом государстве человек является объектом и субъектом власти управления, постольку демократия идентифицируется как один из атрибутов правового государства¹. В качестве признака правового государства признают «законность» (ограничение государства законностью, связанность государства законами). Несостоятельность подхода доказывается его инерционной направленностью². Кроме того, степень самоограничения государства оказывается в его же власти³.

3. Понятие признак имеет несколько значений. В одном случае признак — это показатель, примета, знак, по которым можно узнать, определить что-либо. В другом случае признак — это свидетельство, доказательство. В третьем случае — это отличительное свойство и качество⁴. Отсюда, по меньшей мере, можно говорить о неоднозначности понятия «признаки правового государства».

Рассмотренное выше показывает, что правовое государство как юридическое понятие обладает всеми чертами общетеоретической категории. Как логическая конструкция правовое государство является итогом мыслительной деятельности. Однако оно опирается на естественную обусловленность государства и права, на их природное (общечеловеческое) единство. Выражает действительную роль права в «организации» государства и в обеспечении функционирования его структур. Учитывает то, что государство, используя право, гарантирует себе общение с индивидами, коллективами и в целом с обществом. Категория «правовое государство» выступает критерием оценки и государства, и права. Государство без права является концентрацией власти. Право без государства — совокупностью запретов и дозволений, угодных сильному и богатому меньшинству. Итак, категория правовое государство является общей идеей.

Правовое государство как идея, взятая на уровне абстракции, реализуется исторически конкретным обществом, в определенной географической среде, при стечении своеобразных культурных, экономических, политических и ментальных условий. На этом уровне формирование правового государства осуществляется как параллельный процесс, допускающий поливариантное решение вопросов.

Отсюда будет логически оправдана необходимость установления признаков правового государства на двух уровнях. На уровне общего признаки правового государства показывают черты, приметы, знаки вида государственности в системе политической организации общества. Это общие признаки правового государства. Поскольку в них непосредственно отражается сущность государства, постольку их следует воспринимать как принципы правовой государственности. В частности, такие начала политической организации, как верховенство права, народовластие и разделение властей, по сути, занимают место и роль принципов правовой государственности. Профессор В. Д. Зорькин справедливо указывает, что эти положения характеризуют сущностные признаки правового государства⁵. Роль принципов правового государства состоит в том, чтобы наиболее полно представить «правовое качество государства»⁶.

Принципы правового государства показывают степень погружения государства в сферу права. Совместимость его организации и деятельности с идеями права. Погружение государства в сферу права означает и вовлечение права в область государственного бытия. С этим право обретает жизнестойкость. Укрепляется его нормативность и общеобязательность. При этом вся правовая материя, связанная с государственной жизнью, начинает «работать» под надзором принципов правовой государственности.

Идея правового государства связана с общими факторами, определяющими процесс ее реализации. Но как эти факторы, так и сама идея правового государства являются общими установками. На практике общие факторы носят конкретно-исторический характер. Поэтому идея правового государства реализуется с учетом истории данной страны. При этом, как показывает практика, особое значение имеет несколько моментов. В каждой стране перечисление их, наверное, может быть различным. Применительно к России, среди них выделяются значение национально-культурного портрета населения и особая роль государства в обеспечении организации и развития общества. Традиционные ценности российского пространства — исторические корни, идентичность, отсутствие противопоставле-

¹ Марченко М. Н. Демократия как атрибут правового государства // Государство и право. — 2014. — № 5. — С. 19.

² Зорькин В. Д. Конституционно-правовое развитие России. — М., 2011. — С. 53.

³ Нерсесянц В. С. Философия права. — М., 2006. — С. 135.

⁴ Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. — М., 2006. — Т. 2. — С. 1003.

⁵ Зорькин В. Д. Конституционно-правовое развитие России. — М.: Норма, 2011. — С. 53.

⁶ Там же. — С. 60.

ния материального духовности, семья, моральные императивы, традиции, национальная культура, религия — определяют ментальность населения, выступают фактором постепенного развития¹. В силу своих культурных особенностей Россия воспринимается как «уникальная мировая цивилизация». «Надо учитывать, что для нашей страны характерна региональная специфика, этнокультурное и религиозное многообразие, которое на протяжении столетий не подавлялось, а сберегалось. И сегодня его сохранение — это не только залог прочности российской государственности, но и наше великое конкурентное преимущество»². Известно, что в России роль государства в обеспечении развития общества всегда оставалась своеобразной. Именно государство выступало организатором непрерывного и целенаправленного развития общества. «Именно государство всегда в истории Отечества выступало главным двигателем культуры и прогресса»³. К тому же в российской истории индивид не всегда играл существенную роль в определении направления развития общества⁴. А коллектив и общество, хотя и сохраняли за собой определенную независимость, но не в масштабах, необходимых полноправному субъекту творчества. С учетом этого, в России общие начала правового государства действуют как принципы. В качестве признаков российского правового государства выступают следующие положения: 1) верховенство Конституции Российской Федерации; 2) правовое обеспечение служения государства общему благу; 3) правовые гарантии самостоятельности общества; 4) гарантирование прав и свобод человека. Признаки российского правового государства касаются различных сторон характеристики взаимодействия государства и права. Функциональное единство признаков российского правового государства основаны на том, что развитие новой России будет и далее базироваться на особой роли государства. Но при этом, перечень субъектов творчества будет расширен за счет вовлечения в историческое творчество общества и индивида.

4. В связи с приведенным перечнем признаков правового государства в Российской Федерации можно высказать несколько положений поясняющего характера. Выделением Конституции Российской Федерации качестве признака российского правового государства подчеркивается тот факт, что она, как Основной закон, олицетворяет верховенство права. Во всех тех случаях Основной закон имеет верховенство, в том числе над общепризнанными принципами и нормами международного права и международных договоров Российской Федерации. В плане социальном Конституция РФ в истории России является результатом общественного договора, достигнутого между всеми противоборствующими силами⁵. В силу этого Основной закон в полной мере обеспечивает социальную трансформацию и не нуждается в дополнениях. Конституция связана с формированием субъективного фактора исторического творчества, а именно с воспитанием у населения конституционного патриотизма⁶.

Выделение служения государства общему благу в качестве признака правового государства соответствует исторической черте Российского государства. Будучи позитивной стороной российской истории, служение государства общему благу не всегда в должной мере связывалось с правом. Применительно к современности такая увязка необходима во многих отношениях. Можно согласиться с мнением, согласно которому, создание сильного государства является «важнейшим условием сохранения демократических ценностей в нашей стране, обретения обществом стабильности»⁷. Сильное государство должно быть предсказуемым, значит, связанным с правом и законодательством. Связь служения государства общему благу с правом способна уяснить правовую природу многих проявлений общественно-государственной жизни. В частности, распространения конституционализма вширь и вглубь, «юридизации» федеративных отношений, «ручного управления», предпринимаемого в гос-

¹ Властные структуры и группы доминирования // Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации: материалы X Всерос. семинара. — СПб., 2012.

² Выступление В. В. Путина на заседании Совета по национальным отношениям 11.09.12 г. [Электронный ресурс] // Президент России. — URL: www.kremlin.ru/news/1692

³ Эбзеев Б. С. Конституция, власть и свобода в России (опыт синтетического исследования). — М., 2014. — С. 5.

⁴ Оболенский А. В. Драма российской политической истории: система против личности. — М., 1994.

⁵ Шахрай С. М. О Конституции. Основной закон как институт правовых и социально-политических преобразований. — М.: Наука, 2013. — С. 58–65.

⁶ Президент Российской Федерации на встрече с заведующими кафедрами конституционно-правовых дисциплин высказывал пожелание: «Очень бы хотелось, чтобы основные положения Конституции внедрялись в общественное сознание и воспринимались обществом как важнейший элемент стабильности нашего государства».

⁷ Шестопал А. П. Ценностные характеристики политического процесса и стратегия развития страны // Полис. — 2014. — № 2. — С. 70.

ударстве. Объяснить условия и порядок индексирования и повышения уровня пенсионного обеспечения. Раскроется правовая природа подразумеваемых (скрытых) полномочий главы государства. Будет достигнута ясность в отношении практики реализации дискреционных полномочий законодателя, интерпретационной деятельности Конституционного Суда Российской Федерации, а также административного и судебного усмотрения. Используя данную увязку, можно будет определить пределы администрирования, положение в сфере публичных отношений правоохранительных органов. Обращение к тренду служения государства общему благу можно подкрепить ссылкой на результаты опроса населения¹.

Термин «прецедент» не является однозначным понятием. «Прецедент» — это решение суда или какого-либо иного государственного органа, вынесенное по конкретному делу и обязательное при решении аналогичных дел в последующем. В то же время под прецедентом принято обозначать или поступок в прошлом, служащий примером или оправданием для последующих случаев или поступков того же рода случай². В данном случае второе из названных значений термина «прецедент» может быть соотнесено с процессом достижения равновесия между интересами общества и политической системы.

Известно, что неполитическая сфера (гражданское общество, а по терминологии Ю. Хабермаса — «жизненный мир») не совпадает с политической сферой (политической системой, политическим миром). Различны параметры их бытия, организации и функционирования. Различия их возможностей не раз демонстрировались в истории России. Российское общество в истории не раз выступало в качестве силы, способной отстаивать коренные интересы народа и государства. Действующая Конституция РФ закрепляет положение, согласно которому, многонациональный народ является носителем суверенитета и единственным источником власти. Тем самым конституируется самостоятельность общества по отношению к политической системе и государству. Тут возникает вопрос: ради чего жизненная сфера нуждается в самостоятельности? Раньше на этот вопрос отвечали так: главным в развитии общества оказывалось способствование совершенства государства и государственной власти. В 90-х гг. прошлого столетия все возможности общества связывались с реализацией демократического потенциала избирательной системы. В настоящее время наблюдается деятельность, направленная на вовлечение неполитической сферы с область развития политических отношений. Отсюда практика институционализации некоторых форм гражданской активности населения, в том числе в области осуществления представителями общественности общественного контроля³. Разумеется, этим спектр самостоятельности общества не исчерпывается. За пределами внимания политики остается множество общественных объединений, движений, гражданских инициатив. Комментируя ситуацию, политологи указывают, что не все в обществе связано с борьбой «за обладание государственной властью как инструментом легального насилия». В обществе поддерживается «процесс выявления и разрешения социальных проблем при участии государственной власти»⁴. В конечном счете самостоятельность общества служит средством не только предупреждения рисков, связанных с разрывом обратных связей общества и власти, но страхования народа и государства от случая.

Во взаимоотношениях политической и неполитической сфер (жизнедеятельности общества) организованность и самоорганизация действуют как естественные свойства социума. Границы их действительности заранее не установлены, поскольку они коренятся, так сказать, «в природе вещей». И в современных условиях реальность сферы самоопределения индивида, пространства самодеятельности коллектива и область самоорганизации общества не исключаются. Индивид, коллектив и общество выбирают темы своего развития, но пределы организованности и самоорганизации субъекта социума, в том числе в утверждении порядка и безопасности, зависят от их целей. Соответственно, активность неполитической сферы дифференцируется. Ее амплитуда в XIX в. была иной, чем в советское время. Динамика развития активности неполитической сферы в 90-х гг. прошлого века отличалась от той, которая есть в настоящее время. Все это не исключает участия политической сферы в

¹ Петухов В. В., Бараш Р. Э. Русские и «русский — мир»: исторический контекст и современное прочтение // Полис. — 2014. — № 6. — С. 92.

² Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. — М., 2006. — Т. 2. — С. 986.

³ Федеральный закон «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» от 21 июля 2014 г. — № 212.

⁴ Подъячев К. В. К вопросу о роли политических партий в системе государственного и муниципального управления в регионах России // Власть. — 2014. — № 10. — С. 130.

упорядочении организованности и самоорганизации индивида, коллектива и общества. В зависимости от типа политической сферы признаются права и свободы, неприкосновенность личности, собственности и юридических действий. Политическая сфера вторгается в область самоорганизации и организованности посредством регулирования, устанавливая правила и порядки, формы и процедуры. Таким образом, развитие организованности и самоорганизации общества происходит в режиме баланса и равновесия интересов структур общества и интересов политической системы.

Политическая сфера не должна вторгаться в область действия культурного кода, менталитета и традиций, а также религиозных и идеологических предпочтений общества. Российское государство учитывает их, некоторыми из них руководствуется, в том числе когда определяет направления развития. Политическая сфера создает структуры, имеющие общественную основу, но интегрированные в государственное управление. К ним можно отнести адвокатские палаты, организации нотариата, Общественную палату РФ и общественные палаты субъектов Федерации. Политическая сфера устанавливает организационно-правовые формы функционирования коллективов, выделенных от общества. Такие вопросы разрешены, в частности, Федеральными законами от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» и от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях». В определенных случаях политическая сфера направляет усилия на обеспечение развития контроля образований общества за определенными видами деятельности государственного управления. В этом отношении характерным представляется Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации». Развитие гражданского воздействия на государственное управление связано с правом граждан обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления.

Литература

1. Зорькин В. Д. Конституционно-правовое развитие России. — М.: Норма, 2011.
2. Малахов В. П., Клименко А. А. Актуальные проблемы теории государства и права. — М., 2013.
3. Малышин А. А. Концепция современного правового государства. — М., 2005.
4. Степин В. С. Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. — М.: Прогресс, 2003.
5. Спиридонова В. И. Эволюция идеи государства в западной и российской социально-философской мысли. — М., 2008.
6. Раянов Ф. М. Теория правового государства: проблемы модернизации. — Уфа, 2010.
7. Шахрай С. М. О Конституции. Основной закон как инструмент правовых и социально-политических преобразований. — М.: Наука, 2014.
8. Четвернин В. А. Демократическое правовое государство: введение в теорию. — М.: Наука, 1993.
9. Чиркин В. Е. Современное государство. — М.: Международные отношения, 2001.

References

1. Zor'kin V. D. *Konstitutsionno-pravovoe razvitie Rossii* [Constitutional and legal development of Russia]. Moscow: Norma, 2011.
2. Malakhov V. P., Klimenko A. A. *Aktual'nye problemy teorii gosudarstva i prava* [Actual problems of the theory of State and Law]. Moscow, 2013.
3. Malyshin A. A. *Kontseptsiya sovremennogo pravovogo gosudarstva* [The concept of modern Constitutional State]. Moscow, 2005.
4. Stepin V. S. *Teoreticheskoe znanie. Struktura, istoricheskaya evolyutsiya* [Theoretical knowledge. Structure, historical evolution]. Moscow: Progress, 2003.
5. Spiridonova V. I. *Evolyutsiya idei gosudarstva v zapadnoi i rossiiskoi sotsial'no-filosofskoi mysli* [Evolution of the State concept in Western and Russian social and philosophical thought]. Moscow, 2008.
6. Rayanov F. M. *Teoriya pravovogo gosudarstva: problemy modernizatsii* [The Theory of Constitutional State: problems of modernization]. Ufa, 2010.
7. Shakhrai S. M. *O Konstitutsii. Osnovnoi zakon kak instrument pravovykh i sotsial'no-politicheskikh preobrazovaniy* [About the Constitution. The Basic Law as a tool for legal and socio-political transformation]. Moscow: Nauka, 2014.
8. Chetvernin V. A. *Demokraticeskoe pravovoe gosudarstvo: vvedenie v teoriyu* [Democratic Constitutional State: introduction to the theory]. Moscow: Nauka, 1993.
9. Chirkin V. E. *Sovremennoe gosudarstvo* [Modern State]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2001.

УДК 342.5

**ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ МОДЕЛЕЙ ПЕРЕДАЧИ ОРГАНАМ МЕСТНОГО
САМОУПРАВЛЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПОЛНОМОЧИЙ
СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**
(НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ И ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ)

© *Мункуева Светлана Алексеевна*

старший преподаватель Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Каландаришвили, 16

E-mail: sveto4r@mail.ru

Развитие современной государственности предполагает реформирование местного самоуправления, что не может не представлять научный интерес. Законодательное совершенствование местного самоуправления, в том числе и института наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями, представляет собой одну из актуальных объектов исследования современной юридической науки. В статье рассмотрены основные проблемы реализации отдельных государственных полномочий на уровне местного самоуправления, предложены изменения в действующее российское законодательство.

Ключевые слова: местное самоуправление, наделение органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями, совершенствование законодательства.

**PRACTICE OF REALIZATION OF TRANSFER MODELS OF SOME STATE POWERS
IN SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION TO LOCAL SELF-GOVERNANCE
ON THE EXAMPLE (OF THE REPUBLIC OF BURYATIA AND ZABAYKALSKY KRAI)**

Munkuyeva Svetlana A.

Senior Lecturer, East Siberian State University of Technologies and Management

16, Kalandarishvili, Ulan-Ude, 670000, Russia

The development of modern statehood assumes reforming of local self-governance that can't but represent scientific interest. The legislative improvement of local self-governance including the institute of empowerment of local self-governance with some state powers represents one of the most actual objects of research in modern jurisprudence. The article considers the general problems of realization of some state powers at the level of local self-governance, the changes in the current Russian legislation have been proposed.

Keywords: local self-governance, empowerment of local self-governance with some state powers, improvement of legislation.

Институт наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями имеет свою собственную историю и, что примечательно, для Республики Бурятия и Забайкальского края — исторически обусловленную, единую. Так, нами предлагается осуществить экскурс в эволюцию института наделения отдельными государственными полномочиями в субъектах Российской Федерации с характеристикой его современного состояния.

Республика Бурятия и Забайкальский край представляли собой единую губернию. В Забайкалье родовой уклад жизни населения оставался практически неизменным до XVII в. Главы родов — князцы — осуществляли управление. С присоединением данных территорий к Российскому государству князцам было разрешено оставить за собой государственные полномочия по сбору ясака, что стало первым примером передачи отдельных государственных полномочий на места в Забайкалье.

Основным и первым нормативным актом, закрепившим устройство самоуправления у бурят в Российском государстве, был Устав об управлении инородцев 1822 г. [11]. Данным актом было законодательно закреплено существовавшее родовое деление бурят и эвенков в виде степных дум, инородных управ, родовых управлений, которым в той или иной степени переданы некоторые государственные полномочия.

По уставу 1822 г. родовое управление — низшая ступень для улусов и стойбищ рода, насчитывавших не менее 15 семейств во главе со старостой, имевшим одного или двух помощников. Инород-

ная управа — средняя ступень, состоявшая из нескольких стойбищ и улусов или нескольких родовых управлений. Управой руководил голова, имевший в своем штате несколько выборных и письмоводителя. Степная дума — высшая административная единица, объединявшая несколько родов и включавшая несколько родовых управлений или инородных управ. Организационная структура степной думы состояла из главного родоначальника, его помощников и голов. Основными сферами деятельности родовых управлений и инородных управ были полицейские и судебные функции, которые стоит отнести к переданным государственным полномочиям. К вопросам же местного значения относились компетенции степной думы в области хозяйственной деятельности. Все инородческие начальники утверждались в должности губернатором, а главные родоначальники — генерал-губернатором [14].

Основные направления будущих административных преобразований были сформулированы иркутским генерал-губернатором А. П. Игнатьевым в 1887 г. Он обозначил цель коротко и ясно как «обрусение инородцев», а император Александр III на полях проекта Игнатьева написал: «Да! Весьма пора» [12]. Именно предложения А. П. Игнатьева легли в основу «Временного положения о крестьянских начальниках» от 8 июня 1898 г., явившегося началом смены устоявшейся традиционной системы самоуправления бурят, а последовавшая волостная реформа привела к переводу кочевых бурят в оседлые [7]. Кроме того, в указанном акте было закреплено «полное подчинение местного управления аборигенами контролю царской администрации» [10], что еще раз говорит о существовании жесткой вертикальной формы взаимодействия органов государственной и местной власти, которая к тому историческому этапу развития государства является единственно возможной. Началась процедура унификации местного самоуправления, что непременно считается новой вехой в развитии местного самоуправления в Забайкалье, а также и института наделения.

Во второй половине XIX в. была проведена реформа местного самоуправления, сменившая родовое самоуправление бурят на волостные правления. Введение в действие Временного положения правительства «Об устройстве общественного управления и суда кочевых инородцев Забайкальской области» от 23 апреля 1901 г. [9] привело к упразднению должностей заседателей, голов (гулва), тайшей (глава степной думы), выборных. Согласно указанному нормативному акту были созданы крестьянские начальники, наделенные государством исключительными полномочиями: без ведома схода снимать волостного старшину, сельского старосту, налагать штраф, подвергать аресту крестьян, контролировать всю деятельность волостных учреждений. Управление на местах осуществлялось русскими дворянами, которых было слишком мало в Забайкалье [8]. Вышеуказанное положение наделило крестьянских начальников правом осуществлять контроль за деятельностью инородных управ. Таким образом, появился законодательно закрепленный государственный надзор за деятельностью местного самоуправления в Забайкалье. Однако не все роды приняли Временное положение и даже представители агинских, селенгинских и хоринских родов обратились к царю с просьбой восстановить юридическую силу Устава 1822 г., который не предусматривал государственного надзора за местным самоуправлением. Родовое самоуправление бурят было полностью ликвидировано, ей на смену пришла всероссийская система самоуправления того времени. Окончательно реформа местного самоуправления завершилась лишь к 1917 г.

История местного самоуправления бурят конца XIX — начала XX в. показывает, что наделять государственными полномочиями органы самоуправления было равносильно прекращению реформирования отдаленных районов Российского государства. Кроме того, за деятельностью местного самоуправления осуществлялся тотальный государственный контроль, что для того исторического момента было весьма оправданным шагом. Следовательно, исторически сложилась вертикальная модель взаимоотношений органов государственной власти и местного самоуправления.

В настоящее время в Республике Бурятия по вопросам организации местного самоуправления принято более 30 нормативных правовых актов и около 10 законопроектов готовятся к рассмотрению. Законов же, посвященных наделению отдельными государственными полномочиями, — 8. Практически каждый закон предусматривает наличие приложения в виде методики расчета субвенций для осуществления финансирования органов местного самоуправления, исполняющих данные полномочия. Кроме действующих законов существуют и подзаконные акты, способствующие осуществлению передачи государственных полномочий на места. Зачастую они носят обеспечивающий, организационный характер.

Конституция Республики Бурятия, устанавливая такие общепризнанные принципы организации местного самоуправления, как гарантированность (ст. 6–7), самостоятельность (ст. 6, ст. 107), органи-

зационная обособленность (ст. 6), закрепила и возможность передачи органам местного самоуправления отдельных государственных полномочий при условии передачи необходимых для реализации передаваемых полномочий материальных и финансовых средств (ст. 106) [1]. В связи с этим некоторые из полномочий органов государственной власти республики передаются на места.

Законом Республики Бурятия № 896–III от 7 декабря 2004 г. «Об организации местного самоуправления в Республике Бурятия» закреплена конкретизация института наделения отдельными государственными полномочиями в Бурятии [2]. В ст. 7 указанного закона закреплено, что «органы местного самоуправления могут наделяться отдельными государственными полномочиями Республики Бурятия на неограниченный срок либо, если данные полномочия имеют определенный срок действия, на срок действия этих полномочий». Соответственно, государственные полномочия, передаваемые муниципалитетам, бывают временными и постоянными, т. е. некоторые полномочия органов государственной власти республики может передать без указания сроков исполнения. Подобные полномочия будут осуществляться местными властями до тех пор, пока республиканские власти не дадут указаний по прекращению их исполнения и в законе республики о бюджете на очередной финансовый год не будет предусмотрено субвенций для их финансирования или будет вынесено судебное решение, предусматривающее прекращение осуществления муниципалитетами переданных им полномочий. Кроме того, наделение органов местного самоуправления муниципальных районов и городских округов отдельными государственными полномочиями Республики Бурятия осуществляется законом Республики Бурятия в соответствии с федеральным законом. Таким образом, республиканский законодатель указал законодательную форму передачи отдельных государственных полномочий муниципалитетам.

Порядок наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями Республики Бурятия и Забайкальского края устанавливается законами данных субъектов РФ. При этом в данных субъектах РФ действовали специальные законы о порядке наделения отдельными государственными полномочиями органов местного самоуправления до 2009 г. На данный момент общего закона о порядке наделения в республике и крае не принято. Порядок передачи отдельных государственных полномочий определяется в специальных законах о передаче тех или иных полномочий исходя из норм конституции, устава и иных законов субъектов РФ соответственно, что порождает теоретические и практические проблемы. К примеру, не определены общие принципы, правила, пределы, порядок контролирования и меры ответственности за неосуществление или ненадлежащее осуществление переданных полномочий.

При исследовании порядка осуществления переданных отдельных государственных полномочий особое место занимает порядок действия законов Республики Бурятия, предусматривающих наделение органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями Республики Бурятия. Во всех данных республиканских законах указано, что они вводятся в действие ежегодно законом Республики Бурятия о республиканском бюджете на очередной финансовый год при условии, если законом Республики Бурятия о республиканском бюджете предусмотрено предоставление субвенций на осуществление указанных полномочий. На наш взгляд, действующие законы не могут прерывать свое действие и приобретать юридическую силу ежегодно. В данном случае корректнее и правильнее использовать в ст. 7 закона Республики Бурятия № 896–III «Об организации местного самоуправления в Республике Бурятия» не выражение «вводится в действие ежегодно... законом о бюджете на очередной финансовый год», а следующую формулировку «реализация законов», предусматривающих наделение теми или иными отдельными государственными полномочиями республики, осуществляется в случае, если предусматривается предоставление субвенции на их осуществление законом субъекта на очередной финансовый год». Предлагаемое перефразирование нормы закона республики применимо и к ФЗ № 131, а точнее к п. 7 ст. 19, в которой установлено, что «положения федеральных законов, законов субъектов Российской Федерации, предусматривающих наделение органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями, вводятся в действие ежегодно соответственно федеральным законам о федеральном бюджете на очередной финансовый год, законом субъекта Российской Федерации о бюджете субъекта Российской Федерации на очередной финансовый год предусмотрено предоставление субвенций на осуществление указанных полномочий».

В региональном бюджете создается республиканский фонд компенсаций для финансирования муниципалитетов, наделенных государственными полномочиями. Несмотря на наличие и функционирование республиканского фонда компенсаций для финансирования муниципалитетов, наделен-

ных государственными полномочиями в Народном Хурале, депутатом А. С. Скосырской впервые были озвучены следующие проблемы: «Действующие методики расчета субвенций являются несовершенными, они предусматривают объем бюджетных средств исходя из имеющихся в региональных бюджетах доходов, и не покрывают всех фактических затрат. Более того, поступают они в местные бюджеты с большим опозданием. В результате власти на местах вынуждены отвлекать собственные ресурсы для осуществления государственных полномочий в ущерб решению вопросов местного значения» [15]. В связи с этим было принято решение рекомендовать органам государственной власти при передаче полномочий предусматривать в методиках расчета субвенций все затраты, необходимые для исполнения органами местного самоуправления полномочий (на оплату труда, аренды помещений, оплату услуг связи, транспортных и коммунальных услуг, командировочные расходы и т. д.).

Кроме того, ранее было вынесено определение Верховного суда РФ от 12 апреля 2006 г. № 73-Г06-3 по делу о признании противоречащим федеральному законодательству закона Республики Бурятия от 27 декабря 2004 г. № 997-III «О наделении органов местного самоуправления муниципальных образований в Республике Бурятия государственными полномочиями в сфере предоставления жилищных субсидий за счет средств федерального бюджета гражданам, выезжающим (выехавшим) из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей», в соответствии с которым оспариваемый закон республики был признан не соответствующим ФЗ № 131 в части отсутствия способа (методики) расчета нормативов для определения общего объема субвенций, предоставляемых местным бюджетам из бюджета субъекта Российской Федерации для осуществления соответствующих полномочий, порядка отчетности органов местного самоуправления об осуществлении передаваемых им государственных полномочий и порядка контроля органами власти за их осуществлением с указанием наименований контролирующих органов. Вместо этого п. 2 ст. 6 оспариваемого закона указывает, что порядок осуществления контроля устанавливается Правительством Республики Бурятия. Основанием для обращения в Верховный суд РФ стало не только противоречие республиканского законодательства, но и мера прокурорского реагирования на нарушение законодательства, т. е. с заявлением в суд обратился прокурор Республики Бурятия. В данном случае можно говорить и о мере прокурорского надзора в области передачи отдельных государственных полномочий в республике.

Прокуратурой Республики Бурятия также были предъявлены иски о защите прав учителей школ на получение вознаграждения за выполнение функций классного руководителя с учетом районного коэффициента и «северных» надбавок в 2009 г. [16]. Основанием проведения проверок органами прокуратуры Республики Бурятия стали факты занижения сумм выплат педагогическим работникам за выполнение функций классного руководителя. Установлено, что выплаты учителям производились без применения районного коэффициента и процентных надбавок, которые гарантированы трудовым законодательством лицам, работающим в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях. В республике повышенный районный коэффициент, применяемый при оплате труда, установлен в шести районах республики: в Баргузинском, Курумканском, Окинском районах в размере 1,3, в Баунтовском, Муйском, Северо-Байкальском районах и г. Северобайкальске в размере 1,7. Кроме этого во всех районах установлены «северные» надбавки. Однако в этих районах положенные коэффициенты на вознаграждение за выполнение функций классного руководителя не начислялись. В результате выплаченные учителям суммы занижены республиканскими и муниципальными органами образования почти в два раза. В интересах педагогов прокурорами предъявлено 122 исковых заявления к Министерству образования и науки Республики Бурятия и районным отделам образования о взыскании недоплаченных сумм на общую сумму 2,1 млн р., в настоящее время рассмотрено и удовлетворено 97 заявлений на 1,9 млн р. Кроме того, по представлению прокурора республики об устранении нарушений трудового законодательства Народным Хуралом Республики Бурятия внесены необходимые изменения в закон Республики Бурятия «О наделении органов местного самоуправления муниципальных районов и городских округов в Республике Бурятия отдельными государственными полномочиями в области образования» [13].

Постановлением Федерального арбитражного суда от 23 июля 2012 г. № А10-3947/2011 [4] было вынесено решение по иску муниципального унитарного предприятия «Городские маршруты» к Министерству финансов Российской Федерации, Министерству финансов Республики Бурятия о взыскании убытков в размере 18 961 317 р. 16 к., образовавшихся в результате разницы между экономически обоснованным и утвержденным тарифом на проезд в общественном транспорте за 2010–2011 гг., из которых в 2010 г. — 18 442 241 р. 76 к., в 2011 г. — 519 075 р. 40 к. Вследствие того, что в

республике установлен тариф ниже экономически обоснованного, местный бюджет в лице МУП «Городские маршруты» нес убытки, поэтому суд обязал органы власти республики предусматривать в бюджете субвенции для возмещения указанной тарифной разницы. Подобное судебное разбирательство происходило двумя днями позже вышеуказанного и не сложно догадаться, что Постановлением Федерального арбитражного суда от 25 июля 2012 г. № А10–3389/2011 [5] исковое обращение было удовлетворено.

Несмотря на приведение республиканского законодательства в соответствие с федеральным законодательством, до сих пор остается проблема с финансированием осуществления переданных полномочий, что подтверждается судебными спорами. Во избежание подобных споров кажется очевидным осуществлять экономический подсчет расходов на осуществление переданных полномочий органами государственной власти совместно с органами местного самоуправления.

Глава 9 Устава Забайкальского края, принятого Законодательным собранием Забайкальского края 11 февраля 2009 г., законодательно урегулировала основы местного самоуправления в новом субъекте Российской Федерации [3].

Рассматриваемый нами институт передачи отдельных государственных полномочий субъекта РФ органам местного самоуправления урегулирован ст. 65 п. 6 Устава Забайкальского края: «органы местного самоуправления могут наделяться законом края отдельными государственными полномочиями с передачей необходимых для их осуществления материальных и финансовых средств. Реализация переданных полномочий подконтрольна органам государственной власти края». В следующем пункте Основного закона Забайкальского края установлено, что споры между органами государственной власти края и органами местного самоуправления разрешаются на основе согласительных процедур или в судебном порядке.

Следовательно, с учетом вышесказанного наделение отдельными государственными полномочиями органов местного самоуправления в Республике Бурятия и Забайкальском крае состоит из этапов: 1) законодательная инициатива, с которой может выступить представительный орган местного самоуправления, 2) передача субвенций для осуществления переданных полномочий, 3) непосредственное осуществление переданных полномочий местными властями под обязательным государственным контролем, 4) предоставление отчетности местных властей перед государственными органами, 5) прекращение переданных полномочий, 6) принятие закона субъекта о порядке наделения отдельными государственными полномочиями органов местного самоуправления. Отметим также, что непременным условием осуществления переданных полномочий является и возможность судебного разрешения возникающих споров между государственными и муниципальными властями.

В Забайкальском крае Законодательным собранием края ежегодно проводится анализ практики наделения отдельными государственными полномочиями. Так, в решении № 52 собрания представителей Агинского Бурятского округа от 24 сентября 2010 г. «О практике наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями на территории Агинского Бурятского округа Забайкальского края» [6] подведены некоторые итоги и проблемы осуществления отдельных государственных полномочий, переданных на места. В указанном решении «одни проблемы связаны с задержкой финансирования из регионального бюджета, другие с его нехваткой, третьи с недостаточным методическим обеспечением переданных государственных полномочий». Так, в представленном акте указано, что субвенция по предоставлению компенсации части платы, взимаемой с родителей или законных представителей за содержание ребенка в образовательных организациях, и субвенция на выплату денежного вознаграждения за выполнение функций классного руководителя в 2010 г. поступили в бюджет муниципального района с задержкой на 1–2 месяца (Агинский район). Указанные задержки финансирования влекут меры прокурорского реагирования, материальную ответственность в соответствии с решениями судов — возникают расходные обязательства муниципальных районов, образующиеся не по их вине, но являющиеся обязательными для исполнения.

Литература

1. Конституция Республики Бурятия // Бурятия. — 1994. — 9 марта. — № 43.
2. Закон Республики Бурятия № 896–III от 7 декабря 2004 г. «Об организации местного самоуправления в Республике Бурятия» // Бурятия. — 2005. — № 49. — 24 марта; Официальный вестник. — № 15.
3. Закон Забайкальского края от 17.02.2009 N 125-33К «Устав Забайкальского края» (принят Законодательным собранием Забайкальского края от 11.02.2009) (ред. 07.06.2010 N 380-33К) // Забайкальский рабочий. — 2010. — 14 апр.

4. Постановление Федерального арбитражного суда от 23 июля 2012 г. № А10-3947/2011 // Федеральный арбитражный суд Восточно-Сибирского округа: [сайт]. — URL: <http://www.fasvso.arbitr.ru>
5. Постановление Федерального арбитражного суда от 25 июля 2012 г. № А10-3389/2011 // Федеральный арбитражный суд Восточно-Сибирского округа: [сайт]. — URL: <http://www.fasvso.arbitr.ru>
6. Решение № 52 Собрании представителей Агинского Бурятского округа «О практике наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями на территории Агинского Бурятского округа Забайкальского края» от 24 сентября 2010 г. — URL: <http://www.agiNskoe.ru/№ode/252>.
7. Временное положение «О крестьянских начальниках в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской» // Полное собрание законов Российской империи. — 1898. — 2 июня. — Т. XVIII, № 15503.
8. Временное положение «Об устройстве общественного управления и суда кочевых инородцев Забайкальской области» от 23 апреля 1901 г. (№ 19984) // Полное собрание законов Российской империи. Собрание III. — СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1903. — Т. XXI. — С. 254–256.
9. Высочайшее утвержденное временное положение «Об устройстве общественного управления и суда кочевых инородцев Забайкальской области» // ПСЗ-3. — 1904. — Т. 20, № 25777.
10. Балданов С. С., Балданова, А. С.-Д. Из истории становления и развития правовой системы Бурятии: на примере степных дум // Проблемы правового регулирования федеративных отношений в России. — Улан-Удэ: Республиканская типография, 2004. — С. 41–48.
11. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). — Собр. 1. — Т. XXXVIII, № 29126. — С. 394–416.
12. История Усть-Ордынского Бурятского автономного округа. — М.: Прогресс, 1995. — С. 226.
13. Кислов Е. В. Доклад о положении с правами человека в Республике Бурятия в 2009 г. // Республиканский правозащитный центр. — URL: pandia.ru/text/77/231/33525.php
14. Реформа проводится бесповоротно... / Документы Национального архива Республики Бурятия о Волостной реформе в Забайкальской области. 1901–1904 гг. // Отечественные архивы. — 2008. — № 1. — С. 23.
15. Соболев К. Полномочия должны быть подкреплены финансами / Отдел по работе со СМИ Народного Хурала Республики Бурятия // Бурятия. — 2010. — 17 июля.
16. URL: http://severobaikalsky.bur.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=59.

References

1. Konstitutsiya Respubliki Buryatiya [The Constitution of the Buryat Republic]. *Buryatiya – Buryatia*. 1994. March 9. No 43.
2. Ob organizatsii mestnogo samoupravleniya v Respublike Buryatiya [On organization of local self-government in the Republic of Buryatia]. Law of the Buryat Republic No 896-III, enacted December 7, 2004. *Buryatiya – Buryatia*. 2005. No 49, March 24. Official Bulletin No 15.
3. Ustav Zabaikal'skogo kraja [Consuetudinary of Zabaykalsky Krai]. Law of Zabaykalsky Krai, enacted February 17, 2009 No 125-ZZK. *Zabaikal'skii rabochii – Zabaykalye worker*. 2010, April 14.
4. Postanovlenie Federal'nogo arbitrazhnogo suda [The decision of the Federal Arbitration Court] No А10-3947enaced 23 July, 2012. *Federal'nyi arbitrazhnyi sud Vostochno-Sibirskogo okruga – Federal Arbitration Court of the East Siberian District*. Available at: <http://www.fasvso.arbitr.ru>
5. Postanovlenie Federal'nogo arbitrazhnogo suda [The decision of the Federal Arbitration Court] No А10-3389/2011, enacted 25 July, 2012. *Federal'nyi arbitrazhnyi sud Vostochno-Sibirskogo okruga – Federal Arbitration Court of the East Siberian District*. Available at: <http://www.fasvso.arbitr.ru>
6. O praktike nadeleniya organov mestnogo samoupravleniya otdel'nymi gosudarstvennymi polnomochiyami na territorii Aginskogo Buryatskogo okruga Zabaikal'skogo kraja [On the practice of local governments empowering with certain State powers on the territory of Agin-Buryat district of Zabaykalsky Krai]. The decision of Agin-Buryat district representatives No 52, enacted September, 2010. Available at: <http://www.agiNskoe.ru/№ode/252>
7. O krest'yanskikh nachal'nikakh v guberniyakh Tobol'skoi, Tomskoi, Eniseiskoi i Irkutskoi [On peasant chiefs in the provinces of Tobolsk, Tomsk, Yenisey and Irkutsk]. Temporary Regulation No 15503, enacted June 2, 1898. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii – Complete Collection of the Russian Empire Laws*. Vol. 18.
8. Ob ustroistve obshchestvennogo upravleniya i suda kochevykh inorodtsev Zabaikal'skoi oblasti [On the Structure of public administration and the courts of nomadic aliens in Zabaikalye region]. Temporary Regulation No 19984, enacted April 23, 1901. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii – Complete Collection of the Russian Empire Laws*. 1903, Vol. 21. P. 254–256.
9. Ob ustroistve obshchestvennogo upravleniya i suda kochevykh inorodtsev Zabaikal'skoi oblasti [On the Structure of public administration and the courts of nomadic aliens in Zabaikalye region]. Imperially approved temporary regulation No 25777. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii – Complete Collection of the Russian Empire Laws*. 1904. Vol. 20.
10. Baldanov S. S., Baldanova, A. S.-D. Iz istorii stanovleniya i razvitiya pravovoi sistemy Buryatii: Na primere stepnykh dum [From the history of formation and development of the legal system in Buryatia: on the example of

steppe dumas]. *Problemy pravovogo regulirovaniya federativnykh otoshenii v Rossii – Problems of legal regulation of federal relations in Russia*. Ulan-Ude: Respublikanskaya tipografiya, 2004. — S. 41–48.

11. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* [Complete Collection of the Russian Empire Laws]. Coll. 1. Vol. 38. No 29126. P. 394–416.

12. *Istoriya Ust'-Ordynskogo Buryatskogo avtonomnogo okruga* [History of Ust-Orda Buryat Autonomous Okrug]. Moscow: Progress, 1995. P. 226.

13. Kislov E. V. Doklad o polozhenii s pravami cheloveka v Respublike Buryatiya v 2009 g. [Report on the state of human rights in the Republic of Buryatia in 2009]. *Respublikanskii pravozashchitnyi tsentr – Republican Human Rights Center*. Available at: pandia.ru/text/77/231/33525.php

14. Reforma provoditsya bespovorotno... Dokumenty Natsional'nogo arkhiva Respubliki Buryatiya o Volostnoi reforme v Zabaikal'skoi oblasti [Reform is being carried out irrevocably ... Documents of the Buryat Republic National Archives on rural municipalities reform of Zabaykalsky Krai. 1901–1904]. *Otechestvennye arkhivy – Domestic archives*. 2008. No 1. P. 23.

15. Sobolev K. Polnomochiya dolzhny byt' podkrepleny finansami [Powers must be backed up by financial]. *Buryatiya – Buryatia*. 2010, July 17.

16. http://severobaikalsky.bur.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=59

УДК 342.8

ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

© *Сергеев Дмитрий Борисович*

кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного права Института истории и права Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова
Россия, 655017, г. Абакан, пр. Ленина, 90
E-mail: sergeev_db@mail.ru

Статья посвящена изучению отдельных перспектив совершенствования российского избирательного законодательства. Раскрываются содержание предпочтений, которые предоставляют себе политические партии, участвующие в распределении мандатов депутатов Государственной Думы, и иные негативные черты современного российского избирательного законодательства. Автор поддерживает включение в Конституцию РФ главы, посвященной избирательному праву, принятие Избирательного кодекса РФ и предлагает конкретные новеллы в эти акты, в частности, установить запрет на участие в работе избирательных комиссий представителей политических партий.

Ключевые слова: Конституция РФ, изменение Конституции РФ, избирательное законодательство, Избирательный кодекс РФ, политические партии, выборы депутатов Государственной думы, избирательные комиссии.

PROSPECTS OF IMPROVING THE ELECTORAL LEGISLATION

Sergeev Dmitry B.

PhD in Law, A/Professor, department of state law, Institute of History and Law, N. F. Katanov Khakas State University
90, Lenina Ave., Abakan, 655017, Russia

The article studies some prospects of improving the Russian electoral legislation. The study reveals the content of preferences that are self-provided to the political parties involved in the distribution of mandates of deputies of the State Duma, and other negative features of Russian modern electoral legislation. The author supports the introduction a chapter on electoral law to the Constitution of the RF, the adoption of the Electoral Code of the RF and proposes concrete novelties to these acts, in particular, to prohibit participation representatives of political parties in the election committees.

Keywords: the Constitution of the Russian, change of the Constitution of the Russian Federation, electoral law, Electoral Code of the RF, political parties, elections of deputies of the State Duma, electoral committees.

Стремительное развитие избирательного права, которое еще в 1988 г. находилось на периферии общественного внимания, политической системы и научных исследований, частые изменения избирательного законодательства, вызывающие дискуссии в обществе и научной среде, ставят вопрос о совершенствовании не только отдельных электоральных институтов, но и в целом избирательного права.

В настоящий момент во многих трудах по избирательному праву рассматривается проблема закрепления электоральных норм в Конституции РФ и действующий Основной закон критикуется за отсутствие в нем специального раздела, посвященного избирательной системе [см., например, 1, с. 25; 2, с. 124; 5, с. 131]. В юридической науке, например, предлагается:

- закрепить в Конституции важнейшие международно-правовые стандарты избирательной системы: не только принцип свободных, но и справедливых выборов; принцип ответственности избранной власти перед народом;
- восстановить в Конституции основные принципы избирательной системы для каждого вида органов власти (должностных лиц), избираемых народом. Дополнить главу 5 статьей о мажоритарной и пропорциональной системах выборов депутатов Государственной думы и о принципе представительства субъектов Федерации в федеральных представительных органах власти;

- подтвердить (не только для избрания Президента) такие традиционные международно-правовые стандарты в сфере прав человека, как равное и прямое избирательное право при тайном голосовании; возможно, уточнить в статье 32 формулировку о всеобщем избирательном праве (закрепленном в «завуалированном» виде);

- в Конституции России, конституциях, уставах субъектов Федерации определить принцип периодичности выборов для всех органов и должностных лиц, избираемых населением, а также принципы состязательности и альтернативности выборов;

- конституционно гарантировать право каждого кандидата на равную финансовую поддержку со стороны государства;

- конституционно определить место и роль избирательных комиссий как органов, обеспечивающих законность формирования воли избирателей [3, с. 35].

Не отрицая важность поставленных Т. Д. Зражевской и другими учеными-правоведами задач по изменению Конституции РФ в части вопросов, касающихся избирательного права, следует отметить, что в настоящий момент в юридической науке не рассматривается такая проблема, как излишние преференции в избирательном процессе, создаваемые для себя политическими партиями.

Федеральным законом «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» [8, п. 4 ст. 21] закреплено обязательное участие в Центральной избирательной комиссии РФ представителей, предложенных фракциями, иными депутатскими объединениями в Государственной Думе, а также депутатами Думы, а положения п. 7 ст. 23, п. 8 ст. 24, п. 7 ст. 25, п. 7 ст. 26, п. 5 ст. 27 данного закона обеспечивают участие не менее половины от общего числа членов иных избирательных комиссий с правом решающего голоса представителей политических партий, успешно участвовавших в выборах в представительные органы. Не отрицая потребности в общественном контроле за проведением выборов, следует отметить, что его политизация из-за политической пристрастности членов избирательных комиссий негативно сказывается на работе избирательных комиссий как и невозможность отсева профессионально непригодных к работе в этих органах кандидатов от политических партий. Общественный контроль за проведением выборов может быть обеспечен как с помощью участия в работе избирательных комиссий представителей неполитических общественных организаций, так и иными способами.

Политические партии обеспечили себе преференции и при сборе подписей в поддержку кандидата в Президенты РФ, если кандидату в Президенты РФ, выдвинутому в порядке самовыдвижения нужно собрать не менее 300 000 подписей, то выдвинутому политической партией, не участвовавшей в распределении мандатов депутатов Государственной Думы, — не менее 100 000 подписей [7, п. 1 ст. 36].

Учитывая низкий уровень политической культуры в России, не приходится надеяться на перспективы самоограничения политических партий, отмену тех преференций, которые они создали себе в рамках избирательного процесса. Поэтому введение в Конституцию норм, ограничивающих соответствующие возможности политических партий (например, запрет на участие в работе избирательных комиссий представителей политических общественных объединений), является единственной возможностью устранения этих несправедливых льгот.

Другой серьезной проблемой в избирательном праве является качество правового регулирования. Основным актом, регулирующим избирательные отношения, является Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67–ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ». Это — часто изменяемый (73 федеральных закона вносили в него изменения и дополнения), значительный по своему объему правовой акт, превышающий по этому показателю Трудовой, Уголовный, Арбитражный процессуальный, Гражданский процессуальный, Уголовно-исполнительный, Жилищный и Семейный кодексы в отдельности. Лишь Налоговый (все части), Гражданский (все части) и Уголовно-процессуальный кодексы, а также Кодекс об административных правонарушениях имеют больший объем. Одной из причин расширения Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67–ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» является наличие в нем большого количества норм, которые вполне могли бы носить подзаконный характер и регулироваться подзаконными актами избирательных комиссий. В качестве примера можно привести ст. 67 этого акта, регулирующего порядок составления протокола участковой комиссии об итогах голосования. Может быть серьезно сокращена глава 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ»,

посвященная статусу избирательных комиссий и комиссий референдума, если в ней останутся только принципы и нормы, регулирующие статус избирательных комиссий в целом, а не отдельных их разновидностей, как это происходит сейчас.

Другой причиной большого объема Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» является стремление законодателя урегулировать все возможные стороны избирательного процесса, что приводит к его бюрократизации и все новым возможностям для использования так называемых «черных» технологий и административного ресурса, что можно рассматривать как недоверие законодателя к участникам избирательного процесса. Например, в рамках борьбы с экстремизмом законодатель запретил участвовать в выборах в качестве кандидатов лиц, привлекавшихся к административной ответственности за правонарушения, связанные с публичным демонстрацией нацистской символики (подп. «б» п. 3.2. ст. 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ», ст. 20.3 Кодекса РФ об административных правонарушениях [6]). Зная реалии нашего избирательного процесса, стоит ожидать привлечение к данному виду ответственности потенциальных кандидатов незадолго до выборов. Поэтому перед наукой избирательного права стоят такие проблемы, как определение критериев того, что избирательные отношения должны регулироваться императивно и их нарушения должны влечь за собой серьезные санкции вплоть до лишения пассивного избирательного права, и когда избирательные отношения должны регулироваться законом, а когда подзаконным актом.

Также необходимо отметить, что отдельные нормы Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ», как и многих избирательных нормативных правовых актов, написаны языком мало понятным неспециалистам в сфере избирательного права, в данных актах много отсылочных норм, и для того чтобы установить содержание правового регулирования, необходимо обращаться к нескольким частям этого акта, находящимся в разных его главах.

Все это позволяет сделать вывод, что федеральное избирательное законодательство нуждается в кардинальном изменении, которое может быть произведено при принятии Избирательного кодекса РФ. Разработку данного акта можно указать как одну из важнейших задач в рамках совершенствования федерального законодательства. Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» уже сейчас рассматривается некоторыми учеными как фактически кодифицированный акт, аналогичный ранее принимавшимся Основам законодательства [4]. Избирательный кодекс РФ не станет «идеальным» кодексом, как его видит теория права, поскольку не сможет регулировать все избирательные отношения в России из-за того, что избирательное право в части регулирования выборов в органы государственной власти субъектов Федерации и органы местного самоуправления относится к предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов РФ. Но нашему законодательству уже известна практика существования подобных кодексов: это Кодекс РФ об административных правонарушениях, который не устанавливает все составы административных правонарушений в России, и Гражданский кодекс РФ, некоторые положения которого уточнены в федеральных законах. Проблема частого изменения законодательства может быть решена с помощью придания Избирательному кодексу РФ статуса Федерального конституционного закона, однако возможно для этого необходимо изменить Конституцию РФ.

Избирательное законодательство нуждается в значительном обновлении и данная задача может быть решена при объединении усилий законодателей, правоприменителей и юристов-правоведов.

Литература

1. Бондарь Н. С., Джагарян А. А. Конституционная ценность избирательных прав граждан России. — М.: Формула права, 2005.
2. Зиновьев А. В., Поляшова И. С. Избирательная система России: теория, практика и перспективы. — СПб.: Пресс, 2003.
3. Зражевская Т. Д. Проблема конституционного закрепления принципов избирательной системы Российской Федерации // Право и власть. — 2001. — № 1. — С. 24–35.
4. Катков Д. Б. Кодификация избирательного права в Российской Федерации // Вестник Центральной избирательной комиссии РФ. — 1998. — № 3. — С. 131–138.
5. Князев С. Д. Современное российское избирательное право: понятие, принципы, источники. — Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1999.

6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: введ. в действ. федеральным законом от 30 декабря 2001 г.; в ред. Федерального закона от 24 ноября 2014 г. № 362-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1, ч. 1. — Ст. 1; 2014. — № 48. — Ст. 6643.

7. О выборах Президента РФ: федеральный закон от 10 января 2003 г. № 19-ФЗ; в ред. Федерального закона от 24 ноября 2014 г. № 355-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2003. — № 2. — Ст. 171; 2014. — № 48. — Ст. 6636.

8. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ: Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ; в ред. федерального закона от 24 ноября 2014 г. № 355-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 24. — Ст. 2253; 2014. — № 48. — Ст. 6636.

References

1. Bondar' N. S., Dzhagaryan A. A. *Konstitutsionnaya tsennost' izbiratel'nykh prav grazhdan Rossii* [Constitutional values of Russian citizens' electoral rights]. Moscow: Formula prava, 2005.

2. Zinov'ev A. V., Polyashova I. S. *Izбирatel'naya sistema Rossii: teoriya, praktika i perspektivy* [The electoral system in Russia: theory, practice and prospects]. St. Petersburg: Press, 2003.

3. Zrazhevskaya T. D. Problema konstitutsionnogo zakrepleniya printsipov izbiratel'noi sistemy Rossiiskoi Federatsii [The problem of constitutional provision of the Russian Federation electoral system]. *Pravo i vlast' – Law and Power*. 2001. No 1. P. 24–35.

4. Katkov D. B. Kodifikatsiya izbiratel'nogo prava v Rossiiskoi Federatsii [Codification of electoral law in the Russian Federation]. *Vestnik Tsentral'noi izbiratel'noi komissii RF – Central Election Commission of the Russian Federation Bulletin*. 1998. No 3. P. 131–138.

5. Knyazev S. D. *Sovremennoe rossiiskoe izbiratel'noe pravo: ponyatie, printsipy, istochniki* [Contemporary Russian suffrage: the concept, principles and sources]. Vladivostok: Far Eastern State University Publishing Department, 1999.

6. *Kodeks Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh* [Code of Administrative offences of the Russian Federation]. *Sobranie zakonodatel'stva RF – Collected Legislation of the Russian Federation*. 2002. No 1. Part 1. Art. 1; 2014. No 48. Art. 6643.

7. О выборах Президента РФ [On election of the Russian Federation President]. Federal Law No 19-FZ, enacted January 10, 2003. *Sobranie zakonodatel'stva RF – Collected Legislation of the Russian Federation*. 2003. No 2. Art. 171; 2014. No 48. Art. 6636.

8. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ [On Basic Guarantees of Electoral Rights and the right of the Russian Federation citizens to participate in referendum]. Federal Law No 67-FZ, enacted June 12, 2002. *Sobranie zakonodatel'stva RF – Collected Legislation of the Russian Federation*. 2002. No 24. Art. 2253; 2014. No 48. Art. 6636.

УДК 342

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ БЮДЖЕТНОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ДЕЙСТВИЯ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «ОБ ОБРАЗОВАНИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

© *Чеха Вадим Витальевич*

кандидат юридических наук, проректор Московского педагогического государственного университета, профессор кафедры управления образовательными системами
Россия, 119571, г. Москва, пр. Вернадского, 88
E-mail: tschecha77@list.ru

Статья посвящена вопросам правового регулирования бюджетного финансирования образования в условиях действия Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 г. № 273–ФЗ. Большое значение в статье придается сравнению указанного закона с ранее действовавшим законом Российской Федерации «Об образовании», анализу соответствующих норм Конституции Российской Федерации. В качестве проблем автор отмечает неэффективность использования бюджетных средств, имеющихся в образовательной организации, а также отсутствие корреляции между предусмотренными Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» процедурами оценки качества образования в государственной или муниципальной образовательной организации и объемом финансирования этой образовательной организации.

Ключевые слова: образовательная деятельность, финансирование, бюджетное финансирование, бюджетные средства, государственное (муниципальное) задание, эффективность, государственные и муниципальные образовательные организации, учреждения, качество образования.

LAW REGULATION OF BUDGETARY FINANCING OF EDUCATION IN CONDITIONS OF THE FEDERAL LAW “ON EDUCATION IN THE RUSSIAN FEDERATION”

Cecha Vadim V.

PhD in Law, Vice-Rector of Moscow State Pedagogical University, Professor, department of management of educational systems
88, Vernadsky Ave., Moscow, 119571, Russia

The article is devoted to the issues of legal regulation of budgetary financing of education in the conditions of action of the Federal law 29.12.2012 № 273-FZ "On education in the Russian Federation". The great value in the article is attached to comparison of the specified law with the earlier acted Law of the Russian Federation "On education", to the analysis of the relevant standards of the Constitution of the Russian Federation. As problems the author points at inefficiency of the use of budgetary funds which are available to educational organization, and also a lack of correlation between the procedures of assessment of quality of education provided by the Federal law "On education in the Russian Federation" in the state or municipal educational organization and the amount of financing of this educational organization.

Keywords: educational activity, financing, budgetary financing, budgetary funds, state (municipal) task, efficiency, state and municipal educational organizations, establishments, quality of education.

С 1 сентября 2013 г. вступил в силу Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» (далее — новый закон об образовании), призванный обеспечить условия для повышения качества российского образования. В то же время данный закон в самой малой степени затронул вопросы, связанные с организацией бюджетного финансирования образования.

Согласно новому Закону «Об образовании РФ» финансовое обеспечение образовательной деятельности должно осуществляться в соответствии с законодательством Российской Федерации с учетом особенностей, установленных указанным законом. Таким образом, бюджетное финансирование образования осуществляется в соответствии с иными нормативными правовыми актами, в частности в соответствии с Бюджетным кодексом Российской Федерации, Федеральным законом от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях», федеральными законами о федеральном бюджете и другими нормативными правовыми актами. Такого же рода механизм регулирования бюджетного финансирования образования применялся и в законе Российской Федерации «Об образовании».

Бюджетный кодекс Российской Федерации в ст. 2 включает в бюджетное законодательство не только Бюджетный кодекс РФ и принятые в соответствии с ним федеральные законы, муниципальные правовые акты представительных органов муниципальных образований, но и иные федеральные законы, законы субъектов Российской Федерации и муниципальные правовые акты представительных органов муниципальных образований, регулирующих бюджетные правоотношения.

В связи с этим значение Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» для регулирования бюджетного финансирования образования можно охарактеризовать словами С. В. Запольского, который указал, что «финансами можно именовать только те отношения, которые возникли «под сенью закона», причем закона не финансового, а имеющего другую отраслевую принадлежность. Роль же финансового права состоит в «чистой обработке» финансовых отношений, в доведении их до оптимума» [2, с. 12].

Таким образом, нормы, регулирующие бюджетное финансирование образования, содержащиеся в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» дополняют нормы Бюджетного кодекса Российской Федерации и принятых в соответствии с ним нормативных правовых актов, в том числе в части некоторых особенностей финансирования образования.

Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» сохранил механизм установления и использования контрольных цифр приема и механизм финансирования на основе особого рода расчетных показателей — нормативных затрат на оказание государственных или муниципальных услуг в сфере образования, устанавливаемых соответствующими органами власти. В основном сохранено существующее распределение расходных полномочий в сфере образования между федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления муниципальных районов и городских округов.

Вместе с тем следует отметить и некоторые нововведения Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» в регулировании вопросов финансирования образования:

1. Статья 99 нового закона в части 3 предусматривает необходимость включения в нормативные затраты на оказание государственных или муниципальных услуг в сфере образования затрат на оплату труда педагогических работников с учетом обеспечения уровня средней заработной платы педагогических работников за выполняемую ими учебную (преподавательскую) работу и другую работу, определяемого в соответствии с решениями Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления. Также расходы на оплату труда педагогических работников муниципальных общеобразовательных организаций, включаемые органами государственной власти субъектов Российской Федерации в нормативы, не могут быть ниже уровня, соответствующего средней заработной плате в соответствующем субъекте Российской Федерации, на территории которого расположены такие общеобразовательные организации.

2. Часть 4 статьи 99 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» предусматривает критерии для определения образовательных организаций как малокомплектных.

3. Часть 2 статьи 99 нового закона об образовании устанавливает перечень факторов, с учетом которых формируются нормативные затраты на оказание государственной или муниципальной услуги в сфере образования. К числу таковых относятся сетевая форма реализации образовательных программ, образовательные технологии, специальные условия получения образования обучающимися с ограниченными возможностями здоровья, обеспечение дополнительного профессионального образования педагогическим работникам, обеспечение безопасных условий обучения и воспитания, охраны здоровья обучающихся и иные предусмотренные Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» особенности организации и осуществления образовательной деятельности.

С учетом вышеперечисленных факторов также определяются нормативы, применяемые для расчета субвенций, предоставляемых органами государственной власти Российской Федерации местным бюджетам, включая расходы на оплату труда, приобретение учебников и учебных пособий, средств обучения, игр, игрушек (за исключением расходов на содержание зданий и оплату коммунальных услуг).

4. Новый закон об образовании в части 5 статьи 99 содержит подробное регулирование процесса предоставления субсидий на возмещение затрат частных организаций, осуществляющих образовательную деятельность по реализации основных общеобразовательных программ, финансовое обеспечение которых осуществляется за счет бюджетных ассигнований бюджетов субъектов Российской Федерации.

Указанные изменения в целом направлены на обеспечение соответствия законодательства об образовании требованиям финансового законодательства, на расширение возможностей по организации финансирования образования с учетом разнообразия условий обучения, образовательных программ и других факторов.

В сфере регулирования финансирования образования ведущая роль принадлежит Конституции Российской Федерации, которая устанавливает основные правовые начала, в рамках которых реализуется указанное финансирование. Среди них в первую очередь следует назвать отнесение общих вопросов воспитания, образования к предмету совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации (подпункт «е» п. 1 ч. 1 ст. 72).

Также важными являются нормы, устанавливающие равноправие субъектов во взаимоотношениях с федеральными органами государственной власти (часть 1 статьи 5), самостоятельность органов местного самоуправления в части, касающейся утверждения и исполнения местного бюджета (ч. 1 ст. 132), нормы, определяющие разделение функций между законодательной и исполнительной властью (главы 5, 6 Конституции Российской Федерации).

Наконец, основной нормой Конституции Российской Федерации, которая напрямую направлена на регулирование бюджетного финансирования образования, следует признать статью 43, регламентирующую право на образование. Согласно указанной статье гарантируется общедоступность и бесплатность таких видов образования, как:

- дошкольное;
- основное общее;
- среднее профессиональное.

При этом необходимым условием общедоступности и бесплатности выступает получение данного образования в государственных или муниципальных образовательных учреждениях и на предприятиях. Важность обеспечения реализации права на образование, в том числе в части, касающейся бесплатности получения образования, обуславливается тем, что характер права на образование предопределяет его связь со многими из основополагающих конституционных прав и свобод. Как указала В. В. Спасская: «Право на образование ... является одним из связующих элементов в системе основных прав и свобод, составляющих основу конституционного строя России» [7, с. 81–82].

Таким образом, Конституция Российской Федерации возлагает на соответствующие органы государственной власти и местного самоуправления обязанность обеспечить бесплатное получение соответствующего образования. Ключевыми словами в ст. 43 Конституции Российской Федерации являются бесплатность и общедоступность образования соответствующих видов.

В литературе отмечается, что право на образование (в отличие, например, от права на жизнь, здоровье, свободу) может быть признано за человеком при наличии соответствующего экономического потенциала государства, который позволял бы создавать систему образовательных организаций [1, с. 9]. В связи с этим система образования согласно ч. 1 ст. 10 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» включает в себя в качестве необходимого элемента организации, осуществляющие образовательную деятельность.

Таким образом, необходимость обеспечения конституционных прав граждан предполагает наличие эффективно функционирующей сети государственных и муниципальных образовательных организаций. Не случайно в отличие от ранее действовавшего закона Российской Федерации «Об образовании» Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» ч. 3 ст. 4 относит к числу основных задач правового регулирования отношений в сфере образования, в том числе и создание финансовых условий для свободного функционирования и развития системы образования Российской Федерации.

Особая роль при регулировании сферы образования принадлежит Бюджетному кодексу Российской Федерации, который регламентирует бюджетные правоотношения, в том числе в части, касающейся исполнения бюджета, осуществления бюджетных расходов, бюджетного контроля.

Значительную роль в регулировании бюджетного финансирования сферы образования сыграл Федеральный закон от 08.05.2010 г. № 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений». Данный закон внес значительные изменения в нормативные правовые акты, регламентирующие статус государственных и муниципальных образовательных организаций, направленные на повышение самостоятельности данных организаций в финансово-хозяйственных вопросах [5, с. 113–127].

Таким образом, принятие Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» было совмещено с прямо не связанными с данным принятием процессами совершенствования бюджетного законодательства, направленными на повышение эффективности использования бюджетных средств.

Следует отметить крайнюю актуальность для сферы образования вопросов, связанных с эффективностью использования бюджетных средств, которая не исчезла в связи с принятием Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации». В литературе справедливо отмечают имеющие место в настоящее время нерациональность и неэффективность расходования ресурсов в сфере образования, исчезновение их вследствие коррупционных действий, что вызывается избыточной централизацией, а также отсутствием доверия к организациям и учреждениям, непосредственно предоставляющим образовательные услуги [4, с. 56].

В сфере образования осуществляется так до конца и не завершённый на сегодняшний день процесс перехода государственных и муниципальных образовательных организаций на нормативно-подушевое финансирование, не имеющий законченной и качественной регламентации в законодательстве. При этом переход на нормативно-подушевое финансирование изначально рассматривался как способ повышения качества бюджетной образовательной услуги в применении к общему образованию [6].

В связи с этим следует также обратить внимание на активные попытки повысить эффективность использования бюджетных средств в рамках деятельности самих государственных и муниципальных образовательных организаций. К числу такого рода попыток возможно, на наш взгляд, отнести и введение новой системы оплаты труда в государственных и муниципальных образовательных организациях и последующее введение в указанных организациях так называемого «эффективного контракта» [8].

В качестве проблемы, связанной с правовым регулированием бюджетного финансирования образования, не устранённой в связи с принятием нового закона об образовании возможно выделить отсутствие положительного взаимовлияния между процедурами финансирования государственных и муниципальных образовательных организаций и различными процедурами, направленными на оценку качества образования, урегулированными законом об образовании.

Пункт 6 Положения о формировании государственного задания в отношении федеральных бюджетных и казенных учреждений и финансовом обеспечении выполнения государственного задания, утверждённого Постановлением Правительства РФ от 02.09.2010 г. № 671, наделяет соответствующих главных распорядителей средств федерального бюджета правом на утверждение перечней показателей качества государственной услуги.

Методические рекомендации по формированию государственных заданий федеральным государственным учреждениям и контролю за их выполнением, утверждённые приказом Минфина РФ № 136н, Минэкономразвития РФ № 526 от 29.10.2010 г., содержат рекомендации в отношении установления показателей качества государственной услуги. Согласно п. 15 указанных рекомендаций для государственных услуг предлагается устанавливать такие показатели, как, например, доля потребителей, удовлетворённых качеством оказания государственной услуги, определяемая на основе опросов потребителей указанной услуги. Таким образом, процесс финансирования деятельности государственных образовательных организаций предполагает возможность использования особых инструментов, позволяющих оценить качество образования. То же самое можно сказать и о муниципальных образовательных организациях.

Ст. 2 нового закона об образовании определяет понятие «качество образования» как степень ответственности образовательной деятельности и подготовки обучающегося:

- федеральным государственным образовательным стандартам, образовательным стандартам, федеральным государственным требованиям;
- потребностям физического или юридического лица, в интересах которого осуществляется образовательная деятельность.

Предусмотренные указанным законом инструменты определения качества образования — государственная аккредитация образовательной деятельности (ст. 92), федеральный государственный контроль качества образования (ст. 93), предполагают определение уполномоченным государственным органом соответствия образовательной деятельности и подготовки обучающихся требованиям главным образом федеральных государственных образовательных стандартов.

Результатом данных процедур выступает выявление соответствия либо несоответствия требованиям федеральных государственных образовательных стандартов. Таким образом, урегулированные новым законом об образовании оценочные процедуры не предполагают некоей градации, свидетельствующей, например, о степени удовлетворения качеством оказания образовательных услуг со стороны потребителей или о степени соответствия потребностям физического или юридического лица, в интересах которого осуществляется образовательная деятельность. Данная позиция противоречит общераспространенному пониманию качества, основывающегося на предположении о том, что некоего постоянного уровня качества не существует (уровень качества должен непрерывно повышаться) [3, с. 19].

В то же время оценка качества образования, осуществляемая в рамках финансирования на основании государственного или муниципального задания, такого рода градацию может предполагать. Однако с точки зрения нового закона об образовании некая корреляция с результатами оценки качества образования, используемыми при финансировании на основании государственного или муниципального задания бюджетных и автономных учреждений, возможна только при наличии государственной аккредитации образовательной программы как таковой, как условия, позволяющего финансировать деятельность указанной организации в принципе.

Отметим, что вышеуказанные обстоятельства косвенно способствуют тому, что государственная аккредитация образовательных программ в ее сегодняшнем виде представляет собой проводимую часто формально и поверхностную процедуру, имевшую и имеющую, как правило, всегда положительный результат, по крайней мере, для государственных и муниципальных образовательных организаций. Так или иначе имеющиеся в образовательной организации результаты проведенных в соответствии с законом об образовании процедур оценки качества образования практически не оказывают влияния на объем финансирования этой образовательной организации.

То же будет верным и по отношению к процедурам, результаты которых призваны отражать качество образования — независимая оценка качества образования, общественная аккредитация организаций, осуществляющих образовательную деятельность, профессионально-общественная аккредитация образовательных программ, мониторинг в системе образования (ст. 95, 96, 97 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации») [9].

С учетом изложенного актуальной задачей совершенствования правового регулирования финансирования образования следует признать обеспечение дифференцированного подхода при выделении бюджетных средств конкретным государственным и муниципальным образовательным организациям в зависимости от реального качества образования. При этом используемая для определения объема финансирования оценка качества образования должна включать в себя множество самых разнообразных интегрированных оценок, предусмотренных как законодательством об образовании, так и нормативными правовыми актами, регулирующими финансирование образования. Такого рода подход позволит повысить реальное качество образования.

В качестве других проблем, касающихся бюджетного финансирования образования, возможно указать на проблемы, связанные с определением нормативных затрат на оказание государственных или муниципальных услуг в сфере образования с учетом разнообразия положений, содержащихся в части 2 статьи 99 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», влияющих на определение указанных затрат. Так, в настоящее время уже возникают сложности при рассмотрении вопроса о том, как при расчете норматива учесть, например, сетевую форму реализации программ.

Вступление в силу закона об образовании также актуализировало рассмотрение иных проблем, связанных с правовым регулированием бюджетного финансирования образования. Данное обстоятельство предопределяет актуальность дальнейших исследований в сфере финансово-правовой науки, касающихся бюджетного финансирования образования.

Литература и примечание

1. Волохова Е. Д. Законодательное обеспечение права на образование в Российской Федерации: монография. — М.: Готика, 2004. — 240 с.
2. Запольский С. В. Дискуссионные вопросы теории финансового права: монография. — М.: Эксмо, 2008. — С. 12.
3. Менеджмент качества образовательных процессов: учеб. пособие / под ред. Э. В. Минько, М. А. Николаевой. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. — С. 19.

4. Насонкин В. В. Основные проблемы государственной образовательной политики в условиях глобализации: монография. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2013. — С. 56.

5. Чеха В. В. Государственное (муниципальное) задание образовательным учреждениям: комментарий к Федеральному закону от 8 мая 2010 года № 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» // Ежегодник российского образовательного законодательства. — 2011. — Т. 6. — С. 113–127.

6. Письмо Минобрнауки РФ от 13.09.2006 г. № АФ-213/03 «О подготовке и направлении вариантов модельных методик» (вместе с Модельной методикой введения нормативного подушевого финансирования реализации государственных гарантий прав граждан на получение общедоступного и бесплатного общего образования» и др.) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.04.2014).

7. Спасская В. В. Правовое регулирование образовательных отношений: проблемы теории и практики. — М.: Информ-Право, 2009. — С. 81–82.

8. Характерно, что литературе высказывается позиция, согласно которой «фонды оплаты труда в бюджетных учреждениях регулируются через бюджет (а бюджет, закон о бюджете — это исключительно нормы финансового права)». Горбунова О. Н. Фонды оплаты труда в государстве — объект изучения финансового права // Финансовое право. — 2012. — № 11. — С. 4. Таким образом, для финансово-правовой науки возникает относительно новое пространство для исследований с учетом происходящих в сфере образования изменений.

9. Характерно, что Письмо Минобрнауки России от 14.10.2013 г. № АП-1994/02 «О методических рекомендациях по внедрению НСОКО» (вместе с «Методическими рекомендациями по проведению независимой системы оценки качества работы образовательных организаций») содержит рекомендацию для органов исполнительной власти, осуществляющих управление в сфере образования по использованию результатов независимой оценки качества образования для подготовки соответствующих решений на уровне региона, муниципального образования, в том числе в части выделения дополнительного финансирования из фонда поддержки качества образования [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.04.2014). Однако механизм реального воплощения данной рекомендации остается загадкой.

References

1. Volokhova E. D. *Zakonodatel'noe obespechenie prava na obrazovanie v Rossiiskoi Federatsii* [Legislative support of the right to education in the Russian Federation]. Moscow: Gotika, 2004. 240 p.

2. Zapol'skii S. V. *Diskussionnye voprosy teorii finansovogo prava* [Debatable issues on the theory of financial law]. Moscow: Eksmo, 2008. P. 12.

2. E. V. Min'ko, M. A. Nikolaeva, eds. *Menedzhment kachestva obrazovatel'nykh protsessov* [Quality management of educational processes]. Moscow: Norma: INFRA-M, 2013. P. 19.

3. Nasonkin V. V. *Osnovnye problemy gosudarstvennoi obrazovatel'noi politiki v usloviyakh globalizatsii* [The main problems of State educational policy in the context of globalization]. St. Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia Publishing Department, 2013. P. 56.

4. Chekha V. V. *Gosudarstvennoe (munitsipal'noe) zadanie obrazovatel'nym uchrezhdeniyam* [State (municipal) mission of educational institutions]. Comments to Federal Law No 83-FZ of May 8, 2010 "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in connection with the improvement of the legal status of state (municipal) institutions". *Ezhegodnik rossiiskogo obrazovatel'nogo zakonodatel'stva – Yearbook of the Russian educational legislation*. 2011. Vol. 6. P. 113–127.

5. *O podgotovke i napravlenii variantov model'nykh metodik* [On preparation and direction of model techniques variants]. Letter from the Russian Federation Ministry of Education No AF-213/03 of September 13, 2006. *Konsul'tant Plyus – Consultant Plus*. Available at: <http://www.consultant.ru/> (accessed 19 April 2014).

6. Spasskaya V.V. *Pravovoe regulirovanie obrazovatel'nykh otnoshenii: problemy teorii i praktiki* [Legal regulation of educational relations: problems of theory and practice]. Moscow: Inform-Pravo, 2009. P. 81–82.

7. Gorbunova O.N. *Fondy oplaty truda v gosudarstve – ob"ekt izucheniya finansovogo prava* [Wage funds of a state as the object of financial law studies]. *Finansovoe pravo – Financial Law*. 2012. No 11. P. 4.

8. *O metodicheskikh rekomendatsiyakh po vnedreniyu NSOKO* [Methodological recommendations for implementation of the Independent system of education quality assessment]. Letter from the Russian Federation Ministry of Education No AP-1994/02 of October 14, 2013. *Konsul'tant Plyus – Consultant Plus*. Available at: <http://www.consultant.ru> (Accessed 19 April 2014).

ВОПРОСЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА И УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

УДК 343.13(510)

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА КИТАЯ 中国刑事证据制度的完善

© *Лянь Миньянь* 梁敏燕

доктор юридических наук, профессор Чанчуньского политехнического университета
Китай, 130022, Чанчунь, Вэйсин, 7089
E-mail: liangminyan6463@mail.ru

Статья посвящена эволюции уголовного законодательства Китая. Автор анализирует процесс создания и развития системы уголовного судопроизводства Китайской Народной Республики, выделяет ее характерные черты, особое внимание уделяется действующей системе доказательств, правилам их применимости в процессе расследования и судопроизводства. Подробно рассматривается содержание последних поправок в Уголовно-процессуальный кодекс Китая, дается их оценка с позиций уголовно-правовой теории и практики.

Ключевые слова: уголовно-процессуальный кодекс, Китайская Народная Республика, судопроизводство, доказательства.

DEVELOPMENT OF A SYSTEM OF CRIMINAL LEGAL PROCEEDINGS IN CHINA

Liang Minyan 梁敏燕

LLD, Professor, Changchun University of Science and Technology
7089, Weixing, Changchun, 130022, China

The article is devoted to the development of criminal law of China. The author analyzes the process of working out and development of a system of Criminal Procedure Code of the Chinese People's Republic, points out its characteristic features, the special attention is paid to the acting system of evidences, rules of their application in the process of investigation and legal proceedings. The content of the latest amendments to the Criminal Procedure Code of China is thoroughly considered, they are evaluated from the point of view of criminal-legal theory and practice. The article is addressed to the lawyers, practicing in the field of criminal and criminal procedure law, to everybody who is interested in the law of the Chinese People's Republic.

Keywords: Criminal Procedure Code, the Chinese People's Republic, legal proceedings, evidences.

Уголовно-процессуальный кодекс КНР был принят на 2-й сессии Всекитайского собрания народных представителей пятого созыва 1 июля 1979 г. и действует с поправками, внесенными постановлением, принятым на 4-й сессии Всекитайского собрания народных представителей восьмого созыва 17 марта 1996 г. «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Китайской Народной Республики», и с поправками, внесенными постановлением, принятым на 5-й сессии Всекитайского собрания народных представителей одиннадцатого созыва 14 марта 2012 г. «О внесении изменений в «Уголовно-процессуальный кодекс Китайской Народной Республики». С того времени, когда в Китае опубликовали Уголовно-процессуальный кодекс, прошло 35 лет. За эти годы внесены две поправки, ставшие важным шагом в создании правового государства в Китае.

1. Создание системы уголовного судопроизводства Китая

Уголовно-процессуальный кодекс КНР, который был принят на 2-й сессии Всекитайского собрания народных представителей пятого созыва 1 июля 1979 г., является первым Уголовно-процессуальным кодексом в истории КНР. Это означает, что в Китае этим законом впервые установили систему уголовного судопроизводства. Про судопроизводство было указано в пятой главе, включающей всего лишь 7 статей. Кроме того, еще несколько положений, касающихся судопроизводства, были закреплены в ст. 2 и 3 второй и третьей главы. Между тем порядок судопроизводства был установлен на более принципиальной основе, подчеркнуто, что уголовное преследование должно быть основано на фактах, от следователей требовалось активно проявлять инициативу и усилия по установлению достоверности фактов и других доказательств. Процесс доказывания требует, чтобы следователи проверяли все обстоятельства, подле-

жащие доказыванию, проводили криминалистические исследования фактов, чтобы установить истину. Все доказательства, дающие суду основание для принятия решения, должны быть тщательно проверены, недопустимо использование признаний подозреваемых и доказательств, полученных путем применения пыток. Это имеет большое значение для исправления ошибок, имевших место во время «культурной революции». В процессе расследования уголовных дел должны быть восстановлены правильные подходы и возрождены прекрасные традиции руководства партии в их работе, необходимо повысить информированность общественности о работе следователей при расследовании дел в соответствии с законом. Система уголовного судопроизводства сыграла важную роль в развитии социалистического права [1]. Она обладает следующими особенностями:

1. Задача доказательства в уголовном судопроизводстве — определить истинные обстоятельства дела и установить объективную истину. Только установленные в судебном порядке объективные факты по делу можно считать правильным применением закона, защитой социалистической правовой системы, национальных и коллективных интересов, законных прав граждан. Поэтому определение объективной истины — важная задача судебных органов КНР.

2. Судебное разбирательство и решение по делу должно быть установлено на основе достоверных фактов. «На основе фактов» является основным принципом уголовно-процессуального кодекса КНР. Независимо от стадии судебного разбирательства, если факты не установлены, нельзя применять закон и принимать решение. Если надо, то необходимо вернуться, чтобы провести дополнительное расследование до тех пор, пока факт не стал ясным и понятным.

3. При вынесении решения по любому делу необходимо учитывать доказательства и результаты расследования, а не доверять только устным показаниям. Одни лишь показания обвиняемого при отсутствии других доказательств не могут являться основанием для признания обвиняемого виновным и назначения ему наказания; при отсутствии показаний обвиняемого, но при наличии полностью достоверных доказательств обвиняемый может быть признан виновным и подвергнут наказанию.

4. Уголовно-процессуальным кодексом четко закреплено, что «доказательства должны быть проверены перед принятием решения». Представленные доказательства могут быть разными. Работники следствия и суда должны серьезно относиться к данным доказательствам, должны четко убедиться в достоверности и надежности доказательств.

Уголовно-процессуальный кодекс КНР от 1979 г. сыграл важную роль в истории, вместе с тем существуют некоторые проблемы:

1. Люди не всегда могут распознавать субъективный и объективный мир, это не значит, что следователи могут выявить все факты, не понимая относительную способность человека при судебном разбирательстве. Таким образом, доказательства во всех случаях должны быть установлены на основе ясных фактов, были примеры, когда возвращали много дел для дополнительного расследования, в течение длительного периода эти дела находились в подвешенном состоянии, продлевали сроки содержания под стражей, нарушались законные права и интересы участников процесса, что оказывало отрицательное влияние на правосудие.

2. Не был твердо определен принцип о принятии решений на основе доказательств. Все решения должны быть основаны на фактических данных, это при соблюдении трех факторов: во-первых, факты должны быть основаны на доказательствах; во-вторых, судья должен принять решение на основе таких доказательств, которые могут установить фактические обстоятельства дела; в-третьих, доказательства должны быть проверены в суде через законный перекрестный допрос и утверждение, что можно использовать в качестве основы решения. Это юридические требования процесса доказывания.

На практике не обращали внимания на квалификацию доказательств, не требовали проверки доказательств в соответствии с правовыми процедурами, не просили перекрестного допроса, что использовали доказательства, полученные незаконными методами.

3. Низкая посещаемость свидетелей, в основном опирались на письменные показания в приговоре. По статистике вызов свидетелей в уголовных процессах меньше, чем 5 %, и даже в некоторых местах менее чем 1 % [2].

При данных обстоятельствах для решения этих проблем в 1996 г. были внесены поправки к уголовно-процессуальному кодексу.

2. Развитие системы уголовного судопроизводства в КНР

17 марта 1996 г. Уголовно-процессуальный кодекс был подвергнут первой ревизии, количество статей увеличилось с 164 до 225. И самое главное — закрепили презумпцию невиновности. Основной принцип презумпции невиновности гласит: «Обвиняемый не виновен, пока не доказано обратное». До этого в

Китае был другой принцип — при отсутствии возможности доказать виновность, но с учетом большого количества доказательств против человека, ему назначали более легкое наказание, чем это предусмотрено законом.

В ст. 140 Уголовно-процессуального кодекса КНР были внесены изменения: «Если прокуратура считает, что существует недостаточно доказательств, обвинение не отвечает требованиям, то можно принять решение — не возбуждать уголовное дело». В ст. 162 закреплено: «Если суд установит, что в соответствии с проверенными фактами отсутствуют достаточные доказательства, обвиняемый не может быть признан виновным, суд должен принять решение об оправдании обвиняемого».

В июне 2010 г. Верховный суд КНР, Верховная народная прокуратура, Министерство общественной безопасности, Министерство государственной безопасности и Министерство юстиции КНР совместно выпустили два правила, касающиеся использования доказательств по уголовным делам: «Решение вопросов об отмене смертной казни в случае пересмотра доказательств» и «Положение по вопросам об исключении незаконно полученных доказательств по уголовным делам». «Два правила доказывания» — это принципы принятия конкретных решений по уголовным делам, особенно в случаях отмены смертной казни:

а) обстоятельства дела должны быть составлены на доказательствах. Это значит, что осуждение и приговор основаны на доказательствах, фактические данные проверены в соответствии с установленной процедурой. Между доказательствами и фактами по делу нет противоречий. Вывод на основании доказательств должен быть сделан в соответствии с правилами логики и опыта;

б) прямые доказательства: прямое доказательство указывает на доказываемое обстоятельство прямо и непосредственно. Это значит, что все доказательства должны быть проверены в суде. Свидетели должны участвовать в перекрестном допросе, чтобы проверить все доказательства и определить правду в результате расследования;

в) правило исключения доказательств: незаконно полученными доказательствами нельзя пользоваться для принятия решения по делу. Доказательства, полученные при попытках подозреваемых и других незаконных методах в результате насилия и угроз, должны быть исключены;

г) совершенствование правил доказывания.

«Два правила доказывания» установили основные принципы исследования доказательств и допустимости доказательств, разработали правила исследования и применения разных доказательств, уточнили различные сертификационные требования разбирательства, различили стандарт осужденных, усовершенствовали правила допроса свидетелей. Но «Два правила доказывания» не являются основным законом, надо находить их содержание в поправке к Уголовно-процессуальному кодексу.

3. Поправка к Уголовно-процессуальному кодексу КНР от 14 марта 2012 г.

14 марта 2012 г. поправки к Уголовно-процессуальному кодексу были приняты Всекитайским собранием народных представителей и внесены в 99 ст. Объем Уголовно-процессуального кодекса увеличился с 225 до 285 ст. Новые изменения в систему доказательств состоят в следующем:

I. Изменение видов доказательства:

- 1) вещественные и письменные доказательства;
- 2) показания свидетелей;
- 3) заявления потерпевших;
- 4) показания и объяснения подозреваемого и обвиняемого в совершении преступления;
- 5) заключение экспертизы (мнение эксперта);
- 6) протоколы осмотра и освидетельствования (протоколы осмотра, освидетельствования, идентификация и следственных экспериментов);
- 7) видео- и аудиоматериалы (видео-, аудиоматериалы и электронная обработка данных).

Только при необходимой тщательной проверке соответствия вышеперечисленных доказательств фактическим обстоятельствам дела они могут выступать в качестве основания для принятия решений по делу.

Добавили ст. 48: в прокуратуру направляется дело обвиняемого, органы прокуратуры несут бремя доказывания вины обвиняемого, по делам частного обвинения частный обвинитель несет бремя доказывания, если иное не предусмотрено законом.

II. Ликвидация незаконных доказательств: доказательственные материалы только после проверки судебных органов могут использоваться в качестве доказательства. Доказательства в полной мере должны отвечать следующим условиям: а) вынесение приговора есть доказательство фактов; б) в соответствии с законом вынесение приговора было проверено соответствующими процедурами; в) комплексные дока-

зательства о соответствии фактов уже вне разумных сомнений. Сбор доказательств с помощью пыток подозреваемого и других незаконных методов, сбор показаний свидетелей и заявлений потерпевших с помощью насилия, угроз и других незаконных методов влечет за собой исключение доказательств. Незаконный сбор вещественных, документальных доказательств тоже следует исключить. Народный суд, народная прокуратура и полиция обладают обязанностью исключать незаконные доказательства. И установлен конкретный судебный процесс для исключения незаконных доказательств в ходе судебного разбирательства.

III. Совершенствование допроса свидетеля.

Вызов свидетелей и экспертов в суд для выяснения дел и проверки доказательств имеет большое значение. Поправки установили диапазон показаний свидетелей. Если показания свидетелей и эксперта значимы для вынесения приговора либо у прокурора, потерпевших и обвиняемого есть сомнения, либо суд считает необходимым, то свидетели должны быть вызваны в суд. Если свидетели и эксперт без законных оснований не явятся в суд, то народный суд может их заставить, при этом есть исключения для родителей, супругов и детей.

IV. Совершенствование мер по защите свидетелей.

В поправке добавили статью о защите свидетелей. Для защиты безопасности свидетелей и потерпевших по делам о преступлениях, представляющих угрозу национальной безопасности, террористических актах, организованных преступных групп и преступлений, связанных с наркотиками, народные суды, народные прокуратуры и органы общественной безопасности должны принять следующие меры:

а) не раскрывать персональных данных; б) при даче показаний в суде скрывать реальную внешность, голос и т. д.; в) принять особые меры для охраны личности и жилья свидетелей и потерпевших.

Чтобы выполнить обязательства, сведения о расходах свидетелей на транспорт, проживание, питание и другие расходы должны предоставить судебным органом.

V. Правовая сила сбора доказательств с использованием технических средств и тайных расследований.

Для улучшения мер расследования необходимо учитывать возможности следственных органов, их методы расследования. При расследовании преступлений, представляющих угрозу национальной безопасности, террористических актов, организованных преступных групп и преступлений, связанных с наркотиками, коррупционных преступлений, взяточничества и других преступлений, серьезно нарушающих гражданские права, необходимо, чтобы следственные органы могли использовать технические средства и тайные расследования для сбора доказательств. И эти доказательства можно использовать для вынесения приговора.

Новая поправка вступила в силу с 1 января 2013 г. Этот закон важен в наказании преступников и защите невинных людей от уголовного преследования, имеет важное значение для поддержания общественного порядка в стране, больше ориентирован на защиту основных прав человека, таких как права на свободу и жизнь. Поэтому поправка к Уголовно-процессуальному кодексу не только большой прогресс в истории уголовного судопроизводства, но и еще один шаг к правовому государству. Каждый такой шаг делает Китай ближе к построению правового государства, обеспечению стабильности страны, порядка и гармонии в обществе, благосостоянию и счастью каждого гражданина.

Литература

1. 张子培, 吴磊. 刑事诉讼法教程[M]. 北京: 群众出版社 Жан Зи Пэй, У Лэй. Уголовно-процессуальный процесс: учебник. — Пекин, 1987. — 192 с.
2. 左卫民, 马静华. 刑事证人出庭率: 一种基于实证研究的理论阐述[J]. 中国法学. Уэй Мин, Ма Зин Хуа. Посещаемость свидетелей: теория и практики // Вестник Китайского права. — 2005. — № 6. — С. 164–176.

References

1. Jean Zi Pei and Wu Lei. *Code of Criminal Procedure*. Beijing: People's Publishing Department, 1987. 192 p. (chinese)
2. Uey Min and Ma Zin Hua. Attendance of witnesses: theory and practice. *Bulletin of Chinese law*. 2005. No 6. Pp. 164–176. (chinese)

УДК 343.26

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ НАКАЗАНИЙ, НЕ СВЯЗАННЫХ С ЛИШЕНИЕМ СВОБОДЫ

© Хармаев Юрий Владимирович

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Бурятского государственного университета, заслуженный юрист РБ
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: kharmaev@mail.ru

Проводимая реформа уголовно-исполнительной системы направлена на приведение ее в соответствие с международными стандартами, обеспечение законных прав и интересов осужденных в процессе отбывания наказания. В частности, идет развитие наказаний, альтернативных реальному лишению свободы, так как к осужденным, впервые совершившим преступления небольшой и средней тяжести, нецелесообразно применять наказание в виде лишения свободы. Статья посвящена вопросам применения таких наказаний. Рассматриваются тенденции и динамика вынесения судами уголовных наказаний, как правило, не связанных с изоляцией лица от общества. В статье автор ссылается на региональные статистические данные (Бурятия, Забайкальский край).

Ключевые слова: реформа пенитенциарной системы Российской Федерации, реализация исполнения уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы, состояние, динамика и тенденции применения уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы.

TO THE ISSUE OF APPLICATION OF NON-CUSTODIAL SENTENCE

Kharmaev Yurii V.

PhD in Law, A/Professor, the Head of the department of criminal procedure and criminology, law faculty of Buryat State University, Merited Lawyer of RB
24a, Smolina, Ulan-Ude, 670000, Russia

The reform carried out in the penal system is primarily aimed at coinciding it according to international standards, provision of legal rights and interests of convicted during the process of being punished. In particular, the punishment, alternative to real custodial, goes on developing, as it is inappropriate to apply custody to the convicted, who committed crimes of small and average harm for the first time. The article is devoted to the issues of application of the non-custodial sentence. Trends and dynamics of ordering by courts the criminal sentence, generally unrelated to isolation of the individual from the society are considered, as well as what consequences and what problems may arise in the light of achievement the objectives of criminal penalties. The author refers to the regional statistics (Buryatia, Zabaykalsky Krai).

Keywords: reform of the penitentiary system of the Russian Federation, realization of execution of the criminal non-custodial sentence, condition, dynamics and trends of application of the criminal non-custodial sentence.

В последние годы большое внимание уделяется расширению сферы применения наказаний и иных мер, не связанных с лишением свободы, а также созданию условий для подготовки освобождающихся лиц к постпенитенциарной адаптации.

Применение уголовных наказаний, альтернативных лишению свободы, в отношении лиц, совершивших преступления небольшой и средней тяжести, рассчитано на дальнейшее обеспечение снижения уровня криминализации общества и защиту его от преступников, а также на уменьшение численности лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации.

Соглашаясь с позицией И. В. Дворянского [1] о том, что «бытующая до настоящего времени парадигма наказания как карательного и устрашающего средства...перешагнула порог устойчивости», следует отметить, что институт наказаний и сегодня остается одним из наиболее эффективных методов противодействия преступности.

Вступление России в Совет Европы внесло существенный импульс реформированию уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Проводимая реформа уголовно-исполнительной системы [2] направлена, прежде всего, на приведение ее в соответствие с международными стандар-

тами, обеспечение законных прав и интересов осужденных в процессе отбывания наказания. В частности, идет развитие наказаний, альтернативных реальному лишению свободы, так как к осужденным, впервые совершившим преступления небольшой и средней тяжести, нецелесообразно применять наказание в виде лишения свободы. Люди, которые совершили гораздо менее значимые проступки перед государством, обществом, чем те, за которые нужно находиться в тюрьме или в местах лишения свободы, должны иметь возможность понести наказание без разрыва их социальных связей и без серьезной ломки и деформации их личности.

В последнее время в литературе устоялся термин «альтернативные наказания», под которыми в науке принято понимать «такие меры государственного принуждения, которые выражаются в принудительном воздействии на лицо, виновное в совершении преступления, не связаны с изоляцией от общества, но являются ее адекватной заменой в соответствии с характером и степенью общественной опасности содеянного и преследуют цели восстановления социальной справедливости, исправления осужденного, общего и специального предупреждения совершения новых преступлений» [3].

Рационализация политики в области уголовного правосудия предполагает увеличение к 2020 г. общей численности лиц, осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией осужденного от общества, на 200 тысяч человек за счет применения ограничения свободы и других видов наказания, не связанных с изоляцией осужденного от общества, и расширение практики назначения этих наказаний судами [4].

Утвержденная в настоящее время Концепция развития УИС Российской Федерации до 2020 г. [5] отражает основные направления, формы и методы совершенствования и развития УИС, ее взаимосвязь с государственными органами и институтами гражданского общества.

Ежегодно по учету УИИ территориальных органов ФСИН России проходит около миллиона осужденных к наказаниям без лишения свободы (из них 37 % ранее судимых). Подавляющее большинство (84 %) — это условно осужденные. Часть из них обязана пройти курс лечения от алкоголизма и наркомании, трудоустроиться, возместить причиненный вред и т. д. [6].

Приведенные данные позволяют нам сделать вывод о том, что в настоящее время практика назначения судами наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, свидетельствует о сокращающемся, но по-прежнему существенном перекосе в сторону условного осуждения при определении наказания. Более интенсивному расширению применения видов уголовного наказания, не связанных с изоляцией от общества, препятствуют обстоятельства объективного характера, прежде всего фактические трудности, возникающие при реализации наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества.

Анализ научных трудов по обозначенной проблематике позволяет сделать вывод о неоднозначной оценке авторами эффективности реализации уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы. В частности, по мнению В. В. Иринчеева, С. А. Пичугина [7], в настоящее время обязательные работы как вид наказания особо себя не оправдали. Например, самая большая продолжительность обязательных работ в перерасчете на дни составляет примерно 3 месяца. За этот период осужденный не всегда может оценить всю серьезность совершенного им преступления и критически оценить прошлый образ жизни. Сотрудник также за столь короткий срок не может в полном объеме осуществить воспитательное и профилактическое воздействие на осужденного. Указанные обстоятельства во многом определяют проблемный характер исполнения данного вида наказания и соответственно являются причинами совершения правонарушений, в том числе и преступлений со стороны данной категории осужденных.

Практика же применения уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы в Бурятии и Забайкальском крае, как в целом по России, отчетливо показывает и отражает тенденцию увеличения такого рода выносимых судами решений.

Статистика назначения исправительных работ в Российской Федерации выглядит следующим образом: в 2010 г. назначены 41,446 тыс. осужденным (4,8 % от общего числа осужденных), 2011 г. — 42,261 тыс. (5,34 %), 2012 г. — 71,986 тыс. (9,93 %), в 2013 г. — 77,638 тыс. (10,6 %) [8]. Такой же рост наблюдается и по Республике Бурятия (табл. 2, рис. 2).

Таблица 1

Российская Федерация (исправительные работы)

Год	2010	2011	2012	2013
Кол-во осужденных к исправительным работам	4,8 % (41 446)	5,34 % (42 261)	9,93 % (71 986)	10,6 % (77 638)

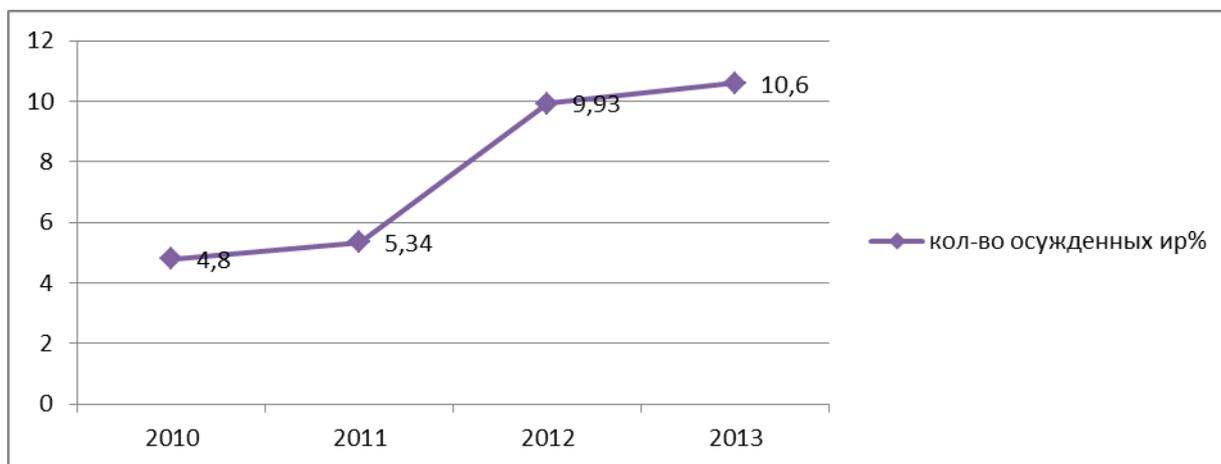

Рис. 1.

Таблица 2

Республика Бурятия (исправительные работы)

Год	2010	2011	2012	2013
Количество осужденных к ИР	2,6 % (362)	3,6 % (449)	4,5 % (565)	5,4 % (690)

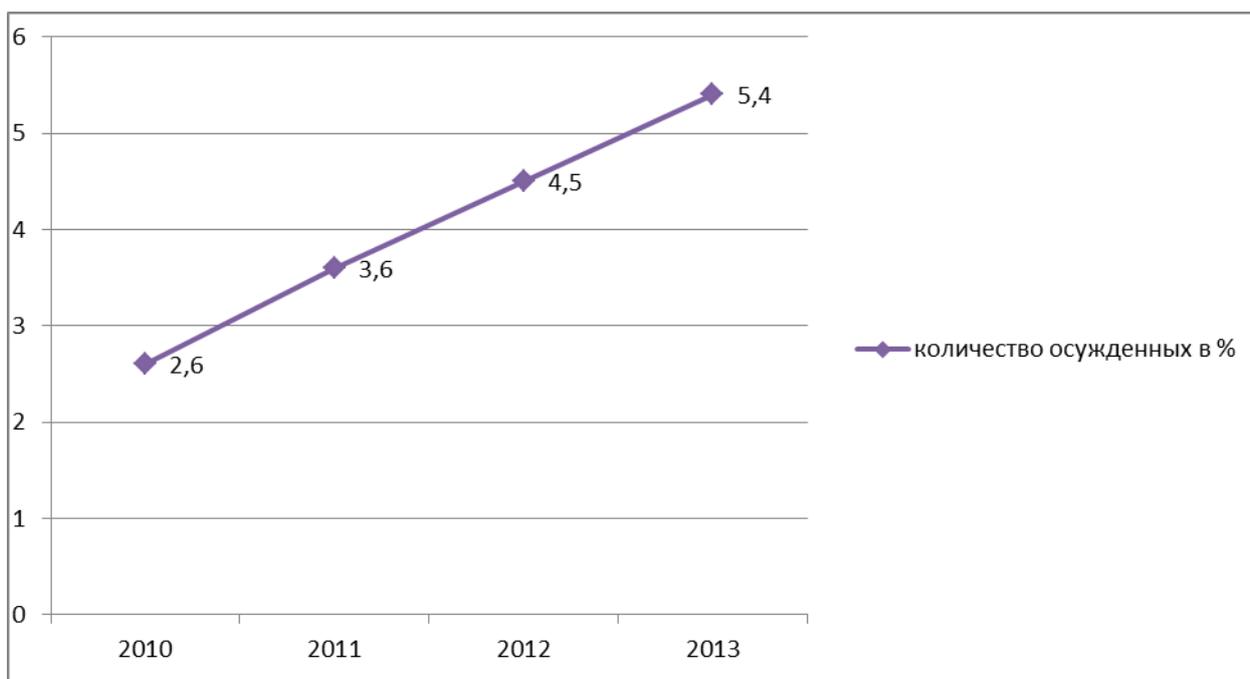

Рис. 2.

Согласно статистике в Российской Федерации в 2010 г. обязательные работы как вид наказания были назначены 80,558 тыс. осужденным (9,43 % от общего числа осужденных), 2011 г. — 90, 444 тыс. (11,48 %), 2012 г. — 77,074 тыс. (10,25 %), в 2013 г. — 73,868 тыс. (10,4 %) [8].

Таблица 3

Российская Федерация (обязательные работы)

Год	2010	2011	2012	2013
% от общего числа осужденных	9,43 % (80 558)	11,48 % (90 444)	10,25 % (77 074)	10,04 % (73 868)

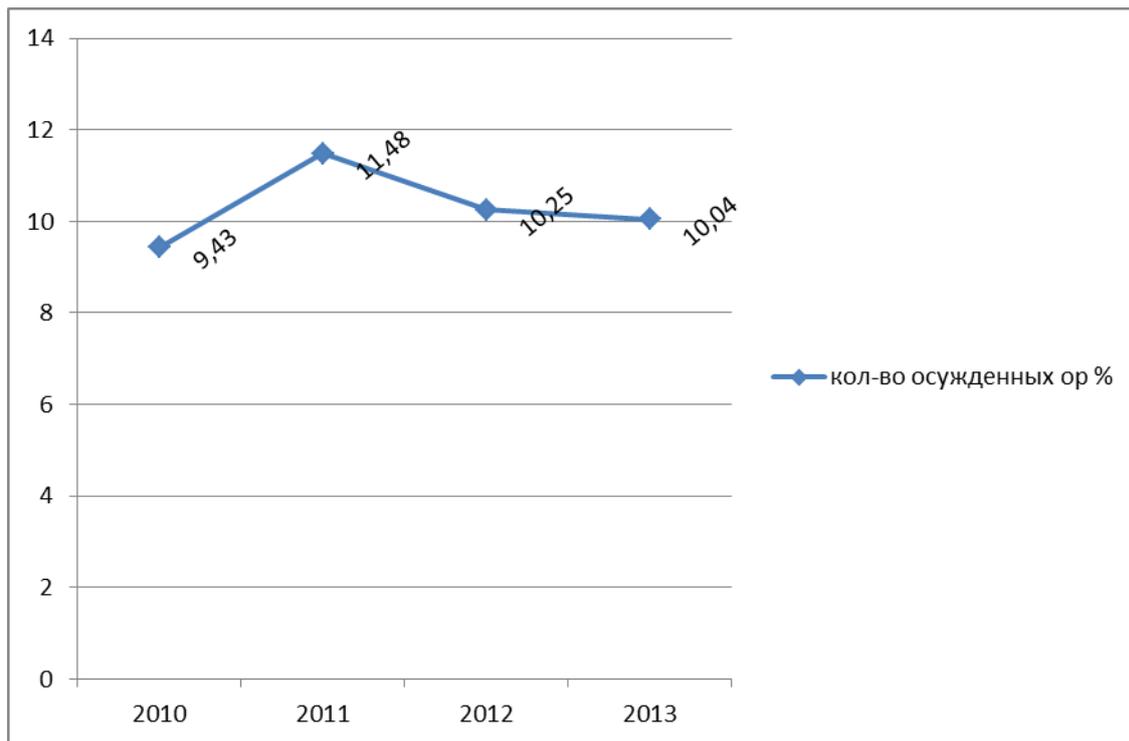

Рис. 3.

Таблица 4

Республика Бурятия (обязательные работы)

Год	2010	2011	2012	2013
% от количества осужденных, состоящих на учете в УИИ	3,9 % (510)	4,4 % (549)	4,6 % (579)	6,4 % (816)

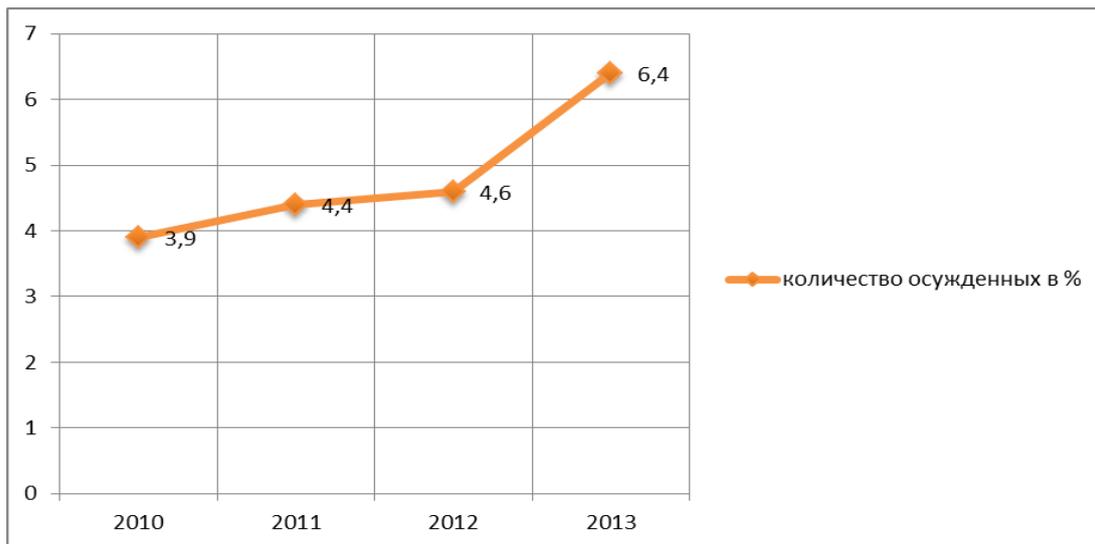

Рис. 4.

Здесь мы видим четкую динамику возрастания применения обязательных работ в Республике Бурятия, пусть даже незначительную по сравнению с Российской Федерацией, но все же явно прослеживается рост применения обязательных работ, к примеру, в 2013 г. видно увеличение применения наказания по сравнению с 2010 г. (табл. 4, рис. 4).

Таблица 5

Республика Бурятия (ограничение свободы)

Год	% от количества осужденных состоящих на учете в УИИ
2010	0,8 % (106)
2011	1,8 % (216)
2012	3,03 % (380)
2013	4,34 % (553)

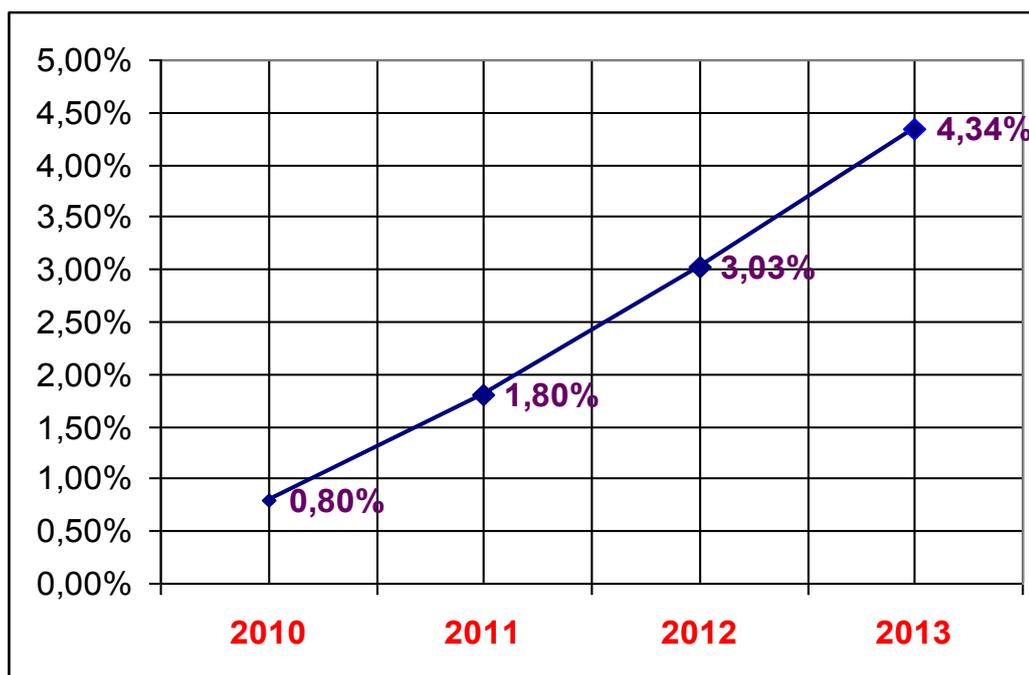

Рис. 5.

Здесь мы прослеживаем увеличение количества лиц, отбывающих наказание в виде ограничения свободы (табл. 5, рис. 5). 2010 г. — переломный момент в данном виде наказания в связи с принятием изменений. В 2014 г. в России к такому виду наказания было осуждено 7 893 человека, что составляет 0,9 % от числа всех осужденных. В Бурятии количество лиц, состоящих на учете в уголовно-исполнительной инспекции, осужденных к ограничению свободы, составило 106 (0,8 %), с каждым годом их число возрастает. Начинает формироваться практика назначения наказания в виде ограничения свободы и непосредственно система его отбывания. Так, к 2013 г. в России число осужденных к ограничению свободы составило 32 106, или 4,36 % от числа всех осужденных, а в Бурятии — 553 (4,34 %). Рост применения штрафа как вид наказания отмечается и в Забайкальском крае (рис. 6).

Рис. 6. Назначение наказания в виде штрафа в г. Петровск-Забайкальский [10]

Увеличение применения судами наказаний, не связанных с лишением свободы, влечет за собой уже в ближайшее время повышение нагрузки на сотрудников уголовно-исполнительных инспекций по месту жительства. В свою очередь, штатная численность указанных подразделений УИС согласно проводимой реформе и наметившимся тенденциям в уголовно-исполнительной политике государства не предусматривает расширение вакансий. Данная ситуация вызовет массу аналогичных проблем, рассмотренных выше по исполнению наказания в виде обязательных работ.

В соответствии с Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ с 1 января 2013 г. будет введен в действие новый вид уголовного наказания — принудительные работы. Согласно ч. 1 ст. 53 УК РФ указанный вид наказания предполагается применять как альтернативу лишению свободы в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части УК РФ за совершение преступлений небольшой или средней тяжести либо за совершение тяжкого преступления впервые. Отбываться данное наказание будет в специально создаваемых для этого исправительных центрах.

По предварительным расчетам среднегодовая численность осужденных к принудительным работам может составить около 30 тыс. человек, а в первый год введения в действие данного вида наказания численность осужденных к принудительным работам может составить 5,5–6 тыс. человек. К сожалению, введение и реализация нового уголовного наказания снова откладываются на неопределенное время по вполне понятным и банальным причинам.

В связи с этим напомним, что законодательство дореволюционной России предусматривало целый ряд альтернатив лишению свободы, при этом не требующих в большинстве своем каких-либо финансовых затрат, а вовлекающих в процесс исправления не только представителей государства, но и представителей общественности, а также близких осужденного.

На наш взгляд, это кроме материальных преимуществ имело существенное значение для ресоциализации осужденных, давало им шанс оставаться успешно адаптироваться в обществе, не совершая новых преступлений.

Литература

1. Дворянсков И. В. Правосудие как инструмент наказания: проблема релевантности социальным ожиданиям // Ресоциализация осужденных в условиях развития гражданского общества: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. (11–12 декабря 2014 г.). — Киров, 2014. — 276 с.
2. Хармаев Ю.В. Проблемы совершенствования уголовно-исполнительной системы по законодательству России и Монголии // Вестник Бурятского государственного университета. — 2012. — Вып. 2. — С. 275.
3. Российский курс уголовно-исполнительного права: в 2 т. Т.2. Общая часть: учебник / Е. А. Антонян, [и др.]; под ред. В. Е. Эминова, В. Н. Орлова. — М.: Элит, 2012. — С. 475.
4. Александрова О. П., Буданова Л. Ю. Правовое положение учреждений и органов, исполняющих наказания, на стадии исполнения приговора: монография. — М.: Юрлитинформ, 2014. — С. 15.
5. Распоряжение Правительства РФ от 14.10.2010 № 1772-р (ред. от 31.05.2012) «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» // СЗ РФ. 2010. — № 43. — Ст. 5544.
6. Зарембинская Е. Развитие системы наказаний, альтернативных лишению свободы // Преступление и наказание. — 2012. — № 5.
7. Иринчиев В. В., Пичугин С. А. Актуальные проблемы применения альтернативных видов уголовных наказаний // Социология уголовного права: криминологические проблемы и социология уголовного права: материалы I Междунар. науч.-практ. конф. — М.: Юриспруденция, 2013. — С. 94.
8. По данным Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации.
9. Итоги деятельности Федеральной службы исполнения наказаний в 2013 году и задачи на 2014 год. — URL: <http://www.fsin.su/statistics>

References

1. Dvoryanskov I. V. Pravosudie kak instrument nakazaniya: problema relevantnosti sotsial'nym ozhidaniyam [Justice as an instrument of punishment: the problem of social expectations relevance]. *Sb. materialov mezhdunar. nauch.-prakt. konf. "Resotsializatsiya osuzhdennykh v usloviyakh razvitiya grazhdanskogo obshchestva"*. Coll. Proc. Int. sci. and pract. conf. "Re-socialization of convicts in terms of civil society". Kirov, 2014. 276 p.
2. Garmaev Yu.V. Problemy sovershenstvovaniya ugolovno-ispolnitel'noi sistemy po zakonoda-tel'stvu Rossii i Mongolii [Problems of penal system improving according the legislation of Russia and Mongolia]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Buryat State University*. 2012. Vol. 2. P. 275.
3. Antonyan E. A. et al. *Rossiiskii kurs ugolovno-ispolnitel'nogo prava* [Russian course of Penitentiary Law]: in 2 vol. Vol. 2. Moscow: Elit, 2012. P. 475.
4. Aleksandrova O. P., Budanova L. Yu. *Pravovoe polozhenie uchrezhdenii i organov, ispolnyayushchikh nakazaniya, na stadii ispolneniya prigovora* [The legal status of Penitentiary Institutions at the stage of execution]. Moscow: Yurlitinform, 2014. P. 15.
5. O Kontseptsii razvitiya ugolovno-ispolnitel'noi sistemy Rossiiskoi Federatsii do 2020 goda [On the Concept of the Russian Federation Penitentiary system development until 2020]. Decree of the Russian Federation Government № 1772-р of October 14, 2010. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii – Collected Legislation of the Russian Federation*. 2010. No 43. Art. 5544.
6. Zarembinskaya E. Razvitie sistemy nakazanii, al'ternativnykh lisheniyy svobody [Development of alternative to imprisonment punishments]. *Prestuplenie i nakazanie – Crime and Punishment*. 2012. No 5.
7. Irincheev V. V., Pichugin S. A. Aktual'nye problemy primeneniya al'ternativnykh vidov ugolovnykh nakazanii [Actual problems of alternative types of criminal penalties]. *Materialy I Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. "Sotsiologiya ugolovnogo prava: kriminologicheskie problemy i sotsiologiya ugolovnogo prava"*. Materials I Int. sci. and pract. conf. "Sociology of criminal law: criminological problems and sociology of criminal law". Moscow: Yurisprudentsiya, 2013. P. 94.
8. According to the data of *Sudebnyi departament pri Verkhovnom sude Rossiiskoi Federatsii* [Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation].
9. *Itoги deyatel'nosti Federal'noi sluzhby ispolneniya nakazanii v 2013 godu i zadachi na 2014 god* [Results of the Federal Penitentiary Service performance in 2013 and goals for 2014]. Available at: <http://www.fsin.su/statistics>

УДК 343.9

FORGIVENESS FROM VICTIM AND RATIONALITY IN CRIMINAL RECONCILIATION© *Feng Nga* 冯娜PhD in Law, College of Humanities, Changchun Industrial University
Changchun (China)

E-mail: liangminyuan6463@mail.ru

Forgiveness from victims has major influence on the construction of restorative justice. Forgiveness can eliminate resentment so as to keep our life go on. Forgiveness can have offenders treated reasonably by victims and reestablish a new and constructive relation between them. Forgiveness is the foundation of criminal conciliation. Restorative justice advocates sensible, reasonable, legitimate rules of dispute settlement so that the reconciliation could be achieved rationally.

Keywords: victim; forgiveness; criminal conciliation; restorative justice.

**ПРОЩЕНИЕ ЖЕРТВОЙ УГОЛОВНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ
И РАЦИОНАЛЬНОСТЬ ПРИМИРЕНИЯ***Фен На*доктор юридических наук Гуманитарного колледжа Чанчуньского политехнического университета
Чанчунь (КНР)

Прощение жертвами преступлений оказывает большое влияние на построение восстановительного правосудия. Прощение может устранить недовольство так, чтобы продолжать подерживать нашу жизнь. Прощение может способствовать жертвам рассматривать преступников приемлемо и восстановить новые и конструктивные отношения между ними. Прощение - это основа уголовного примирения сторон. Восстановительное правосудие выступает за разумные, обоснованные, законные правила урегулирования споров, так что примирение сторон может быть достигнуто рационально.

Ключевые слова: жертва, прощение, примирение сторон по уголовным делам, восстановительное правосудие.

In criminal cases, the victims are individuals and units who have to suffer the physical loss and spirit damage because of the trespass of their rights. In the wake of crime, the victims may show sympathy due to the crime's repentance, active compensation and other reasons. That is the "victim's forgiveness". With the thoughts of humanity penetrating today, compared to the retributive justice, restorative justice is a criminal treatment that achieves the restorative effect by adopting the restorative procedure. Restorative justice program is supplied by third party communication opportunity for the perpetrators and victims. Criminals apologize or compensate to the victims, requesting the victim's forgiveness, in order to repair the psychological damage of the victims and restore the damaged social relations.

Logic and Conditions of Forgiveness from Victim

As recorded in the *Book of History, Shun Dian*, "Shun presented people some pictures for the new penalty rules. These rules included replacement of the five punishments by exile, using whip as official penalty, beating those who violate decency with board, paying copper for the atonement of punishment. If he commits a crime with negligence, he would be absolved; if he wouldn't repent for some reason, he should be punished." In ancient China, the subject of forgiveness is country, and this kind of pardon is regarded as the moral integrity of emperor and a charity.

Today, when the country is the subject of forgiveness, forgiveness means remissive in Chinese Criminal Law. The victim's forgiveness in this paper refers to the pardon from a natural person and unit. The victims in crime hold their true opinions based on sympathy, representation and willing to waive or reduce punishment to the criminal's declaration of will.

Just as human beings are growing mature in the complex of love and hatred, forgiveness and resentful emotion, the history of human civilization is also a process of gradually getting rid of evil, more rational and tolerant. Since there is a weaker side in the human nature, the compassion that human should have shall be prevailed by law.

The resentment of victims to criminals is an inner and passive response. When anger can't be discharged, it would be difficult for people to abide by justice calmly. Therefore, the society must make legal

sanctions against offenders, in order to help victims and the whole society lets the resentment out. Punishment is a legitimate means of restoring the social justice.

Nietzsche said, "Nothing can exhaust one's energy sooner than resentment." But, forgiveness can make people transcend morality, be free from hatred, no longer exhaust them by the repressed emotions. From individual perspective, forgiveness can sap resentment and contribute to inner peace. Forgiveness is the mental technique by which our thoughts are transformed from fear to love. Forgiveness is necessary. Only when people forgive the mistakes of others, and give up on each other's previous behavior, they could get on with their life. In criminal reconciliation, forgiveness of victims to criminals, together with their acceptance of their repentance and apology, is the respect of human nature. At the same time, it is the protection of human rights that is the basic requirement of the restorative justice.

Forgiveness is conditional. Forgiveness is granted, to be sure, but it is conditional. Forgiveness is a basic ability for people to maintain social contacts, although its cost is a kind of self-sacrifice. Therefore only the victims have the right to decide whether to forgive, which is independent from the power of nation in dealing with criminals. Whether there should be punishment and what degree the punishment should be, everyone could go without indignation and the desire for revenge.

The victim's forgiveness requires conditionality in most cases. When the criminals must admit their guilt and apologize, the victims may forgive them. Apology means a sign of yield and weakness. Admitting of guilty could make victim's forgiveness meaningful.

The victims, temporarily in a weaker position, could use the power of forgiveness to make up for their disadvantages, and hope to obtain the perpetrators of the apology or compensation. The victims need to exchange in the moral level or material interests, in order to balance the need of heart or economy. The repentant attitude of criminals can make the victim get moral and psychological advantage, so they can express forgiveness for criminals. At the same time, forgiveness can also enable the victim to rationally treat the criminals, to rebuild a new and constructive relationship with criminals. "Restorative justice intends to make criminals responsible for crimes in a meaningful way, making compensate for the victims in a real sense. The core value idea is the thought of protection for victims."

Restoration of Justice and Forgiveness after Crime

Justice and forgiveness is necessary to resolve criminal conflict. Justice can make right and wrong more clear and definite, reclaim the criminals, and make them sincere repentance. Thus they can get the victim's forgiveness and produce reconciliation. Justice and forgiveness are inseparable and complement each other. If forgiveness is blindly emphasized, we can't distinguish between right and wrong, we can't give the real punishment to criminals, we also are unable to establish justice. If justice and punishment are blindly emphasized, both sides of the conflict can't timely express discontent in the hearts. So hostility can't be timely defused. Social harmony can't be established. Forgiveness can't be achieved.

In solving criminal cases, the punishment is based on the logic of justice. That is the conventional choice. Forgiveness that is beyond the logic of justice can't become a general substitute of punishment. Forgiveness as a choice is beyond punishment. It is also a kind of choice that is beyond justice. Punishment intends to maintain the conditionality of justice, and forgiveness is fundamentally beyond this conditionality. Forgiveness can't become a common phenomenon. It is just an accidental phenomenon.

However, the society needs forgiveness and also is necessary to advocate the feeling higher than justice. The feeling is forgiveness. This kind of emotion can help to redress intense anger, and be enable the people to have the proper response to injustice. The society also needs the victims look at human nature in the view of forgiveness. As professor Otsuka Hito points out that we should "in the face of strong national regulations of criminal law about the frailty of human nature into breathing people's tears of sympathy." Forgiveness from forgiveness respects for humanity in altruistic desire, tolerate egoism in human nature, which is the key to the operation of criminal reconciliation system.

Forgiveness from victims doesn't violate the connotation of justice. In order to realize the justice in the criminal procedure, one should pay attention to and compensate the victims, entrust the victims with more right to participate in the litigious process and more rights to compensation. We should respond to the problem of the infringement and victims in a new framework, in order to ultimately realize justice. On the other hand, we should pay more attention to criminals and relief them. The purpose of restorative justice is to change the structure of punishment as the center of traditional retributive justice. Criminals should know that their behavior has brought negative impact on others. They should reflect on their own mistakes, assume cor-

responding responsibilities, repair the damage, win trust again, start with a clean slate, go beyond the past, and return to society.

Therefore, victims could distinguish criminals and their criminal behavior why they could forgive to promote the formation of a new relationship. Victims will get out of hatred and rationally treat criminals. Victim's forgiveness is the foundation of criminal reconciliation, is also a part of the judicial perspective. We should not simply focus on punishment and revenge for past, but should focus on the construction of the future and prevention. People may not be able to forget the past, but they can forgive the past. Forgiveness is a creative act that would create a brilliant future and leap up with hope.

Stepping Towards Rationality of Criminal Reconciliation

The performance of the offender and the victim's forgiveness, as important factors of restorative justice, promotes a reasonable, rational and legal dispute settling rule. The symbol of dispute resolution is to have the damaged social relations rebuilt, and aims to establish, maintain lasting future oriented social relations. Criminal reconciliation as a possible proposition launches for a non-violent and non-revenge culture. In the process of reconciliation, we need justice culture and guide people to establish fair social relations. Don't let other do the things you don't want. At the same time, we also need to forgive in culture. Forgiveness is the victim's privilege, making them get rid of the past and become better people. Indeed, the criminal reconciliation system is to be founded on the basis of certain social relations, avoiding becoming water without source and a tree without roots.

The ultimate goal of the social main body and social intercourse is the ethical relation reconstruction. In this way, we should get the reason out of the self-closed system and accept the restriction from the moral law. It needs to look for the foundation for itself.

The rational reconciliation needs to follow such a few principles.

1. The principle of standard

When Confucian society expressed reconciliation, it was undoubtedly subjected by philosophy idea in a control point and a moderate course, but this emphasis on positive philosophy is not simply to sell reconciliation in the world of pure spirits, but to stress the importance of reconciliation rules in daily life. That is, "In the application of the ceremony, harmony is precious. In the governing method of kings, the valuable is right here. Whether it is bagatelle only depend on the harmonious way, although sometimes not. But for the harmonious and harmonious, not by ceremony moderation harmony, is not feasible". The Confucianism thought of "harmony" has been pursued as disputes claims. Without courtesy as a prerequisite and condition, importance and effectiveness of reconciliation is impossible. At the same time, for the harmonious and harmonious is also blindly discouraged. Confucius on this issue is meaningful, "Some people say: 'with kindness to repay resentment, how about it?' Confucius said: 'so what repay kindness? We should use integrity to repay resentment and kindness to repay kindness.'"

In the *The Analects of Confucius*, the Confucius seemed to worry that people would hope too much as to the returning good for evil, so in the dialogue with middle school students in the form of a question on this issue, he placed it in significant position to cause enough attention. Feeling that this is still not enough, Confucius continued to question the way forward "so what repay kindness", instead of immediately answering the question of "return good for evil". After all these twists and turns, he put forward with the proposition that one good turn deserved another.

Justice in return for injustice and using kindness to repay kindness is two positive principles. In other words, putting the social members in the dispute must in the program and strategy for justice in return for injustice. The "straight" here can be understood as the justice, and in the same way, can also be interpreted as rules and regulations. The latter as the application of "the reuse of the honest man, placed above the dishonest people, can affect the social atmosphere, so that no man of integrity will be right.". At the same time, the two positive principles also raise two corresponding negative principle, namely "revenge" and "return with kindness". The former is the typical form of revenge, retaliation by private force relief for features; the latter is with forgiveness, tolerance for the content of the negative self-relief. Therefore, in the Confucian culture, "revenge" and "return with kindness", is not only the principle of dealing with "justice in return for injustice" in the different disputes. The principle of dispute is not advocated by Confucian principles.

The idea of returning with kind forgiveness is the negative self-relief which content is tolerance. The pursuit of criminal reconciliation system is a kind of composite restorative justice, committed to the promotion of crime personality and social role of the restoration, committed to repair the damaged social relations and resolve disputes by peaceful means on the basis of dialogue. The unique pursuit of legal effect is trans-

formed to the pursuit of social transition effect, law effect and political effect. The scope of criminal reconciliation cases, applicable conditions, applicable procedures and measures, legal supervision etc. need the strict limit to comply with the tradition of Chinese "strict justice" in the judicial practice under the existing legal framework to make adjustment and improvement. Considering the processing mode of criminal reconciliation is different from the traditional criminal procedures. When tolerance is not high in the society, it's easy to be misunderstood as "indulgence of crime" and "spend money on punishment" by public. Therefore, prudence is very necessary.

2. The principle of subjectivity

The reasonable existence of the specification provides conditions for dispute resolving. Even if the parties have the same cognition to the specification, reconciliation is impossible, when they lack mechanism to truly make reconciliation. The mechanism is various in this discussion. Both parties should establish the cooperative atmosphere and conditions in order to force the dispute to solve the mechanism. Whether private remedy or relief of public force, people tend to regard the parties as a dispute resolution object, equaling to the fact that parties are the objective role in the eyes of dispute resolution. That is to say, in the whole process of solving disputes, the parties can only be a statement of fact, the speaker and the results of passive recipient, but it can't decide the outcome of the case by itself.

How to make the parties become the settlement of the dispute requires the establishment of subjectivity principle to resolve the dispute. The dispute settlement results controlled and decided by the parties, would respect the will of the parties, give the parties the same status of equal dialogue and free negotiation position. But persuasion is only supplementary, rather than the leading factor. Indeed, the subjectivity principle does not rule out the function of the agent. For those people without ability, limited capacity or others unable effectively to express their will, agent mechanism should play a role as an intrinsic part of one of the parties.

3. The role principle

Chinese society is a society of acquaintances. Different from the state of no disputes in the cooperation, in this state, it is the pursuit of increasing interests in win-win situation, and in the cooperation of dispute, people tend to avoid the interests of mutual loss situation. By avoiding the interests of mutual loss to the interests of a win-win situation requires not only the principle of subjectivity principle of justice and equality of treatment, but also need to take care of the parties for development and future aspirations of social relations. For that, the parties already in the state not only need proper distribution of benefit, but also need position of relationship. If the hostile relations or relation with strangers' concept is still in play, the resolution of disputes is not only useless, but also, I'm afraid, running counter to their desire.

The story of *Neighbor stealing an axe* tells us, the subjective identity of one party to the other in the dispute will affect people's judge. Before beginning to solve disputes, the fact that the other party positioning uncompromised had closed the door of reconciliation in advance because of settling with enemies or optionally integrating with strangers, in any case is contrary to human sense to move. That is to say, if we set many of the enemies or strangers in the concept in advance, there will be many imaginary enemies or strangers that will fight with us. This not only couldn't solve the dispute, but also would become a source of disputes. Because you are the enemy, I will destroy you; because you are stranger, I will suspect you or not believe you. The judge of the nature of the relationship increases difficult in the dispute resolution. The concept of new acquaintances would get rid of the idea of us-against-them, and want to break the boundary of acquaintance-stranger, set up the new neighbors concept. Thus the increasingly close contact among social members would be replaced under the category of family. In other words, the principle of division of acquaintances will be to extended break the "insiders" and "outsiders" in general, put an ethical functional community extended to the moral community.

Role reflects the difference between people in the real world, but also because of its inner norms, but also because controlling the boundary members of the society action. Therefore, the definition of a relationship is actually in the definition of reduction role, and people will realize the consequences by the role of rule restrictions. The ethical, political and legal identity and occupation status can be reflected to a certain role. In order to ensure that the private relief can play an important role in a certain extent after rights infringed, it is necessary to make the role of rules not only become the basic rules for people's communication, but also become the dispute settlement rules in the conflicting state. The role orientation of victims could "involve in deciding how best to solve and correct offenders" with criminals. In this process, the main goal is to meet the victims' need and promote to give both parties the rights and make both sides satisfied with the program, promote to reach a settlement of disputes, restore the balance.

УДК 352.075.1

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ЗАКОННОСТЬЮ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ© *Хобраков Дмитрий Цыбикович*

начальник управления по надзору за уголовно-процессуальной и оперативно-разыскной деятельностью прокуратуры Республики Бурятия
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Борсоева, 23а
E-mail: khobakov80@mail.ru

Создание эффективной системы контроля за законностью нормативных правовых актов органов местного самоуправления является важной государственной задачей, обеспечивающей защиту и реализацию гарантированных Конституцией Российской Федерации прав местного самоуправления. Основной массив незаконных нормативных правовых актов органов местного самоуправления выявляется органами прокуратуры. В статье рассматриваются наиболее актуальные проблемы прокурорского надзора за законностью нормативных правовых актов органов местного самоуправления. Автором предлагается внесение изменений в правовое регулирование деятельности органов прокуратуры по вопросам обеспечения законности на уровне муниципальных образований.

Ключевые слова: прокурор, надзор, акты прокурорского реагирования, нормативный правовой акт, оспаривание нормативных правовых актов

ACTUAL PROBLEMS OF PROSECUTORIAL SUPERVISION OVER LEGALITY OF LOCAL SELF-GOVERNMENT'S NORMATIVE LEGAL ACTS*Khobakov Dmitry Ts.*

Chief, Board for Supervision over Criminal Proceedings and Operative and Search Activities, Prosecutor's Office of the Republic of Buryatia
23a, Borsoeva, Ulan-Ude, 670000, Russia

Creation of the efficient system of supervision over legality of local self-government's normative legal acts is the important state objective promoting defense and implementation of local self-government's rights, guaranteed by the Constitution of the Russian Federation. The main amount of local self-government's illegal normative law acts is revealed by prosecutor's office. The paper is devoted to actual problems of prosecutorial supervision over the legality of local self-government's normative legal acts. The author proposes the introduction of changes in the legal regulation of the prosecutor's office activities on the issues of provision legality at the level of municipalities.

Keywords: prosecutor, supervision, acts of state prosecutor's reaction, legal normative act, litigation of legal normative acts.

Значимость муниципального нормотворчества заключается в его близости к нуждам населения, связанным с решением вопросов местного значения, в реализации интересов граждан путем их закрепления в соответствующих нормах муниципальных правовых актов [1].

Вместе с тем в результате принятия незаконных нормативных правовых актов нарушаются права и законные интересы граждан, в том числе социально незащищенных категорий населения. Следовательно, создание эффективной системы контроля за законностью нормативных правовых актов органов местного самоуправления является важной государственной задачей.

Основной массив незаконных нормативных правовых актов органов местного самоуправления выявляется органами прокуратуры.

Согласно данным Генеральной прокуратуры РФ в 2014 г., только в Сибирском федеральном округе прокурорами оспорено более 32 тысяч незаконных муниципальных нормативных правовых актов [2].

Полномочия прокурора по надзору за законностью нормативных правовых актов регламентированы Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» от 17 января 1992 г. № 2202-1, а также приказами и указаниями генерального прокурора РФ.

Следует отметить, что законодательное определение понятия «муниципальный нормативный правовой акт» отсутствует. В ч. 1 ст. 2 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ содержится определение понятия «муниципальный правовой акт». Однако дифференциация муниципальных право-

вых актов на нормативные акты и правовые акты, не имеющие нормативного характера, указана в законе нечетко и недостаточно последовательно [3].

В своей практической деятельности прокуроры руководствуются определением, содержащимся в постановлении пленума Верховного суда РФ «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части» от 29 ноября 2007 г. № 48.

Так, пленум Верховного суда РФ в пункте 9 указанного постановления разъяснил, что существенными признаками, характеризующими нормативный правовой акт, являются издание его в установленном порядке уполномоченным органом государственной власти, органом местного самоуправления или должностным лицом, наличие в нем правовых норм (правил поведения), обязательных для неопределенного круга лиц, рассчитанных на неоднократное применение, направленных на урегулирование общественных отношений либо на изменение или прекращение существующих правоотношений [4].

Пунктом 2.1 приказа генерального прокурора РФ «Об организации прокурорского надзора за законностью нормативных правовых актов органов государственной власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления» от 02 октября 2007 г. № 155 прокурорам предписано обеспечить активное участие прокурорских работников в подготовке нормативных правовых актов, затрагивающих права и свободы граждан: своевременно запрашивать и изучать проекты муниципальных нормативных правовых актов, участвовать в работе комитетов, комиссий и рабочих групп представительных и исполнительных органов публичной власти; своевременно направлять в адрес руководителей указанных органов замечания и предложения об устранении выявленных в проектах нормативных правовых актов несоответствий федеральным и региональным законам. В случаях отклонения замечаний прокуроров направлять информацию главе муниципального образования, возглавляющему местную администрацию, для использования им права отклонить муниципальные нормативные правовые акты [5].

Для исполнения указанного пункта приказа генерального прокурора РФ прокурорами инициируется принятие органами местного самоуправления правовых актов, устанавливающих процедуру представления в органы прокуратуры проектов нормативных правовых актов; в органы местного самоуправления направляются требования и запросы о представлении проектов; проекты изучаются при участии прокуроров в работе комитетов, комиссий и рабочих групп органов местного самоуправления.

Организация поступления проектов нормативных правовых актов в органы прокуратуры не ограничена указанными вариантами. Например, в некоторых районах Республики Татарстан по инициативе прокуроров заключены двусторонние соглашения между городскими, районными прокуратурами и органами местного самоуправления, в соответствии с которыми последние берут на себя обязательство представлять в органы прокуратуры проекты муниципальных нормативных правовых актов (Агрызский, Аксубаевский, Альметьевский, Арский, Атнинский, Балтасинский, Бугульминский районы и т. д.) [6].

Органы местного самоуправления вправе не устанавливать процедуру представления в прокуратуры проектов нормативных правовых актов, а замечания, предложения и информации прокурора об устранении выявленных в проектах несоответствий федеральным и региональным законам не являются обязательными для исполнения должностными лицами органов местного самоуправления. По этой причине следует отметить, что полномочия прокурора на стадии изучения проектов муниципальных правовых актов недостаточны для полного исключения несоответствий законодательству.

Отдельного упоминания заслуживает вопрос о возможности объявления предостережений о недопустимости нарушения закона. Как известно, ст. 25.1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» прокурор уполномочен в целях предупреждения правонарушений и при наличии сведений о готовящихся противоправных деяниях направлять в письменной форме должностным лицам предостережение о недопустимости нарушения закона [7].

Наличие в проекте муниципального нормативного правового акта несоответствий федеральному и региональному законодательству свидетельствует о готовящемся нарушении закона. Вместе с тем приказами генерального прокурора РФ, подробно регламентирующими вопросы надзора за законностью нормативных правовых актов, не предусмотрена возможность объявления предостережений должностным лицам в связи с выявлением в проектах нормативных правовых актов положений, не соответствующих закону [8].

Пунктом 2.2 приказа генерального прокурора РФ от 02 октября 2007 г. № 155 на прокуроров возложена обязанность организовать изучение нормативных правовых актов органов местного самоуправления в течение 30 дней со дня их принятия или внесения изменений в действующие нормативные правовые акты [5].

Для устранения несоответствий закону в принятых муниципальных нормативных правовых актах прокурор наделен более действенным арсеналом, чем на стадии изучения их проектов. Однако для реализации полномочий прокурора необходимо обеспечить полное и своевременное поступление в органы прокуратуры принятых нормативных правовых актов.

На федеральном уровне обязанность органов местного самоуправления направлять нормативные правовые акты для изучения в органы прокуратуры не установлена, что влечет трудности в организации надзора за муниципальным нормотворчеством.

Пунктом 1.3 приказа генерального прокурора РФ от 28 декабря 2009 г. № 400 «Об организации проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов» прокурорами предписано инициировать внесение изменений в законодательные акты субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в целях установления процедуры представления в органы прокуратуры для соответствующей проверки принятых нормативных правовых актов [9].

При этом органы местного самоуправления вправе проигнорировать инициативу прокурора в установлении подобной процедуры либо в любой момент отказаться от нее.

Прокурорского внимания требуют не только стадии разработки проектов и принятия муниципальных нормативных актов. Принятый в установленном порядке правовой акт может потребовать корректировки либо отмены в случае изменения законодательства.

Во исполнение пункта 2.3 приказа генерального прокурора РФ от 02 октября 2007 г. № 155 прокурорам необходимо в течение месяца с момента изменения федерального законодательства проводить сверки действующих нормативных правовых актов в органах местного самоуправления, о чем составлять соответствующие акты о наличии или отсутствии нормативных правовых актов, вступивших в противоречие с федеральным законодательством [5].

Эффективность проведения сверок зависит от наличия информационного банка данных нормативных правовых актов органов местного самоуправления. Учитывая, что работа по учету и систематизации правовых актов на уровне муниципалитетов, особенно сельских поселений, налажена ненадлежащим образом, федеральный регистр муниципальных нормативных правовых актов не содержит всего массива правовых актов, подлежащих включению в него, исполнение указанных в приказе требований генерального прокурора РФ затруднено.

Средства прокурорского реагирования на незаконные муниципальные нормативные правовые акты определены Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации», а также приказами и указаниями генерального прокурора РФ.

Прокурор вправе заявить протест на правовой акт, противоречащий федеральному и региональному законодательству, обратиться в суд с заявлением о признании муниципального нормативного правового акта недействующим полностью или в части, внести представление об устранении нарушений закона.

Органы местного самоуправления обязаны рассмотреть протест и представление прокурора в установленные законом сроки, но не обязаны исполнить содержащиеся в них требования и предложения прокурора. Обращение в суд является крайней мерой, используется в случае исчерпания возможностей для принятия иных мер прокурорского реагирования. Однако судебное рассмотрение отличается временными затратами и не позволяет оперативно устранить выявленное несоответствие законодательству.

Например, 24 марта 2008 г. заместитель прокурора Московской области обратился в Арбитражный суд Московской области с заявлением о признании недействующим абзаца десятого пункта 2.1 раздела 2 Положения «О согласовании мест размещения территориально обособленных объектов организации соискателя лицензии розничной продажи алкогольной продукции в Ступинском муниципальном районе», принятого решением Совета депутатов Ступинского муниципального района Московской области от 26 апреля 2006 г. № 106/8. Решением Арбитражного суда Московской области от 23 мая 2008 г. требование заместителя прокурора области удовлетворено. Постановлением Федерального арбитражного суда Московского округа от 11 июля 2008 г. № КА-А41/6279-08 данное решение оставлено без изменения [10]. Таким образом, срок рассмотрения заявления составил 3 месяца 17 дней.

При реализации надзорных полномочий следует учитывать положения пункта 13 приказа генерального прокурора «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» РФ от 7 декабря 2007 г. № 195 о том, что при внесении актов реагирования необходимо оценивать возможные негативные последствия исполнения требований прокурора, имея в виду, что акты реагирования должны быть направлены не на разрушение существующих правоотношений, а на их корректировку и приведение в соответствие с действующим законодательством [11]. Объясняется это прежде всего тем, что некоторые нормативные правовые акты, регламентирующие правоотношения в сфере социальной защиты отдельных категорий граждан, в случае их приостановления могут привести к необоснованным негативным последствиям [12].

Рассматривая проблемы прокурорского надзора за законностью нормативных правовых актов органов местного самоуправления, следует отметить вопрос о чрезмерности административного давления на муниципалитеты со стороны органов государственной власти, в том числе прокуратуры.

Широта задач, подлежащих решению органами местного самоуправления, отсутствие полноценного финансирования, дефицит квалифицированных специалистов влекут возникновение разнообразных оснований для привлечения должностных лиц муниципалитетов к административной ответственности.

Европейской хартией местного самоуправления, ратифицированной Федеральным законом от 11 апреля 1998 г. № 55-ФЗ, установлены ограничения административного контроля за деятельностью органов местного самоуправления. В соответствии с пунктом 3 статьи 8 данной Хартии административный контроль за деятельностью органов местного самоуправления должен осуществляться с соблюдением соразмерности между степенью вмешательства контролирующего органа и значимостью интересов, которые он намерен защищать [13].

24 октября 2010 г. в Генеральной прокуратуре Российской Федерации состоялось совместное совещание с Министерством регионального развития Российской Федерации по проблемам взаимодействия органов прокуратуры и органов местного самоуправления. По итогам совещания принято несколько решений, в том числе направленных на снижение административного давления на муниципалитеты со стороны органов прокуратуры.

Бесспорно, что карательными мерами порядок в муниципальном нормотворчестве не обеспечить. Залог успешной работы заключается в активном взаимодействии органов прокуратуры и местного самоуправления для обеспечения полного и своевременного поступления в органы прокуратуры нормативных правовых актов и их проектов, конструктивного обсуждения выявленных недостатков и их оперативного устранения, а также приведения муниципальных правовых актов в соответствие с изменившимся федеральным и региональным законодательством. Кроме того, необходимо укрепить правовые службы в городских и сельских поселениях, организовать учет и систематизацию нормативных правовых актов на уровне муниципалитетов, обеспечить полноту формирования федерального регистра муниципальных нормативных правовых актов.

Литература

1. Петрова Л. И., Манакова С. Г. Взаимодействие прокуратуры с органами местного самоуправления в сфере муниципального нормотворчества // *Законность*. — 2012. — № 2. — С. 9.
2. URL: <http://www.genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-562255>
3. Баранов П. М. К вопросу о понятии муниципального нормативного правового акта // *Муниципальная служба: правовые вопросы*. — 2011. — № 2. — С. 4.
4. Постановление пленума Верховного суда РФ «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части» от 29 ноября 2007 г. № 48 // *Консультант Плюс*.
5. Приказ генерального прокурора РФ «Об организации прокурорского надзора за законностью нормативных правовых актов органов государственной власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления» от 02 октября 2007 г. № 155 // *Консультант Плюс*.
6. Загидуллин Р. И. Участие прокуроров в нормотворческой деятельности органов местного самоуправления // *Законность*. — 2014. — № 6. — С. 13.
7. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17 января 1992 г. № 2202-1 // *Консультант Плюс*.
8. Хышиктуев О. В., Хобраков Д. Ц. Прокурорский надзор как институт системы контроля за законностью нормативных правовых актов органов местного самоуправления // *Российская юстиция*. — 2012. — № 1. — С. 8.
9. Приказ генерального прокурора РФ «Об организации проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов» от 28 декабря 2009 г. № 400 // *Консультант Плюс*.

10. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 11 июля 2008 г. № КА-А41/6279-08 по делу N А41-5661/08 // Консультант Плюс.
11. Приказ генерального прокурора РФ от 7 декабря 2007 г. № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» // Консультант Плюс.
12. Петрова Л. И., Алборова Е. Ю. Участие прокуроров субъектов Федерации в правотворчестве региональных органов государственной власти и органов местного самоуправления // *Законность*. — 2013. — № 1. — С. 13–14.
13. Европейская хартия местного самоуправления // Консультант Плюс.

References

1. Petrova L. I., Manakova S. G. Vzaimodeistvie prokuratury s organami mestnogo samoupravleniya v sfere munitsipal'nogo normotvorchestva [Prosecutors interaction with local authorities in the field of municipal rulemaking]. *Zakonnost' – Legality*. 2012. No 2. P. 9.
2. <http://www.genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-562255>
3. Baranov P.M. K voprosu o ponyatii munitsipal'nogo normativnogo pravovogo akta [On the concept of municipal normative legal act]. *Munitsipal'naya sluzhba: pravovye voprosy – Municipal service: legal issues*. 2011. No 2. P. 4.
4. O praktike rassmotreniya sudami del ob osparivanii normativnykh pravovykh aktov polnost'yu ili v chasti [On the practice of court cases challenging the normative legal acts in the whole or partially]. Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation Plenum No 48 of November 29, 2007. *Konsul'tant Plyus – Consultant Plus*. Available at: <http://www.consultant.ru/>
5. Ob organizatsii prokurorskogo nadzora za zakonnost'yu normativnykh pravovykh aktov organov gosudarstvennoi vlasti sub"ektov Rossiiskoi Federatsii i mestnogo samoupravleniya [On organization of prosecutorial supervision over the legality of normative legal acts of the Russian Federation subjects public authorities and local self-government]. Decree of the Prosecutor General of the Russian Federation No 155 of October 2, 2007. *Konsul'tant Plyus – Consultant Plus*. Available at: <http://www.consultant.ru/>
6. Zagidullin R. I. Uchastie prokurorov v normotvorcheskoi deyatel'nosti organov mestnogo samoupravleniya [Prosecutors' participation in rule-making of local authorities]. *Zakonnost' – Legality*. 2014. No 6. P. 13.
7. O prokurature Rossiiskoi Federatsii [On the Russian Federation Procuracy]. Federal Law No 2202-1, enacted January 17, 1992. *Konsul'tant Plyus – Consultant Plus*. Available at: <http://www.consultant.ru/>
8. Khyshiktuev O. V., Khobrakov D. Ts. Prokurorskii nadzor kak institut sistemy kontrolya za zakonnost'yu normativnykh pravovykh aktov organov mestnogo samoupravleniya [Institute of Public Prosecutions as a control system for legality of local government normative acts]. *Rossiiskaya yustitsiya – Russian justice*. 2012. No 1. P. 8.
9. Ob organizatsii provedeniya antikorrupsionnoi ekspertizy normativnykh pravovykh aktov [On organization of the anti-corruption expertise of normative legal acts]. Decree of the Prosecutor General of the Russian Federation No 400 of December 28, 2009. *Konsul'tant Plyus – Consultant Plus*. Available at: <http://www.consultant.ru/>
10. Postanovlenie Federal'nogo arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga ot 11 iyulya 2008 g. № КА-А41/6279-08 po delu N А41-5661/08 [Resolution of the Moscow District Federal Arbitration Court of July 11, 2008 № КА-А41 / 6279-08 in the case No А41-5661/08]. *Konsul'tant Plyus – Consultant Plus*. Available at: <http://www.consultant.ru/>
11. Ob organizatsii prokurorskogo nadzora za ispolneniem zakonov, soblyudeniem prav i svobod cheloveka i grazhdanina [On organization of prosecutorial supervision over the implementation of law, observance of human and citizen rights and fundamental freedoms]. Decree of the Prosecutor General of the Russian Federation No 195 of December 7, 2007. *Konsul'tant Plyus – Consultant Plus*. Available at: <http://www.consultant.ru/>
12. Petrova L. I., Alborova E. Yu. Uchastie prokurorov sub"ektov Federatsii v pravotvorchestve regional'nykh organov gosudarstvennoi vlasti i organov mestnogo samoupravleniya [Participation of prosecutors of the Russian Federation subjects in law-making of regional authorities and local government bodies]. *Zakonnost' – Legality*. 2013. No 1. Pp. 13–14.
13. Evropeiskaya khartiya mestnogo samoupravleniya [The European Charter of Local self-government]. *Konsul'tant Plyus – Consultant Plus*. Available at: <http://www.consultant.ru/>

УДК 343.98

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УМЫШЛЕННОГО УНИЧТОЖЕНИЯ ИЛИ ПОВРЕЖДЕНИЯ ЧУЖОГО ИМУЩЕСТВА, СОВЕРШЕННОГО ПУТЕМ ПОДЖОГА

© *Будаев Эрдэм Владимирович*

аспирант кафедры уголовного процесса Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: 65-22-03@mail.ru

Преступления, связанные с поджогами, относятся к категории сложных для юридического анализа. Правоприменительные органы часто встречаются с трудностями в их квалификации, а именно: при определении момента окончания поджога; установлении размера ущерба; определении причинной связи общественно опасного деяния и его последствий из-за многообразия пожаров; установлении субъективной стороны, особенно при смешанной форме вины. Статья посвящена проблемам борьбы с умышленным уничтожением или повреждением чужого имущества, совершенным путем поджога. Предлагаются меры по усовершенствованию действующего законодательства по тактике и методике расследования преступлений, связанных с умышленным уничтожением или повреждением чужого имущества, совершенным путем поджога.

Ключевые слова: умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества, поджог, криминалистическая характеристика, способ и предмет преступного посягательства, мотив и цель совершения преступления.

CRIMINAL CHARACTERISTIC OF INTENTIONAL DESTRUCTION OR DAMAGE OF ANOTHER'S PROPERTY COMMITTED BY ARSON

Budayev Erdem V.

Research Assistant, department of the criminal process, Buryat State University
24a, Smolina, Ulan-Ude, 670000, Russia

The crimes concerning with arsons are referred to the category of difficult for legal analysis. Law enforcement authorities often face difficulties in their qualification, that is, in identifying the moment of the end of arson; in determining the amount of damage; in identifying the causal relation of socially dangerous act and its consequences because of the variety of fires; in determining the subjective side, especially at mixed form of guilt. The article is devoted to the problems of struggle with the intentional destruction or damage of another's property, committed by arson. The measures are proposed on improvement of acting legislation for tactics and methodology of crimes investigation concerning with intentional destruction or damage of another's property, committed by arson.

Keywords: intentional destruction or damage of another's property, arson, criminal characteristic, method and object of criminal assault, motive and purpose of the crime.

Преступление, связанное с поджогом, относится к посягательству на основы конституционного строя и безопасность государства, на экономическую, экологическую и общественную безопасность, общественный порядок, на жизнь и здоровье граждан, их имущество, защищаемые Конституцией Российской Федерации и международным правом [1].

Важным направлением деятельности правоохранительных органов в противостоянии преступности является предупреждение и пресечение преступлений.

К числу наиболее опасных в этой категории относятся преступления, связанные с поджогами. По тяжести последствий и числу жертв поджоги можно отнести к одному из самых опасных и распространенных видов преступлений. Совершение поджога сопряжено с возникновением пожара — одного из самых опасных общественных бедствий, угрожающих не только имуществу и жизни людей, но и общественной безопасности, порядку управления, природоохранным интересам и другим общественным ценностям.

При изучении названной проблемы мы опирались на научные труды о совершенствовании методики расследования отдельных видов преступлений Р. С. Белкина (М., 2000), И. Е. Быховского (Волгоград, 1977), В. С. Бурдановой (СПб., 1994), А. Н. Васильева (М., 1984), И. А. Возгина (СПб., 1993), В. К. Гавло (Томск, 1985), Г. Г. Зуйкова (М., 1970), А. Н. Колесниченко (Харьков, 1965),

А. В. Мишина (Казань, 1991), Н. А. Селиванова (Соц. Законность. 1977. № 2), В. Г. Танасевич (М., 1980), Н. П. Яблокова (М., 1984) и других ученых-криминалистов.

Вопросам криминалистической и уголовно-правовой характеристики поджогов, применению специальных знаний в расследовании данной категории преступлений посвящены научные труды многих исследователей: Т. В. Аверьяновой, Р. С. Белкина, М. С. Брайнина, А. Н. Васильева, А. С. Григоряна, С. И. Зернова, Г. Н. Казакова, А. Я. Качанова, В. Н. Кабанова, В. С. Мегорского, А. В. Мишина, С. П. Митричева, Р. А. Миусской, И. А. Попова, А. И. Федотова, А. П. Ливчикова, Л. Н. Ульянова, В. В. Харитошкина и др.

Об актуальности исследуемой проблемы свидетельствуют цифровые показатели научно-исследовательского центра № 8 ВНИИ МВД России, согласно которым в 2009 г. зарегистрировано 187 490 пожаров, прямой материальный ущерб от которых составил 10 929,7 млн р. [2].

К сожалению, в настоящее время число зарегистрированных умышленных уничтожений или повреждений чужого имущества, совершенных путем поджога, продолжает оставаться высоким.

Согласно статистическим данным Следственного управления УМВД России по Республике Бурятия, за 12 месяцев 2013 г. зарегистрировано 210 случаев поджога, из них по 209 возбуждены уголовные дела: 57 (27,3 %) уголовных дел по г. Улан-Удэ (Советский район — 14; Железнодорожный район — 20; Октябрьский район — 23), 152 (72,7 %) уголовных дела (21 район) — в сельских районах. Приостановлено 156 дел из-за неустановления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, 28 дел направлено в суд, прекращено 6 уголовных дел по различным основаниям [3]. В Следственном управлении УМВД России по Забайкальскому краю за 12 месяцев 2013 г. было возбуждено 52 уголовных дела, 16 направлено в суд, 36 уголовных дел приостановлено из-за неустановления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого [4].

Преступления, связанные с поджогами, относятся к категории сложных для юридического анализа. Правоприменительные органы часто встречаются с трудностями при определении момента окончания поджога; установлении размера ущерба; определении причинной связи общественно опасного деяния и его последствий из-за многообразия пожаров; установлении субъективной стороны, особенно при смешанной форме вины.

В теории уголовного права существует много спорных вопросов, касающихся преступлений, связанных с поджогами. Не до конца решен вопрос о непосредственном объекте этих преступлений, недостаточно полно исследована их объективная сторона. Распространенность преступлений, связанных с поджогами, рост причиняемого ими ущерба, трудности в квалификации вызывают практическую необходимость в теоретическом решении проблем в уголовном законодательстве и совершенствовании правоприменительной практики.

Мы разделяем мнение И. А. Возгриня о том, что криминалистическую характеристику умышленного уничтожения или повреждения чужого имущества, совершенного путем поджога, можно определить как систему обобщенных фактических данных и основанных на них научных выводов и рекомендаций о наиболее типичных криминалистически значимых признаках преступных деяний, знание которых необходимо для организации и осуществления наиболее успешного раскрытия, расследования и предупреждения таких преступлений [5].

Предметом данного преступления может быть любое имущество, имеющее определенную экономическую ценность, — как движимое, так и не движимое, как изъятое из гражданского оборота, так и не изъятое из него. Преступление считается оконченным в момент причинения значительного имущественного ущерба собственнику.

Субъектом может быть вменяемое лицо, достигшее 14-летнего возраста. Под поджогом следует понимать преднамеренный вызов пожара, то есть неконтролируемого процесса горения, сопровождающегося уничтожением материальных ценностей и создающего опасность для жизни людей. Умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества путем поджога влечет уголовную ответственность по ч. 2 ст. 167 УК РФ только в случае реального причинения потерпевшему значительного ущерба. Криминалистическая характеристика анализируемого вида преступлений ярче всего проявляется в соответствующих данных, характеризующих предмет преступного посягательства, способ, механизм и обстановку их совершения, особенности личности преступников, а иногда и особенности наступивших последствий. Способы совершения указанных преступлений разнообразны. В то же время поджоги непосредственно по способу их совершения могут быть разделены на несколько типовых разновидностей:

– поджог находившихся на месте поджога легковоспламеняющихся или горючих материалов;

- поджог с помощью специально приготовленных горючих материалов;
- поджог с помощью специально изготовленных технических приспособлений или специально созданных условий, рассчитанных на немедленное или заданное время воспламенения от внешнего источника огня;
- поджог путем создания благоприятных условий для самовозгорания каких-либо веществ и материалов.

Для уяснения обстановки важна информация о характере поведения прямых и косвенных участников события (пребывание подозреваемого на месте поджога), а также об особенностях и тяжести наступивших последствий. Выяснение всего этого имеет существенное значение для определения местонахождения и последующего установления многих важных данных об обстоятельствах дела и особенно уяснения способа и механизма совершения преступления и круга подозреваемых лиц. Решение указанной задачи обеспечивается тщательным осмотром места происшествия и умелым привлечением различного рода специалистов.

Рассмотрим разнообразные и типологические особенности данной категории преступников. Для лиц, совершивших поджоги, свойственна отрицательная характеристика по месту жительства и работы (если они работали, ибо среди них много лиц, ведущих паразитический образ жизни), склонность к пьянству, хулиганским действиям. Значительна доля среди них ранее судимых. Поджоги, как правило, совершаются в одиночку. Тем не менее в связи с развитием организованной преступности поджигателями нередко являются члены преступно-организованных групп, например, при сведении счетов с конкурентами и т. д.

При поджоге личного имущества необходимым элементом криминалистической характеристики таких преступлений являются сведения о потерпевшем, имеющие криминалистическое значение (о его личностных чертах, занятиях, образе жизни, виде работы, окружении, связях и т. д.). Эти данные с учетом сведений об обстановке совершения поджога позволяют точнее определить круг лиц, среди которых необходимо искать преступников.

Предмет преступного посягательства является одним из необходимых для всех преступлений элементов, имеющих криминалистическое значение и входящих в криминалистическую систему механизма любых преступлений, в том числе и умышленного уничтожения или повреждения чужого имущества, совершенного путем поджога.

Предметом поджога чаще всего являются транспортные средства, жилые дома, дачи и садовые домики, надворные постройки, торговые предприятия. В данном случае имеется определенная взаимосвязь между предметом поджога и личностью преступника. Так, поджог автомашин и гаражей в большинстве случаев совершают лица мужского пола по мотивам мести, нанесения ущерба с целью вымогательства, получения страхового возмещения (в том числе в одиночку; в составе группы лиц из двух и более человек). Установлено, что лица женского пола на ранее названные предметы посягают редко. Как правило, они совершают поджог предметов одежды, мебели, надворных построек, дач.

Анализ способов поджога позволяет выделить в каждом из них соответствующие составные элементы криминалистического характера: способ приготовления к поджогу, способ его непосредственного совершения и способ его сокрытия. Перечисленная структура действий виновного дает возможность более детально исследовать особенности подготовки, совершения и сокрытия, а на основе знаний об этих особенностях установить и изобличить виновного. Действия преступника по подготовке к поджогу, совершению его и сокрытию находятся в глубокой взаимосвязи, составляя в целом способ конкретного поджога, так как они обусловлены единым планом и замыслом.

Значимым элементом криминалистической характеристики способа совершения поджога является анализ способов проникновения на объект поджога. В ходе исследования уголовных дел в Министерстве внутренних дел и районных судах Республики Бурятия были выявлены следующие основные способы:

- правомерный свободный доступ. Распространенность данного способа связана с тем, что значительная часть поджогов происходит на почве личных неприязненных отношений, служащих поводом для различных ссор. В этих случаях виновный попадает на объект поджога с разрешения владельца и лишь затем совершает преступление;
- неправомерный свободный доступ. Преступник проникает на объект поджога, не преодолевая никаких препятствий, но без согласия собственника;
- без проникновения на объект поджога, когда виновный, например, подкладывает средства зажигания под дверь квартиры;

– заброс источника зажигания внутрь объекта без непосредственного проникновения туда самого преступника;

– взлом запоров, окон, подбор ключа и т. п. (данный способ в основном применяется для совершения поджога при сокрытии имущественных преступлений).

Таким образом, совершая поджоги, преступники преследуют цель — уничтожить или повредить имущество потерпевшего и в то же время желают скрыть преступный характер своих действий и остаться незаблужденными. Для этого они избирают такой способ поджога, который обеспечивает оптимальное достижение преступной цели и иных задач в условиях сложившейся обстановки. Выбор того или иного способа поджога сопровождается объективными и субъективными обстоятельствами, при которых происходят подготовка, совершение и сокрытие поджога. Поджоги чужого имущества совершаются разнообразными способами. Объясняется это прежде всего многообразием средств и орудий, которые избираются для его совершения.

По степени подготовленности применяемых преступниками средств и орудий выделяют следующие способы поджогов:

1) с использованием средств, находившихся на месте его совершения;

2) с использованием вспомогательных средств и орудий, подготовленных предварительно [6].

Данную группу способов поджогов можно подразделить на: а) способы с применением средств, для изготовления которых требуются специальные знания; б) способы с применением средств, для изготовления которых не требуются специальные знания.

Так, приговором Железнодорожного районного суда г. Улан-Удэ Республики Бурятия от 14 ноября 2012 г. осужден гр-н Х. по ч. 2 ст. 167 и ч. 1 ст. 118 УК РФ, который 02 июня 2012 г. в период времени с 01 ч. 30 мин до 01 ч. 48 мин в подъезде дома № 9 по ул. Революции 1905 года, после ссоры с гр-ом О., облил входную дверь последнего принесенной с собой банкой с бензином и, реализуя свои преступные намерения, произвел возгорание спичками. В результате преступных действий гр-на Х. квартира совместно с имуществом была полностью уничтожена, а сам гр-н О. получил телесные повреждения, относящиеся к категории тяжкого вреда здоровью [7].

Изучение практики расследования дел о поджогах чужого имущества показывает, что успех работы следователя во многом определяется его умением установить не только способ совершения поджога, но и способ его сокрытия. Являясь одним из элементов способа поджога, способ сокрытия может заключать в себе значительный объем криминалистической информации. Уяснение способа сокрытия поджога помогает не только познанию его механизма, но и позволяет определить круг лиц, подозреваемых в его совершении, дает возможность с меньшей затратой сил и средств определить, имел ли место в данном случае поджог или пожар возник по иным причинам [8].

Наиболее типичными приемами сокрытия факта поджога чужого имущества, на наш взгляд, являются следующие:

а) принимаемые виновным меры к не оставлению следов на месте пожара;

б) уничтожение и сокрытие следов поджога, а также использованных преступником средств и орудий;

в) создание условий для полного сгорания предмета поджога;

г) инсценировка некриминального пожара;

д) маскировка и фальсификация обстоятельств преступления.

Весьма изощренно поджоги скрываются тогда, когда они совершаются с целью сокрытия других преступлений. Таким образом, выявление усилий виновного по сокрытию содеянного является одним из этапов на пути к раскрытию поджогов.

Таким образом, при определении содержания криминалистической характеристики умышленного уничтожения или повреждения чужого имущества, совершенного путем поджога, основными ее элементами будут являться сведения о:

а) предметах посягательства;

б) способах подготовки, совершения и сокрытия преступления;

в) особенностях образования материальных и идеальных следов и мест их вероятного нахождения;

г) обстановке совершения преступления;

д) особенностях личности преступника;

е) потерпевшем;

ж) мотивах и целях совершения преступления;

з) материальном ущербе.

Совокупные данные о признаках указанных элементов поджога составляют криминалистическую характеристику этого вида преступлений. Структурные элементы криминалистической характеристики поджогов находятся в определенных взаимосвязях, что имеет важное значение, так как благодаря наличию данных закономерностей отдельные элементы являются носителями информации друг о друге. В связи с этим И. А. Возгрин отмечает, что практическое значение составляющих криминалистическую характеристику элементов исключительно велико, так как без их знания и учета невозможно успешно раскрыть и расследовать преступления [5].

Литература

1. Бюллетень Верховного суда РФ № 11 2002 г. О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем.
2. Методические рекомендации НИЦ № 8 ВНИИ МВД России. — М., 2010.
3. Сведения о результатах работы следствия УМВД по Республике Бурятия за 12 месяцев 2013 г.
4. Сведения о результатах работы следствия УМВД по Забайкальскому краю за 12 месяцев 2013 г.
5. Возгрин И. А. Научные основы криминалистической методики расследования преступлений. Курс лекций. — СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ЮИ МВД России. — 1993. — Ч. 4. — 22 с.
6. Мегорский Б. В. Методика установления причин пожаров. — М., 1966. — 25 с.
7. Архив Железнодорожного районного суда г. Улан-Удэ Республики Бурятия. Уголовное дело № 14. — 2012–1456.
8. Яблоков Н. П. Структура способа совершения преступления как элемент его криминалистической характеристики // Способы сокрытия следов преступлений и методы криминалистического их установления. — М., 1984. — 45 с.

References

1. O sudebnoi praktike po delam o narushenii pravil pozharnoi bezopasnosti, unichtozhenii ili povrezhdenii imushchestva putem podzhoga libo v rezul'tate neostorozhnogo obrashcheniya s ognem [On judicial practice in cases of fire safety rules violation, destroying or damaging of property by arson or due to careless use of fire]. *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation No 11. 2002.*
2. *Metodicheskie rekomendatsii NITs № 8 VNII MVD Rossii* [Guidelines of Research Center No 8 of All-Russian Research Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs]. Moscow, 2010.
3. *Svedeniya o rezul'tatakh raboty sledstviya UMVD po Respublike Buryatiya za 12 mesyatsev 2013 g.* [Data on the results of Department of the Ministry of Internal Affairs functioning in the Buryat Republic over 12 months of 2013].
4. *Svedeniya o rezul'tatakh raboty sledstviya UMVD po Zabaikal'skomu krayu za 12 mesyatsev 2013 g.* [Data on the results of Department of the Ministry of Internal Affairs functioning in Zabaykalsky Krai over 12 months of 2013].
5. *Vozgrin I. A. Nauchnye osnovy kriminalisticheskoi metodiki rassledovaniya prestuplenii* [Scientific bases of detection criminalistics techniques]. St Petersburg.: Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs Publishing Department. 1993. Part. 4. 22 p.
6. *Megorskii B. V. Metodika ustanovleniya prichin pozharov* [Technique of ascertaining the fires causes]. Moscow, 1966. 25 p.
7. *Arkhiv Zheleznodorozhnogo raionnogo suda g. Ulan-Ude Respubliki Buryatiya* [Archive of Zheleznodorozhnyi Local Court of Ulan-Ude, the Republic of Buryatia]. Criminal case No 14. 2012–1456.
8. *Yablokov N. P. Struktura sposoba soversheniya prestupleniya kak element ego kriminalisticheskoi kharakteristiki* [The structure of crime perpetration method as a part of its criminalistical characteristics]. *Sposoby sokrytiya sledov prestuplenii i metody kriminalisticheskogo ikh ustanovleniya – Methods of crime traces cover-up and methods for its forensic establishment.* Moscow, 1984. 45 p.

ВОПРОСЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

УДК 346

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПОДДЕРЖКИ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ

© *Алексеева Елена Сергеевна*

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры конституционного, административного и муниципального права Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: alslena22@yandex.ru

Статья посвящена некоторым проблемам развития малого предпринимательства в Республике Бурятия. Рассматриваются виды государственной поддержки малого предпринимательства по республиканской целевой программе. Исследуются условия и порядок предоставления субсидий субъектам малого и среднего предпринимательства. Изложены специфика деятельности Гарантийного фонда, способы обеспечения перспективных проектов, доступа к кредитным ресурсам банков и лизинговых компаний. Рассматривается особый порядок предоставления субсидий начинающим предпринимателям на организацию «бизнеса» и реализацию инновационных проектов на основе проведения республиканского конкурса «Лучший проект начинающего предпринимателя».

Ключевые слова: Координационный совет по развитию предпринимательской деятельности при Правительстве Республики Бурятия, «лучший проект начинающего предпринимателя», субсидии субъектам малого среднего предпринимательства, коррупциогенные факторы.

LEGAL REGULATION OF SMALL ENTREPRENEURSHIP SUPPORT IN THE REPUBLIC OF BURYATIA

Alekseeva Elena S.

PhD in Law, Senior Lecturer, Buryat State University
24a, Smolina, Ulan-Ude, 670000, Russia

The article is devoted to the development of small business in the Republic of Buryatia. it discusses the types of state support to small business by means of the republican target program. The conditions and order of providing subsidies to subjects of small and medium enterprises are studied. The specific nature of the Guaranteeing Fund is described, as well as ways of provision of promising projects, access to credit resources of banks and leasing companies. The special order of subsidies provision to entrepreneurs – beginners is considered for business foundation and implementation of innovative projects on the basis of conducting the republican competition “the Best Project of entrepreneur – beginner”.

Keywords: the Coordinating Council for the development of entrepreneurship under the Government of the Republic of Buryatia, "the Best Project of entrepreneur – beginner", subsidies to subjects of small medium enterprises, corruption factors.

Малый бизнес способен обеспечивать экономике необходимую мобильность, создавать глубокую специализацию и кооперацию и не только быстро заполнять ниши, образующиеся в потребительской сфере, но и сравнительно быстро окупаться, создавать атмосферу конкуренции, ту среду предпринимательства, без которых хорошо функционирующая рыночная экономика невозможна.

Малые предприятия объективно находятся в неблагоприятных условиях вследствие ограниченности собственных ресурсов и отсутствия возможностей на равных конкурировать с более крупными компаниями по таким параметрам, как доступ к финансовым ресурсам и государственным инвестициям, исследование конъюнктуры рынка, освоение новой продукции, приобретение современных технологий.

Развитие малого и среднего предпринимательства является одним из направлений работы государственных органов Республики Бурятия. Основные усилия государственной политики поддержки малого предпринимательства направлены на совершенствование нормативной правовой базы и разработку действенных финансово-кредитных механизмов его поддержки. Цель региональной политики поддержки малого предпринимательства — создание благоприятных условий для его развития,

особенно в тех направлениях деятельности, которые дают максимальный социально-экономический эффект.

В Законе Республики Бурятия «О развитии малого и среднего предпринимательства в Республике Бурятия» от 07.11.2008 № 568-IV предусмотрены следующие формы поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства: финансовая поддержка; имущественная поддержка; поддержка в области инноваций и промышленного производства; поддержка в области ремесленной деятельности; поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства, осуществляющих внешнеэкономическую деятельность; поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства, осуществляющих сельскохозяйственную деятельность; поддержка в других приоритетных направлениях развития экономики, внесенных в республиканские программы развития субъектов малого и среднего предпринимательства.

К полномочиям органов государственной власти Республики Бурятия по вопросам развития малого и среднего предпринимательства относятся разработка и реализация республиканских программ развития субъектов малого и среднего предпринимательства с учетом региональных социально-экономических и других особенностей; формирование инфраструктуры поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства и обеспечение ее деятельности [3].

По мнению министра промышленности и торговли республики А. Г. Гребенщикова, «в республике создана одна из лучших, на наш взгляд, в Российской Федерации инфраструктура для развития малого и среднего бизнеса. Так, функционирует Микрофинансовый фонд, который предоставляет предпринимателям микрозаймы. Создан Гарантийный фонд для обеспечения доступа субъектов малого и среднего предпринимательства к кредитным ресурсам банков и лизинговых компаний. В каждом районе республики созданы муниципальные фонды поддержки предпринимательства, которые предоставляют сельским предпринимателям недостающее обеспечение и оказывают финансовую поддержку в реализации предпринимательских проектов» [2].

Основные виды поддержки, порядок их предоставления содержатся в постановлении правительства Республики Бурятия «О Республиканской целевой программе государственной поддержки и развития малого и среднего предпринимательства в Республике Бурятия на 2008–2014 годы» от 25.12.2007 № 419.

В приложении 2 к данной Республиканской целевой программе изложен Порядок предоставления субъектам малого среднего предпринимательства субсидий за счет средств республиканского бюджета. Субсидии предоставляются на возмещение части расходов по уплате процентов по кредитам на реализацию приоритетных предпринимательских проектов; части расходов, связанных с уплатой первого взноса по договорам лизинга; части расходов по плате за технологическое присоединение к объектам электросетевого хозяйства; части расходов, связанных с выплатой вознаграждения по банковской гарантии банку, по договорам поручительства; части расходов по оплате услуг по подтверждению соответствия продукции (сертификация, декларирование соответствия); части расходов по сбору, заготовке и переработке дикоросов и переработке овощей и т. д.

Решение о предоставлении субсидии принимается Координационным советом по развитию предпринимательской деятельности при правительстве Республики Бурятия. Одним из требований субсидирования является тот факт, что ранее этому субъекту не оказывалась аналогичная поддержка для реализации представленного предпринимательского проекта в соответствии с иными нормативными правовыми актами Республики Бурятия.

Субсидии предоставляются по кредитам — в размере 70-процентной ставки по кредиту, но не более 4/5 ставки рефинансирования Центрального банка; по лизинговым платежам — в размере до 90 % первого взноса по договорам лизинга оборудования, но не более 50 % стоимости предмета лизинга; за технологическое присоединение, за сертификацию — в размере 50 % произведенных расходов; по выставочно-ярмарочной деятельности — в размере 90 % произведенных расходов; по оплате банковских гарантий и договоров поручительств — в размере 90 % произведенных получателем кредита, лизингополучателем затрат на выплату вознаграждения по гарантии, но не более 4/5 ставки рефинансирования Центрального банка и т. д.

Условием субсидирования является подтверждение целевого характера использования средств. Кредит коммерческого банка не может быть использован на другие цели, в том числе на погашение ранее полученных кредитов.

Сведения о предоставленных организациям и индивидуальным предпринимателям субсидиях

являются открытыми и доступны на сайте Министерства промышленности и торговли Республики Бурятия.

Главным распорядителем бюджетных средств по данным субсидиям является Министерство промышленности и торговли Республики Бурятия, которое должно обеспечивать эффективное и законное использование бюджетных средств.

В приложении 3 к данной Республиканской целевой программе регламентирован порядок предоставления субсидий на формирование Гарантийного фонда Республики Бурятия. Целью создания Гарантийного фонда является обеспечение доступа субъектов малого и среднего предпринимательства, реализующих перспективные проекты, к кредитным ресурсам банков и лизинговых компаний. Система лизинга позволяет малому бизнесу решать такие сложные для него проблемы, как непомерные процентные ставки и жесткие требования к обеспечению. Кроме того, лизинг позволяет получать средства на более длительные сроки, чем обычные сроки кредитов коммерческих банков, и нередко является единственным источником инвестирования, способом получения основных средств.

Гарантийный фонд предоставляет обеспечение по обязательствам (кредитам, займам, договорам лизинга) предпринимателей в форме поручительства Фонда поддержки малого и среднего предпринимательства Республики Бурятия, некоммерческой организации «Гарантийный фонд содействия кредитованию субъектов малого и среднего предпринимательства Республики Бурятия».

Гарантийный фонд формируется за счет республиканских субсидий, предусмотренных по рассматриваемой Республиканской целевой программе; федеральных средств, предоставленных на конкурсной основе для Гарантийного фонда; доходов, полученных от размещения средств Гарантийного фонда в коммерческих банках; средств, взысканных Фондом с заемщиков за исполнение их обязательств перед кредитными, лизинговыми компаниями. Средства Гарантийного фонда могут размещаться в банковских вкладах, депозитах на основании конкурсного отбора.

На кредитные организации, лизинговые компании возлагается обязанность оценки заемщиков и представленных бизнес-планов, технико-экономических обоснований.

В соответствии с приказами Минэкономразвития России Гарантийный фонд разрабатывает порядок конкурсного отбора банков-партнеров, порядок предоставления поручительств, порядок расчета лимитов поручительств на кредитные организации.

В мае 2013 г. рейтинговое агентство «Эксперт РА» на основании проведенного анализа финансового состояния Гарантийного фонда содействия кредитованию субъектов малого и среднего предпринимательства Республики Бурятия присвоило Фонду рейтинг надежности гарантийного покрытия (долгосрочной кредитоспособности): А+ «Очень высокий уровень надежности гарантийного покрытия».

В 2013 г. Гарантийным фондом Республики Бурятия было предоставлено 40 поручительств, что позволило привлечь на реализацию предпринимательских проектов 658 млн р. кредитных ресурсов коммерческих банков [4].

Особое внимание уделялось развитию и модернизации материально-технической базы малых предприятий. Кроме компенсации лизинговых платежей для приобретения оборудования предприниматели, модернизовавшие производство, приняли участие в конкурсах и получили субсидии на возмещение 50 % расходов, связанных с приобретением оборудования, и компенсацию банковского процента.

Кроме этого, предусмотрено предоставление субсидий начинающим предпринимателям на организацию бизнеса и реализацию инновационных проектов на основе проведения республиканского конкурса «Лучший проект начинающего предпринимателя». Порядок предоставления субсидий представлен в приложении 4 к вышеназванной Республиканской целевой программе. К конкурсу допускаются предприниматели, зарегистрированные в качестве предпринимателей не ранее 1 года до даты объявления конкурса.

Республиканской целевой программой государственной поддержки и развития малого и среднего предпринимательства в Республике Бурятия на 2008–2014 годы регламентирован порядок предоставления микрозаймов (приложение 5). Микрозаймы предоставляются Фондом поддержки малого и среднего предпринимательства Республики Бурятия.

Средства Фонда, предназначенные для выдачи микрозаймов, формируются за счет бюджетных ассигнований из республиканского бюджета, субсидий из федерального бюджета, предоставляемых по итогам проводимых правительством РФ конкурсов по отбору субъектов Российской Федерации, бюджетам которых предоставляются субсидии для поддержки малого и среднего предприниматель-

ства, других источников. Фонд предоставляет микрозаймы на пополнение оборотных средств, капитальные вложения, приобретение земельных участков, уплату первого взноса по договору лизинга оборудования. Микрозаймы предоставляются в размере до 1 млн р. на срок до 12 месяцев. Микрозаймы предоставляются при наличии обеспечения в форме залога имущества или поручительства третьих лиц.

Процентная ставка устанавливается в размере 5 % годовых от суммы микрозайма, за исключением проектов в сфере торговли — по ним процентная ставка в размере 10 % годовых от суммы займа.

В 2013 г. Фондом было предоставлено 15 займов на сумму 14,0 млн р., 21 микрозайм на сумму 19,09 млн р. [4]. Элементы инфраструктуры поддержки малого предпринимательства являются каналами, по которым государственная поддержка в основных своих формах доводится до ее получателей. Одновременно по этим каналам должна осуществляться обратная связь, позволяющая в максимальной степени ориентировать всю систему на реальные потребности и действительные интересы анализируемых субъектов хозяйственной деятельности [1]. Однако такое не наблюдается. Государственные органы устанавливают приоритеты, правила предоставления бюджетных средств определенным типам предпринимателей. Выборочная господдержка не решает в должной мере изначальных целей. Складывается противоречивая тенденция, заимствуя зарубежные формы господдержки рыночных субъектов, органы власти «искажают» свободу предпринимательства. В системе господдержки изначально заложены коррупциогенные факторы. Думается, более правильным для поддержки малого предпринимательства будут меры общего характера, налоговые льготы, решение проблем с производственными помещениями.

Литература

1. Гражданкин В. А. Формирование институтов инфраструктуры поддержки малого предпринимательства в Алтайском крае // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2009. — № 93.
2. Интервью с министром промышленности и торговли Республики Бурятия. — URL: dprb.ru/latters/2019/149512.php
3. Ст. 3 Закона Республики Бурятия «О развитии малого и среднего предпринимательства в Республике Бурятия» от 07.11.2008 № 568-IV.

References

1. Grazhdankin V. A. Formirovanie institutov infrastruktury podderzhki malogo predprinimatel'stva v Altaiskom krae [The formation of Infrastructure institutions to support small business in the Altai Krai]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena – Proceedins of A. I. Herzen Russian State Pedagogical University*. 2009. No 93.
2. *Interv'yu s Ministrom promyshlennosti i trgovli Respubliki Buryatiya* [Interview with Minister of Industry and Trade of the Buryat Republic]. Available at: dprb.ru/latters/2019/149512.php
3. *O razviti malogo i srednego predprinimatel'stva v Respublike Buryatiya* [On the development of small and medium enterprises in the Republic of Buryatia]. Law of the Buryat Republic No 568-IV, enacted November 7, 2008. Art. 3

УДК 349.422.237.3

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЕЩНЫХ ПРАВ НА ЗЕМЛЮ ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ© *Орлов Николай Геннадьевич*

аспирант кафедры гражданского права и процесса юридического факультета Бурятского государственного университета

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

E-mail: ONG91@rambler.ru

В статье автор рассматривает некоторые проблемы вещных прав на земельные участки особо охраняемых природных территорий, затрагивает и объясняет правовые коллизии, предлагает совершенствование законодательства в данной сфере, а также правового режима отдельных ООПТ и включение в нормативные материалы параметров и видов разрешённого использования. Особое внимание уделено Концепции развития гражданского законодательства, где отражена попытка гармонизировать различное отраслевое законодательство по данному вопросу с гражданским. Автором предлагаются изменения в гражданское и природоохранное законодательство, связанное с осуществлением вещных прав на земельные участки особо охраняемых природных территорий

Ключевые слова: *особо охраняемые природные территории, национальный парк, разрешённое использование, земельный участок.*

SOME PROBLEMS IN PROPRIETARY RIGHTS ON THE LAND OF SPECIALLY PROTECTED NATURAL TERRITORIES*Orlov Nikolay G.*

Research Assistant, department of civil law and process, law faculty, Buryat State University

24a, Smolina, Ulan-Ude, 670000, Russia

In the article the author considers some problems related to implementation of proprietary rights on land plots of specially protected natural territories, touches and explains legal collisions and uncertainty and proposes improvement of legislation in this field, flexibility of the legal regime of SPNT and inclusion the parameters and types of permitted use in normative materials. The special attention is paid to the Conception of the development of civil legislation that tries to harmonize legislation of different branches on this issue with the civil one. The author proposes the changes in the civil and nature protection legislation concerning implementation of the proprietary rights on land plots of specially protected natural territories.

Keywords: *specially protected natural areas, national park, permitted uses, land plot.*

На сегодняшний день вопросы по поводу правового режима земель особо охраняемых природных территорий освещаются мало и частично, в особенности отдельные вещные права на землю данных территорий. Зачастую не принимаются во внимание проблемы установления, изменения и прекращения вещных прав на земельные участки особо охраняемых природных территорий, хотя по действующему правовому режиму некоторых ООПТ имущественные интересы многих граждан страдают. Нельзя не обратить внимания на Концепцию развития гражданского законодательства, где наблюдаются попытки гармонизировать различное отраслевое законодательство с гражданским [1].

Необходимо отметить тот факт, что при создании некоторых ООПТ, в частности государственных заповедников и национальных парков, полностью ограничиваются правомочия частных лиц, а также самого собственника земель ООПТ, т. е. государство само себя ограничивает в осуществлении правомочий собственника и от этого страдают в первую очередь граждане. Данные правовые ограничения, на наш взгляд, препятствуют гибкости правового режима некоторых ООПТ, что порождает немало проблем.

Особый гражданско-правовой режим земельных участков ООПТ определен отчасти ст. 95 ЗК РФ. Однако положения данной статьи на сегодняшний день вызывают множество вопросов. Какие ограничения присутствуют в правомочиях собственников земельных участков особо охраняемых природных территорий? Каковы пределы землепользования таких участков?

Как известно, наиболее строгий правовой режим имеют земельные участки государственных заповедников и национальных парков, поскольку они находятся в государственной собственности и регламентируются только федеральным законодательством. Кроме того, земельные участки данных ООПТ не подлежат приватизации. Согласимся с тем, что в данном случае есть оговорка, допускающая наличие в национальных парках земельных участков частных собственников. На прилегающих к территории заповедника или национального парка участках создаются охранные зоны с особым правовым режимом. Вместе с тем на территории национальных парков также создаются отдельные зоны с частичным хозяйственным использованием, чтобы окончательно не ущемлять интересы и потребности коренного населения.

В связи с этим представляется необходимым рассмотреть режим национального парка Тункинский Республики Бурятия. Как нам известно, Тункинский национальный парк — один из удивительнейших уголков Сибири. Располагается он в Республике Бурятия в живописном месте между двух озер (Байкал и Хубсугул) в долине реки Иркут. Тункинский национальный парк создан 27 мая 1991 г. постановлением Совета Министров РСФСР. Площадь парка составляет 1 183 662 га, из них 1 071 809 га покрыты лесом.

Площадь парка разделена на четыре участковых лесничества: Кыренское, Туранское, Зун-Муринское, Аршанское. Для выполнения стоящих перед национальным парком задач и исходя из условий создания лесничеств, на основании требований законодательства в области охраны окружающей среды, на территории парка установлен дифференцированный режим его охраны, защиты и использования. С учетом местных, природных и историко-культурных особенностей на территории парка выделено несколько функциональных зон: зона заповедного режима; зона заказного режима; зона восстановления утраченных обрядов, ритуалов, обычаев познавательного туризма и рекреации использования; зона обслуживания посетителей; лечебно-оздоровительная зона; зона хозяйственного назначения [2].

Главная цель создания и функционирования Тункинского национального парка — сохранение и развитие уникальной природной среды Тункинской долины, а основные задачи деятельности Национального парка — сохранение природных комплексов, уникальных и эталонных природных участков и объектов; сохранение историко-культурных объектов; экологическое просвещение населения; создание условий для регулируемого туризма и отдыха; разработка и внедрение научных методов охраны природы и экологического просвещения; осуществление экологического мониторинга; восстановление нарушенных природных и историко-культурных комплексов и объектов; создание благоприятных условий для традиционного природопользования населения Тункинской долины, традиций аборигенов Тункинской долины — бурят и казаков.

Важно отметить тот немаловажный факт, что образование на территории Республики Бурятия в 1991 г. Тункинского национального парка в границах всего административного района явилось причиной социально-экономической деградации района, значительных финансовых потерь, роста безработицы и формально исключило возможность даже для местного населения использовать природные ресурсы для удовлетворения собственных нужд, а также использовать землю в том качестве, какое у них было многие десятилетия до создания национального парка. Граждане попросту не могут ни купить, ни продать землю, использовать свои права, какие бы у них имелись, будучи не обремененными режимом Национального парка.

В связи с этим обратимся к Федеральному закону «Об особо охраняемых природных территориях» от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ (ст. 15, п. 2), согласно которому на территориях национальных парков запрещается любая деятельность, что может нанести ущерб природным комплексам и объектам растительного и животного мира, культурно-историческим объектам и противоречит целям и задачам национального парка, в том числе:

- а) разведка и разработка полезных ископаемых;
- б) деятельность, нарушающая целостность почвенного слоя и геологических объектов;
- в) деятельность, изменяющая гидрологию парка;
- г) предоставление на территориях национальных парков дачных, сельскохозяйственных, садовых и прочих участков;
- д) строительство асфальтированных дорог, трубопроводов, линий электропередачи и других сооружений, а также строительство и эксплуатация хозяйственных и жилых объектов, за исключением объектов, размещение которых предусмотрено пунктом 1 настоящей статьи, объектов, связанных с

функционированием национальных парков и с обеспечением функционирования расположенных в их границах населенных пунктов;

е) заготовка древесины в промышленных и коммерческих целях (за исключением заготовки гражданами древесины для собственных нужд), заготовка живицы, охота, рыболовство, заготовка пищевых лесных ресурсов (за исключением заготовки гражданами таких ресурсов для собственных нужд), деятельность, нарушающая условия произрастания растений и жизнь животных, биологическое коллекционирование, внедрение неэндемичных животных организмов;

ж) присутствие механических транспортных средств (движение, стоянка), не связанных с функционированием национальных парков, прогон домашних животных вне дорог и вне рек общего пользования, сплав древесины по водотокам и водоемам;

з) организация массовых спортивных мероприятий, туристических слетов и разведение костров вне специальных для этого мест;

и) вывоз предметов, имеющих историко-культурную ценность [3].

Однако обратим внимание на некоторые пункты данной статьи, в частности на п. «д» (строительство магистральных дорог, трубопроводов, линий электропередачи и других коммуникаций, а также строительство и эксплуатация хозяйственных и жилых объектов, за исключением объектов, размещение которых предусмотрено п. 1 настоящей статьи, объектов, связанных с функционированием национальных парков и с обеспечением функционирования расположенных в их границах населенных пунктов). В п. 1 сказано, что выделяются зоны хозяйственного назначения, в границах которых допускается осуществление деятельности, направленной на обеспечение функционирования федерального государственного бюджетного учреждения, осуществляющего управление национальным парком, и жизнедеятельности граждан, проживающих на территории национального парка, а также зоны традиционного экстенсивного природопользования, которые предназначены для обеспечения жизнедеятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации и в границах которых допускается осуществление традиционной хозяйственной деятельности и связанных с ней видов неистощительного природопользования. Однако в других подпунктах п. 2 ст. 15 ФЗ об ООПТ запрещаются виды деятельности, которые разрешены п. 1 ст. 15, несмотря на то что п. 1 является исключением. Ведь на практике коренное население данного национального парка также заготавливает древесину, организует массовые спортивные мероприятия, имеет садоводческие и дачные участки на территории парка и др., в общем перечислены те виды деятельности, которые указаны в п. 2 ст. 15 ФЗ. Налицо явное противоречие в законе, поскольку данные виды деятельности, изложенные в п. 2 ст. 15, также подпадают под виды деятельности п. 1 ст. 15, несмотря на то что виды деятельности п. 1 разрешены, по большому счету эти же виды деятельности запрещены п. 2.

На наш взгляд, следовало бы устранить противоречие в законе путем исключения из него коллизий — в пользу придания режиму национальных парков большей гибкости землепользования. Кроме того, анализируя данный закон, мы находим не совсем ясным положение п. 2 ст. 6 ФЗ об ООПТ, норма регламентирует запрет прекращения прав на участки, которые присутствуют в государственных природных заповедниках. На первый взгляд может показаться, что имеется в виду запрет прекращения федеральной собственности, но если мы будем трактовать норму буквально (как и положено), то запрет будет налагаться также и на права частных собственников, проживающих на данной территории задолго до создания заповедника.

Давайте рассмотрим один из способов упорядочения землепользования ООПТ. Как мы знаем, в национальных парках создаются специальные зоны, в которых разрешается ограниченная хозяйственная деятельность, чтобы хоть как то сгладить осуществление прав коренным населением. Однако данное экологическое зонирование свойственно только национальным паркам, в других ООПТ такого нет. Путем зонирования территории в заповедниках и других ООПТ можно выделить такие функциональные зоны, на которых располагаются деревни, пастбища и прочие хозяйственные земли, а также закрепить права населения на эти участки.

Анализируя юридическую литературу, можно найти схожие точки зрения. Например, О. Е. Медведева считает, что «необходимо ориентироваться на природные, естественные факторы при выделении соответствующих зон, а также утверждает, что проводить экологическое зонирование должны местные органы власти» [4].

Возникает закономерный вопрос: «Как осуществлять экологическое зонирование и по какому плану?». В данной ситуации обратимся к градостроительному зонированию, чья конструкция может служить образцом для экологического зонирования. Конечно, основная задача экологического зони-

рования — определять пределы использования земли. Аналогично градостроительному зонированию экологическое будет включать в себя экологический регламент, обязанность утверждения которого должна осуществляться уже административным аппаратом ООПТ.

Экологическое зонирование дает много преимуществ, с его помощью можно определять вид разрешенного использования. К примеру, устанавливая в заповеднике зону, где могут осуществляться туристические слеты и прочие мероприятия, т. е. отдельные части земли ООПТ будут иметь различное разрешенное использование.

Вместе с тем, как мы знаем, правовой режим земельных участков определяется не только их целевым назначением, но и, как мы уже отметили, видом разрешенного использования. Анализируя юридическую литературу, можно обнаружить различные точки зрения ученых по поводу категории «разрешенное использование», но все они сходятся в одном: отсутствует легальное определение понятия «разрешенное использование», учитывая еще и то, что термин употребляется во многих нормативных актах [5]. Кроме того, неясны параметры и виды разрешенного использования, ведь в одних случаях землепользователь сочтет использовать землю так, а в других случаях совершенно по-иному из-за данной правовой неопределенности.

Обратимся к ст. 1 ЗК РФ. Здесь среди принципов земельного законодательства присутствует принцип целевого назначения земель, согласно которому правовой режим земель определяется исходя из их принадлежности к определенной категории и разрешенного использования в соответствии с зонированием территорий.

В данном случае мы констатируем факт пробела в законодательстве, т. к. до сих пор еще не принят нормативный акт, где были бы определены виды и параметры разрешенного использования земли [6]. На практике складывается ситуация, когда разные землепользователи трактуют разрешенное использование земли в своих интересах, т. е. используя землю так, как им угодно, из-за отсутствия регламентации параметров разрешенного использования. Данную проблему уже освещали в научных кругах [7]. В юридической литературе наиболее подходящим и корректным является определение А. П. Анисимова: «разрешенное использование земельного участка — это совокупность параметров и видов допустимого использования полезных свойств земельного участка и расположенных на нем природных ресурсов, а также объектов недвижимости в хозяйственных или потребительских целях в соответствии с регламентом либо в ином порядке, предусмотренном законодательством» [8]. Обратим внимание на то, что в судебные инстанции часто поступают иски по спорам о видах и пределах разрешенного использования земельных участков особо охраняемых территорий, поскольку неясно, как и в каких пределах использовать данный земельный участок [9].

Дабы избежать в будущем таких судебных споров, да и вообще внести правовую определенность в нормативную базу, следует законодательно закрепить параметры и виды разрешенного использования и их содержание, а также закрепить порядок использования земельных участков ООПТ с учетом их местоположения и назначения. Данный порядок может быть закреплен в правилах экологического зонирования ООПТ [10], поскольку правила экологического зонирования отражают суть данного процесса.

Кроме того, для устранения указанной неопределенности необходимо внесение изменений в ЗК РФ и ГрадК РФ, где были бы отражены определение понятия «разрешенное использование», виды и параметры «разрешенного использования» земельных участков особо охраняемых территорий, а также закреплена обязательность принятия правил экологического зонирования ООПТ.

Литература

1. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 октября 2009 г.) // Вестник ВАС РФ. — 2009. — № 11.
2. Тункинский национальный парк. — URL: <http://www.floranimal.ru/national/park.php?pid=126>.
3. Федеральный закон от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ "Об особо охраняемых природных территориях" (ст. 15, п. 2) // Консультант Плюс, 2014.
4. Медведева О. Е. Включение экологического каркаса в процесс правового и территориального зонирования земель различных категорий // Недвижимость и инвестиции. Правовое регулирование. — 2001. — № 2–3 (7–8).
5. Черноуцан А. Разрешенное использование по-уральски // Юрист. — 2010. — № 48. — С. 13.
6. Крассов О. И. Комментарий к Земельному кодексу РФ. — М., 2010. — С. 138.

7. Баразгова Р. С. Целевое назначение и разрешенное использование земельных участков: содержание и соотношение понятий // Современное право. — 2009. — № 6. — С. 50–54; Гражданское право: учебник: в 4 т. — М., 2005. — Т. 2. — С. 66; Чубаров В. В. Проблемы правового регулирования недвижимости. — М., 2006. — С. 199.
8. Анисимов А. П. Разрешенное использование земельных участков: вопросы теории // Гражданское право. — 2006. — № 4. — С. 32–35.
9. Определение Высшего арбитражного суда РФ от 27 августа 2008 г. № 10455/08 [Электронный ресурс] // СПС «Гарант», 2014.
10. Доржи-Горяева Э. В. Ограничение и прекращение права собственности на земельные участки особо охраняемых территорий. — URL: <http://www.dissercat.com/content/ogranichenie-i-prekrashchenie-prava-sobstvennosti-na-zemelnye-uchastki-osobo-okhranyaemykh-t#ixzz3M87PBAhb>

References

1. *Kontseptsiya razvitiya grazhdanskogo zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii (odobrena Sovetom pri Prezidente RF po kodifikatsii i sovershenstvovaniyu grazhdanskogo zakonodatel'stva 7 oktyabrya 2009 g.)* [The concept of civil legislation of the Russian Federation (approved by the Presidential Council according to Codification and Enhancement of Civil Legislation October 7, 2009)]. *Vestnik VAS RF – Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*. No 11. 2009.
2. *Tunkinskii natsional'nyi park* [Tunkinsky National Park]. Available at: <http://www.floranimal.ru/national/park.php?pid=126>
3. *Ob osobo okhranyaemykh prirodnykh territoriyakh* [On Specially Protected Natural Areas]. Federal Law No 33-FZ, enacted 14 March 1995. Art. 15. Part 2. *Konsul'tant Plyus – Consultant Plus*. Available at: <http://www.consultant.ru/>
4. Medvedeva O. E. *Vklyuchenie ekologicheskogo karkasa v protsess pravovogo i territorial'nogo zonirovaniya zemel' razlichnykh kategorii* [Ecological framework inclusion in the process of legal and territorial zoning of different categories of land]. *Nedvizhimost' i investitsii. Pravovoe regulirovanie – Real Estate and Investments. Legal regulation*. 2001. No 2-3(7-8).
5. Chernoutsan A. *Razreshennoe ispol'zovanie po-ural'ski* [Permitted Use in the Ural]. *Yurist – EJ-lawyer*. 2010. No 48. P. 13.
6. Krassov O. I. *Kommentarii k Zemel'nomu kodeksu RF* [Commentary to the Russian Federation Land Code]. Moscow, 2010. P. 138.
7. Barazgova P. S. *Tselevoe naznachenie i razreshennoe ispol'zovanie zemel'nykh uchastkov: sodержание i sootnoshenie ponyatii* [Purpose and permitted use of land: content and correlation of the concepts]. *Sovremennoe pravo – Modern Law*. 2009. No 6. Pp. 50–54; *Grazhdanskoe pravo* [Civil law]: in 4 vol. Moscow, 2005. Vol. 2. P. 66; Chubarov V. V. *Problemy pravovogo regulirovaniya nedvizhimosti* [Problems of real estate legal regulation]. Moscow, 2006. P. 199.
8. Anisimov A.P. *Razreshennoe ispol'zovanie zemel'nykh uchastkov: voprosy teorii* [Permitted use of land: Theory]. *Grazhdanskoe pravo – Civil law*. 2006. No 4. Pp. 32–35.
9. *Opreделение Vysshego arbitrazhnogo suda RF ot 27 avgusta 2008 g. № 10455/08* [Determination of the Russian Federation Supreme Arbitration Court No 10455/08 of August 27, 2008]. *Garant*. Available at: <http://www.garant.ru/>
10. Dorzhi-Goryaeva E. V. *Ogranichenie i prekrashchenie prava sobstvennosti na zemel'nye uchastki osobo okhranyaemykh territorii* [Limitation and termination of estate in land of especially protected areas]. Available at: <http://www.dissercat.com/content/ogranichenie-i-prekrashchenie-prava-sobstvennosti-na-zemelnye-uchastki-osobo-okhranyaemykh-t#ixzz3M87PBAhb>

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

<i>Khaykhadaeva O.D., Ruottinen T.</i> Big Bad Neoliberalism? Rethinking neoliberalism in the light of history and modern day	3
<i>Наумкин В.А.</i> Подходы к проведению модернизации экономики	11
<i>Сахаровский С.Н., Цыренова Е.Д., Целовальникова Л.Ю.</i> Первичная материальная структура и неформальные институты (на примере Монголии и Бурятии)	15
<i>Будаева И.О.</i> Развитие теоретических подходов к определению понятия интеллектуального капитала	22

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

<i>Цыренов Д.Д.</i> Территориальная структура производительных сил и тенденции их размещения (на примере Республики Бурятия)	26
<i>Бадлуева М.П., Аурзанайн А.Б.</i> Роль креативной экономики в развитии социально-экономической системы региона в современных условиях	30
<i>Барлуков А.М.</i> Эколого-экономическая модель управления производством на региональном уровне	40
<i>Дондоков З.Б.-Д., Гармаева Э.Ц., Дондокова И.В., Убонова Д.З.</i> О формировании системы стратегического планирования социально-экономического развития региона... ..	44
<i>Михайлова С.С.</i> Многомерная классификация субъектов РФ по условиям развития добровольного пенсионного страхования.....	48
<i>Муруева Э.К.</i> Финансово-инвестиционный потенциал лесного сектора экономики Республики Бурятия	54
<i>Слепнева Л.Р.</i> Аграрная политика России и направления ее модернизации в условиях продовольственного эмбарго	62
<i>Янданова Ц.Н., Ирильдеев В.Г.</i> Экономика Республики Бурятия в территориальном аспекте	70
<i>Буров В.Ю.</i> Малое предпринимательство в пространственном развитии региона	78

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

<i>Дмитриенко О.В.</i> Экономическое и геополитическое значение сотрудничества Республики Бурятия и Китая	84
<i>Потаев В.С.</i> О некоторых проблемах и путях социально-экономического развития Монголии	88
<i>Осипова Г.М., Бекбулат С.</i> Подходы к формированию человеческого капитала и опыт Республики Корея	93
<i>Быстрицкая Я.М.</i> Факторы, влияющие на развитие российской розничной торговли после вступления России в ВТО	98

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

<i>Овешникова Л.В.</i> Развитие процесса стратегического планирования инфраструктурного обеспечения предпринимательской деятельности	106
<i>Намханова М.В., Дондуков Ж.Г.</i> Механизм результативно-ориентированного управления социальной сферой территорий, приравненных к районам Крайнего Севера	115
<i>Будаева Ц.Б.</i> Роль личного подсобного хозяйства в повышении уровня материального благосостояния различных типов семей (на материалах социологического обследования сельских семей Бурятии)	125

ПРАВО

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

<i>Дугарова С.Ж., Дугарова Е.Ж.</i> О происхождении и эволюции формы политической организации средневековой Монголии	131
<i>Дудин П.Н.</i> Русское право и русская правовая мысль — на страницах маньчжурской прессы	136
<i>Эрдынеев А.Э.</i> Антрополого-правовой обзор работы Фридриха Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства»	143

ВОПРОСЫ КОНСТИТУЦИОННОГО И АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА

<i>Миронов Д.Н.</i> Правовое государство: происхождение идеи и признаки правового государства.....	149
<i>Мункуева С.А.</i> Практика реализации моделей передачи органам местного самоуправления отдельных государственных полномочий субъектов Российской Федерации (на примере Республики Бурятия и Забайкальского края)	156
<i>Сергеев Д.Б.</i> Перспективы совершенствования избирательного законодательства.....	163
<i>Чеха В.В.</i> Правовое регулирование бюджетного финансирования образования в условиях действия Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации».....	167

ВОПРОСЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА И УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

<i>Лян Миньянь.</i> Совершенствование системы уголовного судопроизводства Китая.....	173
<i>Хармаев Ю.В.</i> К вопросу о применении наказаний, не связанных с лишением свободы.....	177
<i>Feng Nga.</i> Forgiveness from Victim and Rationality in Criminal Reconciliation.....	184
<i>Хобраков Д.Ц.</i> Актуальные проблемы прокурорского надзора за законностью нормативных правовых актов органов местного самоуправления.....	188
<i>Будаев Э.В.</i> Криминалистическая характеристика умышленного уничтожения или повреждения чужого имущества, совершенного путем поджога.....	193

ВОПРОСЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

<i>Алексеева Е.С.</i> Правовое регулирование поддержки малого предпринимательства в Республике Бурятия.....	198
<i>Орлов Н.Г.</i> Отдельные проблемы вещных прав на землю особо охраняемых природных территорий	202

CONTENTS

ECONOMY

ISSUES OF THE ECONOMIC THEORY

<i>Хайхадаева О.Д., Руоттинен Т.</i> Большой плохой неолиберализм? Переосмысление неолиберализма в свете истории и современности	3
<i>Naumkin V.A.</i> Approaches for the economy modernization	11
<i>Sakharovsky S.N., Tsyrenova E.D., Tselovalnikova L.Y.</i> Primary material structure and informal institutions (on the example of Mongolia and Buryatia)	15
<i>Budaeva I.O.</i> Development of theoretical approaches to the definition of intellectual capital	22

REGIONAL AND INDUSTRIAL ECONOMY

<i>Tsyrenov D.D.</i> The territorial structure of the productive forces and tendencies of their placement	26
<i>Badlueva M.P., Ayurzanain A.B.</i> The role of the creative economy in development of social-economic system in modern conditions	30
<i>Barlukov A.M.</i> Ecologic and economic model of management of production in the region	40
<i>Dondokov Z.B.-D., Garmaeva E.Ts., Dondokova I.V., Ubonova D.Z.</i> On the formation of the system of strategic planning of socio-economic development of the region	44
<i>Mikhaylova S.S.</i> Multidimensional classification of subjects of the Russian Federation under the terms of development of voluntary pension insurance	48
<i>Murueva E.K.</i> Financial investment potential of forest sector of economy of the republic of Buryatia	54
<i>Slepneva L.R.</i> Agrarian policy of Russia and the direction of its modernization in the conditions of the food embargo	62
<i>Yandanova Ts.N., Irildeev V.G.</i> Economy of the Republic of Buryatia in territorial aspect	70
<i>Burov V.Yu.</i> Small businesses in the spatial development of the region	78

WORLD ECONOMY

<i>Dmitrenko O.V.</i> Economic and geopolitical importance of cooperation of the republic of Buryatia and China	84
<i>Potaev V.S.</i> About some problems and means the social-economic development of Mongolia	88
<i>Osipova G.M., Bekbulat S.</i> Approach to the formation human capital and experience the republic of Korea	93
<i>Bystritskaya Y.M.</i> Factors affecting the development of the russian retail trade after Russia's entry into WTO	98

MANAGEMENT ISSUES

<i>Oveshnikova L.V.</i> Strategic planning process infrastructure software business to improve economic security region	106
<i>Namkhanova M.V., Dondukov Zh.G.</i> The mechanism of effective-oriented management to social sphere of region, leveled to region of the far north	115
<i>Budaeva Ts.B.</i> The role of private farming in raising the level of material well-being of different types of families (on materials of sociological survey of rural households Buryatia)	125

LAW

ISSUES OF THE THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE

<i>Dugarova S.Zh, Dugarova E.Zh.</i> On the origin and evolution of the political organization forms of medieval Mongolia.....	131
<i>Dudin P.N.</i> Russian law and Russian legal thought on the pages of Manchuria press.....	136
<i>Erdyneev A.E.</i> Anthropological and legal review of the research on «The origin of family, private property and state » by Friedrich Engels	143
<i>Mironov D.N.</i> Legal state: genesis of idea and features of the legal state.....	149
<i>Munkuyeva S.A.</i> Practice of realization of transfer models of some state powers in subjects of the Russian Federation to local self-governance on the example of the Republic of Buryatia and Zabaykalsky Krai.....	156
<i>Sergeev D.B.</i> Prospects of improving the electoral legislation.....	163
<i>Cech V.V.</i> Law regulation of budgetary financing of education in conditions of the federal law “On Education in the Russian Federation”.....	167

ISSUES OF THE CRIMINAL LAW AND THE CRIMINAL PROCEDURE

<i>Liang Minyan.</i> The development of a system of criminal legal proceedings in China.....	173
<i>Kharmaev Yu.V.</i> To the issue of application of non-custodial sentence.....	177
<i>Фен На.</i> Прощение жертвой уголовного преступления и рациональность примирения ...	184
<i>Khobrakov D.Ts.</i> Actual problems of prosecutorial supervision over legality of local self-government’s normative legal acts.....	188
<i>Budaev E.V.</i> Criminal characteristic of intentional destruction or damage of another’s property committed by arson.....	193

ISSUES OF THE CIVIL LAW

<i>Alekseeva E.S.</i> Legal regulation of small entrepreneurship support in the Republic of Buryatia.....	198
<i>Orlov N.G.</i> Some problems in proprietary rights on the land of specially protected natural territories.....	202

ВЕСТНИК БУРЯТСКОГО ГОСУНИВЕРСИТЕТА

Вестник БГУ включен в подписной каталог Роспечати за № 18534 и Перечень изданий Российской Федерации, где должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

На основании постановления заседания Ученого совета БГУ за № 10 от 28 мая 2009 г. в «Вестнике БГУ» в 2015 г. публикуются статьи по следующим направлениям:

1. Педагогика (январь)

гл. ред. Дагбаева Нина Жамсуевна – тел. 21-04-11; 44-23-95

эл. адрес: vestnik_pedagog@bsu.ru

2. Экономика. Право (февраль)

гл. ред. Атанов Николай Иванович – тел. 21-37-44

эл. адрес: vestnik_econom@bsu.ru

3. Химия, физика (март)

гл. ред. Хахинов Вячеслав Викторович – тел. 43-42-58

эл. адрес: khakhinov@mail.ru

4. Биология, география (март)

гл. ред. Доржиев Цыдып Заятуевич – тел. 21-03-48

эл. адрес: vestnik_biolog@bsu.ru

5. Психология, социальная работа (апрель)

гл. ред. Базарова Татьяна Содномовна – тел. 21-26-49

эл. адрес: decspf@mail.ru

6. Философия, социология, политология, культурология (апрель)

гл. ред. Осинский Иван Иосифович – тел. 21-05-62

эл. адрес: intellige2007@rambler.ru

7. История (май)

гл. ред. Митупов Константин Батомункич – тел. 21-64-47

эл. адрес: vestnik_history@bsu.ru

8. Востоковедение (май)

гл. ред. Бураев Дмитрий Игнатьевич – тел. 44-25-22

эл. адрес: gailia@mail.ru

9. Математика, информатика (июнь)

гл. ред. Булдаев Александр Сергеевич – тел. 21-97-57

эл. адрес: vestnik_bsu_math@rambler.ru

10. Филология (сентябрь)

гл. ред. Имixelова Светлана Степановна – тел. 21-05-91

эл. адрес: 223015@mail.ru; map1955@mail.ru

11. Романо-германская филология (сентябрь)

гл. ред. Ковалева Лариса Петровна – тел. 21-17-98

эл. адрес: klp@bsu.ru, khida@mail.ru

12. Медицина, фармация (октябрь)

гл. ред. Хитрихеев Владимир Евгеньевич – тел. 44-82-55

эл. адрес: vestnik_medicine@bsu.ru

13. Физкультура и спорт (октябрь)

гл. ред. Гаськов Алексей Владимирович – тел. 21-69-89

эл. адрес: gaskov@bsu.ru

14. Философия, социология, политология, культурология (ноябрь)

гл. ред. Осинский Иван Иосифович – тел. 21-05-62

эл. адрес: intellige2007@rambler.ru

15. Теория и методика обучения (декабрь)

гл. ред. Очиров Михаил Надмитович – тел. 21-97-57

эл. адрес: vestnik_method@bsu.ru

Требования к оформлению статей, представляемых в «Вестник БГУ»

Отбор и редактирование публикуемых статей производятся редакционной коллегией из ведущих ученых и приглашенных специалистов.

В «Вестник БГУ» следует направлять статьи, отличающиеся высокой степенью научной новизны и значимостью. Каждая статья имеет УДК, а также письменный развернутый отзыв (рецензию) научного руководителя или научного консультанта, заверенный печатью. Рецензенты должны являться признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и иметь в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи.

Автор статьи обязан заключить лицензионный договор о предоставлении неисключительных прав на использование созданного им произведения (статьи) ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет». Образец лицензионного договора представлен на сайте БГУ.

Общие требования	Тексты представляются в электронном и печатном виде. Файл со статьей может быть на дискете или отправлен электронным письмом. На последней странице – подпись автора(ов) статьи. Название статьи и аннотация даются и на английском языке. Аннотация (авторское резюме) должна заключать от 100 до 250 слов. После аннотации дать ключевые слова (не менее семи слов) на русском и английском языках. Несоответствие между русскоязычным и англоязычным текстами не допускается. Выполнить транслитерацию русского текста литературы латиницей.
Электронная копия	Текстовый редактор Microsoft Word (версии 6.0, 7.0, 97). В имени файла указывается фамилия автора.
Параметры страницы	Формат А4. Поля: правое – 15 мм, левое – 25 мм, верхнее, нижнее – 20 мм.
Форматирование основного текста	С нумерацией страниц. Абзацный отступ – 5 мм. Интервал – полуторный.
Гарнитура шрифта	Times New Roman. Обычный размер кегля – 14 пт. Список литературы и аннотация – 12 пт.
Объем статьи (ориентировочно)	Краткие сообщения – до 3 с., статьи на соискание ученой степени кандидата наук – 8–12 с., на соискание ученой степени доктора наук – 10–16 с. Название статьи должно содержать не более 10 слов.
Сведения об авторах	Указываются фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, звание, должность и место работы, страна, адрес с почтовым индексом, телефоны/факсы, e-mail (на русском и английском языках)

• Список литературы – все работы необходимо пронумеровать, в тексте ссылки на литературу оформлять в квадратных скобках.

• Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются. Все статьи проходят проверку в системе «Антиплагиат. ВУЗ».

• Решение о публикации статьи принимается редакционной коллегией выпуска «Вестника БГУ». Корректурa авторам не высылается, присланные материалы не возвращаются.

• Статьи принимаются в течение учебного года.

• Допустима публикация статей на английском языке, сведения об авторах, название и аннотацию которых необходимо перевести на русский язык.

• Формат журнала 60x84 1/8.

• Рисунки и графики должны иметь четкое изображение. Фотографии и рисунки в формате *.tif или *.jpg должны иметь разрешение не менее 300 dpi. Диаграммы, рисунки, графики должны прилагаться отдельными файлами, чтобы издательство имело возможность ввести в них правки. Математические формулы в текстах должны быть выполнены в MathType. Если работа содержит примеры на старославянском языке или языках народов, то отправить соответствующие символы.

Стоимость обработки 1 с. (формата А4) для преподавателей БГУ составляет 200 р., для остальных – 400 р. Для аспирантов – бесплатно.

Адрес: 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а, Издательство БГУ.

Факс (301-2)-21-05-88

Оплата производится при получении счета от бухгалтерии БГУ.